

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2017 Т.8 №2

Специальный номер
ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗМ
В “ПОСТЗАПАДНОМ” МИРЕ

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

Russian Science Citation Index

WEB OF SCIENCE™

**ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY™**

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OCLC
WorldCat®

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

OPEN ARCHIVES

Google™
Scholar

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2017 • Т.8 № 2

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл. №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Международный редакционный и консультационный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Заместители главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.
С.И. Лунев, д.и.н., проф.

Ответственный секретарь

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Редакционная коллегия выпуска

А.Д. Воскресенский

С.И. Лунев

Е.В. Колдунова

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., заслуженный деятель
науки РФ, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф., МГИМО
МИД РФ, Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

В.В. Гриб, д.ю.н., проф., Издательская группа
«Юрист», Москва, Россия

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный
технический университет, Анкара, Турция

Александр Жейт, проф., Федеральный
университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро,
Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия

Клаус Зегберс, проф., Свободный университет
Берлина, Берлин, Германия

Чарльз Зиглер, проф., Университет Луисвилла,
Луисвилл, США

Акихиро Иваишита, проф., Университет Хоккайдо,
Саппоро, Япония

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц., МГИМО
МИД РФ, Москва, Россия

В.Г. Ледаев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский
университет), проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., заслуженный
работник высшей школы РФ, МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

В.В. Михеев, д.э.н., академик РАН, ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

О.В. Павленко, к.и.н., доц., РГГУ, Москва,
Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корреспондент
РАН, РГГУ, Москва, Россия

Е.В. Попов, LL.M. (Университет Эссекса), к.ю.н.,
доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический
университет, Пекин, Китай (КНР)

В.Д. Соловей, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.В. Сморгун, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф., ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Анн де Тинги, проф., Сьянс По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., Университет мировой
экономики и дипломатии Узбекистана, Ташкент,
Узбекистан

Чжао Хуашэн, проф., Фуданьский университет,
Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД
РФ, Москва, Россия

А.Ю. Шутов, д.и.н., проф., МГУ имени М.В. Ломо-
носова, Москва, Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва,
Россия

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,
Китай, Тайвань

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №27

Центр подписки:
+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,0
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 5.05.2017
Выход из печати: 11.05.2017
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

© Воскресенский А.Д., 2017
© Сравнительная политика, 2017
© Издательская группа «Юрист», 2017

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2017 • Vol.8 № 2

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Editorial and International Consultative Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

O.V. Gaman-Golutvina, Doctor of Political Science, Professor

Sergey I. Lunev, Doctor of History, Professor

Executive Secretary

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political Science, Associate Professor

Editorial Board of the Issue

Alexei D. Voskressenski

Sergey I. Lunev

Ekaterina V. Koldunova

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Candidate of Political Science, Associate Professor

Tatiana A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor, Distinguished Researcher of the RF, MGIMO University, Moscow, Russia

Oleg N. Barabanov, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Vlacheslav Ya. Belokrenitsky, Doctor of History, Professor, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vladislav V. Grib, Doctor of Law, Professor, Publishing Group "Yurist", Moscow, Russia

Ayse Dietrich, Middle East Technical University, Ankara, Turkey

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Berlin, Germany

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, Louisville, USA

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo, Japan

Michail V. Il'in, Doctor of Political Science, Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political Science, Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Valery G. Ledyayev, Doctor of Philosophy, PhD (University of Manchester), Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Marina M. Lebedeva, Doctor of Political Science, Professor, Distinguished Lecturer of Russian Higher School, MGIMO University, Moscow, Russia

Yasily V. Mikheev, Doctor of Economics, Academician of Russian Academy of Sciences, Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Olga V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Doctor of History, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Candidate of Law, LL.M (University of Essex), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing, P.R. China

Valery D. Solovej, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Leonid V. Smorgunov, Doctor of Political Science, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), Professor, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai, P.R. China

Tatiana A. Shakleina, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrey Yu. Shutov, Doctor of History, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Candidate of Political Science, Associate Professor, Russian International Affairs Council, Moscow, Russia

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science, Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

Established in 2009
No.27 since 2010

Subscription Centre:
+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing
Conventional printing sheet – 23,0
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 5 May 2017
Printed: 11 May 2017
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

© Voskressenski A.D., 2017
© Comparative Politics, 2017
© Publishing Group "Yurist", 2017

СОДЕРЖАНИЕ

А.Д. Воскресенский. Слово главного редактора 2.0: проблематика журнала «Сравнительная политика» в международных индексах цитирования научной периодики

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

С.А. Ланцов, И.С. Ланцова. Мировая политика начала XXI в.: теоретические прогнозы и реальные тенденции

Michael O. Slobodchikoff, G. Douglas Davis. Roots of Russian Soft Power: Rethinking Russian National Identity

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

А.Д. Воскресенский, Е.В. Колдунова, А.А. Киреева. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности

К.А. Ефремова. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности

Д.А. Кузнецов. Трансрегионализм во внешней политике США: сравнительный анализ геополитики проектов ТПП и ТТИП

Ма Бо. Стратегия России «Поворот на Восток»: возможности и вызовы для сопряжения с китайскими трансрегиональными проектами

Ли Син. Стратегия Китая и России в Шанхайской организации сотрудничества: сравнительный анализ

А.Б. Каримова. Шелковый путь: процессы интеграции и самоорганизации пространств трансрегионального взаимодействия

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Е.Б. Шестопал. Психологическое состояние российского общества между парламентскими и президентскими выборами: сравнительный анализ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

И.В. Ильин, О.Г. Леонова. Зарубежные подходы к анализу феномена трансрегионализма БРИКС

Tamás Szemlér. Hungary's Integration Experiences in the Last 25 Years

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

А.А. Гармаш. Трансрегионализм: концептуальная опора сотрудничества ЕАЭС-АСЕАН и Большого евразийского партнерства

CONTENTS

5 Alexei D. Voskressenski. Address of the Editor-in-Chief 2.0: The Problematique of *Comparative Politics Russia* in International Citation Indexes

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

8 Sergey A. Lantsov, Irina S. Lantsova. World Politics in Early 21st Century: Theoretical Forecasts and Contemporary Trends

19 Michael O. Slobodchikoff, G. Douglas Davis. Roots of Russian Soft Power: Rethinking Russian National Identity

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

37 Alexei D. Voskressenski, Ekaterina V. Koldunova, Anna A. Kireeva. Transregional and Regional Projects in "Post-Western" International Reality

58 Kseniia A. Efremova. From Regionalism to Transregionalism: Some Theoretical Conceptualisation of a New Reality

73 Denis A. Kuznetsov. Transregionalism in US Foreign Policy: Comparative Analysis of TPP and TTIP Geopolitics

82 Ma Bo. Russian "Pivot to the East" Strategy: Opportunities and Challenges for Coupling with Chinese Transregional Projects

98 Li Xing. The Chinese and Russian Strategies in the Shanghai Cooperation Organization: Comparative Analysis

108 Alla B. Carimova. The Silk Road: Integration and Self-Structuring of Transregional Spaces

DISCUSSION

119 Elena B. Shestopal. Psychological Status of Russian Society between the Latest Parliamentary and the Future Presidential Elections: A Comparative Analysis

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

123 Ilya V. Ilyin, Olga G. Leonova. International Approaches to the Analysis of the Phenomena of BRICS Transregionalism

140 Tamás Szemlér. Hungary's Integration Experiences in the Last 25 Years

RESEARCHERS' NOTES

147 Anna A. Garmash. Transregionalism: Underlying Concept of EAEU-ASEAN Cooperation and Greater Eurasian Partnership

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Toni Michel. Implications of China's Rise for Russia in the Context of East-West Tensions: A Partner in an Anti-Western Agenda or a Threat for Moscow's Regional Influence?

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Д.А. Кузнецов. Дискуссионные эксперты о перспективах и роли трансрегиональных проектов в Евразии: проблемы теоретического осмысления и практического воплощения

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Subrata K. Mitra, Michael Liebig. *Kautilya's Arthashastra: An Intellectual Portrait. The Classical Roots of Modern Politics in India.* Nomos, 2016. 469 p.

Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян – горизонты нового Шелкового пути. – М.: Изд-во МБА, 2016. – 276 с.

Региональная политика – 2016 / под ред. Д.И. Орлова. – М.: Грифон, 2017. – 399 с.

Alexei D. Voskressenski. *Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies.* Shpringer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017. 257 p.

Alexei D. Voskressenski (ed.). *Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective.* Singapore: World Scientific, 2017. 787 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Журнал «Сравнительная политика» на X Конвенте ПАМИ

11-я Международная конференция «Современная Южная Азия: региональная динамика и изменяющаяся глобальная политика», Сингапур

Конференция «Революционный транзит в международных отношениях: геополитические и социокультурные аспекты», Москва

Международная конференция «Экономика в человеческом измерении-2017», Москва

11-я встреча экспертов и видных деятелей Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ), Канберра

Конференция «Мировое комплексное регионоведение в современной системе общественных наук»

ПАРТНЕРЫ

Istanbul Policy Center

Культурный центр им. Джавахарлала Неру

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

157 Toni Michel. Implications of China's Rise for Russia in the Context of East-West Tensions: A Partner in an Anti-Western Agenda or a Threat for Moscow's Regional Influence?

REVIEWS

163 Denis A. Kuznetsov. Expert Discussions on Prospects and a Role of Transregional Projects in Eurasia: From Theory to Practical Implementation

ON THE BOOKSHELF

172 Subrata K. Mitra, Michael Liebig. *Kautilya's Arthashastra: An Intellectual Portrait. The Classical Roots of Modern Politics in India.* Nomos, 2016. 469 p.

172 Bazhenova, E.S.; Ostrovsky, A.V. *Xinjiang – Horizons of the New Silk Road.* Moscow: Izd-vo BMA, 2016. 276 p. (in Russian)

173 Regional Politics – 2016 / Ed. by D.I. Orlov. Moscow: Grifon, 2017. 399 p. (in Russian)

173 Alexei D. Voskressenski. *Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies.* Shpringer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017. 257 p.

174 Alexei D. Voskressenski (ed.). *Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective.* Singapore: World Scientific, 2017. 787 p.

ACADEME

175 *Comparative Politics Russia* at X RISA Convention

175 11th International Conference “Modern South Asia: Regional Dynamics and Changing Global Politics”, Singapore

176 Conference “Revolutionary Transit in International Relations: Geopolitical and Social and Cultural Aspects”, Moscow

177 International Conference “Economics: Human Dimension – 2017”, Moscow

177 11th Meeting of the ASEAN Regional Forum Experts and Eminent Persons, Canberra

178 Conference “World Regional Studies in the Modern System of Social Science”

PARTNERS

180 Istanbul Policy Center

181 Jawaharlal Nehru Cultural Centre, Moscow

182 GUIDE FOR THE AUTHORS

**СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 2.0:
проблематика журнала «Сравнительная
политика» в международных индексах
цитирования научной периодики**

В России сегодня издается десяток журналов в области политологии, существует довольно много, около сотни, факультетов во всех ведущих университетах. Политологическая проблематика активно обсуждается и в России, и в мире; идет оживленная, глубокая и профессиональная дискуссия об общих и специфических закономерностях политического развития мира и их конкретных воплощениях в стратегиях странового, регионального и мирового развития. В рамках политологических исследований задача сравнения политического в разных культурных, политических, цивилизационных, этнических, конфессиональных средах важна и интересна, но российского научного журнала в области сравнительной политики до 2010 года не было. Эту лакуну и заполняет журнал «Сравнительная политика», вхождение которого в международные системы индексирования и цитирования позволяет интернационализировать эту проблематику. Однако путь исследований с использованием сравнительных методов не сильно накатан и достаточно сложен. Непроторенность пути делает исследование в этом поле чрезвычайно увлекательным процессом, а постановка и решение проблем в сравнительной мировой и региональной перспективе – важным для российского интеллектуального сообщества. Дело в том, что задачи, стоящие перед модернизирующейся Россией, не уникальны. Другие страны обращались к ним раньше, правда, по-своему и в другой последовательности, то есть пути решения этих не уникальных по отдельности проблем являются уникальными в совокупности для каждой страны из-за ее специфики.

Опыт модернизации разных типов чрезвычайно важен для России, которая, осознав в целом необходимость рационального и научного решения социально-политических

**ADDRESS of EDITOR-IN-CHIEF 2.0:
The Problematique
of *Comparative Politics Russia*
in International Citation Indexes**

Today in Russia a dozen of academic journals on Political Science are published and there are almost a hundred Political Science schools in all leading Russian universities. Political problematique is actively discussed in Russia and around the world; intense and profound academic discussions focus on universal and specific regularities of world political development and their concrete embodiments in national, regional and global development strategies. Political studies attach special significance and interest to comparing political processes in various cultural, political, civilizational, ethnic and confessional contexts; however, until 2010 there was no any peer-reviewed academic journal in Comparative Politics in Russia. This lacuna is filled by *Comparative Politics Russia* whose inclusion into international systems of indexing and citation gives a possibility to internationalize this problematique. However, the practice of comparative research is not sufficiently developed and remains rather complicated. This untrodden path of comparative analysis makes research in this field extremely engaging, so it is important for the Russian intellectual community to set and solve tasks in a comparative global and regional perspective. The point is that challenges which modernizing Russia faces are not unique. Many other states have already addressed the same problems before, albeit in their own way and in a different sequence. So, the solutions to these challenges that are not unique in their own right are unique as a whole with regard to an individual country by virtue of its specificity.

Different modernization experiences remain to be of immense practical importance for Russia. Despite the fact that Russia has generally recognized the need for rational and

проблем, отражением чего служит дискуссия о суверенной демократии, оптимальном экономическом и политическом устройстве общества (спор об изменении конституции, третьем сроке для президента, продлении президентского срока и изменении партийной, а возможно, и политической системы), пока идет скорее путем интуитивного поиска, чем научного конструирования модели развития, ориентированной на осовременивание и одновременно плодотворно и рационально использующей как свой собственный культурно-исторический опыт, так и наработки других стран. Ясно также, что эта проблематика пока слабо дискутируется на страницах российских научных политологических журналов, так как требует глубоких научных политологических знаний предмета и глубокой научной дискуссии.

Для всех стран политический вектор модернизации связан с поиском адекватных путей социально-экономического и политического развития, сохранением культурной самобытности, самоидентификацией и одновременно с экономической стагнацией или же осуществлением модели догоняющего развития либо ускоренной модернизации, т.е. вектор и скорость модернизации связаны, в конечном счете, с адекватностью политической системы, конкретного политического режима, политических институтов для решения этой задачи, а также с адекватностью и качеством сравнительного анализа процессов, происходящих в мире. Конкретным историческим развитием, цивилизационными особенностями, спецификой политической культуры определяется специфика политических систем. Без изучения специфики политических процессов, политических систем и политической культуры невозможно составить адекватное представление о характере и сущности конкретной политической жизни стран. Понимание специфики политической культуры создает благоприятные условия для практического установления взаимовыгодных отношений с разными государствами, без которых развитие в современных условиях не представляется возможным; имеет оно и немаловажное значение для понимания путей исторической трансформации поли-

scientifically substantiated solutions to its socio-political problems (this thesis can be exemplified by the on-going debates on the “sovereign democracy” concept, an optimum economic and political structuring of the Russian society, Russia’s Constitution development, as well as possible reforms of the party and perhaps of the very political system of Russia), it still relies on intuitive search for a development pattern rather than on scientific/social science studies and recommendations to follow rational modernization path based on its own unique experience and importing, where possible, major achievements from the other societies. However, these issues have hitherto undergone shallow discussions in Russian Social/Political Science journals, since it requires profound knowledge of the subject as well as a broad and detailed scientific discussion.

The political dimension of modernization in any state implies the search for reasonable patterns of socio-economic and political development, preservation of cultural identity along with self-identification, as well as experiencing economic stagnation, implementing a catching-up development path or undertaking accelerated modernization. In other words, the trend and the pace of modernization are ultimately inextricably intertwined with the efficiency of a political system, particular political regime and political institutions to promote modernization, as well as the adequacy and quality of a comparative analysis of the relevant processes in other parts of the world. What defines the specifics of a political system is a particular historical path, civilizational features and peculiarities of political culture. Without studying the specifics of political processes, political systems and political cultures, it is impossible to gain an adequate understanding of the very essence of a particular state’s politics. Understanding of these political culture specifics encourages favorable conditions for developing mutually beneficial relations between states; moreover, it is key to understanding historical transformations of the political institutions in Russia itself.

тических институтов самой России, т.е. эта проблематика имеет и теоретический, и прикладной характер.

Адекватная адаптация мирового опыта и обогащение его отечественными исследовательскими наработками непосредственным образом связаны с методологическими дебатами в современной политологии, и прежде всего с обсуждением вопроса о соотношении общих и специфических закономерностей при анализе конкретной международно-политической и политической реальности. То есть фактически речь идет о том, в какой степени на закономерности функционирования мировой социально-экономической и социально-политической системы влияют исторические, демографические, национальные, религиозные, экологические, политико-правовые, природно-ресурсные особенности, место и роль в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений. Эта проблематика и стала центральной для нашего журнала.

От того пути, который выберет Россия, в значительной степени зависит вектор политического развития нашего мира. Ответ на вопрос, будет ли мир основан на диалоге разных цивилизаций и религий в едином потоке движения к гармоничному плюралистическому многомерному будущему либо возобладает тенденция к одномерной унификации в рамках одноплоскостного биполярного развития авторитарного типа, и должен дать в конечном счете, на наш взгляд, сравнительный анализ политического в журнале «Сравнительная политика», который должен стать международной площадкой для научной дискуссии по этим вопросам. Редколлегия надеется, что публикуемые в журнале материалы и статьи помогут и научному сообществу, и политикам ответить на вопросы, встающие перед современной Россией, и в сравнительной перспективе выработать ответы, адекватные формирующимся национальным интересам нашей страны.

*Главный редактор журнала
доктор политических наук,
PhD (Манчестерский университет)
Профессор А.Д. Воскресенский*

Thus, this problem has both theoretical and applied components.

The appropriate adaptation of international experience and its adjustment with achievements of the domestic researches are significantly associated with methodological debates in contemporary Political Science, and above all with the discussion on the correlation between the universal laws and particular regularities in an analysis of specific political and international reality. Otherwise speaking, the fundamental question is to what extent some historical, demographic, national, religious, environmental, political, legal, geographic features, the place and the role of a state in the international division of labor and in the system (as well as subsystems) of international relations are translated into certain regularities within global socio-economic and socio-political systems. This problematique is central for the journal *Comparative Politics Russia*.

The development path that Russia will choose will have a significant effect on political development of the whole world. From this perspective, researches based on comparative political analysis and published in *Comparative Politics Russia* are meant to make substantial contribution to the discussions about the future trajectories of world development, namely whether the world system will rest on the dialogue among civilizations and religions and move towards a harmonious pluralistic multidimensional world, or whether a tendency towards one-dimensional unification with unilateral bipolar and authoritarian development will prevail. The peer-reviewed theoretical and empirical journal *Comparative Politics Russia* has made significant progress to become a platform for academic discussion on all these issues. The Editorial Board voices a hope that articles and analytical materials published in the journal might help experts and policymakers alike to respond to challenges that Russia faces today due to comparative methodology and taking into account core national interests of the state.

*Editor-in-Chief
PhD (University of Manchester)
PhD (Institute of Far Eastern Studies)
Professor Alexei D. Voskressenski*

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА НАЧАЛА XXI В.: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ И РЕАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Сергей Алексеевич Ланцов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Ирина Сергеевна Ланцова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 20 февраля 2017 <i>Принята к печати:</i> 22 марта 2017</p>	<p>Аннотация: В статье дается сравнительный анализ прогнозов об особенностях и тенденциях развития мировой политики начала XXI в., данных в работах известных политологов Ф. Фукуямы, С. Хантингтона и И. Валлерстайна. Подчеркивается, что каждый из них предсказал некоторые тенденции, реально проявившиеся в мировых политических процессах последних десятилетий, хотя не все прогнозы оказались точными. Отмечается, что, хотя концепция «конца истории» Ф. Фукуямы подвергалась обоснованной критике со стороны специалистов, на практике правящие элиты стран Запада до последнего времени выстраивали политику в соответствии с этой концепцией. Констатируется, что эта политика пришла в противоречие с современными реалиями. Как и предполагал С. Хантингтон, роль цивилизационного фактора в мировой политике XXI в. возросла по сравнению с предшествующими периодами. Но влияние этого фактора на политические процессы проявляется иначе, чем предполагал американский политолог. Наиболее близок к современным реалиям прогноз И. Валлерстайна относительно последствий массовой миграции с Юга на Север. Тем не менее этот, как и все другие прогнозы, необходимо адаптировать к современной ситуации в общественном развитии.</p>
<p>Об авторах: <i>Ланцов С.А.</i>, д.полит.н., профессор, Кафедра международных политических процессов, Факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет e-mail: s_lantsov@mail.ru <i>Ланцова И.С.</i>, к.полит.н., доцент, Кафедра американских исследований, Факультет международных отношений, Санкт- Петербургский государственный университет e-mail: islanko@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: мировая политика, «конец истории», «столкнове- ние цивилизаций», миграционный кризис, «конец либерализма».</p>	

На рубеже 80-90-х годов XX в., когда в мире происходили радикальные перемены и, казалось, в прошлое уходила холодная война, встал вопрос о будущем мировой политики, о ее контурах в начале нового столетия. Некоторые из прогнозов, данных в тот период, не вышли за пределы узкого круга специалистов, но были и такие, которые получили широкую известность, вызвали дис-

куссии мировой общественности. Прошло четверть века с момента тех глобальных сдвигов в мировой политике и, представляется, есть необходимость и возможность соотнести сделанные тогда прогнозы с реальными тенденциями мирового развития во втором десятилетии XXI в.

Пожалуй, первым таким прогнозом относительно характера мировой политики в

начале XXI в., получившим весьма широкий резонанс, был прогноз американского социолога и политолога Ф. Фукуямы. Этот прогноз был дан ученым в контексте его концепции «конца истории», впервые представленной в 1989 году в журнале *The National Interest*¹ и получившей развитие в книге «Конец истории и последний человек»². Фактически Ф. Фукуяма использовал старое положение из философии истории Г. Гегеля, адаптированное им к реалиям конца XX в. и, как ему казалось, начала XXI в. Увидев в событиях рубежа 80-90-х годов прошлого века признаки грядущего торжества либерализма как политической идеологии Ф. Фукуяма сделал вывод, что все глобальные споры о судьбах мира и направлениях общественного развития завершаются и уже близок некий новый «золотой век», когда будет наконец найдено решение проблем, отягощавших жизнь человечества в предшествующие периоды. Позиция Ф. Фукуямы отразила надежды, которые были широко распространены в мире в связи с близившимся завершением холодной войны.

Реальность 90-х годов прошлого века оказалась не столь радужной, как ожидалось, и прогноз Фукуямы стал подвергаться критике. В итоге американский журналист и политолог Р. Каган даже выдвинул тезис о «возобновлении истории»³. Под огнем критики и сам Ф. Фукуяма скорректировал свои взгляды. Он высказал мнение о полной и окончательной победе либерализма лишь в отдельных странах, разделив мир начала XXI в. на «постисторический» и «исторический». Универсальные либеральные ценности восторжествуют в «постисторическом» мире. «Постисторический мир, – утверждал

американский ученый, – будет по-прежнему разделен на национальные государства, но националистические движения в нем будут жить в мире с либерализмом и будут выражать себя все больше только в сфере частной жизни»⁴. Однако, продолжал Ф. Фукуяма, «экономическая рациональность подточит многие традиционные черты суверенитета, объединяя рынки и производства»⁵. В противоположность этому «исторический мир будет все еще расколот многими религиозными, национальными и идеологическими конфликтами (в зависимости от степени развитости участвующих стран), в которых по-прежнему будут применимы старые правила политики с позиции силы»⁶.

Наряду с критиками у концепции «конца истории» нашлись и защитники, они видели практическое подтверждение истинности данной концепции в процессе глобализации. Правящие элиты стран «постисторического мира» (в соответствии с терминологией Ф. Фукуямы) к началу XXI в. в своих действиях фактически стали исходить из того, что «конец истории» хотя бы у них дома все-таки наступил. Любая иная точка зрения, кроме той, которая основана на безусловном признании либеральных ценностей в их постмодернистском варианте, стала рассматриваться как маргинальная и не имеющая права на существование в «цивилизованных странах».

Как показали события последних лет, подобный взгляд пришел в противоречие с реальными тенденциями в мировой политике, что с неизбежностью делает актуальными прогнозы, альтернативные прогнозам Ф. Фукуямы.

Одним из таких альтернативных прогнозов является, получивший еще более широкую известность, прогноз американского политолога Самюэля Хантингтона. Очевид-

¹ Fukuyama, F. The End of History? // *The National Interest*, No. 16 (Summer 1989), pp. 3-18.

² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек; Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 588 с. [Fukuyama, F. Konets istorii i poslednii chelovek (The End of History and the Last Man); Transl. by M.B.Levin. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST: ZAO NPP «Ermak», 2004. 588 p].

³ Kagan, R. *The Return of History and the End of Dreams*. Random House, Inc, New York. 2008. 128 p.

⁴ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек; Пер. с англ. М.Б.Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – С. 416. [Fukuyama, F. Konets istorii i poslednii chelovek (The End of History and the Last Man); Transl. by M.B.Levin. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST: ZAO NPP «Ermak», 2004. P. 416].

⁵ Ibid. С. 417.

⁶ Ibid.

но, С. Хантингтон совершенно осознанно вступил в заочный спор с Ф. Фукуямой. Первая статья С. Хантингтона, посвященная проблеме «столкновения цивилизаций», появилась в журнале *Foreign Affairs*⁷. С одной стороны, С. Хантингтон повторял и поддерживал ряд тезисов Ф. Фукуямы, в частности, тезис о том, что мировая политика XX в. во многом определялась борьбой политических идеологий и связанных с ними общественных систем. С другой стороны, будущее мировой политики С. Хантингтон видел во взаимоотношениях и конфликтах иного типа. В событиях начала 90-х годов XX в. политолог увидел признаки надвигающегося столкновения цивилизаций, а мировую политику XXI в. рассматривал на глобальном уровне как межцивилизационную, а на региональном и локальном уровнях как межэтническую.

Концепция С. Хантингтона получила широкую известность за пределами научно-академического сообщества. И если в среде политологов у нее были как сторонники, так и противники, то среди практикующих политиков идеи С. Хантингтона оказались куда более популярными. Сегодня, спустя два десятилетия с того времени, когда был поставлен вопрос о роли цивилизационного фактора в мировой политике, можно в связи с этим сделать некоторые выводы.

Несомненно, цивилизационные различия между странами, сложившиеся в результате их предшествующего развития, сохраняются и в XXI в. Эти различия определяют специфику политической культуры и политических институтов, функционирующих в отдельных странах, обуславливают неоднозначность восприятия одних и тех же политических событий и явлений. По-прежнему можно наблюдать «синдром братских стран», отмеченный С. Хантингтоном в 1990-е годы. В тоже время можно отметить, что цивилизационный фактор действует отнюдь не автоматически. Принадлежность к одной и той же цивилизации не гарантирует тесных и близких отношений между государствами. Так же как цивилизационные

различия не мешают успешному межгосударственному взаимодействию в том случае, когда совпадают коренные национальные интересы государств.

Вряд ли можно назвать истинным изначальное утверждение С. Хантингтона о том, что конфликты в постбиполярном мире будут возникать прежде всего вследствие цивилизационных различий. Представляется, что лишь цивилизационные различия не могут быть основной причиной конфликтов в международных отношениях. Как международные, так и внутренние конфликты в современном мире обусловлены территориальными, экономическими и другими спорами политических субъектов. Но если конфликт, порожденный несовпадением интересов, накладывается на религиозные, культурные, т.е. цивилизационные различия, это, несомненно, усугубляет конфликтную ситуацию и затрудняет поиск решения.

В первоначальном виде концепция С. Хантингтона носила не только алармистский, но и, в определенной степени, провокационный характер. В ней акцентировалось внимание на цивилизационном факторе ряда реальных конфликтов рубежа 80-90-х годов XX в. и говорилось о возрастании роли цивилизационного фактора в конфликтных ситуациях будущего. На практике такого рода предсказания могли провоцировать усиление ксенофобских настроений по отношению к представителям иных цивилизационных общностей. Так и случилось, например, после известных событий 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне. Кстати, тогда сам С. Хантингтон, обеспокоенный всплеском антиисламских настроений в США, пытался дезавуировать собственные прогнозы. Однако, как это часто бывает, его идеи начали жить собственной жизнью, независимой от перемени во взглядах их автора. Поэтому после 2001 года многие политологи активно использовали тезисы С. Хантингтона о конфликте между западной и исламской цивилизациями как основу для определения наиболее значимого противоречия в мировой политике XXI в. Правда, в реальной действительности речь не шла о вызове Западу со стороны правящих режимов исламских государств, о чем писал С. Хантингтон.

⁷ Huntington, S. P. *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs*, Vol. 72, No. 3 (Summer, 1993), pp. 22-49.

Угроза происходила со стороны исламистского терроризма, проявившегося в самых разнообразных формах, от Аль-Каиды до ИГИЛ (организации, запрещенные в РФ).

Наряду с теми, кто использовал и продолжает использовать алармистский прогноз С. Хантингтона о неизбежности столкновения цивилизаций, есть немало исследователей, делающих из данного прогноза противоположные выводы. Они исходят из того, что конфликт цивилизаций не является предопределенным и неизбежным. Но чтобы такой алармистский сценарий не стал реальностью, необходим постоянный обмен мнениями между политиками, дипломатами, учеными, деятелями культуры, представляющими страны разной цивилизационной принадлежности. Такой «диалог цивилизаций» дает возможность выработать общую позицию по стоящим перед человечеством проблемам общественного развития на основе культурного и цивилизационного разнообразия мира.

Идея диалога между цивилизациями находила поддержку в мировой политике как на уровне деятельности ведущих международных организаций, так и на уровне межгосударственных отношений. В рамках ООН была предпринята попытка создания так называемого «Альянса цивилизаций». С такой инициативой в 2004 году выступили тогдашние премьер-министры Испании и Турции – Х. Сапатеро и Р. Эрдоган. В июле 2005 г. эту инициативу поддержал занимавший в тот период пост Генерального секретаря ООН К. Аннан. Была сформирована Группа высокого уровня (ГВУ) из 18 членов – авторитетных политических и государственных деятелей разных стран, которая подготовила и представила для обсуждения в ООН специальный доклад. В докладе определялись меры, направленные на улучшение взаимопонимания между странами Запада и исламскими странами, поскольку именно проблемы отношений между западной и исламской цивилизациями оказались в начале XXI в. особенно актуальными⁸. ГВУ вы-

ступила с предложением создать и особый фонд «Альянса цивилизаций» для обеспечения межкультурного и межцивилизационного взаимодействия. Но эти предложения не нашли широкой поддержки ни в ООН, ни за ее пределами. Критики этой идеи ссылались на ее абстрактность и отсутствие конкретных предложений по структурированию межцивилизационного диалога.

Примером реального структурирования межцивилизационного диалога является трансрегиональное сотрудничество стран в рамках группы БРИКС, объединяющей сегодня Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южно-Африканскую Республику. Межцивилизационный диалог начал развиваться в формате сначала трехсторонних отношений между Индией, Россией и Китаем, а затем в пятистороннем формате – Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР. Как отмечают многие специалисты, активизация контактов внутри группы БРИКС, придание пятистороннему сотрудничеству более институционализированного характера свидетельствует об усилении тенденции взаимодействия цивилизаций, поскольку все вышеперечисленные пять государств представляют пять важнейших незападных цивилизаций. Повышение роли БРИКС в мировой политике является одной из тенденций формирования многополярного мира. Это подтверждает и один из прогнозов, данных в свое время С. Хантингтоном. В своей книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка», вышедшей в 1996 году, он характеризовал будущий миропорядок XXI в. следующим образом: «В мире сложится либо порядок цивилизаций, либо вообще никакого. В этом мире стержневые страны цивилизаций являются источниками порядка внутри цивилизаций, а также влияют на установление порядка между цивилизациями путем переговоров с другими стержневыми

⁸ Альянс Цивилизаций. Доклад Группы высокого уровня, 13 ноября 2006 г. / Организация Объединенных наций. Mode of access: http://www.unaoc.org/repository/HLG_report_RU.pdf

[Al'ians Tsivilizatsii. Doklad Gruppy vysokogo urovnia 13 noiabria 2006 g. / Organizatsiia Ob'edinennykh natsii (Alliance of Civilizations. Report of the High-level Group. 13 November 2006 / The United Nations) Mode of access: http://www.unaoc.org/repository/HLG_report_RU.pdf (16.01.2017).

государствами»⁹. Страны группы БРИКС как раз и являются такими стержневыми государствами, обладающими сферами своего цивилизационного влияния. Структурирование отношений между государствами, различающимися по цивилизационному облику, но имеющими объединяющие их экономические и политические интересы, может способствовать стабилизации новой системы международных отношений.

Существенную роль в решении задач современной мировой политики может сыграть и Шанхайская организация сотрудничества. Расширение ШОС за счет вступления в нее Индии, Пакистана и, возможно в перспективе, Ирана, а также других государств придаст организации широкий полицивилизационный характер. Хотя и в этом случае ШОС не будет застрахована от проблем, порождаемых цивилизационными различиями¹⁰. Цивилизационный фактор необходимо учитывать при подходе к реформированию Организации Объединенных Наций, в Совете Безопасности которой не все цивилизации имеют сегодня представительство на постоянной основе.

Еще один прогноз С. Хантингтона, касающийся ситуации вокруг так называемых «расколотых стран», находит свое подтверждение в политическом процессе середины второго десятилетия XXI в. Прежде всего речь идет о Турции, которая по определению С. Хантингтона в течение десятилетий находилась в состоянии цивилизационного выбора между Западом и исламским миром. С. Хантингтон говорил о недоверии со стороны Западной Европы к цивилизационным корням Турции. Оно выражалось в том, что Турции долгое время не открывали дорогу

сначала в ЕЭС, а затем в ЕС. С тех пор как С. Хантингтон отметил этот факт, ситуация стала еще более сложной. Почти все посткоммунистические страны Восточной Европы и некоторые из бывших республик СССР вошли в ЕС как полноправные члены. С Турцией же долгое время отказывались вести переговоры о возможном вступлении в Европейский союз. Но даже с началом переговоров шансы на полноправное членство в ЕС у Турции оставались весьма неопределенными. Обещание принять Турцию в Евросоюз стало одной из приманок, с помощью которых руководство ЕС и ФРГ пыталось заручиться поддержкой Турции в разрешении миграционного кризиса. Но последующие события показали, что ни политические элиты, ни большинство населения ведущих стран Евросоюза не горят желанием видеть Турцию в рядах данного интернационального объединения. После провала попытки военного переворота летом 2016 года отношения между Турцией и Европейским союзом еще более осложнились. Встал вопрос о радикальной переориентации геополитического вектора дальнейшего развития Турции. Однако, если С. Хантингтон предсказывал дрейф Турции от Запада к исламскому миру и, более того, ее превращение в лидера этого мира, на практике происходит нечто иное. На фоне улучшения российско-турецких отношений появляется тенденция усиления евразийского направления внешней политики Турции. Об этом, в частности, свидетельствуют, пусть и декларативные, заявления ее руководства о возможности вступления в ШОС и даже ОДКБ.

Обращаясь к идеям С. Хантингтона, нельзя забывать, что его теоретическое наследие не сводится лишь к концепции «столкновения цивилизаций». В последние годы жизни американский политолог обращал внимание не только на тенденции, обозначившиеся в мировой политике, но и на тенденции развития внутривнутриполитических процессов в самих Соединенных Штатах Америки. Некоторые прогнозы, данные С. Хантингтоном в последней крупной работе «Кто мы?», находят свое подтверждение в событиях самого последнего времени. Тенденции, подмеченные С. Хантингтоном,

⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю.Новикова. – М.: АСТ, 2005. – С. 239. [Huntington, S. *Stolknovenie tsivilizatsii (The Clash of Civilizations)*. Transl. by T. Velimeev, Iu. Novikov. Moscow: AST, 2005. P. 239].

¹⁰ Воробьев В.Я. Куда движется Шанхайская организация сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 5. – С. 7. [Vorob'ev, V Ia. *Kuda dvizhetsia Shangkhaiskaia organizatsiia sotrudnichestva (Where Does the Shanghai Cooperation Organization Get Going?)* // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2016, No. 5, p. 7].

способствовали, на наш взгляд, формированию условий для победы Дональда Трампа на президентских выборах 2016 года.

Как известно, Д. Трамп воспринимался как внесистемный политик, поставивший вопросы о защите США от внешней миграции, о примате национальных интересов над глобализационными устремлениями. До Трампа на этих вопросах не акцентировали внимание из соображений политкорректности. Если демократы опирались прежде всего на этнические и расовые меньшинства, то Д. Трамп опирался, скорее, на нижние слои белого среднего класса и промышленных рабочих. О том, что эти слои обладают немалым протестным потенциалом, как раз и писал С. Хантингтон: «Белая элита доминирует в американском обществе, однако миллионы белых, к элите не принадлежащих, пребывают далеко не в столь комфортном положении, не разделяют уверенности элиты в завтрашнем дне и считают, что проигрывают «расовую конкуренцию» другим социальным группам, пользующимся поддержкой элиты и федерального правительства. Этот проигрыш манифестируется не в физической реальности, но в сознании людей, и порождает страх и ненависть к представителям других социальных групп»¹¹. С. Хантингтон отмечал недоверие, которое испытывают широкие круги рядовых американцев к политическим элитам, что обусловлено несовпадением их интересов. Ученый писал: «Публика преимущественно озабочена обеспечением военной и общественной безопасности страны, развитием ее экономики и укреплением суверенитета. Элиты же тяготеют к обеспечению международной безопасности и стабильности, к участию в глобализации и экономическом развитии других государств»¹². Рассматри-

вая альтернативные варианты американской внешней политики в XXI в. С. Хантингтон констатировал: «Часть представителей американских элит достаточно благосклонно относится к превращению Америки в космополитическое общество; другая часть выступает за обретение Америкой статуса империи. Подавляющее же большинство американской публики привержено национально-патриотической альтернативе и сохранению и укреплению существовавшей на протяжении столетий американской идентичности»¹³. В контексте вышесказанного мало ожидаемую победу на президентских выборах Д. Трампа можно рассматривать как своеобразное «восстание масс».

В отличие от Ф. Фукуямы – продолжателя либеральной традиции в изучении международной политики, и С. Хантингтона – сторонника политического реализма, известный американский политолог Иммануил Валлерстайн по праву считается выразителем неомарксистского направления в современной политической науке. Широкую известность приобрели работы И. Валлерстайна, посвященные мир-системному анализу экономических и политических процессов, развернувшихся после окончания холодной войны. Эти работы основаны на оригинальной неомарксистской методологии¹⁴. В данном случае нас интересуют конкретные прогнозы И. Валлерстайна относительно особенностей мировой политики начала XXI в., в частности, последствий массовой миграции с Юга на Север¹⁵.

¹³ Ibid. С. 572.

¹⁴ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 248 с. [Wallerstein, I. Mirossystemnyj analiz: Vvedenie (World-Systems Analysis: An Introduction) / Transl. by N. Tjukina. Moscow: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2006. 248 p].

¹⁵ Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / Пер. с англ. К.А. Фурсова. С предисловием А.И. Фурсова. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008 – 176 с. [Wallerstein, I. Istoricheskiy kapitalizm. Kapitalisticheskaja civilizacija (Historical Capitalism with Capitalist Civilization). Transl. by K.A. Fursov. Introd. by A.I. Fursov. Moscow: Tovarishhestvo nauchnyh izdanij KMK, 2008, 176 p].

¹¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – С. 490-491. [Huntington, S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noi identichnosti (Who Are We? The Challenges to America's National Identity). Transl. by A. Bashkirov. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST»: ООО «Tranzitkniga», 2004. Pp. 490-491].

¹² Ibid. С. 510-511.

И. Валлерстайн исходил из того, что ухудшение социально-экономической ситуации на периферии мир-системы неизбежно вызовет волну миграции, и эта волна будет стремиться в ее центр. В результате развитые государства, составляющие ядро мир-системы, столкнутся с серьезными проблемами, которые будут иметь неоднозначные и противоречивые последствия. Поощряя трудовую миграцию, развитые государства надеялись решить вопрос нехватки рабочей силы на своих рынках труда. Однако к приему новой, гораздо большей волны мигрантов они будут не готовы, что заставит их принимать меры по ограничению миграции. И. Валлерстайн утверждал, что эти меры не дадут положительного эффекта, а, наоборот, приведут к ситуации, которую ученый называл «концом либерализма»¹⁶.

Основой либеральной доктрины, по мнению И. Валлерстайна, является признание в качестве универсальных ценностей прав человека и прав народов. Эти ценности утвердились в западных обществах на протяжении XIX и XX вв. Во второй половине XX в. стараниями сторонников социального либерализма и социал-демократии понимание содержания прав человека было расширено и распространено не только на политическую, но и на социально-экономическую сферы общественной жизни. Реализация прав человека в такой расширенной интерпретации привела к формированию социального государства, утвердившегося в странах ядра мир-системы. Но резко увеличившиеся размеры миграции в начале XXI в. заставили власти стран Запада принимать меры по сдерживанию миграционных потоков, т.е. над завоеваниями социального либерализма нависла потенциальная угроза. Как и утверждал И. Валлерстайн, осуществлять ограничительные меры без посягательства на ряд основополагающих прав человека невозможно. Следовательно, перед правительствами стран ядра мир-системы

встает проблема выбора между сохранением приверженности основополагающим принципам либерализма – соблюдению в полном объеме, включая экономические и социальные, прав человека – и обеспечением общественной стабильности и безопасности. И в такой ситуации, считал ученый, необходимость обеспечения безопасности окажется важнее соблюдения прав человека, а это и будет первым шагом к крушению либерализма как идеологии и социально-политической практики¹⁷.

И. Валлерстайн обращал внимание на то, что напор миграционного потока по направлению «периферия – ядро» или, иначе говоря, «юг – север», будет столь сильным, что никакие меры не смогут его полностью остановить. Более того, действия, направленные на ограничение миграции, скорее будут способствовать сокращению ее легальной части и увеличению числа нелегальных мигрантов. Это, в свою очередь, будет иметь ряд социально-экономических и социально-политических последствий. С одной стороны, присутствие нелегальных мигрантов на рынке труда негативно отразится на уровне заработной платы коренного населения. Социально незащищенные нелегальные мигранты, как считал И. Валлерстайн, будут расшатывать устои государства всеобщего благосостояния и, тем самым, сводить на нет успехи в реализации принципов социального либерализма, достигнутые в предшествующие десятилетия. С другой стороны, приток мигрантов, особенно нелегальных, будет подпитывать преступность и подрывать основы общественной безопасности. Опять возникнет дилемма выбора между обеспечением внутренней безопасности и соблюдением прав человека. Ученый предполагал, что в этом случае

¹⁶ Валлерстайн И. После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Издательство УРСС, 2003. – 256 с. [Wallerstein, I. Posle liberalizma (After Liberalism): Transl. from English / Ed. by B.Iu. Kagarlitsky. Moscow: Editorial URSS, 2003. 256 p].

¹⁷ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общей ред. к.полит.н. Б.Ю. Кагарлицкий – СПб.: Издательство “Университетская книга”, 2001. – С. 205. [Wallerstein, I. Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mire (World-Systems Analysis and Situation in the Modern World) / Transl. by P.M. Kudjukin. Ed. by B.Iu. Kagarlicky. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Universitetskaja kniga», 2001. P. 205]

выбор будет сделан не в пользу важнейшего принципа либерализма. Увеличение числа мигрантов, не интегрированных в общество стран ядра мир-системы, станет угрозой для коренного населения, усилит ксенофобские настроения и влияние крайне правых политических сил¹⁸.

Наряду с краткосрочными последствиями волна миграции с периферии мир-системы в ее ядро, как полагал И. Валлерстайн, будет иметь и долгосрочные последствия. Ученый имел в виду проблемы интеграции мигрантов второго и третьего поколения. В отличие от мигрантов первой волны, стремившихся любой ценой закрепиться в развитых странах, их дети, уже рожденные здесь, по ряду причин, обозначенных И. Валлерстайном, не могут, в большинстве своем, занять достойное место в структуре общественных отношений этих стран. Но, как граждане, они будут иметь более завышенные ожидания, чем их родители. Невозможность реализации таких ожиданий будет порождать стихийный протест со стороны молодого поколения выходцев из периферии мир-системы, включая участие в уличной преступности.

Прогноз относительно мигрантов второго и третьего поколения неоднократно находил свое подтверждение в массовых беспорядках, которые устраивала во Франции, Великобритании и других странах Западной Европы молодежь из кварталов, где проживают выходцы из Ближнего Востока, Азии и Африки.

Полагая, что угрозы, связанные в нарастанием миграционных потоков, заставят правящие элиты стран Запада отказаться от публично декларируемых либеральных принципов, И. Валлерстайн еще в начале 1990-х годов утверждал: «Либерализм ныне загнан в угол. В нем продолжает заявляться легитимность прав человека и – чуть тише – прав народов. Но на самом деле ни то, ни другое не подразумевается по-настоящему. Эти права заявляются для того, чтобы не быть полностью реализованными. Но такая позиция становится все более и более уязвимой. И либералы начинают демонстрировать свой настоящий

цвет, превращаясь в консерваторов и, по случаю, в радикалов»¹⁹.

Поскольку либерализму, с точки зрения И. Валлерстайна, имманентно присущи неразрешимые противоречия, у этой политической идеологии и базирующихся на ней общественных отношений и институтов нет будущего. Как полагал И. Валлерстайн, «какую бы новую историческую систему мы ни построили и независимо от того, будет ли она лучше или хуже, будет ли у нас больше или меньше прав человека, можно сказать точно: ее основой не будет либеральная идеология»²⁰. Казалось, что прогнозы И. Валлерстайна о конце либерализма не соответствуют реальной действительности начала XXI в. Более того, когда Европу накрыла последняя наиболее массовая волна миграции, многие лидеры стран Запада, и активнее всех канцлер ФРГ А. Меркель, оставаясь верными принципам либерализма, заявляли о готовности широко открыть двери перед мигрантами. Однако последующие события показали, что ученый все же верно предугадал ряд последствий, связанных с расширением миграционных потоков из развивающихся стран. Новая волна мигрантов оказалась столь велика, что вынудила многих политических лидеров изменить позицию и предпринять меры по ограничению миграции.

Стала меняться позиция даже самой А. Меркель, поскольку она была вынуждена учитывать сдвиги в массовом сознании населения ФРГ, обеспокоенного чрезмерным наплывом мигрантов.

Проблемы миграции внесли серьезный раскол в Европейский союз. Многие члены ЕС оказались не готовы к приему столь значительного числа мигрантов. В немалой степени результаты референдума о выходе Великобритании из ЕС обусловлены миграционным кризисом. Сбывается прогноз И. Валлерстайна о том, что наплыв мигран-

¹⁸ Ibid. С. 357-358.

¹⁹ Wallerstein, I. The Insurmountable Contradictions of Liberalism: Human Rights a. the Rights of Peoples in the Geoculture of the Modern World-System. Binghamton: (N.Y.): Fernand Braudel Center for the Study of Economies, hist. Systems, a. Civilizations, 1993. p. 23.

²⁰ Ibid. p. 25.

тов будет способствовать росту популярности правых политических партий и движений. Об этом свидетельствуют результаты ряда выборов, прошедших в европейских странах. Например, выборы в Европарламент, на которых серьезных успехов добились такие правые партии, как «Национальный фронт» во Франции, муниципальные выборы в ФРГ, где вновь созданная правая партия «Альтернатива для Германии» получила около 20% голосов избирателей, президентские выборы в Австрии, на которых кандидат от правой партии свободы едва не одержал победу. Прогнозируется серьезный успех правых на парламентских выборах 2017 г. в Италии, Нидерландах, ФРГ, президентских выборах во Франции²¹.

О «конце либерализма», который предсказывал И. Валлерстайн, пока речь не идет, но нельзя не признать, что многие тенденции общественного развития мира, в том числе ряд последствий миграции в направлении «юг – север» ученый предвидел верно. Приходится констатировать, что эти прогнозы остались вне поля зрения тех, кто принимал соответствующие политические решения, поэтому нынешний миграционный кризис стал для них неожиданным. Поскольку решения проблем миграции в современной Европе пока не найдено, прогнозы, сделанные в работах И. Валлерстайна, заслуживают пристального внимания.

В том числе заслуживает внимания прогноз относительно будущего Соединенных Штатов Америки. Еще в тот период, когда положение США в качестве единственного лидера западного мира, единственной сверхдержавы, идущей в авангарде неолиберальной глобализации было общепризнанным, И. Валлерстайн вопреки господствовавшим в политических и научных кругах представлениям высказал следующее предположение: «США могут превратиться из лидера консервативной, незыблемой, свободно-рыночной экономики

на мировой сцене в, пожалуй, самое социально ориентированное государство благосостояния в мире, в государство с наиболее развитыми перераспределительными структурами. И если бы сегодня не твердили со всех сторон, что идея социализма мертва, можно было бы подумать, – давайте прошепчем непронизосимое, – что США станут квазисоциалистическим государством. Кто знает? Может быть, в этом процессе даже будет лидировать республиканская партия, как это было с Дизраэли и Бисмарком в XIX в. Кого-то такая перспектива может ужаснуть, кого-то подбодрить, но давайте на мгновение усомнимся, прежде чем выражать наши эмоции»²².

Предсказание И. Валлерстайна о «социалистических» перспективах казалось абсолютно фантастическим, если учесть, что в Соединенных Штатах Америки, в отличие от Западной Европы, никогда не существовало столь же мощного и влиятельного социалистического движения. Само слово «социализм» воспринималось в политической элите США как оскорбительное обвинение. Но мир меняется.

Главной политической сенсацией США в 2016 году считается победа Дональда Трампа на президентских выборах. На этом фоне ушла на второй план другая неожиданность последней президентской избирательной кампании – несомненный успех Барни Сандерса, который долгое время соперничал с Хиллари Клинтон за право баллотироваться на пост президента США от демократической партии. Впервые за многие десятилетия миллионы американцев были готовы отдать свои голоса за человека, чьи взгляды оцениваются как социалистические.

Конечно, социализм в духе Б. Сандерса – это совсем не социализм советского образца, это даже не демократический социализм европейской социал-демократии второй половины XX в. Предвыборная

²¹ Богданов Ю. Марин Ле Пен объединяет всех евроскептиков // Известия. 12 января 2017 г., № 4 (29742). [Bogdanov, Yu. Marin Le Pen ob'edinaet vsekh evroskeptikov (Marine Le Pen Unites all Eurosceptics) // *Izvestia*, 12 January 2017, No. 4 (29742)]

²² Валлерстайн И. После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Издательство УРСС, 2003. – С.191. [Wallerstein, I. *Posle liberalizma (After Liberalism)* / Ed. by B.Yu. Kagarlitsky. Moscow: Editorial URSS, 2003. 256 p.]

программа Сандерса, скорее, соответствовала тому, что Валлерстайн называл «эгалитарной перестройкой». Но у Валлерстайна это было лишь теоретическим прогнозом, а сегодня речь идет о реальной политической программе. И хотя самому Б. Сандерсу, столкнувшемуся с колоссальным сопротивлением истеблишмента уже вряд ли приходится рассчитывать на ведущие роли в американской политике, желающие продолжить его дело обязательно найдутся. Если успех Д. Трампа рассматривать как своеобразную консервативную реакцию на неолиберальный внутривнутриполитический и внешнеполитический курс США, то вполне можно предположить и возможность «левого поворота» там в будущем.

Тенденции развития мировой политики двух последних подтвердили ряд прогнозов, данных в первой половине 90-х годов XX в. в работах И. Валлерстайна, Ф. Фукуямы и С. Хантингтона. Есть основания полагать, что более точными оказались прогнозы И. Валлерстайна, хотя нельзя признать полностью верной ни его методологию, ни его выводы. В целом это свидетельствует о том, что политическая наука вполне способна выполнять свою прогностическую функцию.

Литература:

Альянс Цивилизаций. Доклад Группы высокого уровня 13 ноября 2006 г. // Организация Объединенных Наций. Mode of access: http://www.unaoc.org/repository/HLG_report_RU.pdf

Богданов Ю. Марин Ле Пен объединяет всех евроскептиков // Известия. 12 января 2017 г., № 4 (29742).

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общей ред. к.полит.н. Б.Ю. Кагарлицкий – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.

Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / Пер. с англ. К.А. Фурсова. С предисловием А.И. Фурсова. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008 – 176 с.

Валлерстайн И. Миротенденции анализ: Введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 248 с.

Валлерстайн И. После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.

Воробьев В.Я. Куда движется Шанхайская организация сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 5. – С. 4-10.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек; Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПШ «Ермак», 2004. – 588 с.

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2005. – 603 с.

Fukuyama, Francis. The End of History? // *The National Interest*, No. 16 (Summer 1989), pp. 3-18.

Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*, Vol. 72, No. 3 (Summer, 1993), pp. 22-49.

Kagan, Robert. The Return of History and the End of Dreams. Random House, Inc, New York. 2008. 128 p.

Wallerstein, I. The Insurmountable Contradictions of Liberalism: Human Rights a. the Rights of Peoples in the Geoculture of the Modern World-System. Binghamton: (N.Y.): Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Hist. Systems, a. Civilizations, 1993.

References:

Al'ians Tsivilizatsii. Doklad Gruppy vysokogo urovnia 13 noiabria 2006 g. // Organizatsiia Ob'edinennykh natsii (Alliance of Civilizations. Report of the High-level Group. 13 November 2006 // The United Nations). Mode of access: http://www.unaoc.org/repository/HLG_report_RU.pdf

Bogdanov, Ju. Marin Le Pen ob'edinaet vsekh evroskeptikov (Marine Le Pen Unites all Eurosceptics) // *Izvestiia*, 12 January 2017, No. 4 (29742).

Fukuyama, F. Konets istorii i poslednii chelovek (The End of History and the Last Man); Transl. by M.B.Levin. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST: ZAO NPP «Ermak», 2004. 588 p.

Fukuyama, Francis. The End of History? // *The National Interest*, No. 16 (Summer 1989), pp. 3-18.

Huntington, S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noi identichnosti (Who Are We? The Challenges to America's National Identity). Transl. by A. Bashkirov. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST»: ООО «Tranzitkniga», 2004. 635 p.

Huntington, S. Stolknovenie tsivilizatsii (The Clash of Civilizations). Transl. by T. Velimeev, Ju. Novikov. Moscow: AST, 2005. 603 p.

Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*, Vol. 72, No. 3 (Summer, 1993), pp. 22-49.

Kagan, Robert. The Return of History and the End of Dreams. Random House, Inc, New York. 2008. 128 p.

Vorob'ev, V.Ia. Kuda dvizhetsia Shanhajskaia organizatsiia sotrudnichestva (Where Does the Shanghai Cooperation Organization Get Going?) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2016, No. 5, pp. 4-10.

Wallerstein, I. Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mire (World-Systems Analysis and Situation in the Modern World) / Transl. by P.M. Kudjukin. Ed. by B.Ju. Kagarlicky. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Universitetskaja kniga», 2001. 416 p.

Wallerstein, I. Istoricheskij kapitalizm. Kapitalisticheskaja civilizatsija (Historical Capitalism with Capitalist Civilization). Transl. by K.A. Fursov. Introd. by A.I. Fursov. Moscow: Tovarishhestvo nauchnyh izdaniy KMK, 2008, 176 p.

Wallerstein, I. *Mirosistemnyj analiz: Vvedenie (World-Systems Analysis: An Introduction)* / Transl. by N. Tjukina. Moscow: Izdatel'skij dom "Territorija budushhego", 2006. 248 p.

Wallerstein, I. *Posle liberalizma (After Liberalism)*: Transl. from English / Ed. by B.Iu. Kagarlitsky. Moscow: Editorial URSS, 2003. 256 p.

Wallerstein, I. *The Insurmountable Contradictions of Liberalism: Human Rights a. the Rights of Peoples in the Geoculture of the Modern World-System*. Binghamton: (N.Y.): Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Hist. Systems, a. Civilizations, 1993.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-8-18>

WORLD POLITICS IN EARLY 21ST CENTURY: THEORETICAL FORECASTS AND CONTEMPORARY TRENDS

Sergey A. Lantsov

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Irina S. Lantsova

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">20 February 20176</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">22 March 2017</p>	<p>Abstract: The article compares the forecasts concerning trends in world politics of the early 21st century created by Francis Fukuyama, Samuel Huntington and Immanuel Wallerstein. Though none of the forecasts was completely accurate, all of them spoke of the tendencies that could be later observed in world politics. Despite many experts criticized Fukuyama's concept of the 'end of history', Western elites had been making foreign policies of their countries in accordance with the concept until recently. The article explains how such policies came to contradict contemporary state of affairs. In accordance with Huntington's expectations, the role of civilizational factor in world politics of the early 21st century significantly grew compared to previous periods. However, the character of civilizational factor's influence on political processes appeared to be different compared to what Huntington expected. The article underlines the accuracy of Wallerstein's forecast concerning the consequences of mass South-North migration. At the same time, the article concludes, his forecast, likewise the other two, also requires adaptation to contemporary situation in societal development.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Sergey A. Lantsov,</i> Dr. of Political Science, Professor, Department of International Political Processes, Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University</p> <p>e-mail: s_lantsov@mail.ru</p> <p><i>Irina S. Lantsova,</i> Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of American Studies, Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University</p> <p>e-mail: islanko@mail.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>World Politics, "End of history", "Clash of civilizations", migration crisis, "End of liberalism"</p>	

Для цитирования: Ланцов С.А., Ланцова И.С. Мировая политика начала XXI в.: теоретические прогнозы и реальные тенденции // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2. – С. 8-18.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-8-18

For citation: Lantsov, Sergey A.; Lantsova, Irina S. Mirovaia politika nachala XXI v.: teoreticheskie prognozy i real'nye tendentsii (World Politics in Early 21st Century: Theoretical Forecasts and Contemporary Trends) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.2, pp. 8-18.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-8-18

ROOTS OF RUSSIAN SOFT POWER: RETHINKING RUSSIAN NATIONAL IDENTITY

Michael O. Slobodchikoff

Troy University, Troy, Alabama, The United States of America (USA)

G. Douglas Davis

Troy University, Troy, Alabama, The United States of America (USA)

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 11 January 2017</p> <p><i>Accepted:</i> 15 March 2017</p>	<p>Abstract: The end of the Cold War heralded a new era as Western soft power was at its zenith in Eastern Europe and regional states accepted and institutionalized a new Euro-American ethos. In contrast, Russian soft power was at its lowest point as the Soviet Union imploded, leaving fifteen newly independent states. While Russia was still the most powerful nation in the region, it lacked competence to deploy soft power and was unable to culturally influence its neighbors. Russia had to regain its footing and sought to redefine its own national identity prior to being able to build and project its soft power. Thus, Russia turned inward to nineteenth century works in philosophy and literature while Western soft power and expansionism continued to draw closer to Russia's borders. As Moscow regrouped, it created institutions to spread its message both regionally and globally and expanded its communication prowess. Russia realized that while its national identity might be grounded within its Slavic roots and Russian exceptionalism, the only way it could effectively counter Western soft power was to point out the hypocrisy of American and European governmental policies. Rather than generating a positive projection of cultural and political attractiveness, Russia fought the spread Euro-American soft power by directly challenging it and showed that the Western political ethos ultimately was self-contradictory and also worked to destroy traditional values.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Michael O. Slobodchikoff,</i> PhD (Political Science), Director of MA Program in International Relations Assistant Professor of Political Science, Department of Political Science, Troy University</p> <p>e-mail: mslobodchikoff@troy.edu</p> <p><i>G. Douglas Davis,</i> PhD (Political Science), Associate Professor, International Relations Associate, Department of Political Science, Troy University</p> <p>e-mail: gddavis@troy.edu</p>	
<p>Key words: soft power, Russia, Russian philosophy, information agencies, ideology.</p>	

On December 26, 1991, the Soviet Union was officially dissolved. A day earlier, former Soviet President Mikhail Gorbachev had officially resigned, claiming that his office no longer existed, and passed on the mantle of power to Russian President Boris Yeltsin.

While the suddenness of the dissolution of the Soviet Union took many Western policy makers by surprise, they were quick to tout the triumph of Western ideology over communism. The Western political ethos had overtaken

the Soviet dogma, and was moving eastward. Western influence was reaching its zenith as more and more of the Eastern European countries that had been Soviet satellite states turned their backs on the Soviet Union and turned towards liberal democracy.

Like the transitions in Eastern Europe that had occurred just a couple of years earlier, Russian President Yeltsin embraced Western values and demanded a quick transition to a market economy. While he was quick to

accept Western economic institutions, he was less enthusiastic about adopting Western democratic norms. However, it is nevertheless clear that the dissolution of the Soviet Union further proved that Western soft power was at its zenith, while Russian soft power was at a nadir. The Soviet system had collapsed, and the ideology of the Soviet period had been shown to be less attractive than Western ideology. While Russians began to embrace capitalism and Western ideologies, Russian soft power remained very weak. Despite the fact that the roots of Russian soft power were strong, Moscow's perceived weakness and financial problems could not present an attractive face internationally.

In fact, the early period of Yeltsin's presidency was focused on embracing American soft power and seeking aid from the West. Yeltsin tried to integrate Russia into Western institutions and tried to institute economic reforms to bring Russia more in line with Western ideology. The economic reforms actually led to increased corruption and economic inequality by allowing oligarchs to gain control of former state-owned enterprises.¹ This in turn soured the Russian public on Western ideology, and clearly showed that Russia needed to forge its own path to democratization and economic reform.

Following several years of economic recession, Russia's economy began to improve. Russia's improved economy meant that it had one of the best economies in the post-Soviet region. Many people from poorer regional states began immigrating to Russia to better their lives. This new immigration and the booming state of the Russian economy began to increase Russian soft power in the region.² However, the increase in Russian soft power was only partially due to the economy and energy. Another major factor was Russian President Putin's foreign policy reorientation that prioritized relations with the

former Soviet states. He focused on building relationships with these countries, and while Russia was the regional hegemon, it did not have the power to force other regional states to comply with its wishes. Instead, Moscow had to build relationships and work to develop regional trust.³

The lack of a coercive foreign policy during the early 2000's helped to further aid in the spread of Russia's soft power.⁴ This is not to say that Russia was unwilling to use coercive force to influence foreign policy and domestic policy outcomes, merely that during this period Russia was forced to first build enough trust to achieve its foreign policy goals, and thus used less coercive force. In fact during this period, some scholars heralded the arrival of Russian soft power and the ability of the Russian government to spread that soft power within the post-Soviet region.⁵ Russian soft power was still not strong during this period, but scholars noted that it had increased significantly since its nadir at the time of the collapse of the Soviet Union. The purpose of this article is to examine Russian soft power and its presence in the former Soviet states and Eastern Europe. We first examine the roots of Russian soft power, then we examine the positive aspects of Russian soft power, then we turn to the competition over the spread of soft power, and finally we examine Russia's policy towards soft power and its efforts to strengthen its soft power.

Roots of Russian Soft Power

¹ Aslund, Anders. Russia's Economic Transformation / In *The Oxford Handbook of the Russian Economy*, eds. Michael Alexeev and Shlomo Weber. Oxford University Press, 2013. Pp. 86-101.

² Feklyunina, Valentina. Battle for Perceptions: Projecting Russia in the West." *Europe-Asia Studies*, 2008, No. 60(4), pp. 605-629; Hill, Fiona. Moscow Discovers Soft Power // *Current History*, 2006, No. 105(693), p. 341.

³ Slobodchikoff, Michael O. *Strategic Cooperation: Overcoming the Barriers of Global Anarchy*. Lexington Books, 2013; Slobodchikoff, Michael O. *Building Hegemonic Order Russia's Way: Order, Stability, and Predictability in the Post-Soviet Space*. Lanham, MD: Lexington Books, 2014; Willerton, J. P.; Slobodchikoff, Michael O.; Goertz, Gary. Forthcoming. *Treaty Networks, Nesting, and Interstate Cooperation: Russia, the FSU, and the CIS / International Area Studies Review*; Willerton, John P.; Goertz, Gary; Slobodchikoff, Michael O. *Mistrust and Hegemony: Regional Institutional Design, the FSU-CIS, and Russia // International Area Studies Review*, 2015, No. 18(1), pp. 26-52.

⁴ Hill, Fiona. Moscow Discovers Soft Power // *Current History*, 2006, No. 105(693), p. 341.

⁵ Ibid.

The question of identity is fundamental to Russian soft power. Following the collapse of the Soviet Union, Russia found itself in a unique situation of having to redefine its national identity.⁶ The communist ideology had created a new cultural identity for Soviet citizens, but had failed, and the new Russian Federation had to create a new national identity.

At first, many Russians embraced Western values and sought to create a European identity. Despite embracing Western consumerism and increased travel, a Russian national identity failed to emerge from this encounter. While they embraced Western values, the Russian people did not settle into the European ethos.

Writers and philosophers began discussions of what it means to be Russian, often returning to questions posed in the 19th and early 20th Centuries as to whether or not Russians were European or Asian.⁷ For example, Aleksandr Blok's famous poem on the Scythians challenges traditional conceptions of Russian national identity by claiming that Russians are Scythians, astride between Europe and Asia, protecting Europe from the East⁸. The importance of Blok's poem lies in the fact that he delineates a Russian identity as neither Eastern nor Western, but rather as a distinct identity forged in battle and protecting Western people from an external

threat by suffering defeat yet preventing that threat from moving further west.⁹

Writers like Blok perpetuated the idea of Russian exceptionalism. They believed that the Russian identity truly was unique and unrepeatable and not like any other character in the East or the West. The Russian identity was based on straddling both Asia and Europe and was distinct in that it embraced the suffering that took place because of its geographical vulnerability. Blok sees the Russian identity as not only exceptional and bridging different cultures, but suffering of the people is part of the national identity. For example, he describes the people as suffering tremendously to protect Europe from the attack of the Mongols.

The Russian philosophy of suffering is not unique to Blok but originates in the Russian Orthodox faith which recognized Jesus Christ's agony which absolved the sins of man. Further, the Virgin Mary suffered tremendously in losing her only son so that man's iniquities could be forgiven. The suffering of both Jesus Christ and the Virgin Mary make them closer to God and serve as role models for Orthodox Christians. The Russian Orthodox Church therefore teaches that suffering is an important aspect of faith, and that through suffering, true believers will be closer to God and will be rewarded for their suffering in the afterlife.¹⁰

Many writers expanded on the teachings of the Russian Orthodox Church on the virtues of suffering. For example, Fyodor Dostoevsky not only utilized Russian Orthodox core beliefs in many of his books, but also infused those beliefs with Russian nationalism. He often wrote of a Slavic nationalism that formed the basis of a Russian nationality. Thus many of his characters not only followed Orthodox teachings, but also took on a uniquely Russian

⁶ Franklin, Simon; Widdis, Emma. *National Identity in Russian Culture: An Introduction*. Cambridge University Press, 2006; Tolz, Vera. *Forging the Nation: National Identity and Nation Building in Post – communist Russia // Europe-Asia Studies*, 1998, No. 50(6), pp. 993-1022; Tsygankov, Andrei P. *Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*. Rowman & Littlefield Publishers, 2013; Willerton, J. P.; McGovern, Patrick J. *The State, Sovereignty, and Democracy Building 'Russian Style'*. In Stockholm, Sweden, 2010.

⁷ Becker, Seymour. *Russia between East and West: The Intelligentsia, Russian National Identity and the Asian Borderlands // Central Asian Survey*, 1991, No. 10(4), pp. 47-64; Franklin, Simon; Widdis, Emma. *National Identity in Russian Culture: An Introduction*. Cambridge University Press, 2006.

⁸ Blok, Alexander. *The Scythians // Critical Quarterly*, 1969, 11(4), pp. 321-323.

⁹ In this case, Blok is referring to the Mongol threat. The Mongols invaded Kievan Rus in the 13th Century, and is credited with destroying Kievan Rus.

¹⁰ Rancour-Laferriere, Daniel. *The Moral Masochism at the Heart of Christianity: Evidence from Russian Orthodox Iconography and Icon Veneration // Journal for the Psychoanalysis of Culture and Society*, 2003, No. 8(1), pp. 12-22; Zenkovsky, Vasily V. *The Spirit of Russian Orthodoxy // Russian Review*, 1963, No. 22(1), pp. 38-55.

and Slavic persona.¹¹ The drama Dostoevsky¹² presented showed the danger to Russian culture through its encounter with modernity, or the West, as this led to a fundamental disorientation and eventually nihilism. Thus, Dostoevsky is particularly important to the Russian identity because he witnessed the damaging consequences that emerged through the encounter with Western enlightenment thought. Through the writings of Dostoevsky and Nikolay Gogol,¹³ a new concept of the Russian Soul was born.¹⁴ The Russian Soul was changed but not lost through the original encounter with modernity, so the contemporary Western intellectual climate is just as potentially damaging to the Russian ethos. To illustrate how deeply this idea is embedded in the Russian ethos, the Soviet Union was officially atheistic but within its ideology it maintained the idea that the Russian people were suffering for all of humanity.¹⁵ Christian suffering is so ingrained on the Russian soul that it was present even during the communist period.

The Russian Soul combines elements of Russian philosophy with religious suffering and nationalism to create the basis of a national identity. Further, the concept of the Russian Soul is one of the roots of Russian soft power. However, while the Russian Soul is an important foundation for Russian soft power, it is not its only basis. Russian soft power builds upon and borrows from the Russian Soul.

The Russian national identity is made up not only of their cultural ethos, but also of their geopolitical heritage. An important factor is Russia's status in the global hierarchy as a great power. The collapse of the Soviet Union dealt a huge blow to the Russian sense of self-respect. Russia believed that even though it was no longer

a superpower, it still deserved to be consulted about major policies that affected the world at large. It believed that because of its history and nuclear capabilities, that it maintained its international prestige and deserved the respect that is due to great powers. However, it became increasingly clear that the West did not believe that Russia was a great power following the Cold War, and while it was willing to cooperate with Russia, it was not willing to extend the respect that Russia believed that it was owed. Russia made concessions that were not in its interest with the expectation that the West would give in return and make sacrifices to help it, but the West never reciprocated.¹⁶ This was especially evident to the Russians as NATO and the EU expanded into Eastern Europe over Russia's objections.¹⁷ Under Yeltsin, Russia had first requested that NATO be disbanded and that a new agreement on cooperation and security in Europe be enacted. The West refused to discuss that possibility and Yeltsin requested that Russia would be allowed to join NATO and cooperate to bring security to Europe. Moscow was again rebuffed, and instead NATO and the EU expanded into Eastern Europe.

As Russia saw the expansion of NATO and the EU into its former satellite states, Russia began to increasingly feel insulted and belittled. Policy makers rediscovered the philosophy of Ivan Ilyin, a Russian monarchist who studied the reasons the Russian Revolution occurred. He believed that the Revolution occurred in large part due to the loss of self-respect among Russians following World War I. Interestingly, he argued that this loss of dignity led to a chasm between the subjects and the state, and that this gulf grew into revolution. Ultimately, Ilyin believed in the necessity of a strong state led by a benevolent monarch who would care for the people of Russia. He maintained that neither democracy nor totalitarianism was right for Russia, but rather that Russia required a strong state with a very powerful leader in order to stave off revolution.

¹¹ For examples of such characters, see: Dostoyevsky, Fyodor. *Crime and Punishment*. Trajectory Classics, 2014.

¹² The Brothers Karamotsov, *Crime and Punishment*, Notes from the Underground

¹³ Especially in Gogol's *Dead Souls*: Gogol, Nikolai. *Dead Souls*. Yale University Press, 1996.

¹⁴ For more information on the Russian Soul see (Boym 1995; Williams 1970)

¹⁵ Del Noce, Augusto. *The Crisis of Modernity*. Translated by C. Lancellotti. Edited by P. J. Cercone. Vol. 64. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2014.

¹⁶ Lukin, Alexander. From a Post-Soviet to a Russian Foreign Policy: Lessons From the Conflict with Georgia // *Russia in Global Affairs*, 2008, No. 6 (4), pp. 52-65.

¹⁷ Lukin, Alexander. What the Kremlin Is Thinking // *Foreign Affairs*, 2014, No. 93(4)

Ilyin's philosophy was quickly adopted by Russian policy makers, especially under Putin, who argued that Western democracy would not work for Moscow because Russia was unique and needed a strong leader to guide its reemergence as a strong state. In fact, Ilyin's philosophical works were widely distributed to Russian regional governors to emphasize that Putin was a strong leader who was reigning in the power of the regions and recreating a strong Russian state.¹⁸

Ilyin's philosophy is important as a counter to Western philosophy because he stresses the strength of the state as being the most important factor of survival and that democracy is problematic as it can weaken the state. Furthermore, a strong leader must be able to strengthen the state and take care of its citizen's interests. Finally, it is important to note that self-respect is theoretically important because its weakening is linked to a higher likelihood of a revolution. As Moscow's place as a great power fell following the collapse of the Soviet Union, many policy makers pointed to its loss of face and respect, which in turn led to more turmoil in Russia. As the state strengthened during the early 2000's due to rising oil prices and Putin's policies, policy makers began to solidify their understanding of Russian national identity and its place in the international system. Using the concept of national identity as a building block, Russian soft power combines different cultural aspects to fully create an indigenous, home-produced soft power. We now turn to the various cultural aspects that are also included in contemporary Russian soft power.

Russian Language

As of 2010, the Russian language was spoken by approximately 137.5 million native speakers in Russia, 93.7 million native speakers in the former Soviet Union (FSU), and 12.9 million native speakers in Eastern

¹⁸ Gardels, Nathan. Putin's Three Gurus vs. the G-8 // *New Perspectives Quarterly*, 2014, No. 31(2), pp. 2-7; Lucas, Edward. *The New Cold War: Putin's Russia and the Threat to the West*. Macmillan, 2014; Stent, Angela E. *Restoration and Revolution in Putin's Foreign Policy // Europe-Asia Studies*, 2008, No. 60(6), pp. 1089-1106.

Europe and the Balkans.¹⁹ The fact that so many people share Russian as their native language across Eastern Europe and the FSU facilitates the spread of Russian soft power. The shared language allows for the dissemination of information through various types of media and social media, allowing the Russian government to spread its soft power.

In the early 1990's, debates within the Russian government raged as to how closely to associate with those native Russian speakers who following the collapse of the Soviet Union found themselves living in newly independent countries.²⁰ Many policy makers wanted to forge closer ties and protect ethnic Russian speaking minorities in countries like the Baltic States. They tried to get many governments, especially in the Baltics, to adopt Russian as a national language or minimally to adopt policies protecting native Russian speakers.²¹

Despite the fact that the policy makers were often unsuccessful at helping to protect ethnic Russian minority linguistic rights, nevertheless native Russian language speakers were spread in large numbers across the FSU and Eastern Europe allowing a receptive audience for the spread of Russian soft power. While we will discuss the Russian government's use of media to spread its soft power later in this article, it is important to note that the number of native Russian speakers allows the government to spread its message very easily. We now turn to a discussion of historical nostalgia.

Historical Nostalgia

While Moscow's communist government collapsed for a myriad of reasons, its breakdown had a profound effect on people living within the Soviet Union. For many individuals with little access to wealth and ties to the government, the

¹⁹ These statistics are for people who consider the Russian language to be their native language. Арефьев, Александр. Сжимающееся русскоязычие // *Demoskop Weekly*, 2013, No. 571.

²⁰ Jackson, Nicole J. *Russian Foreign Policy and the CIS: Theories, Debates and Actions*. Psychology Press, 2003.

²¹ Slobodchikoff, Michael O. The New European Union: Integration as a Means of Norm Diffusion // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 2010, No. 9(1), pp. 1-25.

social net that they could rely on during Soviet times was no longer available. They had worked all of their lives taking for granted that the guarantees provided by the Soviet government would always be available. However, with the collapse, those guarantees were no longer present. People found their savings depleted through hyperinflation and no longer having guaranteed employment, they were left with no understanding as to how to function within a new society based on capitalist rules. In fact, Russian President Vladimir Putin famously stated: “Above all, we should acknowledge that the collapse of the Soviet Union was a major geopolitical disaster of the century. As for the Russian nation, it became a genuine drama. Tens of millions of our co-citizens and compatriots found themselves outside Russian territory. Moreover, the epidemic of disintegration infected Russia itself”.²²

The social sphere was one of the most important aspects of life in the former Soviet Union to suffer. Not only was the social safety net gone, but people also had to change their orientation from a communal social structure to a new one which was based upon rewarding individualism. In this respect, the collapse of the Soviet Union was a major geopolitical disaster for the Russian people.

While the Soviet Union had many problems, nevertheless, many who found it difficult to drastically change their *weltanschauung*²³ began to feel a certain nostalgia for the Soviet way of life. This was not only true for those living in the former Soviet Union, but was also true for those who were living in Eastern Europe and the former Warsaw Pact countries. Many of those people enjoyed watching Soviet movies, cartoons, and listening to Soviet and socialist music.

This nostalgia further laid the foundation for Russian soft power to spread not only throughout the former Soviet Union, but also into Eastern Europe. While people would often discuss the problems and difficulties of the

Soviet period, over time, people began looking fondly back not to its political aspects, but rather to its culture. However, the longing for old Soviet movies and music was not the only cultural export that helped bolster Russian soft power. We now turn to other cultural exports which help to build Russian soft power.

Russian Exports of High Culture

The fine arts have always been considered a good way to spread cultural goodwill and soft power. In the United States, efforts had often been made for groups to travel to showcase their talents and spread American soft power as cultural ambassadors. American dance companies were often sponsored by the United States Department of State to travel to showcase American culture and values.²⁴ This was a relatively inexpensive way of garnering good publicity and spreading soft power.

Groups like Russia's Mariinsky Ballet Company not only have profited from signing cooperation agreements with Western Theaters but have also helped to spread Russian soft power. People who only know of the reputation of Russian ballet and opera are able to gain exposure to the high quality of Russian dance and opera.

Companies aren't the only groups that have acted as cultural diplomats of Russian culture. Certain individual artists have also gained worldwide notoriety and spread Russian soft power. For example, singers Dmitry Khvorostovsky and Anna Netrebko are famous around the world, and they are in high demand by global Opera companies.

In addition to fine arts, Russia is internationally known for its literature and classical music. Authors such as Dostoevsky, Pushkin, Tolstoy and others are often read in translation around the world, while orchestras around the world often play Tchaikovsky, Rimsky-Korsakov, Glinka, among other famous Russian composers. In short, Russia's soft power derives its strength from a long history of renowned high culture. Its soft power capabilities are extremely high provided that

²² From the Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation, April 25, 2005.

²³ Literally meaning world view, this is a term that is fundamental to German philosophy. It means how a person views the world in terms of theoretical and philosophical orientation.

²⁴ Croft, Clare. *Dancers as Diplomats: American Choreography in Cultural Exchange*. Oxford University Press, 2015.

Russia is able to harness and utilize its cultural manifestations. We now turn to the use of soft power and how governments can spread soft power.

Spreading Soft Power

One of the difficulties of soft power is harnessing it for use. One of the main ways that the United States spreads soft power is by providing information. During the Cold War, the United States used media programming like Voice of America and other programs that would spread the official United States message and hope that it would resonate and, thereby, gain greater influence. This programming was broadcast over short wave radio to avoid government censors. Many people in countries that strictly controlled information would often try to listen to broadcasts from the United States, equating Voice of America with the freedom that many people sought. In fact, the United States' soft power spread so effectively precisely because it stood for freedom and in stark contrast to authoritarian regimes during the Soviet era.

While soft power can be spread through government initiatives, the most effective method of spreading soft power is through non-government entities such as cultural exports. However, soft power is not only spread through the export of information and culture. A country's ideology and philosophical orientation is extremely vital to spreading soft power. We now turn to examining how Russia spreads its soft power.

Spreading Russian Soft Power

In the early 2000's, Moscow saw its soft power increase along with its national identity and Russia became one of the most stable countries in the post-Soviet space, and many workers began to immigrate. Russia began a more conciliatory foreign policy towards regional states within the post-Soviet region, and cooperated with the United States on many issues such as counter-terrorism operations and intelligence.

While the early 2000's were marked with more conciliatory foreign policy towards many states within the post-Soviet region, Russia was

not able to build trust with all of its regional neighbors. States like Armenia, Belarus, and Kazakhstan developed cooperative relations with Russia, while states like Moldova and Georgia worked to distance themselves.²⁵ During this period Russia was trying to develop a new regional identity to cement its place as the regional hegemon by forming new multilateral organizations such as the Commonwealth of Independent States (CIS), Eurasian Customs Union, and the Common Security Treaty Organization (CSTO).²⁶ Further, the development of these organizations was a way in trying to regain the seat at the table of global leadership that Russia had lost with the collapse of the Soviet Union. It should be noted that during the early 2000's, Moscow was content to be a regional power. It did not try to spread its soft power globally, as it recognized that it did not have the ability to do so. However, not all of the states within the region were happy with Russian plans for regional order.

Georgia and Moldova opposed the Russian regional order and sought to counter Russian regional hegemonic power. Thus, they began to pursue a more open relationship with the European Union. In turn, the EU was interested in gaining influence in the former Soviet states, and wanted to try and use the European Neighborhood Program (ENP) which gave preferential access to European markets while also creating a new category of states.²⁷ These states would be able to cooperate with the EU, but would be unlikely to become

²⁵ Slobodchikoff, Michael O. *Strategic Cooperation: Overcoming the Barriers of Global Anarchy*. Lexington Books, 2013.

²⁶ For a more complete list of multilateral organizations in the post-Soviet space, see (Slobodchikoff 2014).

²⁷ Barbé, Esther; Johansson-Nogués, Elisabeth. The EU as a Modest 'force for Good': The European Neighborhood Policy // *International Affairs*, 2008, No. 84(1), pp. 81-96; Gänzle, Stefan. EU Governance and the European Neighbourhood Policy: A Framework for Analysis // *Europe-Asia Studies*, 2009, No. 61(10), pp. 1715-1734; Lavenex, Sandra. A Governance Perspective on the European Neighbourhood Policy: Integration beyond Conditionality? // *Journal of European Public Policy*, 2008, No. 15(6), pp. 938-955.

EU member-states.²⁸ The idea of the ENP was to continue with the spread and diffusion of European norms and soft power while limiting the promises of membership to the EU.²⁹

Initially the EU assumed that its norm diffusion would affect Russia and create a strong democratic Russia in addition to spreading democracy and human rights to Eastern Europe and the former Soviet Union (FSU). However, it soon became clear that Russia was not transitioning as quickly to democracy as the states in Eastern Europe, and the EU believed that it had to continue to try to diffuse its norms in the post-Soviet space.³⁰

On November 21, 2004, Ukraine held a presidential election between Viktor Yushchenko, who favored closer ties with Western Europe, and Viktor Yanukovich, who favored closer ties with Russia. Ukraine was at a crossroads, and was on the verge of deciding its future allegiance. The run-off election was marred by fraud, and many domestic and foreign election monitors reported that the election had been rigged by the Ukrainian authorities in favor of Yanukovich. These election monitors reported that there was massive corruption, voter intimidation, and electoral fraud.³¹ Further, there was widespread public perception of electoral fraud, and the

public demanded change, eventually getting the results of the election overturned and President Yushchenko took over. Yushchenko renewed his resolve to move Ukraine more into the orbit of the European Union (EU) and away from under Russian influence.

The protests and eventual triumph of Yushchenko became known as the Ukrainian Orange Revolution which was heralded by many in the Europe and the U.S. as evidence that Western ideas and ideals were spreading eastward. Democratization was finally taking hold, and the West could further spread liberal democracy and its institutions into the post-Soviet space.³² Further, many in the West viewed the Orange Revolution as evidence of the effectiveness of NGOs and the Western efforts to build up Ukrainian civil society to bring about democratic change.³³

In response to Yushchenko's pivot away from Russia, the EU chose to increase its relations with Ukraine through the European Neighborhood Program (ENP) which could further institutionalize democratic reforms and ideals in Ukraine.³⁴ Further, the EU could then ensure that Russia would no longer possess as much influence over Ukraine as it had prior to the Orange Revolution.

The Orange Revolution took Russia by surprise.³⁵ Russia had developed a relationship

²⁸ Smith, Karen E. The Outsiders: The European Neighborhood Policy // *International Affairs*, 2005, No. 81(4), pp. 757-773.

²⁹ Schimmelfennig, Frank; Scholtz, Hanno. EU Democracy Promotion in the European Neighbourhood Political Conditionality, Economic Development and Transnational Exchange // *European Union Politics*, 2008, No. 9(2), pp. 187-215; Smith, Karen E. The Outsiders: The European Neighborhood Policy // *International Affairs*, 2005, No. 81(4), pp. 757-773.

³⁰ Averre, Derek. Competing Rationalities: Russia, the EU and the "Shared Neighbourhood" // *Europe-Asia Studies*, 2009, No. 61(10), pp. 1689-1713; Haukkala, Hiski. Lost in Translation? Why the EU Has Failed to Influence Russia's Development // *Europe-Asia Studies*, 2009, No. 61(10), pp. 1757-1575.

³¹ Lane, David. The Orange Revolution: 'People's Revolution' or Revolutionary Coup? // *The British Journal of Politics & International Relations*, 2008, No. 10(4), pp. 525-549; Pifer, Steven. European Mediators and Ukraine's Orange Revolution // *Problems of Post-Communism*, 2007, No. 54(6), pp. 28-42.

³² McFaul, Michael. Ukraine Imports Democracy: External Influences on the Orange Revolution // *International Security*, 2007, No. 32(2), pp. 45-83; Wilson, Andrew. Ukraine's Orange Revolution, NGOs and the Role of the West // *Cambridge Review of International Affairs*, 2006, No. 19(1), pp. 21-32.

³³ Wilson, Andrew. Ukraine's Orange Revolution, NGOs and the Role of the West // *Cambridge Review of International Affairs*, 2006, No. 19(1), pp. 21-32.

³⁴ Kubicek, Paul. Ukraine and the European Neighborhood Policy: Can the EU Help the Orange Revolution Bear Fruit? // *East European Quarterly*, 2007, No. 41(1), p. 1.

³⁵ When Putin watched the Orange Revolution he is said to have stated, "They [the U.S.] lied to me [Putin was talking about the US]. ... I'll never trust them again." The revolution's timing was curious for the United States which traded Russian cooperation in the war on terror for Ukraine, which lacked any strategic thinking and weakened the U.S. global position. Saari, Sinikukka. Russia's Post-Orange Revolution Strategies to Increase Its Influence in Former

with Ukraine that while Kiev did not necessarily fully trust Russia, nevertheless, it was reliant upon Moscow for natural resources.³⁶ Russia had been working towards economic integration with Ukraine and had provided special pricing for natural gas in exchange for continued influence. Yet, despite the fact that it was in Ukraine's economic interest to maintain good relations with Russia, the Orange Revolution proved that Ukraine was striving to distance itself from Russian influence and move toward the West and potential EU membership.

Russia understood the results of the Orange Revolution as being evidence of the power of ideas.³⁷ The EU had long prided itself on being an ideational power capable of fundamentally changing the behavior and domestic institutions of the state,³⁸ and Russia believed that the Orange Revolution showed that the EU was now trying to vie for influence in the former Soviet states, an area that Russia had traditionally viewed as being within its own sphere of influence.

Russia believed that if it was going to maintain its regional influence, it needed to compete with the European Union in its power of ideas. It realized that it needed to develop its own powerful ideas that would be able to successfully counter those offered by the EU. In short, it needed to bolster its soft power and then utilize it to maintain and even gain influence against the EU. However, more fundamentally Russia also understood that it could not directly counter the ideas of the West. The Russian national identity was a powerful symbol domestically, but was not powerful outside of Russia. Therefore, it had to develop a new strategy to counter Western influence. Russia had to turn to a negative campaign against Western values while it did not need to provide an alternative value system. All Russia had to do was to try to discredit and raise questions about Western values, and they could be successful in slowing the spread of Western soft power. This made its task easier as Moscow did not need to provide an alternative, but sought to show the hypocrisy or moral incongruity in the Western proposals.

However, before they could successfully discredit Western values, they had to target the damage caused by Western values present in the post-Soviet space. They believed that despite the fact that the EU and NATO were looking to spread into Eastern Europe and the Baltics, that neither NATO nor the EU member states would risk direct war with Russia. Thus, they cultivated frozen conflicts in Abkhazia and South Ossetia in Georgia and Transnistria in Moldova. Russia recognized that according to ascension rules for both organizations, territorial conflicts and simmering civil war would prevent those states from becoming members. Both the EU and NATO tried to maintain close ties with the elites of those states with frozen conflicts, often by stating that eventually those states might be able to gain membership.

In the case of Georgia, it was led to believe that it could eventually join the EU and NATO, and strongly believed that this would be a good way to counter Russia's regional hegemonic power. However, in 2008, Georgia attacked the breakaway republic of South Ossetia, which ignited a small war between Russia and Georgia. Russia invaded Georgian territory and defeated the Georgian army.

Soviet Republics: Public Diplomacy Po Russkii // *Europe-Asia Studies*, 2014, No. 66(1), pp. 50-66.

³⁶ Balmaceda, Margarita Mercedes. Gas, Oil and the Linkages between Domestic and Foreign Policies: The Case of Ukraine // *Europe-Asia Studies*, 1998, No. 50(2), pp. 257-286; Feklyunina, Valentina. Russia's International Images and Its Energy Policy. An Unreliable Supplier? // *Europe-Asia Studies*, 2012, No. 64(3), pp. 449-469; Goldman, Marshall I. Petrostate: Putin, Power, and the New Russia. Oxford University Press US, 2010; Mroz, John Edwin; Pavliuk, Oleksandr. Ukraine: Europe's Linchpin // *Foreign Affairs*, 1996, No. 75(3), pp. 52-62.

³⁷ Popescu, Nicu. Russia's Soft Power Ambitions / CEPS Policy briefs, 2006, No. 1-12, pp. 1-3.

³⁸ Manners, Ian. Normative Power Europe Reconsidered: Beyond the Crossroads // *Journal of European Public Policy*, 2006, No. 13(2), pp. 182-199; Noutcheva, G. Fake, Partial and Imposed Compliance: The Limits of the EU's Normative Power in the Western Balkans. CEPS Working Documents No. 274. CEPS Working Documents No. 274; Slobodchikoff, Michael O. The New European Union: Integration as a Means of Norm Diffusion // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 2010, No. 9(1), pp. 1-25; Tocci, Nathalie; Hamilton, Daniel Sheldon. Who Is a Normative Foreign Policy Actor? / The European Union and Its Global Partners. CEPS, 2008.

The 2008 Georgian War was the last bit of evidence to show a break between Russia and the West. Russia was willing to prevent Western influence from expanding into the former Soviet states by using force if necessary. Further, Russian actions showed that they believed that the world system was no longer unipolar, but rather was starting to become more multipolar, and in turn led Russian policy makers to see Russia as a post-Western power.³⁹ In other words, Russia believed that the time of US hegemony was quickly coming to an end, and that it could provide an alternative regional order than that provided by the West.

It is important to note that after the Ukrainian Orange Revolution, Russian soft power evolved differently from traditional soft power proposed by Nye in that it really lacks a specific ideology. Instead, Russian soft power focuses on being a counter ideology, specifically setting itself up as being a power that is counter to that of the West.⁴⁰ It views the expansion of Western power as a threat, and views its soft power as being a vital element of countering that threat.

While Russian hard power was on display in the Georgian War, Russian soft power was extremely important in increasing Russia's power in the region. For example, Russian soft power was largely responsible for rolling back many of the gains of the color revolutions in Ukraine and Kyrgyzstan.⁴¹ While many in the West had looked upon the color revolutions as a stark democratic transition in both Ukraine and Kyrgyzstan, corruption and many other problems hampered the new governments that had been established, and soon elites again turned toward accepting Russian influence in the region.

It is important to note that Russian soft power, and specifically the use of Russian soft power by the government was not only

used as a tool to expand Russian influence. While some scholars argue that Russian soft power is merely a means of creating a new Russian empire,⁴² it was really not a tool to try to recreate a new Russian empire. In fact, the most important use of Russian soft power was mainly to try to create regional stability and to keep outside influence from entering into the post-Soviet space.⁴³ That is not to say that Russia was not looking to increase its influence, merely that was not its overarching goal. However, as both the EU and NATO expanded and Russia grew even more powerful, Russia began to formulate its soft power to move beyond the regional level to try to spread its version of soft power globally.⁴⁴ Specifically, it looked to counter Western values and ideology on a global scale. We now turn to examining how the Russian government has tried to spread its soft power globally.

Global Spread of Russian Soft Power

⁴² Bugajski, Janusz. Expanding Eurasia: Russia's European Ambitions. Center for Strategic and International Studies, 2008; Suny, Ronald Grigor. The Pawn of Great Powers: The East-West Competition for Caucasasia // *Journal of Eurasian Studies*, 2010, No. 1(1), pp. 10-25.

⁴³ Slobodchikoff, Michael O. Russia's Monroe Doctrine Just Worked in Ukraine // *Russia Direct*, 2013. Mode of access: <http://russia-direct.org/content/russia%E2%80%99s-monroe-doctrine-just-worked-ukraine>; Tsygankov, Andrei P. If Not by Tanks, Then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy // *Europe-Asia Studies*, 2006, No. 58(7), pp. 1079-1099.

⁴⁴ Dolinskiy, Alexey. Russian Soft Power 2.0 // *Russia Direct*, 2013. <http://www.russia-direct.org/russian-media/september-quarterly-russian-soft-power-20>; Haukkala, Hiski. The Russian Challenge to EU Normative Power: The Case of European Neighbourhood Policy // *The International Spectator*, 2008, No. 43(2), pp. 35-47; Haukkala, Hiski. Lost in Translation? Why the EU Has Failed to Influence Russia's Development // *Europe-Asia Studies*, 2009, No. 61(10), pp. 1757-1575; Popescu, Nicu; Wilson, Andrew. The Limits of Enlargement-Lite: European and Russian Power in the Troubled Neighbourhood. European Council of Foreign Relations, 2009. Mode of access: <http://www.jean-jaures.org/content/download/12118/115522/file/popescu.pdf>

³⁹ Tsygankov, Andrei P. Russia in the Post-Western World: The End of the Normalization Paradigm? // *Post-Soviet Affairs*, 2009, No. 25(4), pp. 347-369.

⁴⁰ Simons, Greg. Russian Public Diplomacy in the 21st Century: Structure, Means and Message // *Public Relations Review*, 2014, No. 40(3), pp. 440-449.

⁴¹ Tsygankov, Andrei P. Preserving Influence in a Changing World // *Problems of Post-Communism*, 2011, No. 58(2), pp. 28-44.

Russia realized that it could not directly challenge the power of the United States and the West. It was a resurgent regional power, but certainly did not possess enough power to directly contest Washington. One of the best ways to oppose the United States was to indirectly do so, by disputing some normative aspects of Western ideology. For example, Russia developed a new form of democracy that it refers to as “Sovereign Democracy,” which provides a direct contrast to the norm of liberal democracy that is spread by the West.⁴⁵ By using such normative forms of challenging Western norms, Russia worked with China to balance Western soft power in Eastern Europe.⁴⁶

Russian leaders wanted to create the governmental structures that would allow it to present its message to foreign audiences and expand its soft power. Several initiatives emerged in the past decade and they have given Moscow the ability to communicate globally. One institutional effort to defend Russia’s image in the West was the Institute for Democracy and Cooperation that was opened in Moscow in 2007 and has since expanded to Paris and New York.⁴⁷ This enterprise defends

the Russian democratic ethos and highlights the instances when the West violates democratic principles or human rights.⁴⁸ The government has also hired American public relations companies to allow it better communicate Russian ideas to Western audiences.⁴⁹ The Alexander Gorchakov Public Diplomacy Foundation emerged in 2010 and it works to defend Russian governmental institutions and cultural values and it works to coordinate other NGOs operating internationally.⁵⁰ The Russian Council on International Affairs also opened in 2010 and it is focused on spreading public diplomacy to the West. An initial appraisal suggests that Russian public diplomacy is not credible because it presents an image that is too positive so that it appears more like propaganda rather than a realistic policy defense.⁵¹ However, public relations institutions learn over time and are likely to find the political and cultural elements that resonate with Westerners and more effectively present them in the future. Moscow has developed the institutional framework to have a public diplomacy that can consistently reach foreigners and thereby has the capacity to expand Russian soft power.

Russia realized that its soft power was not as strong as that of the United States and Europe, and recognized that it would have to seriously invest in its soft power to try to counter the Western competition. One of the ways that it tried to expand its soft power was to create new study abroad programs for students to study in Russia. The idea is similar to student programs in the United States, where students would come to experience life and culture in Russia

⁴⁵ Kokoshin, Andrei. Real Sovereignty and Sovereign Democracy // *Russia in Global Affairs*, 2006, No. 4(4), p. 105; Krastev, Ivan. ‘Sovereign Democracy’, Russian-Style. // *Open Democracy*, 2006, No. 16; Lipman, Masha. Putin’s ‘Sovereign Democracy’ // *Washington Post*: A21, 2006; Makarychev, Andrey S. Russia’s Search for International Identity Through the Sovereign Democracy Concept // *The International Spectator*, 2008, No. 43(2), pp. 49-62; Okara, Andrei. Sovereign Democracy: A New Russian Idea or a PR Project? // *Russia in Global Affairs*, 2007, No. 5(3), pp. 8-20; Petrov, Nikolai. From Managed Democracy to Sovereign Democracy: Putin’s Regime Evolution in 2005. PONARS Policy Memo 396, 2005.

⁴⁶ Ferguson, Chaka. The Strategic Use of Soft Balancing: The Normative Dimensions of the Chinese–Russian ‘Strategic Partnership’ // *Journal of Strategic Studies*, 2012, No. 35(2), pp. 197-222.

⁴⁷ Saari, Sinikukka. Russia’s Post-Orange Revolution Strategies to Increase Its Influence in Former Soviet Republics: Public Diplomacy Po Russkii // *Europe-Asia Studies*, 2014, No. 66(1), pp. 50-66; Simons, Greg. Perception of Russia’s Soft Power and Influence in the Baltic States // *Public Relations Review*, 2015, No. 41(1), pp. 1-13.

⁴⁸ Saari, Sinikukka. Russia’s Post-Orange Revolution Strategies to Increase Its Influence in Former Soviet Republics: Public Diplomacy Po Russkii // *Europe-Asia Studies*, 2014, No. 66(1), pp. 50-66.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Saari, Sinikukka. Russia’s Post-Orange Revolution Strategies to Increase Its Influence in Former Soviet Republics: Public Diplomacy Po Russkii // *Europe-Asia Studies*, 2014, No. 66(1), pp. 50-66; Simons, Greg. Perception of Russia’s Soft Power and Influence in the Baltic States // *Public Relations Review*, 2015, No. 41(1), pp. 1-13.

⁵¹ Avgerinos, K. Russia’s Public Diplomacy Effort: What the Kremlin Is Doing and Why it’s Not Working? // *Journal of Public and International Affairs*, 2009, No. 20(1).

and then bring Moscow's soft power back to their home countries.⁵²

Russia began to provide more foreign aid, especially in the form of disaster relief. For example, in 2014, Russia was one of the first countries to send in aid to Serbia following severe flooding that left many people homeless and many lives in peril.⁵³ This type of foreign aid is extremely important in spreading good will and thus spreading Russia's soft power.

The previous examples of spreading soft power are positive examples in that they spread Russian ideas, but do not try directly to compete and destroy other values and ideology. Instead, it tries to build good will and positive feelings toward Russia. Foreign aid or accepting foreign students does not demand that students abandon their own culture and values. Good will is thus achieved through the positive transfer of soft power. However, the competitive nature of Russian soft power with the West also created negative types of soft power by trying to change individual cultures and values of other states. Again the West was much more advanced in changing values and ideals than Russia, so Russia had to find ways to attack and denigrate Western values and ideology.

One area in which Russia felt it was extremely deficient in soft power compared to the West was its ability to spread information.

Russia believed that the West was able to disseminate information quickly and throughout the world easily, often spreading information that was not favorable to Russia.⁵⁴ Russia knew that it had to find an avenue to disseminate information. In that regard, Russia began to focus on social media, as that is a quick way to spread information. It could challenge traditional Western accounts of events in comments sections of Western media and also begin to cast Western values as an attack on traditional values. Russia began to cast the spread of Western values as a direct attack on Russia's and Eastern Europe's traditional values such as arguing that the acceptance of homosexuality and more liberal social norms were eroding and destroying the way of life of those in Eastern Europe and Russia.

Another tactic to spread Russian soft power was to create new virtual spaces of a Russian world on the internet.⁵⁵ Specifically, the Russian government created a virtual environment called Fond Russkii Mir (Russian World Foundation). The Russian World Foundation was a specific initiative established by Russian president Vladimir Putin to both promote the Russian language, while also cooperating with the Russian Orthodox Church in promoting Russian and Eastern values. The idea was not only to reach Russian diasporas around the world, but also to promote an ideological conceptualization of Russian culture and soft power around the world. In other words, the Russian World Foundation would help spread Russian soft power. Further, the Russia World Foundation would stress the comparison of Western and Eastern values and show that Russia was the protector of traditional culture and values against Western aggression through social liberal values and ideology.

⁵² Dolgov, Anna. Russia Wants to Take More Foreign Students to Build 'Pro-Moscow Elites' News // *The Moscow Times*, 2015. Mode of access: <http://www.themoscowtimes.com/news/article/russia-wants-to-increase-number-of-foreign-students-in-attempt-to-produce-sympathizers-abroad/519679.html>; Лебедева, М.М., Ж. Фор. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО Университета, 2009, No. 6. Mode of access: <http://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-kak-potentsial-myagkoy-sily-rossii> [Lebedeva, M.M., Zh. For. Vysshee obrazovanie kak potencial «mjagkoj sily» Rossii (Higher Education as an Element of Potential Russian Soft Power) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2009, No. 6. Mode of access: <http://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-kak-potentsial-myagkoy-sily-rossii>]

⁵³ Robinson, Matt. In Fight for Influence, Russia Can Play Good Cop Too // *Reuters*, 2014. <http://www.reuters.com/article/2014/11/30/us-europe-russia-influence-insight-idUSKCN0JE07I20141130>

⁵⁴ Chernenko, Yelena. Russia's Reputation on the World Stage May Be at an Unfair Disadvantage // *Kommersant*, 2012. Mode of access: http://rbth.ru/articles/2012/09/05/russias_reputation_on_the_world_stage_may_be_at_an_unfair_disadvanta_17967.html; Kosachev, Konstantin. The Specifics of Russian Soft Power // *Russia in Global Affairs*, 2012, No. 3.

⁵⁵ Gorham, Michael. Virtual Rusophonia: Language Policy as 'Soft Power' in the New Media Age. *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*, 2011, No. 5, pp. 23-48.

However, the problem with both social media and the Russian World Foundation concept is that people must go to these locations for it to be effective. In other words, most of the people who seek these services and methods of spreading Russian soft power are those who are not Moscow's target audience as they are already consumers of Russian soft power. Generally, they already speak Russian and are sympathetic to Russian values and ideology. It is not difficult to preach to the converted. Yet Russia needed to find a way to sow the seeds of doubt about the moral justness of Western values and ideology if it was to be successful in spreading its soft power.

The Russian government realized how important media outlets were in spreading soft power and delivering messages. They saw that companies like CNN and other news outlets were very effective in broadcasting Western messages and spreading soft power. Therefore they developed a plan to invest in media programs that would help to spread the Kremlin's message. Specifically, they said that they wanted to develop media that would present news in such a way as not being totally biased toward the Western point of view.

One of the media outlets that the Russian government developed was the Voice of Russia. It was the Russian government's international radio broadcasting service. It was broadcast in over 38 different languages. In 2013, Vladimir Putin decreed that the Voice of Russia was to be merged with the Sputnik News Agency, and would further be incorporated with RIA Novosti (the main Russian news service) into a new news organization called *Rossiia Segodnya* (Russia Today).⁵⁶ Russia Today's main aim was to provide information on Russian policy and life and society for international audiences.⁵⁷

Another of the media outlets that the Russian government established was RT which was developed as a satellite news channel like CNN. It presents 24 hour coverage of

news programs, analysis, documentaries, and debates. Many in the West have argued that RT is very biased toward the official Russian government point of view, while RT has argued that it is providing other views besides those of the standard Western media. One of the ways in which RT presents the news is to try to point out hypocrisy in Western values and the way in which Western mass media present the news. For example, commentators will often try to deflect criticisms against Russia by using examples from the West.

One of the most effective ways to deflect Western criticism of Russia is a method termed "*whataboutism*." Whataboutism was a term that was coined during the Soviet period to describe Soviet comments in pointing out hypocrisy in Western values and actions.⁵⁸ For example, whenever the West would criticize the Soviet Union over issues such as human rights, the Soviets would respond with a statement that questioned racial relations in the United States. The comment would never directly address the legitimacy of the criticism, merely deflect the criticism by pointing out the hypocrisy of the criticism in the first place. The Russian government expanded the Soviet technique and began to expand its usage in media programs on RT and other Russian media sources. For example, when the West criticized Russia for its invasion and subsequent referendum in Crimea, Russia immediately pointed to the West's actions in Kosovo and pointed out the hypocrisy of the West's criticism. It is important to note, however, that such a response does not justify or seek to defend Russia's actions, it merely deflects the argument by stating that those leveling the criticism are no better and do not possess the moral authority with which to criticize.⁵⁹ This is a much easier argument

⁵⁶ This is not to be confused with the former Television News Channel "Russia Today," which became known as RT.

⁵⁷ Putin Orders Overhaul of Top State News Agency / *RT*, 2013. Mode of access: <http://rt.com/news/ria-novosti-overhaul-putin-960/>

⁵⁸ Gessen, Keith. What's the Matter with Russia: Putin and the Soviet Legacy // *Foreign Affairs*, 2014, No. 93, p. 182; Headley, James. Challenging the EU's Claim to Moral Authority: Russian Talk of 'double Standards' // *Asia Europe Journal*, 2015, pp. 1-11; Maliukevičius, Nerijus. (Re) Constructing Russian Soft Power in Post-Soviet Region // *AGORA. Political communication studies*, 2015, No. 0(2), pp. 61-86.

⁵⁹ Headley, James. Challenging the EU's Claim to Moral Authority: Russian Talk of 'double Standards' // *Asia Europe Journal*, 2015, pp. 1-11.

to make than a moral justification, and seeds enough doubt in the moral justification of the West to stop the spread of Western soft power.

One of the most noted examples of “Whataboutism” involved Edward Snowden, a United States government contractor who worked for the National Security Agency. Snowden became very upset with secret government surveillance programs designed to protect the United States from terrorism. He believed that the data gathering techniques were unconstitutional and violated citizens’ rights to privacy. Snowden leaked information about these surveillance programs to the media, and incurred the ire of the United States. In 2013, Snowden left the United States and sought asylum overseas. He tried to flee to Ecuador but the U.S. cancelled his passport while in route during a layover in the Moscow airport and, as a result, Russia granted him temporary asylum. While the West has accused Moscow of violating international due process, Moscow has used the publicity of Snowden to show that the West is hypocritical as its policies do not match its rhetoric when it comes to protecting individual liberty and freedom. Again, Moscow is able to use the United States’ own moral shortcomings as a message that works to stop the spread of Western soft power.

The Russian government’s efforts to increase spending on the media as a way of spreading its message globally is an extremely important part of the Russian soft power strategy. However, it should be noted that the budget for these media outlets are still much less than Western media outlets, so it remains to be seen how effective this strategy will be to spread Russian soft power.

However, Russia has not only tried to spread its own message through media outlets, but it has also tried to discredit Western soft power and more specifically the message being presented by Western media outlets. In late 2014 and early 2015, news surfaced that the Russian had employed internet trolls to discredit Western media messages and to try to provide Russian perspectives on certain issues.⁶⁰ The

job of these bloggers was basically to provide a positive view of Russian foreign policy and to discredit Western policy. They used social media as well as the comment section of many different internet news sites. They were so successful that many internet newspapers such as *The Moscow Times* stopped allowing comments from individual people, as there were just so many different comments that were pointedly anti-Western and pro-Russian.

The new Russian media strategy to help spread Russia’s soft power has been effective in many ways. It has certainly gotten the message to many and presented Russian arguments against Western hegemonic actions. In fact, many critics point to Russia’s increased active efforts to spread Russian soft power as being nothing more than propaganda. However, the efforts have been effective enough that the United States House of Representatives has even conducted hearings into the danger to national security that this new form of Russian propaganda poses.⁶¹ The House Committee on Foreign Affairs argued that Russian state marketing was really dangerous to the national security of the United States, and that the United States needed to directly confront Russian propaganda in such a way as to effectively counter and remove the threat.

Despite the gains in the strength of Russian soft power, Russia is still not fully trusted within the post-Soviet space. Many of Russia’s past imperial actions during the Soviet era are remembered by the former Soviet republics. Elites in states like Moldova are very wary of trusting Russia due to past behavior. Yet the Moldovan people have been increasingly more

internet-trolls-are-trained-to-spread-propaganda-in-three-person-teams-2015-3; Gregory, Paul Roderick. Putin’s New Weapon In The Ukraine Propaganda War: Internet Trolls // *Forbes*, 2014. Mode of access: <http://www.forbes.com/sites/paulroderickgregory/2014/12/09/putins-new-weapon-in-the-ukraine-propaganda-war-internet-trolls/>; Putin’s ‘Troll Army’: Bloggers Forced to ‘Flood Websites with pro-Russian Propaganda’ / Express, 2015. Mode of access: <http://www.express.co.uk/news/world/568443/Vladimir-Putin-bloggers-flood-websites-pro-Russian-propaganda>

⁶¹ Royce, Rep. Edward R. Confronting Russia’s Weaponization of Information. Washington D.C., 2015.

⁶⁰ Bertrand, Natasha. Russian Internet Trolls Are Trained to Spread Propaganda in Three-Person Teams // *Business Insider*, 2015. Mode of access: <http://www.businessinsider.com/russian->

in favor of pursuing good relations with Russia and spurning the EU.⁶² This is evidence of not only the effectiveness of Russian soft power, but also of a growing rift between political elites who are extremely wary of Russia and its intentions and more common people.

Ultimately, Russia realizes that it is almost impossible to directly counter Western soft power. While Russia is not the Soviet Union, there is still a deep mistrust of Russian intentions toward Eastern Europe. Russian efforts at spreading positive soft power through disaster relief and aid can be somewhat successful in states like Serbia, yet can't be expected to be effective in states like Poland. While Russia believes that it is protecting traditional values by opposing the West, it is no less imperialistic in its soft power aims than the West. It also wants to regain its influence in Eastern Europe and the post-Soviet region. Russia recognizes that it is no longer the Soviet Union and does not want to recreate the Soviet Union, but Russia also believes that its values and identity are superior to those of other states, and wants to see the triumph of Russian traditional values over those of the West. Russian soft power as an opposing force to the spread of Western soft power is still in its infancy, yet is growing in power. It is trying to defeat a more powerful foe in much the same way as guerilla insurrections target stronger forces. It attacks its opponent at weak points, but doesn't stay exposed. Instead, Russian soft power focuses on pointing out hypocrisy of Western values and trying to cast doubt on the belief that Western values will inevitably triumph. The irony of the situation is that Eastern Europe is again in the crosshairs of this soft power competition. Neither Russia nor the West is concerned with traditional Eastern European values and traditions, and inevitably those values will be destroyed by the ideological imperial struggle between the two opposing powers.

⁶² Higgins, Andrew. Moldova Eyes Russia's Embrace as Flirtation With Europe Fades // *The New York Times*, 2015. Mode of access: <http://www.nytimes.com/2015/05/22/world/europe/moldova-eyes-russias-embrace-as-flirtation-with-europe-fades.html>; Poll: Moldovans Prefer Customs Union to EU. Kyiv Post, 2012.

References:

- Aslund, Anders*. Russia's Economic Transformation / In *The Oxford Handbook of the Russian Economy*, eds. Michael Alexeev and Shlomo Weber. Oxford University Press, 2013. Pp. 86-101.
- Averre, Derek*. Competing Rationalities: Russia, the EU and the "Shared Neighbourhood" // *Europe-Asia Studies*, 2009, No. 61(10), pp. 1689-1713.
- Avgerinos, K.* Russia's Public Diplomacy Effort: What the Kremlin Is Doing and Why it's Not Working? // *Journal of Public and International Affairs*, 2009, No. 20(1).
- Balmaceda, Margarita Mercedes*. Gas, Oil and the Linkages between Domestic and Foreign Policies: The Case of Ukraine // *Europe-Asia Studies*, 1998, No. 50(2), pp. 257-286.
- Barbé, Esther; Johansson-Nogués, Elisabeth*. The EU as a Modest 'force for Good': The European Neighborhood Policy // *International Affairs*, 2008, No. 84(1), pp. 81-96.
- Becker, Seymour*. Russia between East and West: The Intelligentsia, Russian National Identity and the Asian Borderlands // *Central Asian Survey*, 1991, No. 10(4), pp. 47-64.
- Bertrand, Natasha*. Russian Internet Trolls Are Trained to Spread Propaganda in Three-Person Teams // *Business Insider*, 2015. Mode of access: <http://www.businessinsider.com/russian-internet-trolls-are-trained-to-spread-propaganda-in-three-person-teams-2015-3>
- Blok, Alexander*. The Scythians // *Critical Quarterly*, 1969, 11(4), pp. 321-323.
- Boym, Svetlana*. From the Russian Soul to Post-Communist Nostalgia // *Representations*, 1995, No. 49, pp. 133-166.
- Bugajski, Janusz*. Expanding Eurasia: Russia's European Ambitions. Center for Strategic and International Studies, 2008.
- Chernenko, Yelena*. Russia's Reputation on the World Stage May Be at an Unfair Disadvantage // *Kommersant*, 2012. Mode of access: http://rbth.ru/articles/2012/09/05/russias_reputation_on_the_world_stage_may_be_at_an_unfair_disadvanta_17967.html
- Croft, Clare*. Dancers as Diplomats: American Choreography in Cultural Exchange. Oxford University Press, 2015.
- Del Noce, Augusto*. The Crisis of Modernity. Translated by C. Lancellotti. Edited by P. J. Cercone. Vol. 64. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2014.
- DeSilver, Drew*. Record Number of International Students Studying in U.S. Pew Research Center, 2013. Mode of access: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2013/11/12/record-number-of-international-students-studying-in-u-s/>
- Dolgov, Anna*. Russia Wants to Take More Foreign Students to Build 'Pro-Moscow Elites' News // *The Moscow Times*, 2015. Mode of access: <http://www.themoscowtimes.com/news/article/russia-wants-to-increase-number-of-foreign-students-in-attempt-to-produce-sympathizers-abroad/519679.html>
- Dolinskiy, Alexey*. Russian Soft Power 2.0 // *Russia Direct*, 2013. <http://www.russia-direct.org/russian-media/september-quarterly-russian-soft-power-20>
- Dostoyevsky, Fyodor*. Crime and Punishment. Trajectory Classics, 2014.
- Feklyunina, Valentina*. Battle for Perceptions: Projecting Russia in the West." *Europe-Asia Studies*, 2008, No. 60(4), pp. 605-629.

- Feklyunina, Valentina.* Russia's International Images and Its Energy Policy. An Unreliable Supplier? // *Europe-Asia Studies*, 2012, No. 64(3), pp. 449-469.
- Ferguson, Chaka.* The Strategic Use of Soft Balancing: The Normative Dimensions of the Chinese-Russian 'Strategic Partnership' // *Journal of Strategic Studies*, 2012, No. 35(2), pp. 197-222.
- Franklin, Simon; Widdis, Emma.* National Identity in Russian Culture: An Introduction. Cambridge University Press, 2006.
- Gänzle, Stefan.* EU Governance and the European Neighbourhood Policy: A Framework for Analysis // *Europe-Asia Studies*, 2009, No. 61(10), pp. 1715-1734.
- Gardels, Nathan.* Putin's Three Gurus vs. the G-8 // *New Perspectives Quarterly*, 2014, No. 31(2), pp. 2-7.
- Gessen, Keith.* What's the Matter with Russia: Putin and the Soviet Legacy // *Foreign Affairs*, 2014, No. 93, p. 182.
- Gogol, Nikolai.* Dead Souls. Yale University Press, 1996.
- Goldman, Marshall I.* Petrostate: Putin, Power, and the New Russia. Oxford University Press US, 2010.
- Goldstein, Joshua.* The Role of Digital Networked Technologies in the Ukrainian Orange Revolution. Rochester, NY: Social Science Research Network. SSRN Scholarly Paper, 2007. Mode of access: <http://papers.ssrn.com/abstract=1077686>
- Gorham, Michael.* Virtual Rusophonia: Language Policy as 'Soft Power' in the New Media Age. Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media, 2011, No. 5, pp. 23-48.
- Gregory, Paul Roderick.* Putin's New Weapon In The Ukraine Propaganda War: Internet Trolls // *Forbes*, 2014. Mode of access: <http://www.forbes.com/sites/paulroderickgregory/2014/12/09/putins-new-weapon-in-the-ukraine-propaganda-war-internet-trolls/>
- Haukkala, Hiski.* The Russian Challenge to EU Normative Power: The Case of European Neighbourhood Policy // *The International Spectator*, 2008, No. 43(2), pp. 35-47.
- Haukkala, Hiski.* Lost in Translation? Why the EU Has Failed to Influence Russia's Development // *Europe-Asia Studies*, 2009, No. 61(10), pp. 1757-1575.
- Headley, James.* Challenging the EU's Claim to Moral Authority: Russian Talk of 'double Standards' // *Asia Europe Journal*, 2015, pp. 1-11.
- Higgins, Andrew.* Moldova Eyes Russia's Embrace as Flirtation With Europe Fades // *The New York Times*, 2015. Mode of access: <http://www.nytimes.com/2015/05/22/world/europe/moldova-eyes-russias-embrace-as-flirtation-with-europe-fades.html>
- Hill, Fiona.* Moscow Discovers Soft Power // *Current History*, 2006, No. 105(693), p. 341.
- Jackson, Nicole J.* Russian Foreign Policy and the CIS: Theories, Debates and Actions. Psychology Press, 2003.
- Jakobson, Roman.* Slavic Languages: A Condensed Survey. New York: King's Crown Press, 1995. Mode of access: <http://eric.ed.gov/?id=ED044945>
- Kokoshin, Andrei.* Real Sovereignty and Sovereign Democracy // *Russia in Global Affairs*, 2006, No. 4(4), p. 105.
- Kortlandt, Frederik.* From Proto-Indo-European to Slavic // *Journal of Indo-European Studies*, 1994, No. 22(1), pp. 1-20.
- Kosachev, Konstantin.* The Specifics of Russian Soft Power // *Russia in Global Affairs*, 2012, No. 3.
- Krastev, Ivan.* 'Sovereign Democracy', Russian-Style. // *Open Democracy*, 2006, No. 16.
- Kubicek, Paul.* Ukraine and the European Neighborhood Policy: Can the EU Help the Orange Revolution Bear Fruit? // *East European Quarterly*, 2007, No. 41(1), p. 1.
- Lane, David.* The Orange Revolution: 'People's Revolution' or Revolutionary Coup? // *The British Journal of Politics & International Relations*, 2008, No. 10(4), pp. 525-549.
- Lavenex, Sandra.* A Governance Perspective on the European Neighbourhood Policy: Integration beyond Conditionality? // *Journal of European Public Policy*, 2008, No. 15(6), pp. 938-955.
- Lavrov, Sergey.* Remarks by Foreign Minister Sergey Lavrov at the Presentation Ceremony for Lyubov Glebova, Head of the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation. Embassy of the Russian Federation, Washington, DC, 2015.
- Lipman, Masha.* Putin's 'Sovereign Democracy' // *Washington Post*: A21, 2006.
- Lucas, Edward.* The New Cold War: Putin's Russia and the Threat to the West. Macmillan, 2014.
- Lukin, Alexander.* From a Post-Soviet to a Russian Foreign Policy: Lessons From the Conflict with Georgia // *Russia in Global Affairs*, 2008, No. 6 (4), pp. 52-65.
- Lukin, Alexander.* What the Kremlin Is Thinking // *Foreign Affairs*, 2014, No. 93(4).
- Makarychev, Andrey S.* Russia's Search for International Identity Through the Sovereign Democracy Concept // *The International Spectator*, 2008, No. 43(2), pp. 49-62.
- Maliukevičius, Nerijus.* (Re) Constructing Russian Soft Power in Post-Soviet Region // AGORA. *Political communication studies*, 2015, No. 0(2), pp. 61-86.
- Manners, Ian.* Normative Power Europe Reconsidered: Beyond the Crossroads // *Journal of European Public Policy*, 2006, No. 13(2), pp. 182-199.
- Mariinsky, Met* Extend Contract, 2012 / *RIA Novosti*. Mode of access: <http://sputniknews.com/voiceofrussia/2012/01/19/64142867/>
- McFaul, Michael.* Ukraine Imports Democracy: External Influences on the Orange Revolution // *International Security*, 2007, No. 32(2), pp. 45-83.
- Midgette, Anne.* Music Review of the Mariinsky Theatre Orchestra at the Kennedy Center // *The Washington Post*, 2010. Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/03/05/AR2010030503912.html>
- Mroz, John Edwin; Pavliuk, Oleksandr.* Ukraine: Europe's Linchpin // *Foreign Affairs*, 1996, No. 75(3), pp. 52-62.
- Noutcheva, G.* Fake, Partial and Imposed Compliance: The Limits of the EU's Normative Power in the Western Balkans. CEPS Working Documents No. 274. CEPS Working Documents No. 274.
- Nye, Joseph S.* Get Smart- Combining Hard and Soft Power // *Foreign Affairs*, 2009, No. 88, p. 160.
- Nye, Joseph S.* Smart Power // *New Perspectives Quarterly*, 2009, No. 26(2), pp. 7-9.
- Okara, Andrei.* Sovereign Democracy: A New Russian Idea or a PR Project? // *Russia in Global Affairs*, 2007, No. 5(3), pp. 8-20.
- Petrov, Nikolai.* From Managed Democracy to Sovereign Democracy: Putin's Regime Evolution in 2005. PONARS Policy Memo 396, 2005.

- Pifer, Steven.* European Mediators and Ukraine's Orange Revolution // *Problems of Post-Communism*, 2007, No. 54(6), pp. 28-42.
- Poll: Moldovans Prefer Customs Union to EU. Kyiv Post, 2012.
- Popescu, Nicu.* Russia's Soft Power Ambitions / CEPS Policy briefs, 2006, No. 1-12, pp. 1-3.
- Popescu, Nicu; Wilson, Andrew.* The Limits of Enlargement-Lite: European and Russian Power in the Troubled Neighbourhood. European Council of Foreign Relations, 2009. Mode of access: <http://www.jean-jaures.org/content/download/12118/115522/file/popescu.pdf>
- Putin Orders Overhaul of Top State News Agency / RT, 2013. Mode of access: <http://rt.com/news/ria-novosti-overhaul-putin-960/>
- Putin's 'Troll Army': Bloggers Forced to 'Flood Websites with pro-Russian Propaganda' / Express, 2015. Mode of access: <http://www.express.co.uk/news/world/568443/Vladimir-Putin-bloggers-flood-websites-pro-Russian-propaganda>
- Rancour-Laferriere, Daniel.* The Moral Masochism at the Heart of Christianity: Evidence from Russian Orthodox Iconography and Icon Veneration // *Journal for the Psychoanalysis of Culture and Society*, 2003, No. 8(1), pp. 12-22.
- Robinson, Matt.* In Fight for Influence, Russia Can Play Good Cop Too // *Reuters*, 2014. <http://www.reuters.com/article/2014/11/30/us-europe-russia-influence-insight-idUSKCN0JE07120141130>
- Royce, Rep. Edward R.* Confronting Russia's Weaponization of Information. Washington D.C., 2015.
- Saari, Sinikukka.* Russia's Post-Orange Revolution Strategies to Increase Its Influence in Former Soviet Republics: Public Diplomacy Po Russkii // *Europe-Asia Studies*, 2014, No. 66(1), pp. 50-66.
- Schimmelfennig, Frank.* The Community Trap: Liberal Norms, Rhetorical Action, and the Eastern Enlargement of the European Union // *International Organization*, 2001, No. 55(01), pp. 47-80.
- Schimmelfennig, Frank; Scholtz, Hanno.* EU Democracy Promotion in the European Neighbourhood Political Conditionality, Economic Development and Transnational Exchange // *European Union Politics*, 2008, No. 9(2), pp. 187-215.
- Simons, Greg.* Russian Public Diplomacy in the 21st Century: Structure, Means and Message // *Public Relations Review*, 2014, No. 40(3), pp. 440-449.
- Simons, Greg.* Perception of Russia's Soft Power and Influence in the Baltic States // *Public Relations Review*, 2015, No. 41(1), pp. 1-13.
- Slobodchikoff, Michael O.* The New European Union: Integration as a Means of Norm Diffusion // *Journal of Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 2010, No. 9(1), pp. 1-25.
- Slobodchikoff, Michael O.* Russia's Monroe Doctrine Just Worked in Ukraine // Russia Direct, 2013. Mode of access: <http://russia-direct.org/content/russia%E2%80%99s-monroe-doctrine-just-worked-ukraine>
- Slobodchikoff, Michael O.* Strategic Cooperation: Overcoming the Barriers of Global Anarchy. Lexington Books, 2013.
- Slobodchikoff, Michael O.* Building Hegemonic Order Russia's Way: Order, Stability, and Predictability in the Post-Soviet Space. Lanham, MD: Lexington Books, 2014.
- Slobodchikoff, Tatyana.* The Argument Structure of the Dative Desiderative in Slavic: Bosnian and Russian / FASSBL6, 2008, pp. 109-114.
- Slobodchikoff, Tatyana.* The Slavic Dual: Morphosyntactic Feature Economy as a Factor in Language Change. University of Arizona, 2013. <http://arizona.openrepository.com/arizona/handle/10150/297021>
- Smith, Karen E.* The Outsiders: The European Neighborhood Policy // *International Affairs*, 2005, No. 81(4), pp. 757-773.
- Stent, Angela E.* Restoration and Revolution in Putin's Foreign Policy // *Europe-Asia Studies*, 2008, No. 60(6), pp. 1089-1106.
- Suny, Ronald Grigor.* The Pawn of Great Powers: The East-West Competition for Caucasia // *Journal of Eurasian Studies*, 2010, No. 1(1), pp. 10-25.
- Tocci, Nathalie; Hamilton, Daniel Sheldon.* Who Is a Normative Foreign Policy Actor? / The European Union and Its Global Partners. CEPS, 2008.
- Tolz, Vera.* Forging the Nation: National Identity and Nation Building in Post - communist Russia // *Europe-Asia Studies*, 1998, No. 50(6), pp. 993-1022.
- Tsygankov, Andrei P.* If Not by Tanks, Then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy // *Europe-Asia Studies*, 2006, No. 58(7), pp. 1079-1099.
- Tsygankov, Andrei P.* Russia in the Post-Western World: The End of the Normalization Paradigm? // *Post-Soviet Affairs*, 2009, No. 25(4), pp. 347-369.
- Tsygankov, Andrei P.* Preserving Influence in a Changing World // *Problems of Post-Communism*, 2011, No. 58(2), pp. 28-44.
- Tsygankov, Andrei P.* Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. Rowman & Littlefield Publishers, 2013.
- Willerton, John P.; Goertz, Gary; Slobodchikoff, Michael O.* Mistrust and Hegemony: Regional Institutional Design, the FSU-CIS, and Russia // *International Area Studies Review*, 2015, No. 18(1), pp. 26-52.
- Willerton, J. P.; McGovern, Patrick J.* The State, Sovereignty, and Democracy Building 'Russian Style.' In Stockholm, Sweden, 2010.
- Willerton, J. P.; Slobodchikoff, Michael O.; Goertz, Gary.* Forthcoming. Treaty Networks, Nesting, and Interstate Cooperation: Russia, the FSU, and the CIS / *International Area Studies Review*.
- Williams, Robert C.* The Russian Soul: A Study in European Thought and Non-European Nationalism // *Journal of the History of Ideas*, 1970, No. 31(4), pp. 573-588.
- Wilson, Andrew.* Ukraine's Orange Revolution, NGOs and the Role of the West // *Cambridge Review of International Affairs*, 2006, No. 19(1), pp. 21-32.
- Wolczuk, Kataryna.* Ukraine after the Orange Revolution. Centre for European Reform, 2005. Mode of access: http://cer-live.thomas-paterson.co.uk/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/policybrief_ukraine_feb2005-852.pdf
- Zenkovsky, Vasily V.* The Spirit of Russian Orthodoxy // *Russian Review*, 1963, No. 22(1), pp. 38-55.
- Лебедева, М.М., Ж. Фор.* Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО Университета, 2009, No. 6. Mode of access: <http://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-kak-potentsial-myagkoy-sily-rossii> [Lebedeva, M.M., Zh. For. Vysshee obrazovanie kak potencial «mjagkoj sily» Rossii (Higher Education as an Element of Potential Russian Soft Power) // Vestnik MGIMO Universiteta, 2009, No. 6. Mode of access: <http://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-kak-potentsial-myagkoy-sily-rossii>]

ИСТОКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ РОССИИ»: ПЕРЕОСМЫСЛЯЯ РУССКУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Майкл Слободчиков

Университет Трой, Трой, США

Г. Дуглас Дэвис

Университет Трой, Трой, США

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 11 января 2017 <i>Принята к печати:</i> 15 марта 2017</p>	<p>Аннотация: В статье рассматриваются философские основы возникновения «мягкой силы» современной России и стратегии противостояния “мягкой силе” Запада. Авторы делают вывод о том, что «мягкая сила» современной России основана на русской философии и литературе девятнадцатого века. Без дополнительных механизмов, «мягкая сила» России не смогла противостоять распространению «мягкой силы» Запада. Таким образом, вместо создания собственного позитивного культурно-политического имиджа, Россия создала специальные информационные организации для того, чтобы показать противоречивость «мягкой силы» Запада.</p>
<p>Об авторах: <i>Майкл Слободчиков</i>, PhD (политические науки), руководитель магистерской программы по международным отношениям, доцент, Кафедра политологии, Университет Трой e-mail: mslobodchikoff@troy.edu <i>Г. Дуглас Дэвис</i>, PhD (политические науки), доцент, Кафедра политологии, Университет Трой e-mail: gddavis@troy.edu</p>	
<p>Ключевые слова: “мягкая сила”, Россия, русская философия, информационные организации, идеология.</p>	

Для цитирования: Slobodchikoff, Michael O.; Davis, G. Douglas. Roots of Russian Soft Power: Rethinking Russian National Identity // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2. – С. 19-36.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-19-36

For citation: Slobodchikoff, Michael O.; Davis, G. Douglas. Roots of Russian Soft Power: Rethinking Russian National Identity // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 19-36.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-19-36

ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В УСЛОВИЯХ «ПОСТЗАПАДНОЙ» МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Алексей Дмитриевич Воскресенский

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Россия*

Екатерина Валерьевна Колдунова

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Россия*

Анна Андреевна Киреева

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 1 апреля 2017</p> <p><i>Принята к печати:</i> 20 апреля 2017</p>	<p>Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты объяснения политико-экономических процессов, происходящих в «постзападной» международной реальности. Авторы, опираясь на основные положения теории сложных систем, доказывают необходимость использования как уже устоявшихся подходов, так и разработки новых подходов для объяснения и прогнозирования пространственно-временной эволюции сложных систем применительно к системе международного взаимодействия. Показывается, что в международной политической экономике и мировом комплексном регионоведении центральной сейчас становится практическая проблематика выработки наиболее конкурентной и одновременно наиболее стабильной модели социально-политического устройства и политико-экономического уклада, приближения существующих национальных версий к этой модели и определение степени дуплицируемости региональной/страновой вариативности ключевых параметров этой модели. Основываясь на анализе эволюции мировой системы и трансформации политико-экономических укладов ведущих стран мира, авторы приходят к выводу, что новые условия полицентричного мира требуют не ужесточения геополитической конфронтации и борьбы за геополитический контроль над буферными пространствами, а консенсусной разработки взаимовыгодных региональных политик трансрегионального сопряжения региональных пространств. Такой подход допускает конструктивную конкуренцию таких проектов, но одновременно препятствует ее перерастанию в прямую геополитическую или тем более военную конфронтацию, способствуя переходу мировой системы в целом в более стабильное состояние через уменьшение нестабильности ее региональных и страновых сегментов. Это утверждение апробируется на основе анализа новых трансрегиональных проектов Евразии и Азиатско-Тихоокеанского региона.</p>
<p>Об авторах:</p> <p><i>А.Д. Воскресенский</i>, д.полит.н., PhD (Манчестерский университет), декан Факультета политологии; профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p> <p><i>Е.В. Колдунова</i>, к.полит.н., доцент, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru</p> <p><i>А.А. Киреева</i>, к.полит.н., доцент, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>теория сложных систем, социальная инженерия, мировая система, трансрегиональные проекты, Евразия, Азиатско-Тихоокеанский регион, США, Россия, Китай, мировое комплексное регионоведение, международная политическая экономия</p>	

Теория сложных систем и проблема сочетания старых и новых подходов при объяснении «постзападной» международной реальности

Обозначенная нами в заглавии статьи проблематика, политико-экономическая по своему характеру, пока еще недостаточно изучается в традиционных международных отношениях, а анализируется в таких относительно новых сферах междисциплинарного исследования как международная/глобальная политическая экономия, сравнительная мировая политика, системно-структурная история международных отношений¹, кроссрегиональный анализ² и мировое комплексное регионоведение³. Новые характеристики

международной и внутренней жизни государств, отражающие новый характер развития человечества как социальной общности на этапе «постзападной» реальности, получили методологическое объяснение в виде теории сложных систем как инструмента анализа особых, новых объектов и акторов международных отношений, объясняющей эволюцию процессов в сложных системах в их пространственно-временной динамике⁴. В соответствии с этой теорией, сложные

¹ Системная история международных отношений, 1918-2003; в 4 т. / под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003. [Sistemnaia istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii, 1918-2003; v 4 t. (Systemic History of International Relation, 1918-2003, 4 vol.) / Ed. by A.D. Bogaturov. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniim, 2003].

² Сравнительная политология / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Аспект-Пресс, 2015. – 752 с. [Sravnitel'naiia politologiia (Comparative Political Science) / Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: Aspekt-Press, 2015. 752 p.]; Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД России. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 624 с. [Vostok i politika: politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes) / Ed. by A.D. Voskressenski; MGIMO (U) MID Rossii. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moscow: MGIMO-Universitet, 2015. 624 p.].

³ Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр / Инфра-М, 2015. – 448 с. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie: vvedenie v spetsial'nost' (World Regional Studies: An Introduction to the Discipline) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr / Infra-M, 2015. 448 p.]; Мировое комплексное регионоведение / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр / Инфра-М, 2014. – 416 с. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie (World Regional Studies) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow:

Magistr/Infra-M, 2014. 416 p.]; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр / Инфра-М, 2014. – 560 с. [Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki (Practice of World Regional Studies and World Politics) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr / Infra-M, 2014. 560 p.]; Мировое комплексное регионоведение. Учебно-методический комплекс для обучения, проверки остаточных знаний, подготовки и проведения государственных испытаний. Специальность и направление «Зарубежное регионоведение» Федерального учебно-методического объединения по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 41.00.00 «Политические науки и регионоведение». Под редакцией А.Д. Воскресенского. Научн. ред. Д.А. Кузнецов. В 2-х томах. – М.: МГИМО Университет, 2017 (в печати) [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie. Uchebno-metodicheskii kompleks dlia obucheniia, proverki ostatochnykh znanii, podgotovki i provedeniia gosudarstvennykh ispytani. Spetsial'nost' i napravlenie «Zarubezhnoe regionovedenie» Federal'nogo uchebno-metodicheskogo ob'edineniia po Ukpupnennoi grupe spetsial'nostei i napravlenii podgotovki 41.00.00 «Politicheskie nauki i regionovedenie» (World Regional Studies. Handbook for Teaching, Testing and Preparing for State Examinations. Federal State Educational Benchmark “World Regional Studies”). Ed. by A.D. Voskressenski. Acad. ed. – D.A. Kuznetsov. 2 Volumes. Moscow: MGIMO Universitet, 2017 (v pechati)]; Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017. 270 p.

⁴ Инновационная сложность / под ред. Е.Н. Князевой. СПб: Алетейя, 2016. – 608 с. [Innovatsionnaia slozhnost' (Innovation Complexity) / Ed. by E.N. Kniazeva. Saint Petersburg: Aleteiia, 2016. 608 p.]. См., например, Князева Е.Н., Куркина Е.С. Пространственно-временная динамика эволюционных процессов в сложных системах. В кн.: Инновационная сложность / под ред.

системы обладают определёнными новыми характерными свойствами:

– в сложных системах элементы могут быть соединены сложными, нетривиальными связями;

– сложность отражает прежде всего внутреннее разнообразие системы и ее составных частей;

– сложность есть многоуровневость системы, в которой подсистемы, составляющие систему могут быть намного сложнее самой системы;

– сложные системы являются открытыми, в таких системах для их элементов внутрисистемная среда является внешней, в то время как внешняя среда может являться внутренней средой системы, подсистемой которой она является. По этой причине сложные системы как правило больше, чем сумма их частей любого размера;

– в сложных системах легко возникают эмерджентные феномены, то есть у них проявляются неожиданные свойства, которые невозможно предсказать исходя из анализа поведения отдельных элементов системы;

– в сложных системах процессы могут протекать по старым следам, то есть такие системы имеют «память»;

– сложные системы могут находиться в разных состояниях при одних и тех же условиях и в одинаковых состояниях при разных условиях;

– все они, как правило, имеют сложную иерархическую или сетевую многоуровневую фрактальную структуру, а потому являются уникальными, неповторимыми;

– сложные системы регулируются двумя типами петель обратной связи – отрицательной, обеспечивающий возврат к прежнему состоянию, и положительной, ответственной за быстрый, самоподстёгивающийся рост;

– сложные системы имеют свои внутренние характерные масштабы времени и пространства и никогда не демонстрируют всех своих свойств на конкретной наблюдаемой траектории⁵.

Именно поэтому сложные системы отличается слабая предсказуемость поведения, сильная чувствительность к незначительным возмущениям, их можно моделировать и форматировать специальными социальными методами, но процессы в них трудно предсказать и ими трудно управлять в традиционном смысле этого термина, возможно лишь выявлять взаимосвязи и векторы их дальнейшего развития и форматировать преобладающие взаимосвязи, направляя их развитие в благоприятном направлении.

Появление новых теорий, объясняющих с помощью системного подхода, характер процессов в социальных системах современного этапа развития человечества, но на основе новой теории сложных систем, к которой относится и система международных отношений, требует, как минимум, сочетания старых и новых подходов, а также разработки новых подходов для объяснения и прогнозирования пространственно-временной эволюции сложных систем уже применительно к системе международного взаимодействия, а также новых методов их практической реализации.

Основная проблематика сегодняшней мировой дискуссии о взаимосвязи экономической и политической модернизации, развития и стабильности⁶, влияния этих

Е.Н. Князевой. – СПб: Алетеия, 2016, С. 185-217 [Kniazeva, E.N., Kurkina, E.S. Prostranstvenno-vremennaia dinamika evoliutsionnykh protsessov v slozhnykh sistemakh (Spatial-Temporal Dynamics of Evolutionary Processes in the Complex Systems). V kn.: Innovatsionnaia slozhnost' (Innovation Complexity) / Ed. by E.N. Kniazeva. Saint Petersburg: Aleteia, 2016, pp. 185-217].

⁵ Князева Е.Н., Куркина Е.С. Пространственно-временная динамика эволюционных процессов в сложных системах. В кн.: Инновационная сложность / под ред. Е.Н. Князевой. – СПб: Алетеия, 2016. – С. 192-194 [Kniazeva, E.N., Kurkina, E.S. Prostranstvenno-vremennaia dinamika evoliutsionnykh protsessov v slozhnykh sistemakh (Spatial-Temporal Dynamics of Evolutionary Processes in the Complex Systems). V kn.: Innovatsionnaia slozhnost' (Innovation Complexity) / Ed. by E.N. Kniazeva. Saint Petersburg: Aleteia, 2016, pp. 192-194].

⁶ Демократизация и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века. – М.: Центр исследований постиндустриального общества. Издательство «Европа», 2010. – 318 с. [Demokratizatsiia i modernizatsiia. K diskussii o vyzovakh XXI veka (Democratization and Modernization. Discussion

процессов на мировую политику вращается вокруг нескольких стержневых гипотез, связанных с изменяющимися параметрами международной системы и формирующимся новым мировым порядком. В соответствии с первой гипотезой экономический рост сопровождается, а с определенного момента и поддерживает появление устойчивых и постоянно осовременивающихся форм социально-политического и социально-экономического порядка. Экономический рост, основанный на расширении поля экономического взаимодействия и взаимосвязанности, укрепляется единством модернизирующихся социально-политических и социально-экономических порядков, поскольку выбор успешных стратегий экономического развития в современных условиях суживается. Концепция национального суверенитета трансформируется, предполагая все же не повсеместное ослабление суверенитета, а сильный контроль, но прежде всего его наиболее значимых параметров, а не абсолютно всех экономических, политических и социальных практик. Эта социальная гипотеза подтверждается как количественными статистическими расчетами целой серии исследований экономистов и политологов, так и эмпирическими примерами. В соответствии со второй гипотезой, подсказанной реальной жизнью, существует обратная причинная связь – для ряда трансформирующихся сообществ политика может предшествовать экономике – сначала нужно целенаправленно методами социального конструирования модернизировать политические институты, невзирая на сопутствующую форсированную трансформацию национального суверенитета, а затем вследствие этого неизбежно ускорится экономическое развитие. В соответствии с этим вторым предположением укрепляющееся политическое единство, основанное на общем понимании характера и направления мировых политических процессов, неизбежно приведет и к экономическому расцвету. Укрепляющееся же политическое единство приведет к снижению национальной кон-

on the XXI Century Challenges). Moscow: Tsentr issledovaniia postindustrial'nogo obshchestva. Izdatel'stvo «Evropa», 2010. 318 p.].

курсии, что и гармонизирует, в конечном счете, трансформируемые национальные суверенитеты⁷. Эта гипотеза основана на теоретических предположениях, но также имеет некоторые частичные эмпирические подтверждения на основе опыта трансформирования некоторых «малых стран» Африки и Восточной Европы, но при этом она интенсивно дискутируется и оспаривается в «больших странах» – России и Китае на основе положения о том, что современности могут различаться своим внутренним содержанием как структурно⁸, так и из-за сосуществования в одном ряду соположенного развития современностей разного типа⁹. Это косвенно свидетельствует о недостаточной изученности фактора региональной специфики «больших стран», в частности, в связи с проблематикой суверенитета при одновременном обеспечении социально-политического упорядочивания.

В последнее время появилась и третья, наиболее радикальная и спорная социальная гипотеза, в соответствии с которой меркантилизм, изоляционализм, экономический национализм государств и разработанная на этой основе радикальная политика геополитических противостояний должны привести к полной финансово-экономической перестройке мировой системы и построению новой финансовой системы на основе

⁷ Воскресенский А.Д. Политическое измерение сферы международного взаимодействия: вызовы для политической науки / Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2016. – 672 с. [Voskressenski, A.D. Politicheskoe izmerenie sfery mezhdunarodnogo vzaimodeistviia: vyzovy dlia politicheskoi nauki (Political Dimension of International Interaction: Challenges for Political Science) / Politicheskaiia nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiia / Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt-Press», 2016. 672 p.]

⁸ Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Shpringer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017.

⁹ Appadurai, Arjun. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

сконструированных заново и прежде всего на двусторонней основе мирохозяйственных связей, которые и должны вывести мир из состояния экономического и идеологического кризиса и сформировать новый политико-экономический порядок. Эта гипотеза включает в себя два варианта политики, разработанные на единой политико-экономической основе, но при этом допускающие противоречащие друг другу практические рекомендации. Уязвимость обоих этих вариантов заключается в том, что они исходят из политико-экономической картины мира, разработанной в XIX – начале XX вв. Они не предполагают фундаментальных различий между современной экономикой и экономикой XIX – первой половины XX вв., а потому допускают возможность архаизации мировой и национальных экономических систем во имя национальной экономической стабилизации. В соответствии с первым вариантом акцент в политике должен делаться на полном или частичном изоляционизме, основанном на внешнеэкономическом меркантилизме, подкрепленном концепцией внутреннего экономического национализма¹⁰. Второй вариант политики не исключает первого, но допускает идею при этом идею радикального реформирования национальных социально-политических и социально-экономических порядков и укладов ради всемерного усиления политической стабильности. При этом идея радикального реформирования включает деконструкцию многих, в том числе и успешно работающих институтов, даже если это реформирование и не основано на внутривнутриполитических консенсусах и, по-видимому в каких-то своих вариантах, допускает даже частичную архаизацию экономических институтов или их экономическую стагнацию. Эта гипотеза опирается в значительной степени на идеи и опыт капиталистического развития XIX в. и разных версий радикального мобилизационного реформирования первой половины XX в., а также серию популистских лозунгов, большей частью не подкрепленных научным ана-

лизом, но интуитивно нащупавших слабые места современной политико-экономической модели модернизированной рыночной системы. По вопросу о том, насколько в условиях отсутствия консенсуса правомерно и благо-разумно широкомасштабное реформирование социально-политических и политико-экономических порядков и укладов, особенно при наличии внутривнутриполитических расколов в национальных государствах и мировой нестабильности и неопределенности, и каковы могут быть действительные последствия такого реформирования, единого мнения не существует. Однако часть политической элиты ряда государств, по крайней мере в России, а теперь и в США, а также и в ряде европейских государств (Великобритания, Франция, Нидерланды и Испания) считает, что в условиях мировой неопределенности возможно, невзирая ни на какие последствия, и даже если имеется негативный исторический опыт таких последствий, полностью или частично реформировать национальный, а затем и мировой политико-экономический порядок и кардинально, но при этом все же успешно, изменить место своего национального государства в мировой системе, а потом уже на новой основе сформировать новый национальный и, возможно, мировой социально-политический консенсус по вопросу будущего политико-экономического развития. Понятно, что внутривнутриполитическая аргументация национальных элит, выступающих в пользу той или иной социальной гипотезы и методов ее осуществления, может сильно, и даже радикально, отличаться, также как и методы прихода к власти придерживающихся этих взглядов сегментов мировой и национальной политической элиты в зависимости от того, в какой политической обстановке какого типа политической системы они действуют.

Соответственно в международной политической экономии и мировом комплексном регионоведении центральной становится практическая проблематика выработки путем применения социально-политических и внешнеполитических методов наиболее конкурентной и одновременно наиболее стабильной модели социально-политического устройства и политико-экономического

¹⁰ Чанышев А.А. Проект «замкнутого торгового государства» И.Г. Фихте и противоречия «современной эпохи» // Сравнительная политика. 2011. № 2. С. 3-13.

уклада, приближения существующих национальных версий к этой модели и степень допустимости региональной / страновой вариативности ее ключевых параметров¹¹. Понятна и прямая связь этих теоретических дискуссий с практикой внутривосточной политики – «подталкивание» vs «стабилизация», «консенсусное и гармоничное научное развитие» vs «радикальное переформатирование популистского толка» (включая «революционный транзит», «цветные революции») и их влияние на международные отношения, мировую политику и практическую дипломатию.

Эволюция мировой системы в начале XXI в. и необходимость поиска консенсусных подходов в практике международно-политического взаимодействия

В начале XXI в. ситуация в мире изменилась кардинальным образом, поскольку на первый план стали выходить проблемы новой, более тесной взаимозависимости природы и человека, людей, национальных сообществ, народов, стран между собой в процессе устойчивого поступательного развития, без решения которых само существование человечества становится проблематичным. В связи с этим многие исследователи и политики сначала стали отмечать, а потом и объяснять новую тенденцию повышения роли стран Востока (и вообще, незападных регионов мира в целом) в мировой политике, пытаясь предложить новое целостное объяснение специфике процессов, происходящих в разных регионах мира. Внутри мирового политического и интеллектуального сообществ возникла острая дискуссия о роли региональных политико-экономических факторов в экономико-

политическом развитии мира, соотношении интеграции и регионализации, трансрегионализма и регионализма, экономического национализма, нацеленного на первоочередную ликвидацию валютных дисбалансов, и экономического трансрегионализма, необходимого для осуществления успешной внешнеэкономической политики. Это заставило пересмотреть некоторые из догм казавшихся незыблемыми парадигмальных представлений прикладных общественных наук и обратиться к новым незападноцентричным объяснениям мировых политических и экономических процессов.

Государства с разными устройствами социально-политического и социально-экономического порядка, определяющими стратегию их внутреннего и внешнего развития, активно конкурируют друг с другом на международной арене, причем форму и способы этой конкуренции определяют примерно 40-50 государств, продвигающие в качестве мировых свои полярные версии социально-политического порядка и политико-экономического уклада¹². В то же время по мере эволюционного развития человечества и технологий уничтожения жизни, либо ее продления, формы этой конкуренции смещаются от военных, включающих теперь и оружие массового поражения и приводящих к неисчислимым людским и катастрофическим экономическим потерям, к невоенным, требующим все больших интеллектуальных ресурсов для разработки стратегий консенсусного, эволюционного, но при этом в том числе и жесткого соревновательного развития.

Учитывая основные тенденции развития человечества и принципиальную ограниченность природных ресурсов, логично предположить, что в усложняющихся внешних и внутренних условиях поступательного развития при наличии ядерного оружия выработка дальнейшей внешней и внутренней политики государств будет нуждаться не в опоре преимущественно на силовые методы, ограниченные возможным применением оружия массо-

¹¹ Демократии XXI века: смена парадигмы. Аналитический доклад Фонда ИСЭПИ и группы зарубежных авторов. – М.: Издательский дом Академии им. Н.Е. Жуковского, 2015 [Demokratii XXI veka: smena paradigmy. Analiticheskii doklad Fonda ISEPI i gruppy zarubezhnykh avtorov (Democracies of the XXI Century: A Paradigm Shift. Analytical Report of the ISEPI Foundation and the Group of Foreign Authors). Moscow: Izdatel'skii dom Akademii im. N.E. Zhukovskogo, 2015].

¹² Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Forewords by Kevin Rudd and Adam Przeworski. Singapore: World Scientific, 2017.

вого уничтожения, которое приведет к гибели всего человечества как биологического вида, а в умении успешно договариваться с другими на взаимовыгодной основе, то есть во все более полном социальном консенсусе при одновременном внутреннем упорядочивании. В противном случае системные кризисы и кровопролитные войны прошлого становятся неизбежными, и мы вынуждены будем констатировать, что человечество по мере своего исторического развития ничему не учится и не воспринимает исторический опыт, даже придумав оружие своего собственного уничтожения как биологического вида.

К концу XX в. возникло достаточно много новых явлений объективного и субъективного характера, которые послужили причиной незавершенности процесса модернизации для ряда обществ, и соответственно привели к торможению этого процесса. Прежде всего, страны, начавшие переход от этапа модернизации к этапу постмодернизации и от этапа естественного социально-политического доступа к построению системы более открытого доступа, в силу многих причин как бы «зависли» на этапе перехода в «серой зоне» государств переходного типа. Введя выборность, эти страны не смогли из-за опасности возможной политической нестабильности при изменении системы обеспечения политического порядка или не захотели продвинуться дальше по пути дальнейшей трансформации и поиска нового баланса в системе социально-политического порядка и социально-экономического уклада. Это, в частности, в свою очередь, привело к формулированию концепций «нелиберальной демократии», «суверенной демократии», «гибридных политических режимов», «незападной демократии»¹³, как

переходных стадий, позволяющих сформировать на конкретном этапе развития социально-политический порядок определенного типа, в идеале не мешающий национальной модернизации и совершенствования политико-экономического уклада, но одновременно и не приводящий к потрясениям революционного типа.

Позже возникла проблема сравнения реальной эффективности управления политических режимов, основанных на разных политико-экономических укладах. Дело в том, что к концу XX в. возникли популистские режимы, которые стали успешно эксплуатировать неспособность ряда стран с политическими режимами открытого социально-политического и социально-экономического доступа решать проблемы бедности, социальной справедливости, экономического обнищания некоторых сегментов общества или даже целых социальных классов на этапе перехода от одного технологического уклада к другому. Более того, оказалось в целом недооцененной способность отдельных авторитарных режимов к самореформированию и повышению внутренней конкурентоспособности, в то время как в целом подтвердилась тенденция отмирания наиболее одиозных и неэффективных вариантов авторитарного правления. Так, на конкретном историческом этапе возникла неожиданная для многих политиков и политологов проблема своеобразной конкуренции моделей развития не только между социально-политическими моделями открытого (консолидированного или неконсолидированного) социально-политического доступа и автократиями с разными по степени успешности политико-экономическими укладами, но и между конкурентными авторитарными или гибридными политическими режимами и расхитительскими режимами различного типа: брутальным персоналистским или идеологическим / клерикальным авторитаризмом, безответственными неконсолидированными демократиями (некоторые африканские и азиатские государства). Кроме того, и некоторые старые демократии при ближайшем рассмотрении оказались подвержены порокам, которые казалось бы при такой долгой истории демократическо-

¹³ Democracy in a Russian Mirror / Ed. by Adam Przeworski. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 354 p. Русское издание см. Демократия в российском зеркале / Ред.-сост. А. Мигранян, А. Пшеворски. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 519 с. [Demokratiia v rossiiskom zerkale (Democracy in a Russian Mirror) / Ed. by A. Migranian, A. Pshevorski. Moscow.: MGIMO-Universitet, 2013. 519 p.]; Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Singapore: World Scientific, 2017. 800 p.

го развития должны были уже исчезнуть или же быть сведены к минимуму¹⁴. Однако бедность и коррупция в этих странах так и не преодолены, а расслоение в обществе продолжало углубляться, несмотря на экономический рост и явные успехи в новых сегментах экономики (электроника, хай-тек, фармацевтика, программирование и др.).

Оказалось, что, хотя в целом глобальный капитализм и обеспечил невиданные ранее темпы экономического развития (с 1970-х годов мировая экономика выросла как минимум в четыре раза), но ему так и не удалось создать модель экономического развития без периодических экономических кризисов и необходимости периодического валютно-финансового ребалансирования, а казалось бы самая современная версия финансово-экономического строя – глобальный финансовый капитализм – оказалась сопряжена еще и с таким новым явлением как большая финансовая волатильность. Несмотря на то, что причины всех этих новых явлений уже получили свое объяснение в исследовательской литературе, государства и мировое сообщество в целом так и не выработали надежных механизмов предотвращения кризисных явлений мировой финансово-экономической системы, а некоторые политические режимы увидели в этом опасность влияния на внутренние процессы, включая возможность дестабилизации внутреннего политического порядка извне. Кроме того, возникла, реальная или мнимая – это еще предстоит увидеть в ближайшем будущем – возможность преодолеть частичное отставание или сократить сегменты отставания в некоторых отраслях во время затянувшегося периода финансово-экономической неопределенности и политико-экономического кризиса.

В политико-экономической сфере государства-лидера мировой системы – США – возникли новые явления политико-экономического характера: государство-гегемон стало постепенно трансформироваться в государство-доминант и

государство-лидер, но при этом содержание категории мирового лидерства в силу факторов объективного и субъективного характера оказалось подвержено изменению. На этом фоне в 2016 г. в США прошли выборы, в результате которых, несмотря на внутривнутриполитический раскол американского общества, легальным политическим путем был провозглашен переход к модели экономического национализма, меркантилизма и частичного изоляционизма. По мнению нового президента США она должна обеспечить легальными, но для части политической элиты и населения США нелегитимными из-за недоучета возможных политических и экономических последствий предлагаемых мер методами перебалансировку американской экономической системы, решение вопросов бюджетного дефицита и повышения конкурентоспособности национальной рабочей силы. Конечной целью этих изменений является возрождение мирового лидерства США и возвращение американской военно-политической и экономической гегемонии. Чем закончится процесс провозглашенного кардинального изменения американских приоритетов, пока не ясно, однако способствовали такому изменению американского политического курса как внешние, так и внутренние обстоятельства, поскольку мировая политико-экономическая система с одной стороны далеко продвинулась на пути глобализации за последние два десятилетия, а с другой не только не смогла глобализироваться полностью, исчерпав все старые методы и способы продолжения глобализации, но и столкнулась с казалось бы давно преодоленными внутривнутриполитическими расколами внутри практически всех государств мира.

Эти расколы были вызваны дискуссией о выборе приоритетов национального и мирового развития, в ходе которой возникла неожиданная острая политическая конкуренция идей консервативной модернизации при сохранении стабильности с одной стороны и лозунгов как революционного транзита, так и экономического национализма и радикальной популистской риторики изоляционистского толка с другой.

Внутриполитический раскол в США усилил сомнения в способности этой стра-

¹⁴ Democracy in Decline? / Ed. by Larry Diamond and Marc F. Plattner. Foreword by Condoleezza Rice. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. 144 p.

ны осуществлять мировое лидерство консенсусным путем, неожиданно выдвинув на роль перспективного экономического лидера Китай. Это происходило в условиях, когда международный терроризм попытался ускорить эрозию мирового лидерства США, дополнительно подорвать это лидерство военно-террористическими способами, запугав гражданское население и вынудив власти в условиях военно-политической и экономической нестабильности прибегнуть к жестким мерам усиления порядка. Это привело к секьютеризации проблемы выбора политического и экономического развития на фоне неудачного военного вмешательства США в дела целого ряда государств и регионов. Однако решающую роль в процессе трансформации мирового лидерства все же сыграли внутриамериканские фискально-финансовые и политические факторы, которые неожиданно для многих привели к успеху на выборах в США «модели Росса Перо».

В результате политическая система США поляризовалась в гораздо большей степени, чем это казалось возможным ранее, формирование внутривнутриполитического консенсуса в США и особенно между разными ветвями политической власти нарушилось, а внешние «малые» войны США, в которых значительную роль сыграли внутривнутриполитические и эгоистические американские интересы, не привели к победе социально-ориентированной рыночной политико-экономической системы и более справедливых открытых систем социально-политического порядка там, где это ожидалось или же было возможным легитимными или легальными методами социальной инженерии. Такая ситуация в США резко контрастировала с разумной политико-экономической централизацией и опытным путем найденной китайской национальной системой баланса дозированного экономического национализма, удачной китаецентристской версии регионализма, умеренно меркантилистского трансрегионализма и обеспечения стабильности, которая получила название «китайской модели» и «китайской мечты», по крайней мере до начала замедления китайской экономики. Про-

шедшая в апреле 2017 г. встреча высших руководителей США и Китая, во время которой американская военная машина нанесла ракетный удар по Сирии, похоронила надежду на возможность скорого улучшения российско-американских отношений, но одновременно приглушила противоречия внутри США и неожиданно наметила новые возможности к формированию китайско-американской «Большой двойки» (G-2) – квази-альянса двух крупнейших экономик мира в условиях, когда подавляющее большинство китайской политической элиты предпочитает пожинать дальнейшие плоды успешной китайской модели развития с опорой на динамично развивающиеся китайско-американские отношения, а ее меньшая часть предлагает заключить российско-китайский военно-политический альянс в качестве обязательного предварительного условия роста китайских инвестиций в российскую экономику¹⁵.

Таким образом, на практике в современных экономических и политических условиях трансформация мирового социально-политического уклада оказалась обусловлена необходимостью экономического ребалансирования при сохранении достаточно жесткого политического порядка

¹⁵ «Не понимаю, почему Россия не настаивает на формировании альянса с Китаем». Известный китайский политолог Янь Сюэтунь о перспективах двусторонних отношений // Коммерсант.ru. 17.03.2017. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Inline?date=2017-3-17> [«Ne ponimau, pochemu Rossiia ne nastaiuaet na formirovanii al'iansa s Kitaem». Izvestnyi kitaiskii politolog Ian' Siuetun o perspektivakh dvustoronnikh otnoshenii ("I Do not Understand Why Russia Does not Insist on Making an Alliance with China". A Famous Chinese Political Scientist Yang Suetun on the Bilateral Relations Perspectives // Kommersant.ru. 17.03.2017. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/Inline?date=2017-3-17>]; Скосырев В. Пекин не осудил атаку на Сирию // Независимая газета. 10.04.2017. Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2017-04-10/6_6970_pekinn.html [Skosyrev, V. Pekin ne osudil ataku na Siriiu (Beijing Did not Condemn an Attack Against Syria) // Nezavisimaia gazeta. 10.04.2017. Mode of access: http://www.ng.ru/world/2017-04-10/6_6970_pekinn.html]

во всех сегментах мирового пространства, а в некоторых случаях даже введением мер его дополнительного обеспечения некоторыми странами, особенно в периоды возникновения мировой финансово-экономической турбулентности и опасности мирового терроризма, одновременно с формированием новых квази-альянсов и новых геополитических связей на региональном и трансрегиональном уровне.

Понимание политико-экономической модернизации и перебалансировки системы не просто как процесса линейного движения по этапам трансформации социально-политической и социально-экономической системы и перехода от стадий ограниченного доступа к его более открытым стадиям, но также и как процесса определенного соотношения и равновесия факторов, обеспечивающих социально-политический порядок, его большую, или меньшую открытость, успешность политико-экономического уклада и институтов обеспечения политического порядка объясняет мировую политическую динамику во всей ее сложности и социально-политической конкретике.

В настоящее время возникла тупиковая ситуация: необходимость поддержания и наращивания высокого уровня технологического развития и использование миграционных потоков извне как способа решения демографических проблем и притока «мозгов» и рабочей силы требовало применения новых методов социального конструктивизма и широкого доступа иммигрантов к высококонкурентным международным и национальным системам образования и науки, а далее и к системам управления и поддержания правопорядка посредством введения все более открытой системы, но применение этих новых методов было заторможено международным терроризмом и локальными кровавыми террористическими актами. Модель наращивания технологического развития, совершенствования методов глобального регулирования и рационального и прагматичного использования миграционных потоков должна была стать ответом на политический и экономический кризис в результате изменения демографических параметров и этнической составляющей слож-

ной социальной системы, которая зависла на этапе перехода к новому технологическому укладу. Введение этих новых параметров развития должно было происходить при сохранении в целом всех основных параметров стабильности. Однако стабильность оказалась подорвана, поскольку в обществах, даже таких, казалось бы, монолитных с точки зрения ценностей существования и развития, как американское и европейское, произошел невиданный ранее раскол по вопросу методов обеспечения этой стабильности из-за массовых террористических актов и ухудшения экономической конъюнктуры. Поскольку система политического порядка и режимов правления подверглась опасности дестабилизации одновременно извне и изнутри, у части политической элиты некоторых стран необходимость сохранения стабильности, которая виделась как возвращение к эпохе меркантилизма и экономического национализма, перевесила необходимость развития. Вместо того, чтобы сконцентрироваться на выработке новых научных обоснований политик и идеологий мирового и национального развития при сохранении и укреплении стабильности, была предложена альтернатива: или безудержное продолжение глобализованного расширения по экстралиберальному варианту (дальнейшая глобализация «без границ») с теми же представителями мирового либерального истеблишмента, или право-/лево-популистский путь политического и экономического национализма и геополитической конфронтационности («Америка превыше всего», «Франция превыше всего» и т.д.), ориентированный на коренную смену власти и допускающий в том числе откат назад к архаизированным формам политики и упрощению экономической системы ради сохранения и усиления стабильности суверенного национального государства.

Проблема нынешнего исторического развития заключается в том, что аналогичные периоды нестабильности наблюдались только в первой половине XX в., породили радикальные популистские правую и левую альтернативы существующей тогда политико-экономической системе, что привело к двум кровопролитным мировым

войнам, полной экономической дестабилизации мировой системы, а затем к ее практически полной ребалансировке. Эти периоды мировой нестабильности казались преодоленными в ходе сформированной во второй половине XX в. биполярной системы, основанной на ядерном паритете и двух политико-экономических моделях. Однако одна из частей этой системы, менее конкурентная, исчезла в ходе дальнейшего исторического развития, а другая в ходе периода биполярного развития существенно трансформировалась в сторону увеличения открытости и инклюзивности. С переходом мира в состояние полицентричности постзападного типа качественное состояние и даже некоторые параметры мировой системы снова существенно изменились: Запад утерял свою консолидированность и перестал определять все основные параметры мирового развития, количество «ядерных игроков» стало увеличиваться в том числе и за счет непризнанных ядерных государств, понятие ядерного паритета – размываться, экстралиберальная модель глобализации застыла, достигнув своего предела, мировая стабильность оказалась поставлена под сомнение самим процессом подъема государств незападного типа, а мировая система перешла в состояние сложной системы, отличающееся более высокой степенью изменчивости и неопределенности.

К новому состоянию изменчивости и неопределенности полицентричной мировой системы «постзападного типа» ее старые акторы (великие державы и другие национальные государства) оказались не готовы, а новые акторы возможно и просто неспособны к ответам на такие вызовы, поскольку они были предназначены для решения другой задачи – обеспечения экономического развития на основе расширяющегося политико-экономического пространства и экономической, а затем и политической интеграции. В силу этих причин процесс укрепления старых и создания новых механизмов поддержания мировой стабильности оказался подорван. Великие державы оказались не готовы консенсусно поддерживать мировую стабильность в условиях мировой изменчивости и неопределенности, поскольку были

привержены своим версиям национальных и региональных политико-экономических порядков, которые не дополняли, а в определенной степени даже противостояли друг другу. В этих условиях великие державы предпочли опираться на механизмы геополитических противостояний.

На наш взгляд, новые условия полицентричного мира взаимодействий сложных социальных систем требуют не ужесточения геополитической конфронтации, которая, к сожалению, не ослабевает, не усиления борьбы за геополитическое влияние на буферных пространствах, не возобновления всеобщей гонки вооружений, а консенсусной разработки пусть и конкурирующих, но взаимовыгодных, конструктивного типа региональных политик трансрегионального сопряжения региональных пространств, что будет способствовать переходу мировой системы в целом в более стабильное состояние через уменьшение нестабильности ее региональных и страновых сегментов при сохранении (а не разрушении) взаимосвязанности ее компонентов¹⁶. Уменьшение нестабильности региональных и страновых сегментов не может быть в новых условиях основано только на политике меркантилизма, изоляционизма, экономического национализма и ужесточения социально-политического порядка, поскольку это подорвет развитие и координацию внешнеэкономической деятельности на пространствах шире, чем территории национальных государств, без чего экономическое процветание как отдельных стран, так и мира в целом, окажется вряд ли возможным. В то же время консенсусное развитие означает не односторонние уступки и геополитические выигрыши при неперемных геополитических проигрышах противной стороны, а выработку взаимоприемлемых решений, повышающих региональную и мировую стабильность и

¹⁶ Гринберг Р.С. Почему я неисправимый оптимист? Размышления накануне юбилея // Мир перемен. Специальный выпуск. – 2016. – С.6 [Grinberg, R.S. Pochemu ia neispravimyi optimist? Razmyshleniia nakanune iubileia (Why am I a Devoted Optimist? Reflections on the Eve of Jubilee) // *Mir peremen. Spetsial'nyi vypusk*, 2016, p. 6].

ориентирующих на конструирование взаимовыгодных партнерств.

Если мы признаем влияние культурной и социально-психологической специфики, особой, обусловленной страновой спецификой политической культуры, национальной психологии и национального характера, то должны также признать, что в зависимости от своего характера и интенсивности влияния эти факторы могут формировать своеобразие обществ как одного и того же типа социально-политического порядка и политико-экономического уклада, так и определять специфику конкретных этапов развития социальных порядков и соответствующих им экономических укладов; они могут затруднять или препятствовать переходу от одного типа социально-политического и социально-экономического уклада к другому, затруднять или способствовать выработке консенсусных подходов. Выделение структурных подтипов социально-политических и соответствующих им социально-экономических порядков / укладов в зависимости от характера исторического этапа развития конкретных обществ позволяет управлять развитием не только социальных и политических, но и культурных и социально-психологических процессов в обществах определенного типа, а эти процессы, в конечном счете, влияют и на формирование типов и моделей внешнеполитического взаимодействия государств.

В процессе трансформации социальных порядков национальных сообществ ключевую роль, судя по всему, играет не только определенный уровень экономики и соответствующей ей социальной структуры, но и возможность формирования сознательного и ненасильственного консенсуса политических элит и общества по вопросу необходимости модернизации и эволюционной трансформации социально-экономического уклада, систем обеспечения социально-политического порядка и обеспечения правопорядка, гарантирующих эволюционную, но стабильную, безопасную и поступательную трансформацию и развитие общества без системных кризисов.

Эта модель позволяет строить современные устойчивые политические и соци-

альные институты, без которых, в свою очередь, невозможно проводить дальнейшую модернизацию социально-политического и социально-экономического укладов и строить сильное, благополучное и свободное государство, обеспечивая ему беспрепятственный доступ к мировым рынкам. Такой комплексный подход позволяет понять внутреннюю политико-экономическую связь между формами социально-политического порядка и политико-экономическими системами, а также взаимосвязь социально-политических и социально-экономических укладов жизни государства в составе мировой политико-экономической системы – то есть понять роль внутривнутриполитических факторов в развитии и формировании мирового политико-экономического пространства, и по-новому подойти к проблеме влияния внутренних структурных процессов в государствах разного типа на характер международных отношений и процесс регионального и мирового развития.

Таким образом, со второй половины XX в. мировая система хотя и приобрела глобальность прежде всего с точки зрения необходимости экономической и управленческой координации для ответа на экономические кризисы и глобальные вызовы новой эпохи, но ее реальная мироцелостность так и не возникла. Наличие государств разного типа с разными политико-экономическими порядками и моделями баланса регионализма и трансрегионализма, пусть и в других пропорциях, чем в прошлом, а также связанных в большей степени, чем раньше взаимозависимостью при сохранении геополитических противоречий старого типа и, одновременно, появлений геополитических противоречий нового типа, определяют сохранение в мире конфликтности старого и нового типов, т.е. продолжают определять незавершенность переходного периода в современных нам международных отношениях и специфику современного исторического этапа развития человечества. Государства современного мира, хотя и существенно расширили номенклатуру средств для решения международных проблем, нарастив ее за счет нового экономического, военно-политического и дипломатического инстру-

ментария, но при этом в силу продолжающей существовать дифференциации самой мировой системы не отказались и от старых. Этот инструментарий состоит теперь из комбинации военных и невоенных средств решения стратегических политических и экономических проблем: справедливой войны и/или военных действий на основе мандата ООН, гуманитарной интервенции (ограниченной военной компании на основе мандата ООН и/или коалиций ряда государств), принуждения к миру (на основе мандата ООН и/или коалиций ряда государств) и применения силы для изменения ситуации (в одностороннем порядке или на основе референдумов и/или просьбы законных правительств, находящихся в условиях мятежа и/или гражданской войны).

Новые трансрегиональные проекты в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе

Одновременно с процессами, описанными выше, в мировой системе в качестве ответа на разного рода политические и экономические вызовы в последние несколько лет стали возникать различные трансрегиональные / мегарегиональные проекты, предлагаемые как государством-доминантом (проекты Трансатлантического торгового и инвестиционного и Транстихоокеанского партнерств), так и крупными полупериферийными странами (Китай, Россия, отчасти – Индия). Их появление, по-видимому, было связано с тупиковостью глобализационного проекта в том виде, в котором он предполагался в 1990-е гг., с одной стороны, и, с другой стороны, определенной исчерпанностью уже сформировавшихся к этому моменту в мире версий регионализма как инструмента реагирования на рост процессов экономической взаимозависимости в мире. При этом проекты Китая и России на фоне предложенных Соединенными Штатами, хотя и представлялись менее структурно сложными, но тем не менее имели гораздо больший инклюзивный потенциал и были ориентированы на решение прежде всего экономических задач политическими средствами.

В результате в начале этого века Евразия и Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР)

стали пространством конкурирующих макро/мега-региональных и трансрегиональных проектов. Если в 1990-е годы Европейский союз сохранял за собой роль основной референтной модели региональной интеграции для незападных регионов мира, в последние два десятилетия эта ситуация стала коренным образом меняться. К настоящему времени в Евразии и АТР возникло несколько разнонаправленных трансрегиональных инициатив, существенным образом отличающихся и от классической интеграционной схемы, сформулированной в теории международных отношений на основе опыта ЕС, и от отношений «нового регионализма» с опорой на негосударственных игроков и транснациональные процессы, возникающие «помимо» государства.

Во-первых, в АТР сформировалась сеть институциональных отношений, «завязанных» на Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и по сути своей являющихся отношениями трансрегионального типа. Эти отношения диалогового партнерства, установленные между АСЕАН и крупнейшими международными игроками (США, Китай, Россия, Япония, Южная Корея, Индия, ЕС, Австралия и др.) не представляли собой в чистом виде отношения, связанные с углублением региональной интеграции, хотя в некоторых случаях, как например, с Китаем, привели к созданию зоны свободной торговли. В гораздо большей степени эти отношения были нацелены на то, чтобы консенсусным и институционализированным способом решать проблемы, выходящие за рамки географического региона Юго-Восточной Азии, но способные напрямую его затронуть.

Еще одним трансрегиональным проектом нового типа стало предложенное предыдущей администрацией США соглашение о Транстихоокеанском партнерстве. Представляя собой, по сути, глобально-региональный проект с высокой степенью структурной сложности, это партнерство скорее усиливало разделительные линии в регионе, нежели решало проблемы регионального развития в условиях возросшей политико-экономической взаимозависимости.

Практически одновременно с активизацией переговоров о Транстихоокеанском

партнерстве возник еще один трансрегиональный проект, предложенный Китаем. В сентябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в Назарбаевском университете Казахстана, предложил инициативу Экономического пояса Шелкового пути как возрождения древнего Шелкового пути, связывающего Китай со странами Евразии, Среднего и Ближнего Востока. В октябре 2013 г. это предложение было дополнено идеей Морского шелкового пути XXI века, адресованного странам Юго-Восточной Азии. Эти инициативы достаточно быстро обрели форму одной из главных составляющих китайской внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии, и вошли в китайский политический лексикон как «один пояс, один путь» (*кит.* – 帶 – 路 идай, илу).

В 2015 г. были обозначены основные маршруты Экономического пояса Шелкового пути: из Китая через Центральную Азию и Россию до Европы, из Китая через Центральную Азию и Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря; из Китая в Юго-Восточную Азию, в Южную Азию к Индийскому океану. Морской шелковый путь был оформлен в виде двух маршрутов: из морских портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы, а также из китайских портов через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана¹⁷. В случае успешной реализации «Один пояс, один путь» предполагал связать 65 стран, производящих 65% мирового ВВП, составляющих 70% мирового населения и обла-

дающих 75% разведанных энергетических ресурсов¹⁸.

Следует, однако, учитывать, что китайская инициатива была провозглашена в условиях замедления темпов роста китайской экономики при наличии серьезных структурных проблем, и была призвана дать стимулы экономическому развитию прежде всего самого Китая в период структурной трансформации его социально-экономической модели. В связи с этим принципиальным для Китая стала необходимость придать новый стимул экономическому развитию КНР, чтобы хотя бы частично продолжить современную модель экстенсивного развития за счет загрузки производственных мощностей, а также стимулировать инновационное развитие самого Китая для осуществления перехода на интенсивную модель развития, одновременно структурно и инфраструктурно существенно углубив торгово-экономическое взаимодействие в «ближнем экономическом зарубежье» Китая. Предполагалось, что инвестиции в инфраструктурные проекты за рубежом создадут новую базу для тех отраслей экономики, где наблюдается перепроизводство, помогут оттянуть за рубежи Китая часть китайской рабочей силы малой и средней квалификации, которая не находит применения внутри страны, повысит наполняемость пенсионного фонда для будущих поколений за счет валютных отчислений из-за рубежа, а также простимулирует высокотехнологичное производство, поскольку китайские проекты будут базироваться на использовании китайского сырья и материалов, оборудования и китайской рабочей силы, но уже на территории не только самого Китая, но и в рамках расширенного макрорегионального и даже трансрегионального пространства. Вынос теряющих конкурентоспособность и «грязных» производств за рубеж позволил бы самому Китаю сосредоточиться на развитии инновационных отраслей

¹⁷ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века / МИД КНР. 28.03.2015. Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> [Prekrasnye perspektivy i prakticheskie deistviia po sovmestnomu sozdaniuu Ekonomicheskogo poiasa Shelkovogo puti i Morskogo Shelkovogo puti XXI veka (Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road) / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 28.03.2015. Mode of access: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1249618.shtml]

¹⁸ Zhao, H. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate / H. Zhao // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6, pp. 1-7.

промышленности – ключевой установке плана развития на тринадцатую пятилетку (2016-2020 гг.)¹⁹. Стержневая роль в реализации инициативы отводилась Фонду Шелкового пути с капиталом \$40 млрд и такому многостороннему финансовому институту как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций с уставным капиталом \$100 млрд.

Недавние международные инициативы Японии и Индии, которые вынуждены предпринимать меры в ответ на усиление конкуренции со стороны Китая, также связаны с регионом Восточной Азии и расширением торгово-экономического сотрудничества в морском пространстве Индо-Тихоокеанского региона. Политика кабинета Синдзо Абэ направлена на позиционирование Японии как мирной страны, которая должна в соответствии со стратегией «активного пацифизма» (積極の平和主義), принятой в декабре 2013 г. в Стратегии национальной безопасности, увеличить свой вклад в поддержание мира и стабильности в Восточной Азии и в мире в целом. В мае 2015 г. премьер-министр Японии С. Абэ заявил о выдвигании «Партнерства в создании качественной инфраструктуры», в рамках которой будет выделено \$110 млрд экономической помощи на инфраструктурные проекты в Азии в течение 5 лет (2016-2020 гг.), что сопоставимо с капиталом АБИИ в \$100 млрд и является 30% увеличением по сравнению с предыдущим периодом. При этом Япония фокусируется на предоставлении инфраструктуры высокого качества с использованием инновационных технологий и передает технологии (например, не наносящих вред окружающей среде) странам-реципиентам. Таким образом, Япония стремится перехватить у Китая инициативу и занять нишу высококачественного ин-

фраструктурного строительства, тем самым сохранив свое региональное экономическое лидерство и подчеркнув отличие от деятельности АБИИ²⁰. В мае 2016 г. премьер-министр Японии С. Абэ предложил «Расширенное партнерство в создании качественной инфраструктуры», в соответствии с которым Япония будет способствовать созданию высококачественной инфраструктуры и построению взаимовыгодных отношений, которые смогут внести значительный вклад в улучшение экономического роста и экономического развития стран-партнеров. Было принято решение увеличить финансирование инициативы до \$200 млрд²¹.

В Индии большое распространение получила концепция Индо-Тихоокеанского пространства (*Indo-Pacific regional space*), которая рассматривает этот геостратегический макрорегион, включающего в себя два океана: Индийский и Тихий, – как единое геополитическое и геоэкономическое пространство безопасности и свободы судоходства²². В 2014 г. Индия выдвинула свой проект Маусам, который предполагает восстановление традиционных индийских морских маршрутов вдоль Индийского океана. Индия делает акцент на исторических взаимосвязях, торговых путях и взаимосвязанности культур для построения более тесных партнерских отношений, формируя пространство так называемого «индийского Средиземноморья». Реализация данного проекта позволит Индии улучшить отношения со странами, расположенными по берегам Индийского океана и граничащими с ним, что предполагает огромное морское пространство, омывающее берега Афри-

¹⁹ Zhao, H. China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia / H. Zhao // *Trends in Southeast Asia*, 2015, No. 3, pp. 4-5; Салицкий А., Семенова Н. Шелковое наступление Китая // Перспективы. – 2016. – №1(5). – С. 6-10 [Salitskii, A., Semenova, N. Shelkovoie nastuplenie Kitaia (China's Silk Advance) // *Perspektivy (Perspectives)*, 2016, No.1 (5), pp. 6-10]; Zhao, Hong. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6, p. 12.

²⁰ Japan Unveils \$110 Billion Plan to Fund Asia Infrastructure, Eye on AIIB // *Reuters*. 21.05.2015. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-japan-asia-investment-idUSKBN00617G20150521>

²¹ The “Expanded Partnership for Quality Infrastructure” Initiative Directed Toward the G7 Ise-Shima Summit Meeting Announced / Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. 23.05.2016. Mode of access: http://www.meti.go.jp/english/press/2016/0523_01.html

²² Indo-Pacific Region: Political and Strategic Prospects / Ed. by Rajiv K. Bhatia, Vijay Sakhujia. New Delhi: Vij Books India Pvt Ltd, 2014.

ки, арабского полуострова, Иран, страны Южной и Юго-Восточной Азии. Согласно оценкам индийских экспертов, данная стратегия направлена на то чтобы, предложив альтернативу китайской инициативе «Один пояс, один путь», в особенности морскому шелковому пути²³, существенно повысить интенсивность торгово-экономического взаимодействия в этом регионе.

Параллельно со всеми упомянутыми инициативами в северной части Евразии наметился контур трансрегиональных проектов, условно говоря «завязанных» на Россию. После нескольких десятилетий, связанных с попытками России «встроиться» в западные структуры и занять определенную нишу в региональных процессах в Азии, в российской политической элите, по-видимому, возобладало мнение о том, что «России как глобальной державе нет необходимости интегрироваться. Она сама по себе интегратор»²⁴. Тем не менее, даже если Россия и является интегратором (что проявляется, в частности, в ее ведущей роли в создании Евразийского экономического союза), на Западе ее интеграционный проект теперь практически вплотную геополитически смыкается с экономически гораздо более эффективным ЕС, а на Востоке – с экономически и геополитически динамично расширяющимся Китаем и растущими экономиками стран АТР. Эта ситуация естественным образом создает запрос на запуск механизмов трансрегионального сопряжения различных интеграционных проектов, иначе Россия сильно рискует существенно

отстать в экономической динамике от соседних макрорегиональных объединений и союзов, что неизбежно негативно скажется на ее собственном экономическом развитии.

До 2014 г. и кризиса на Украине Россия предпринимала попытки найти практические формы такого сопряжения с ЕС, однако после 2007 г. это происходило в условиях истечения срока Соглашения о партнерстве и сотрудничестве и затянувшихся переговорах о новом соглашении. К этому моменту, однако, уже четко проявились себя основные структурные проблемы отношений России с Евросоюзом. К их числу относилась невозможность глубокой экономической интеграции и исчерпанность повестки дня отношений с Россией для ЕС, вызванные четким обозначением границ Европы (в первую очередь связанных с определением европейской идентичности в широком смысле этого слова, но прежде всего – в политическом смысле), оставляющих Россию за ее пределами²⁵.

Одновременно, когда в 2013 г. Китай анонсировал идею проекта «Один пояс, один путь», Россия никаким образом не фигурировала в нем. Подобная ситуация вызвала у российской стороны обоснованные опасения, что его реализация не будет учитывать интересы России, с которой Китай тем не менее находился в отношениях стратегического партнерства. В ответ на эти опасения в мае 2015 г. Россия и Китай достигли соглашения о так называемом сопряжении евразийского интеграционного проекта (Евразийский экономический союз), в котором участвуют Россия, Казахстан, Беларусь, Армения и Киргизия, и Экономического пояса Шелкового пути²⁶. В мае 2016 г. на саммите

²³ Pillalamiri, A. Project Mausam: India's Answer to China's 'Maritime Silk Road' // *The Diplomat*. 18.09.2014. <http://thediplomat.com/2014/09/project-mausam-indias-answer-to-chinas-maritime-silk-road/>

²⁴ Ларин В. Почему АТР – не альтернатива Большой Евразии / В.Ларин / Международный дискуссионный клуб «Валдай». Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pochemu-atr-ne-alternativa-bolshoy-evrazii/> [Larin, V. Pochemu ATR – ne al'ternativa Bol'shoi Evrazii (Why Asia-Pacific is not an Alternative to Greater Eurasia) / *Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub «Valdai» (Valdai International Discussion Club)*. Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pochemu-atr-ne-alternativa-bolshoy-evrazii/>]

²⁵ Буторина О. Россия и ЕС: партнерство без стратегии / Российский совет по международным делам. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1763#top-content [Butorina, O. Rossiia i ES: partnerstvo bez strategii (Russia and the EU: A Partnership Without Strategy) / *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council)*. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1763#top-content]

²⁶ Вторая международная конференция «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений». Москва, 30-31 мая 2016 г. Москва: Российский совет по международным делам,

в Сочи идея сопряжения интеграционных проектов была предложена и странам АСЕАН в формате «ЕАЭС-ШОС-АСЕАН»²⁷. В декабре 2016 г. в послании президента В.В. Путина к Федеральному собранию эти процессы сопряжения были обозначены как «формирование многоуровневой интеграционной модели в Евразии – Большого Евразийского партнерства». Такую модель, предложенную Китаю и странам АСЕАН, по-видимому, можно трактовать как поиск механизмов сопряжения с менее сложными интеграционными и трансрегиональными проектами, которые бы снизили риск появления политико-экономических разрывов подобных тому, что возник между Россией и Европой, при этом, однако требующий серьезной и последовательной политической, экономической и институциональной проработки.

Заключение

На нынешнем этапе мирового развития существовавшая ранее система баланса и эволюционного развития государств с разными социально-политическими укладами и политико-экономическими порядками оказалась в значительной степени подорвана усилиями безответственных политических игроков разных стран, хотя все основные параметры договорной системы существующего баланса все еще сохраняются. Процесс трансформации существу-

ющей версии мирового порядка в целом зашел достаточно далеко, чтобы стать очевидным, но одновременно он еще очень далек от своего завершения.

В то же время эволюционная трансформация существующей версии мирового порядка, а не его силовой слом, устраивает практически всех основных участников мирового процесса, так как позволяет, не рискуя жизнями своего населения и сохраняя существующий национальный уровень экономического развития, осуществлять конкуренцию моделей развития, то есть использовать комбинации национальных, региональных, наднациональных и транснациональных факторов для поиска наиболее благоприятного и соответствующего своим национальным интересам места в международной системе, а, заняв более благоприятное место, конструктивно участвовать в трансформации этой системы мировым сообществом максимально благоприятным для своей нации образом, затрачивая усилия в основном на переформулирование и коррекцию правил функционирования мировой системы, а не на затратные или даже губительные в современных условиях военно-силовые способы решения проблем, поскольку они делают прогнозирование социальных трансформаций непредсказуемым.

Если же говорить о практической стороне этого вопроса, то для России важнейшей стратегической задачей является не дать втянуть себя в такую геополитическую конфигурацию, которая «заморозит» ее развитие, станет препятствовать формированию прагматичных, пусть и двусторонних, партнерств конструктивного типа и эволюционному переходу к более эффективным и современным версиям социально-политического и социально-экономического уклада. Такое развитие событий полностью противопоставит Россию государствам, имеющим более высокий инновационно-технологический уровень, и отрежет от превалирующей в мире модели социально-экономической региональной и трансрегиональной интеграции открытого типа, на основе которой формируется и будет формироваться дальше новое качество взаимозависимости и сопряженности мирового регионально сегментирован-

2016 [Vtoraia mezhdunarodnaia konferentsiia «Rossiia i Kitai: k novomu kachestvu dvustoronnikh otnoshenii» (Second International Conference 'Russia and China: Towards a New Quality of Bilateral Relations'). Moskva, 30-31 maia 2016. Moskva: Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council), 2016].

²⁷ Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследование и прогнозы / под ред. Ли Сина и А.Д. Воскресенского. – Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. – 495 с. (на китайском языке) [Mekhanizmy transregional'nogo razvitiia Tsentral'noi Evrazii: issledovaniia i prognozy (Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Studies and Forecasts / Ed. by Li Xin, Alexei D. Voskressenski. Pekin: Tszhiuchzhou Press, 2016. 495 p. (in Chinese)].

ного политико-экономического пространства успешного развития. Следует отметить, что введение санкций и являлось одной из первых таких целенаправленных попыток затормозить развитие России. Таким образом, отмена санкций и минимизация политико-экономическими инструментами разрывов во взаимосвязанном политико-экономическом и социально-культурном пространстве Европы и Восточной Азии с акцентом на конструктивной, прогрессирующей «общности», стимулирующей поступательный эволюционный переход к более совершенным взаимовыгодным моделям социально-политического и социально-экономического взаимодействия через формулирование концепций успешного дозированного и сегментированного экономического национализма, но в целом ограниченного необходимостью вписываться в параметры моделей трансрегиональных и региональных партнерств и перспективных макрорегиональных проектов, должна стать основой нового этапа развития нашей страны на новом этапе постконфликтного мироустройства. Форма осуществления такой политики – прагматичное и конструктивное «расширение» единого, взаимосвязанного и консенсусно упорядоченного трансрегионального пространства политики, экономики и безопасности «через» Россию с максимальным включением ее в это формирующееся региональное пространство более высокого уровня, а внутривнутриполитической задачей – такое развитие инфраструктуры, эффективности государства, которое будет способствовать максимальному прогрессивному сопряжению и взаимосвязанности российского пространства (экономического и политического) с его евро-атлантическим и тихоокеанским измерением, таким образом, чтобы этот процесс способствовал политическому и экономическому развитию России. Инструментами такого развития для России является не геополитика противостояний, а поиск оптимальной политико-экономической модели сочетания трансрегионализма и регионализма, осуществляемого через активное, но на взаимовыгодной основе, российское участие в трансрегиональных объединениях, макро/мега-региональных и региональных проектах развития и прогрессивной транс-

формации регионального пространства. От возможности успешного формулирования ответов на эти сложные вызовы зависит не только место России в формирующейся новой конфигурации мировых отношений на новом этапе постконфликтного развития, но и в значительной степени вектор социально-политического развития всего мира. Россия вернула себе статус великой державы постбиполярного мира, заплатив за это большую политическую и экономическую цену, однако если конфликтность по периметру российских границ не удастся «закапсулировать», сохранить и развить это достижение на основе меркантилистского понимания экономического национализма в новой «постзападной» реальности будет невозможно.

Литература:

Буторина О. Россия и ЕС: партнерство без стратегии / Российский совет по международным делам. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1763#top-content

Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД России. Изд. 2-е, испр. и доп. – М: МГИМО-Университет, 2015. – 624 с.

Вторая международная конференция «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений». Москва, 30-31 мая 2016 г. Москва: Российский совет по международным делам, 2016.

Гринберг Р.С. Почему я неисправимый оптимист? Размышления накануне юбилея // Мир перемен. Специальный выпуск. – 2016. – С. 6.

Демократизация и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века. – М.: Центр исследований постиндустриального общества. Издательство «Европа», 2010. – 318 с.

Демократии XXI века: смена парадигмы. Аналитический доклад Фонда ИСЭПИ и группы зарубежных авторов. – М.: Издательский дом Академии им. Н.Е. Жуковского, 2015.

Демократия в российском зеркале / Ред.-сост. А. Мигранян, А. Пшеворски. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 519 с.

Инновационная сложность / под ред. Е.Н. Князевой. СПб: Алетейя, 2016. – 608 с.

Князева Е.Н., Куркина Е.С. Пространственно-временная динамика эволюционных процессов в сложных системах. В кн.: Инновационная сложность / под ред. Е.Н. Князевой. – СПб: Алетейя, 2016. С. 185-217.

Ларин В. Почему АТР – не альтернатива Большой Евразии / В.Ларин / Международный дискуссионный клуб «Валдай». Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pochemu-atr-ne-alternativa-bolshoyevrazii/>

Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы / под ред. Ли Сина и А.Д. Воскресенского. – Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. – 495 с. (на китайском языке)

Мировое комплексное регионоведение / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр / Инфра-М, 2014. – 416 с.

Мировое комплексное регионоведение. Учебно-методический комплекс для обучения, проверки остаточных знаний, подготовки и проведения государственных испытаний. Специальность и направление «Зарубежное регионоведение» Федерального учебно-методического объединения по Укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 41.00.00 «Политические науки и регионоведение». Под редакцией А.Д. Воскресенского. Научн. ред. Д.А. Кузнецов. В 2-х томах. – М.: МГИМО Университет, 2017 (в печати)

Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр / Инфра-М, 2015. – 448 с.

Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр / Инфра-М, 2014. – 560 с.

Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века / МИД КНР. 28.03.2015. Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>

Салицкий А., Семенова Н. Шелковое наступление Китая // Перспективы. – 2016. – №1(5). – С.6-10.

Системная история международных отношений, 1918-2003; в 4 т. / под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003.

Сравнительная политология / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Аспект-Пресс, 2015. – 752 с.

Appadurai, Arjun. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

Democracy in a Russian Mirror / Ed. by Adam Przeworski. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 354 p.

Democracy in Decline? / Ed. by Larry Diamond and Marc F. Plattner. Foreword by Condoleezza Rice. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. 144 p.

Indo-Pacific Region: Political and Strategic Prospects / Ed. by Rajiv K. Bhatia, Vijay Sakhuja. New Dehli: Vij Books India Pvt Ltd, 2014.

Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Forewords by Kevin Rudd and Adam Przeworski. Singapore: World Scientific, 2017.

Japan Unveils \$110 Billion Plan to Fund Asia Infrastructure, Eye on AIIB // Reuters. 21.05.2015. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-japan-asia-investment-idUSKBN00617G20150521>

Pillalamiri, A. Project Mausam: India's Answer to China's 'Maritime Silk Road' // The Diplomat. 18.09.2014. <http://thediplomat.com/2014/09/project-mausam-indias-answer-to-chinas-maritime-silk-road/>

The "Expanded Partnership for Quality Infrastructure" Initiative Directed Toward the G7 Ise-Shima Summit Meeting Announced / Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. 23.05.2016. Mode of access: http://www.meti.go.jp/english/press/2016/0523_01.html

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017. 270 p.

Zhao, H. China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia / H. Zhao // Trends in Southeast Asia, 2015, No. 3.

Zhao, H. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate / H. Zhao // Trends in Southeast Asia, 2016, No 6, pp. 1-7.

Zhao, Hong. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate // Trends in Southeast Asia, 2016, No. 6.

References:

Appadurai, Arjun. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

Butorina, O. Rossiia i ES: partnerstvo bez strategii (Russia and the EU: A Partnership Without Strategy) / Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council). Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1763#top-content

Democracy in a Russian Mirror / Ed. by Adam Przeworski. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 354 p.

Democracy in Decline? / Ed. by Larry Diamond and Marc F. Plattner. Foreword by Condoleezza Rice. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. 144 p.

Demokratii XXI veka: smena paradigmy. Analiticheskie doklady Fonda ISEPI i gruppy zarubezhnykh avtorov (Democracies of the XXI Century: A Paradigm Shift. Analytical Report of the ISEPI Foundation and the Group of Foreign Authors). Moscow: Izdatel'skii dom Akademii im. N.E. Zhukovskogo, 2015.

Demokratiia v rossiiskom zerkale (Democracy in a Russian Mirror) / Ed. by A. Migranian, A. Pshevorski. Moscow: MGIMO-Universitet, 2013. 519 p.

Demokratizatsiia i modernizatsiia. K diskussii o vyzovakh XXI veka (Democratization and Modernization. Discussion on the XXI Century Challenges). Moscow: Tsentr issledovaniia postindustrial'nogo obshchestva. Izdatel'stvo «Evropa», 2010. 318 p.

Grinberg, R.S. Pochemu ia neispravimyi optimist? Razmyshleniia nakanune iubileia (Why am I a Devoted Optimist? Reflections on the Eve of Jubilee) // Mir peremen. Spetsial'nyi vypusk, 2016, p. 6.

Indo-Pacific Region: Political and Strategic Prospects / Ed. by Rajiv K. Bhatia, Vijay Sakhuja. New Dehli: Vij Books India Pvt Ltd, 2014.

Innovatsionnaia slozhnost' (Innovation Complexity) / Ed. by E.N. Kniازهva. Saint Petersburg: Aleteiia, 2016. 608 p.

Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Forewords by Kevin Rudd and Adam Przeworski. Singapore: World Scientific, 2017.

Japan Unveils \$110 Billion Plan to Fund Asia Infrastructure, Eye on AIIB // Reuters. 21.05.2015. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-japan-asia-investment-idUSKBN00617G20150521>

Kniازهva, E.N., Kurkina, E.S. Prostranstvenno-vremennaia dinamika evoliutsionnykh protsessov v slozhnykh sistemakh (Spatial-Temporal Dynamics of Evolutionary Processes in the Complex Systems). V kn.: Innovatsionnaia slozhnost' (Innovation Complexity) / Ed. by E.N. Kniازهva. Saint Petersburg: Aleteiia, 2016, pp. 185-217.

Larin, V. Pochemu ATR – ne al'ternativa Bol'shoi Evrazii (Why Asia-Pacific is not an Alternative to Greater

Eurasia) / *Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub «Valdai» (Valdai International Discussion Club)*. Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pochemu-atr-ne-alternativa-bolshoy-evrazii/>

Mekhanizmy transregional'nogo razvitiia Tsentral'noi Evrazii: issledovaniia i prognozy (Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Studies and Forecasts / Ed. by Li Xin, Alexei D. Voskressenski. Pekin: Tsiuchzhou Press, 2016. 495 p. (in Chinese)

Mirovye kompleksnoe regionovedenie (World Regional Studies) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr/Infra-M, 2014. 416 p.

Mirovye kompleksnoe regionovedenie. Uchebno-metodicheskii kompleks dlia obucheniia, proverki ostatochnykh znani, podgotovki i provedeniia gosudarstvennykh ispytani. Spetsial'nost' i napravlenie «Zarubezhnoe regionovedenie» Federal'nogo uchebno-metodicheskogo ob'edineniia po Ukрупnennoi gruppe spetsial'nostei i napravlenii podgotovki 41.00.00 «Politicheskie nauki i regionovedenie» (World Regional Studies. Handbook for Teaching, Testing and Preparing for State Examinations. Federal State Educational Benchmark "World Regional Studies"). Ed. by A.D. Voskressenski. Acad. ed. – D.A. Kuznetsov. 2 Volumes. Moscow: MGIMO Universitet, 2017 (in print)

Mirovye kompleksnoe regionovedenie: vvedenie v spetsial'nost' (World Regional Studies: An Introduction to the Discipline) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr / Infra-M, 2015. 448 p.

Pillalamiri, A. Project Mausam: India's Answer to China's 'Maritime Silk Road' // *The Diplomat*. 18.09.2014. <http://thediplomat.com/2014/09/project-mausam-indias-answer-to-chinas-maritime-silk-road/>

Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki (Practice of World Regional Studies and World Politics) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr / Infra-M, 2014. 560 p.

Prekrasnye perspektivy i prakticheskie deistviia po sovmestnomu sozdaniiu Ekonomicheskogo poiasa Shelkovogo puti i Morskogo Shelkovogo puti XXI veka (Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road) / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 28.03.2015. Mode of access: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1249618.shtml

Salitskii, A., Semenova, N. Shelkovoe nastuplenie Kitaia (China's Silk Advance) // *Perspektivy (Perspectives)*, 2016, No. 1(5), pp. 6-10

Sistemnaia istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii, 1918-2003; v 4 t. (Systemic History of International Relation, 1918-2003, 4 vol.) / Ed. by A.D. Bogaturov. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniam, 2003.

Sravnitel'naia politologiia (Comparative Political Science) / Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: Aspekt-Press, 2015. 752 p.

The "Expanded Partnership for Quality Infrastructure" Initiative Directed Toward the G7 Ise-Shima Summit Meeting Announced / Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. 23.05.2016. Mode of access: http://www.meti.go.jp/english/press/2016/0523_01.html

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017. 270 p.

Vostok i politika: politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes) / Ed. by A.D. Voskressenski; MGIMO (U) MID Rossii. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moscow: MGIMO-Universitet, 2015. 624 p.

Vtoraia mezhdunarodnaia konferentsiia «Rossiia i Kitai: k novomu kachestvu dvustoronnykh otnoshenii» (Second International Conference 'Russia and China: Towards a New Quality of Bilateral Relations'). Moskva, 30-31 maia 2016. Moskva: Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council), 2016.

Zhao, H. China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia / H. Zhao // *Trends in Southeast Asia*, 2015, No. 3.

Zhao, H. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate / H. Zhao // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6, pp. 1-7.

Zhao, Hong. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-37-57>

TRANSREGIONAL AND REGIONAL PROJECTS IN “POST-WESTERN” INTERNATIONAL REALITY

Alexei D. Voskressenski

MGIMO University, Moscow, Russia

Ekaterina V. Koldunova

MGIMO University, Moscow, Russia

Anna A. Kireeva

*MGIMO University, Moscow, Russia***Article history:**

Received:

1 April 2017

Accepted:

20 April 2017

About the authors:

Alexei D. Voskressenski, Dr. Pol. Sc., PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies), Dean of the School of Political Affairs; Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University

e-mail: sravnitpolit@mail.ru

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University

e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Anna A. Kireeva, Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University

e-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru**Key words:**

theory of complex systems, social engineering, world system, transregional projects, Eurasia, Asia-Pacific, the USA, Russia, China, world regional studies, international political economy

Abstract: The article focuses on the theoretical and practical explanations of political and economic processes in the “post-Western” international reality. Proceeding from the assumptions of the complex system theory, the authors prove the necessity to use already established analytical approaches in combination with the newly developed ones to be able to understand and forecast the spatial-temporal evolution of the international system as a complex system. International political economy and world regional studies now investigate the empirical aspects of working out the most competitive and simultaneously most stable socio-political and political-economic model of development. These studies also search for the ways national versions of development can become closer to this model and analyze to what extent regional/national models may differ from it without losing their international competitiveness. Exploring the evolution of the international system and political and economic transformations in the world leading states the authors conclude that a polycentric world cannot sustain a growing geopolitical confrontation and struggle for the geopolitical influence over the buffer areas. The polycentric international system requires a consensual elaboration of mutually beneficial regional policies aimed at building transregional links between various regional areas. Reducing the instability in its regional and national segments the international system will move towards its overall greater stability. The authors further support this assumption analyzing transregional projects in Eurasia and the Asia-Pacific region.

Для цитирования: Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2. – С. 37-57.

For citation: Voskressenski, Alexei D.; Koldunova, Ekaterina V.; Kireeva, Anna A. Transregional'nye i regional'nye proekty v usloviakh «postzapadnoi» mezhdunarodnoi real'nosti (Transregional and Regional Projects in “Post-Western” International Reality) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2 pp. 37-57.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-37-57

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-37-57

ОТ РЕГИОНАЛИЗМА К ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМУ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ксения Александровна Ефремова

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 19 декабря 2016 <i>Принята к печати:</i> 27 февраля 2017</p>	<p>Аннотация: Регионализм как феномен международных отношений имеет давнюю историю, берущую начало в послевоенные годы. Он хорошо изучен как теоретически, так и практически. Исследователям не составляет труда идентифицировать «старый» и «новый» регионализм, объяснить его логику. Вместе с тем, классическая теория регионализма не позволяет осмыслить современные процессы межрегиональной и трансрегиональной интеграции, разворачивающиеся на наших глазах. Общим для них является то, что все они связаны с процессом глобализации и представляют собой коллективную реакцию на него, варьирующуюся от региона к региону. Вместе с тем, цели и масштаб их существенно разнятся. Регионализм опирается на межгосударственное и, шире, транснациональное сотрудничество в пределах международного региона. Он подчиняется логике установления институционализированных взаимосвязей, которые могут принимать различные формы – от регулярных консультаций на министерском уровне до создания наднациональных органов и выработки общей согласованной политики. Межрегиональное сотрудничество развивается на базе институционализированных соглашений между государствами-представителями двух и более международных регионов, которые могут выступать как поодиночке (так называемый квази- или гибридный межрегионализм), так и в составе региональной организации или неформального регионального блока. Логика межрегионализма основывается на стремлении расширить географию экономического взаимодействия за счёт выхода на новые региональные рынки. В основе трансрегионального сотрудничества, напротив, лежат, в первую очередь, политические факторы, а именно, стремление отдельных государств, разделяющих общие ценности, объединиться ради более эффективного участия в глобальном управлении. Представляется, что исследования регионализма, межрегионализма и трансрегионализма могут внести существенный вклад в развитие современной теории международных отношений.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, Кафедра востоковедения, МГИМО МИД России e-mail: efremova@mgimo.ru</p>	<p>Ключевые слова: регион, макрорегион, регионализация, регионализм, межрегионализм, интеррегионализм, трансрегионализм</p>

Проблемы регионального, межрегионального и трансрегионального сотрудничества приобретают сегодня особое звучание, привлекая внимание всё большего числа отечественных и зарубежных исследователей. Современный мир стремительно меняется, меняются и наши представления о нём. Ещё недавно популярные теории региональной интеграции уже не отражают всей картины происходящего. На смену им приходят концепции межрегионального и трансрегионального взаимодействия, кроссрегиональные и макрорегиональные подходы. Несмотря на обилие работ, посвященных исследованию конкретных регионов, доля

теоретических изысканий в этом объёме научной литературы весьма невелика¹. Регио-

¹ Среди недавних обзорных статей, рассматривающих вопросы терминологии региональных исследований, нужно упомянуть следующие: Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. – 2016. – № 2. – С. 14-25 [Kuznetsov, D.A. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i kontseptualizatsii (The phenomenon of transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization) // *Sravnitel'naia politika*, 2016, No. 2, pp. 14-25]; Прохоренко И.Л. Новый регионализм и трансформация международного порядка // Пути к миру и безопасности. – 2015. – № 2. –

нальный срез международных отношений открывает сравнительно новый пласт фактического материала, лишь отчасти затронутого политической теорией. В силу своей малоизученности он представляет особый интерес для учёных-международников.

Начиная разговор о регионализме и его модификациях, обратимся к его истории. Регионализм как явление международной жизни зародился в середине прошлого столетия, когда страны Западной Европы начали предпринимать первые попытки регионального объединения на внеблоковой основе. Главной задачей подобного рода объединений, ставившей перед собой, в первую очередь, экономические цели, было преодоление взаимных страхов и противоречий, унаследованных от прошлого. Аналогичные процессы происходили в Юго-Восточной и Южной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и Латинской Америке. Параллельно создавались и трансрегиональные военно-политические и политико-экономические группировки, такие как НАТО, СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС, АНЗЮК, АЗПАК и др.

Распад биполярной системы придал новый импульс развитию региональной, межрегиональной и трансрегиональной интеграции. После окончания «холодной войны» процессы регионализации, долгое время остававшиеся в тени глобального противостояния сверхдержав, вышли на поверхность, стимулировав интерес экспертного и академического сообщества к их изучению. За прошедшие четверть века теоретические подходы, претендующие на описание и объяснение постбиполярных реалий, значительно эволюционировали. В связи с этим ниже мы рассмотрим основные концепции, связанные с понятиями регионализма, межрегионализма и трансрегионализма, в их взаимной соотносённости, а также проследим трансформацию заложенных в них смыслов. Но прежде чем перейти к анализу данных терминов, определим само понятие «регион», являющееся ключевым для их адекватного понимания.

Регион (Region)

Дискуссия о природе региона насчитывает не один десяток лет². Если вкратце

С. 20-28 [Prokhorenko, I.L. *Novyi regionalizm i transformatsiia mezhdunarodnogo poriadka* (The New Regionalism and Transformation of the World Order) // *Puti k miru i bezopasnosti*, 2015, No. 2, pp. 20-28]; Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнительная политика*. – 2012. – № 2. – С. 30-58 [Voskresenskii, A.D. *Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh* (Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, and Regional Transformations in the Contemporary IR) // *Sravnitel'naia politika*, 2012, No. 2, pp. 30-58]; Börzel, T.A. *Theorizing Regionalism: Cooperation, Integration, and Governance* // *Oxford Handbook of Comparative Regionalism* / Ed. by T.A. Börzel, T. Risse. Oxford: Oxford University Press, 2016. Pp. 1-29; Gardini, G.L., Malamud, A. *Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique – With a Transatlantic Focus* // *Atlantic Future Working Paper*, 2015, No. 38, pp. 22-24; Fjäder, C. *Regionalism in Asia and Europe in a Theoretical Perspective: 'Rationalist' and 'Ideational' Approaches* // *Asia-Pacific Journal of EU Studies*, 2012, Vol. 10, No. 1, Vol. 73-101; и др.

² Среди недавних публикаций на эту тему стоит назвать следующие: *Мировое комплексное регионоведение: учебник* / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014. – 416 с. [Mirovye kompleksnoe regionovedenie: uchebnik. (World Regional Studies: A Textbook) / Ed. by Prof. Alexei D. Voskresenskii. Moscow: Magistr; INFRA-M, 2014. 416 p.]; Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // *Регионалистика*. – 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 18-32 [Kireev, A.A. *Poniatie «region» i predmetno-metodologicheskie problemy regionovedeniia* (The Concept of Region and Subject-Methodological Issues of Regional Studies) // *Regionalistika*, 2014, Vol. 1, No. 1, pp. 18-32.]; Межевич Н.М. Определение категории «регион» в современном научном дискурсе // *Псковский регионалогический журнал*. – 2006. – № 2. – С. 3-22 [Mezhevich, N.M. *Opredelenie kategorii «region» v sovremennom nauchnom diskurse* (Definition of the Region in the Contemporary Scholarly Discourse) // *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, 2006, No. 2, pp. 3-22]; Каримова А.Б. Регионы в современном мире // *Социологические исследования*. – 2006. – № 5. – С. 32-41 [Karimova, A.B. *Regiony v*

суммировать её основные направления, то можно выделить два базовых подхода к онтологии региона: регион как самостоятельная сущность и регион как аналитический конструкт. Сторонники первого подхода (реалисты, эмпирицисты) полагают, что регионы существуют сами по себе, независимо от взглядов и убеждений исследователя. По их мнению, мир безусловно членится на регионы «без остатка», а границы между регионами являются чётко зафиксированными и относительно постоянными. Конфигурацию региона можно однозначно определить исходя из комплекса его физико-географических, социально-экономических, военно-политических, культурно-религиозных и прочих характеристик. Примером подобного анализа являются географический и (в меньшей степени) цивилизационный подходы.

Географический подход опирается на физико-географические критерии выделения регионов, различая шесть частей света (макрорегионов), которые, в свою очередь, подразделяются на регионы и субрегионы. Вместе с тем, такое, казалось бы, самоочевидное деление не является исключительным: возможна и альтернативная трактовка, отталкивающаяся не от крупных массивов суши (Северная и Южная Америка, Европа, Азия, Африка, Австралия), а от прибрежных зон мирового океана. По этому принципу выделяют Арктический, Евро-Атлантический, Азиатско-Тихоокеанский, Индоокеанский регионы. Таким образом, географический подход не позволяет однозначно разделить земную поверхность на непересекающиеся региональные сегменты.

Ещё сложнее обстоит дело с цивилизационным подходом, опирающимся на

культурно-демографические критерии. Чтобы провести чёткие границы между зонами расселения народов, принадлежащих к той или иной расе, исповедующих ту или иную религию, обладающих той или иной культурой, исследователям приходится признавать наличие анклавов, эксклавов и лимитрофов, подчас распространяющихся на целые географические регионы (например, «пограничная» в цивилизационном отношении Юго-Восточная Азия). Цивилизационное определение региона как относительно гомогенного пространства, характеризующегося специфической однородностью географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, очень расплывчато и с трудом поддаётся операционализации. А самое главное, даже признавая наличие «ядра» локальных цивилизаций, исследователи затрудняются установить, где именно проходит граница между различными цивилизациями (особенно это заметно на примере полуострова Индостан, где сталкивается индуистское и мусульманское культурное влияние).

Приверженцы второго подхода к вычленению регионов (конструктивисты, постмодернисты) полагают, что само понятие региона представляет собой аналитический конструкт, существующий в воображении исследователя, который может «накладываться» на объективную реальность с целью систематизации и типологизации её объектов. Проведённые таким образом границы являются произвольными (конвенциональными) и могут взаимно пересекаться, не нарушая стройности аналитической конструкции. Так, например, конфигурация региона может меняться в зависимости от того, рассматриваются ли параметры региональной системы безопасности, культурно-исторических взаимосвязей или торгово-экономического сотрудничества между сопредельными странами. Ключевыми понятиями здесь являются идентификация и самоидентификация (чувство принадлежности к региону, или *regionness*), позволяющие провести региональные границы с учётом мнения самих народов, населяющих регион, и их ближайшего окружения.

sovremennom mire (Regions in the Contemporary World) // *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2006, No. 5, pp. 32-41]; Langenhove, L. Van. What Is a Region? Towards a Statehood Theory of Regions // *Contemporary Politics*, 2013, Vol. 19, No. pp. 474-490; Agnew, J. A. Arguing with Regions // *Regional Studies*, 2013, Vol. 47, No. 1, pp. 6-17; Paasi, A. The Region, Identity, and Power // *Procedia – Social and Behavioral Science*, 2011, Vol. 14, No. 1, pp. 9-16; Fawn, R. 'Regions' and Their Study: Wherefrom, What for and Whereto? // *Review of International Studies*, 2009, Vol. 35, Supplement S1, pp. 5-34; и др.

Таким образом, понятие региона превращается из умозрительной конструкции в удобный, рабочий аналитический инструмент. Вместе с тем, данный подход не учитывает реальные различия, которые существуют между отдельными сегментами земной поверхности и населяющего её социума, заменяя их различиями воображаемыми. Как следствие, границы региона оказываются лабильными, что затрудняет его комплексное изучение.

Какая же точка зрения верна? На этот вопрос нет однозначного ответа. Человеческое сообщество, безусловно, является неоднородным (что говорит о справедливости первого подхода), но при этом оно само осознаёт эту однородность и пытается её зафиксировать в конвенциональных терминах (что свидетельствует в пользу второго подхода). По всей видимости, отчасти правы и те, и другие. Для успешного, плодотворного анализа региональных, межрегиональных и трансрегиональных процессов необходимо комплексное, синкретическое определение региона, учитывающее обе точки зрения. Как указывал известный американский географ Джон Эню, «регионы отражают и [объективные] различия в мире, и представления об этих различиях»³. Стремление свести понимание региона к какой-то одной составляющей он считал контрпродуктивным.

Идейное противостояние реалистов и конструктивистов наглядно проявляется в попытках концептуализировать понятие «регион». Так, например, сам Джон Эню, несмотря на заявленную попытку синтеза, определял регион как «однородную часть пространства, обладающую устойчивой отчётливостью благодаря своим физическим и культурным характеристикам»⁴, что, безусловно, ближе к эмпирическому подходу. В то же время его британский коллега Рик Фон утверждал, что «регион существует там, где акторы (включая правительственных) определяют и провозглашают свою

особую [региональную] идентичность»⁵, что соответствует нормативному подходу. Встречаются и попытки синтеза двух противоположных подходов. Так, финский географ Ансси Пааси называет регионы «исторически обусловленными социальными процессами», которые «были институционализированы в ходе более широкой региональной трансформации и могут впоследствии деинституционализироваться, слившись с другими региональными пространствами или распавшись на более мелкие части»⁶. В данном определении подчёркивается как эмпирическая составляющая понятия «регион» (наличие определённого «регионального пространства»), так и его нормативная составляющая (способность к институционализации / деинституционализации).

А. Пааси выделяет четыре стадии процесса формирования региона: (1) территориальное оформление (т.е. образование «жёстких» либо «мягких» границ); (2) символическое оформление (т.е. появление у региона названия и прочих символов, позволяющих его идентифицировать); (3) институциональное оформление (т.е. появление институтов, создающих и воссоздающих соответствующие территориальные и символические формы); и (4) формирование региона как части региональной системы и общественного сознания (т.е. появление особой региональной идентичности). Идентичность, в свою очередь, состоит из двух элементов: идентичность самого региона и идентичность регионального самосознания людей, его населяющих, и сознания людей, живущих за его пределами⁷. Таким образом, в трактовке А. Пааси органично соединяются эмпирический и нормативный аспекты концептуализации понятия «регион».

Ещё одним противоречием, касающимся природы региона, является выбор базового основания для его вычленения. Часть ис-

³ Agnew, J. Regions on the Mind Does Not Equal Regions of the Mind // *Progress in Human Geography*, 1999, Vol. 23, No. 1, p. 93.

⁴ Agnew, J.A. Arguing with Regions // *Regional Studies*, 2013, Vol. 47, No. 1, p. 7.

⁵ Fawn, R. 'Regions' and Their Study: Wherefrom, What for and Where? // *Review of International Studies*, 2009, Vol. 35. Supplement S1, p. 13.

⁶ Paasi, A. The Region, Identity, and Power // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2011, Vol. 14, No. 1, pp. 10-11.

⁷ Ibid. Pp. 12-13.

следователей считает, что регионы следует выделять по формальным признакам (например, по степени однородности наблюдаемых в нём характеристик), тогда как другая часть настаивает на применении функциональных критериев (например, степени внутренней взаимосвязанности составляющих его элементов). Формальный подход в большей мере характерен для культурологических исследований, тогда как функциональный подход типичен для экономических, социологических и политологических работ. Например, классическая теория локальных цивилизаций Арнольда Тойнби⁸ основана на формальном подходе, а широко известная концепция «региональных комплексов безопасности» Барри Бузана и Оле Уэвера⁹ представляет собой яркий пример функционального подхода.

Важность дискуссии о природе региона обусловлена практической задачей адекватной систематизации имеющегося научного знания о мире, разделённом на региональные сегменты. Для того, чтобы построить таксономию регионов, нужны чёткие критерии, позволяющие оценивать качество соответствующих схем. Набор таких критериев предложили американские исследователи Мартин Льюис и Карен Уиджен, разработавшие десять принципов «критической метагеографии»¹⁰:

1. Отказ от картографического этноцентризма.
2. Отказ от географического детерминизма.
3. Последовательное применение выбранных критериев.
4. Чёткость и недвусмысленность определения региона.
5. Точность формулировок того, что включено и что не включено в критерии определения региона.

⁸ Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с. [Toynbee, A. Dzh. Postizhenie istorii. Sbornik (Study of History) / Transl. by. E.D. Zharkov. Moscow: Rol'f, 2001. 640 p.]

⁹ Buzan, B.; Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

¹⁰ Lewis, M.W. The Myth of Continents: A Critique of Metageography / M.W. Lewis, K.E. Wigen. Berkeley-Los Angeles, CA: University of California Press, 1997. Pp. 194-200.

6. Использование однотипных критериев при определении регионов.

7. Отказ от присвоения регионам идеологизированных ярлыков.

8. Обозначение исторического контекста, в котором используется данное определение региона.

9. Понимание пределов применения любой региональной схемы.

10. Креативное картографическое видение, способность к разработке новых региональных схем, альтернативных уже имеющимся.

Использование данных принципов позволяет исследователям самостоятельно оценивать создаваемые ими таксономии регионов, исходя из степени их соответствия обозначенным требованиям. Таким образом, процесс разделения мира на непересекающиеся региональные сегменты становится более упорядоченным и отвечающим строгой научной логике.

Задача построения таксономии регионов, однако, осложняется тем, что само понятие региона (как бы мы его ни определяли), подразумевает наличие таксонов трёх пересекающихся уровней: внутривосточного, международного и трансграничного. Внутривосточные регионы, как правило, являются результатом административно-территориального деления (например, Центральный федеральный округ или Московская область), но могут отражать и неформальные различия, являющиеся значимыми для (само)идентификации тех или иных территорий (например, Сибирь или Поволжье). Международные регионы образуются в ходе взаимодействия государств и квазигосударственных образований, в том числе и переходящего на наднациональный уровень (например, Ближний Восток или Европейский Союз). И, наконец, трансграничные регионы формируются в процессе углубления кооперации между приграничными областями нескольких государств (например, «треугольники» и «четырёхугольники» роста в Юго-Восточной Азии).

Регионализм (Regionalism)

Формирование регионов тесно связано с такими понятиями как «регионализация»

и «регионализм». В российской академической традиции принято противопоставлять две эти категории: считается, что регионализация обозначает процесс образования региона, инициированный негосударственными акторами (прежде всего, бизнесом) и развивающийся «снизу вверх», тогда как регионализм предполагает сознательное конструирование региона «сверху вниз» на межправительственном уровне¹¹. Вместе с тем, существуют и другие трактовки этих многозначных терминов. Так, профессор Оксфордского университета Эндрю Харрел рассматривает регионализацию как одну из разновидностей регионализма. Всего он выделяет пять таких разновидностей¹²:

1. *Регионализация (regionalization, или soft regionalism)* – процесс неформальной интеграции в рамках региона, движущей силой которого является социальное и экономическое взаимодействие между различными деловыми структурами, общественными организациями и частными лицами. Регионализация приводит к укреплению экономической взаимозависимости и характеризуется наличием более тесных взаимосвязей в рамках географического региона по сравнению с теми, которые существуют между этим регионом и другими частями земного шара. Этот процесс развивается относительно автономно, хотя, как правило, он всё же испытывает некоторое влияние со стороны заинтересованных государств.

Регионализация подразумевает также увеличение миграционных потоков, создание многочисленных информационных каналов и комплексных социальных сетей, благодаря которым идеи, политические предпочтения и образы мышления распространяются из одной области в другую.

¹¹ Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014. – С. 109. [Mirovye kompleksnoye regionovedeniye : uchebnik (World Regional Studies: A Textbook) / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magistr, INFRA-M, 2014. P. 109.]

¹² Hurrell, A. Regionalism in Theoretical Perspective // Regionalism in World Politics: Regional Organizations and International Order / Ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 37-73.

Это способствует формированию в пределах данного региона транснационального гражданского общества, которое подрывает монолитный характер государства и ведёт к созданию межправительственных альянсов, развитию многоуровневых трансграничных взаимодействий, появлению новых форм идентичности над- и субнационального уровня. Перемещение товаров, капитала и рабочей силы сближают между собой государства или их отдельные территории, создавая новые международные и/или трансграничные регионы.

2. *Формирование регионального самосознания и идентичности (regional awareness and identity)* – складывание разделяемого всеми жителями региона представления о принадлежности к определённому сообществу, формирующегося под влиянием внутренних и внешних факторов. К внутренним факторам относятся общая культура, история и религиозные традиции, а к внешним – образ «другого», отталкиваясь от которого, региональное сообщество осознаёт свою самобытность. Чаще всего, образ «другого» связан с восприятием угроз региональной безопасности (как, например, в случае Латинской Америки, опасавшейся гегемонизма США) или культурного вызова (как, например, в случае противопоставления Запада и не-Запада, практикуемого многими азиатскими, африканскими, латиноамериканскими и евразийскими идеологами). Сформулированная таким образом региональная идентичность имеет глубокие исторические корни и основывается на определении региона и тех ценностей и смыслов, которые он олицетворяет.

3. *Региональное межгосударственное сотрудничество (regional interstate co-operation)* – заключение межгосударственных и/или межправительственных соглашений, создание соответствующих международных режимов. Региональное сотрудничество может подразумевать образование формальных международных институтов, однако это не является его непременным условием: в ряде случаев, оно организуется на неформальной основе, включающей согласованные правила и механизмы проведения регулярных встреч глав государств и правительств или министров, курирующих те или

иные направления сотрудничества. Характерно то, что высокая степень институционализации многостороннего диалога не гарантирует его эффективности или политической значимости: нередко международные организации, созданные для решения региональных проблем, в силу своей забюрократизированности или поляризованности позиций их участников не в состоянии справиться с возложенными на них задачами. И наоборот, неформальные консультации могут оказаться намного результативнее формальных переговоров.

Институты и режимы, возникающие в ходе межгосударственных соглашений, могут создаваться как средство оперативного реагирования на внешние угрозы и вызовы, как инструмент согласования региональных позиций в международных организациях или переговорных площадках, или как механизм решения общих проблем, в том числе возникающих в результате усиливающейся региональной взаимозависимости. В отличие от некоторых других разновидностей регионализма, сотрудничество такого рода является государственноцентричным, задуманным с целью защитить роль государства и укрепить власть правительства.

4. *Целенаправленная региональная интеграция (state-promoted regional integration)*, или регионализм в узком смысле этого слова – политика, осознанно проводимая государствами региона, ориентированная на сокращение либо полную отмену барьеров на пути взаимного обмена товарами, услугами, капиталами и рабочей силой. Региональные интеграционные процессы классифицируются исходя из их объёма (т. е. широты охвата рассматриваемых проблем), глубины (т. е. степени гармонизации национальных политик), институционализации (т. е. наличия формальных институтов) и централизации (т. е. образования наднациональных органов, отвечающих за проведение общерегиональной политики). Кроме сугубо экономической составляющей, процесс региональной интеграции может включать в себя формирование сообщества безопасности и/или социокультурного сообщества (как, например, это имеет место в случае ЕС или АСЕАН).

5. *Региональная консолидация (regional cohesion)* – формирование консолидирован-

ного регионального пространства, ставшее итогом параллельного развития четырёх вышеупомянутых процессов: регионализации, поиска региональной идентичности, регионального межгосударственного сотрудничества и сознательной политики региональной интеграции. Консолидация может пониматься двояко: (1) как появление особого, регионального уровня во взаимоотношениях стран региона с окружающим миром; и (2) как складывание особой, региональной политики в отношении широкого круга региональных проблем. Для внешних игроков регионализм становится политически значимым тогда, когда он вынуждает окружающие державы выстраивать двусторонние отношения с государствами региона с учётом регионального фактора. Для самих государств региона регионализм обретает значимость тогда, когда оставаться в стороне от региональных процессов становится и политически, и экономически невыгодно. Таким образом, консолидированный регион приобретает самостоятельную роль в международных отношениях.

Существует несколько потенциальных моделей региональной консолидации. Первая модель подразумевает создание наднациональных институтов в контексте углубляющейся экономической интеграции. Вторая модель предполагает заключение серии взаимосвязанных и институционально крепких международных соглашений или режимов. Третья модель предусматривает сочетание традиционного межгосударственного и нарождающегося наднационального взаимодействия. Четвёртая модель опирается на развитие консоциативных конфедеративных подходов. Пятая модель характеризуется наличием «неосредневекового» регионального порядка, в котором принципы территориальности и суверенитета уступают место пересекающимся идентичностям и влияниям. И, наконец, шестая модель базируется на концепции регионального гегемона, который при наличии сильных региональных институтов (или при их отсутствии) проводит политику доминирования в отношении других стран региона.

К пяти разновидностям регионализма, описанных Э. Харрелом, следует добавить

шестую, а именно, *регионализм как процесс макрорегионализации*, выступающей в качестве альтернативной (или, в другой трактовке, промежуточной) формы глобализации. Макрорегионализация характеризуется «стяжением» регионального пространства в макрорегиональные комплексы, представляющие собой прообразы полюсов мировой системы. Как отмечает профессор МГИМО МИД России А.Д. Воскресенский, «подобный процесс даёт возможность различным странам:

- участвовать в глобализации в щадящем варианте, не испытывая давления со стороны всей мировой экономики;

- резко подтягивать менее развитые государства макрорегиона, предоставляя им преференции и инвестируя в их экономику;

- улучшать позиции бизнеса более развитых стран, получающего расширение географической зоны действий в льготном варианте;

- укреплять геополитические позиции, поскольку масштабы становятся намного крупнее и интеграционная группировка способна гораздо лучше коллективно защищать своих членов от иностранной конкуренции»¹³.

Как мы видим, понятие макрорегиональных комплексов тесно связано с идеей регионализации и является её логическим продолжением (и развитием) в новых международных условиях. Ядром и движущей силой процессов макрорегионализации выступают, с одной стороны, крупные региональные державы (такие как Китай, Индия, Австралия), а с другой, региональные объединения малых и средних государств (такие как АСЕАН). Таким образом, процесс «стяжения» регионов является, безусловно, выгодным и для крупных, и для малых игроков, стремящихся обеспечить свои экономические и политические интересы в ходе нарастающей глобализации мировой эконо-

мики. В то же время, процессы макрорегионализации могут стимулироваться не только экономическими, но и секьюритарными факторами: примером тому является формирование макрорегионального комплекса Большого Ближнего Востока, включающего не только арабские страны и Израиль, но и близлежащие государства Среднего Востока и Центральной Азии.

Становление регионализма как аналитической концепции прошло два этапа. Принято выделять «старый» (1950-е – 1960-е гг.) и «новый» (со второй половины 1980-х гг.) регионализм. «Старый» регионализм опирался в основном на европейский опыт и был связан с теориями федерализма, функционализма и неофункционализма. В его основе лежало убеждение в необходимости ограничить государственный суверенитет, передав часть его наднациональным органам или международным организациям. Предполагалось, что этому будет способствовать более тесное экономическое сотрудничество между заинтересованными странами: формирование зоны свободной торговли приведёт к появлению сначала таможенного союза, а затем общего рынка, экономического союза и политического союза (теория венгерского экономиста Белы Балаши)¹⁴.

Однако практика показала, что переход от экономической кооперации к сотрудничеству в сферах политики и безопасности возможен только в том случае, если он отвечает национальным интересам государств, участвующих в этом процессе. Осознание данного факта экспертно-аналитическими кругами способствовало развитию концепции «нового» регионализма, ставящего в центр своего анализа национальное государство, подверженное вызовам интернационализации и глобализации экономики. География региональных исследований значительно расширилась благодаря компаративным исследованиям азиатского, африканского, латиноамериканского и североамериканского опыта. Регионализм стал рассматриваться как вариант глобализации

¹³ «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – С. 93-94. [«Bol'shaia Vostochnaia Azia»: mirovaia politika i regional'nye transformatsii (Greater East Asia: World Politics and Regional Transformations) / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: MGIMO-Universitet, 2010. Pp. 93-94.]

¹⁴ Hettne, B. Beyond the 'New' Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10, No. 4, pp. 545-546.

и, одновременно, как протекционистская реакция на неё¹⁵.

Межрегионализм (Interregionalism)

«Старый» регионализм был феноменом «холодной войны», в то время как «новый» регионализм формировался под воздействием многополярного мироустройства, являясь частью процессов глобальной структурной трансформации. Эти изменения затронули и сами регионы, которые из географических объектов, где разворачивалось действие вне-региональных и региональных сил, превратились в самостоятельных акторов мировой политики. Как акторы, они приобрели определённую субъектность, персонифицированную, как правило, в лице региональной организации (ЕС, АСЕАН и др.). Региональные организации начали взаимодействовать друг с другом на регулярной основе. Так появилось понятие межрегионального сотрудничества, т. е. сотрудничества между регионами.

Сам термин «межрегионализм» (или, как его иногда переводят, «интеррегионализм») вошёл в лексикон политической науки сравнительно недавно, но уже породил значительный объём научной литературы, посвящённой теоретическому осмыслению этого феномена¹⁶. Под межрегионализмом чаще всего понимается институционализация отношений между двумя региональными группировками (например, формат

ЕС-МЕРКОСУР). Выделяют и гибридные формы межрегионализма, когда отношения устанавливаются между региональной организацией (организациями) и отдельным государством¹⁷ или группой государств, расположенными в другом регионе (например, формат «АСЕАН+3» или АСЕМ). Кроме того, о межрегионализме можно говорить и тогда, когда имеет место диалог между двумя или несколькими неинституционализированными группами государств из разных регионов мира (например, Форум восточноазиатско-латиноамериканского сотрудничества). Принципиальным моментом здесь является наличие ярко выраженных региональных блоков, представляющих соответствующие регионы. В этом смысле АТЭС, в рамках которой не выделяется подобных блоков, не может считаться полноценным межрегиональным объединением (скорее, это макро-региональная организация)¹⁸.

Таким образом, как отмечает швейцарский учёный Хайнер Хэнгги, межрегиональными являются отношения:

- региональной организации с региональной организацией;
- региональной организации с региональной группой;
- региональной группы с региональной группой.

Кроме того, Х. Хэнгги различает «старый» межрегионализм, характерный для ЕЭС в период «холодной войны», и «новый» межрегионализм, сложившийся после окончания биполярного противостояния. Принципиальным отличием «старого» и «нового» межрегионализма Х. Хэнгги считает то, что первый был сконцентрирован на проблеме акторов, тогда как второй сфокусирован на

¹⁵ Ibid. P. 548.

¹⁶ Из недавних публикаций заслуживают внимания следующие работы: Gardini, G.L.; Malamud, A. Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique – With a Transatlantic Focus // *Atlantic Future Working Paper*, 2015, No. 38, pp. 1-23; Baert, F.; Scaramagli, T.; Söderbaum, F. Introduction: Intersecting Interregionalism // *Intersecting Interregionalism. Regions, Global Governance and the EU*. Dordrecht: Springer Netherlands, 2014. Pp. 1-12; Doidge, M. Joined at the Hip: Regionalism and Interregionalism // *Journal of European Integration*, 2007, Vol. 29, No. 2, pp. 229-248; Hänggi, H. Interregionalism as a Multifaceted Phenomenon: In Search of a Typology // *Interregionalism and International Relations: A Stepping Stone to Global Governance?* / Ed. by H. Hänggi, J. Rüland, R. Roloff. N.Y.-L.: Routledge, 2005. Pp. 31-62; и др.

¹⁷ По мнению Х. Хэнгги, отношения региональной организации с отдельным государством, принадлежащим другому региону, корректнее называть не межрегиональными, а квазимежрегиональными. В литературе встречается и другое наименование для отношений такого типа – гибридный межрегионализм.

¹⁸ Hänggi, H. Interregionalism as a Multifaceted Phenomenon: In Search of a Typology // *Interregionalism and International Relations: A Stepping Stone to Global Governance?* / Ed. by H. Hänggi, J. Rüland, R. Roloff. N.Y.-L.: Routledge, 2005. Pp. 34-42.

проблемах системного уровня. Отношения региональной организации с региональной группой и региональной группы с региональной группой (менее формальные, чем сотрудничество между региональными организациями), по его мнению, присущи в основном «новому» межрегионализму. Именно они получили наибольшее развитие в постбиполярный период¹⁹.

В свою очередь, британский исследователь Мэтью Дойдж выделяет две других разновидности межрегионализма: (1) нацеленный вовнутрь, на укрепление собственного потенциала; и (2) нацеленный вовне, на проявление активности в глобальном масштабе²⁰. Очевидно, что это деление перекликается с дихотомией «закрытого» и «открытого» регионализма: в первом случае, имеет место желание государств региона отгородиться от мировой экономики, проводя протекционистскую политику и опираясь на импортозамещение; во втором случае, региональные структуры используются странами региона для более эффективной и менее болезненной интеграции в мировую экономику²¹. Те же процессы наблюдаются и на межрегиональном уровне.

Как отмечают Джан Гардини и Андре Маламут, специфика межрегиональных отношений состоит в том, что в них участвуют не только государства, но и надгосударственные и негосударственные акторы. При этом задействуются не только формальные переговорные механизмы, но и механизмы неформального диалога. Эти отношения, как правило, асимметричны (состав участников варьируется от высокоинституционализированных наднациональных организаций до слабо соединённых между собой государств и территорий) и охватывают, в первую очередь, вопросы экономики и взаимовыгодного сотрудничества. Проблемам «высокой политики», связанным с международной безопасностью, в рамках межрегиональных

объединений обычно уделяется второстепенное внимание. Особенностью межрегионализма является также наличие пересекающихся или накладывающихся друг на друга региональных пространств (например, развитие диалога ШОС-ЕАЭС)²².

Согласно классификации Дж. Гардини и А. Маламута, существует ещё одна разновидность межрегионализма – «невидимый» межрегионализм (*stealth interregionalism*), который характеризуется отсутствием формальной институционализации устойчивых межрегиональных связей. В качестве примера «невидимого» межрегионализма можно привести валютную интеграцию, сложившуюся между рядом стран Африки и зоной евро: как известно, западноафриканский франк (официальная валюта в восьми странах), центральноафриканский франк (официальная валюта в шести странах), коморский франк, кабо-вердийское эскудо и добра Сан-Томе и Принсипи привязаны к евро двусторонними соглашениями, что фактически способствует формированию единой трансконтинентальной валютной зоны²³. Вместе с тем, отсутствие формальной институционализации не позволяет отнести «невидимый» межрегионализм к межрегионализму «в чистом виде», описанному Х. Хэнги.

Дж. Гардини и А. Маламут выделяют четыре типа отношений между регионами: (1) *лидерство*, когда более сильное региональное объединение берёт на себя ответственность за установление целей, мониторинг прогресса и предоставление инструментов для того, чтобы ведомый регион выполнял достигнутые между ними договорённости; (2) *эмуляция*, когда нарождающееся интеграционное объединение копирует институты и перенимает опыт ведущего региона; (3) *экономическая помощь*, когда регион-донор оказывает технологическую, финансовую и иную поддержку региону-реципиенту; и (4) *обмен*, когда регионы заключают взаимовыгодные договорённости

¹⁹ Ibid. P. 52.

²⁰ Doidge, M. Joined at the Hip: Regionalism and Interregionalism // *Journal of European Integration*, 2007, Vol. 29, No. 2, p. 242.

²¹ Bowles, P. ASEAN, AFTA and the «New Regionalism» // *Pacific Affairs*, 1997, Vol. 70, No. 2, p. 225.

²² Gardini, G.L.; Malamud, A. Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique – With a Transatlantic Focus // *Atlantic Future Working Paper*, 2015, No. 38, pp. 3-7.

²³ Ibid. P. 7.

в торгово-экономической или иной сфере²⁴. Таким образом, можно предположить, что большинство межрегиональных соглашений укладывается в логику сотрудничества по линии Север-Юг или Юг-Юг.

Завершая разговор о межрегионализме, следует подчеркнуть, что это многоуровневый, многофакторный процесс, охватывающий всё более широкий круг международных акторов. По мнению уже упоминавшегося выше Р. Фона, «оценки того, как регионы функционируют и взаимодействуют, усложняются тем, что регионы находятся в процессе постоянного становления; это незавершённые проекты, которые, к тому же, отличаются проницаемостью, взаимосвязанностью, способностью оказывать влияние и подвергаться регулярному влиянию со стороны других акторов и регионов»²⁵. Межрегионализм тесно связан с трансрегионализмом, который иногда рассматривают как одну из его разновидностей. Однако, на наш взгляд, в случае с трансрегионализмом мы имеем дело с принципиально новым явлением, требующим самостоятельного теоретического осмысления.

Трансрегионализм (Transregionalism)

Термином «трансрегионализм» принято обозначать «создание интегрированных объединений между различными региональными кластерами, не привязанных к географическому фактору (БРИКС, ТТП и пр.)»²⁶. Трансрегионализм подразумевает «формирование общих пространств, проходящих между (between) регионов и сквозь (across) регионы, в которых составляющие их элементы (индивиды, сообщества, организации) взаимодействуют и имеют тесные

ассоциативные связи друг с другом»²⁷. Он представляет собой относительно новый феномен международной жизни, своего рода «межрегионализм без регионов» (термин Юргена Рюланда). Логика современного трансрегионализма принципиально отличается от той логики, которой руководствуются государства, вступая в региональные организации или заключая межрегиональные соглашения. Если региональные и межрегиональные группировки создаются для развития сотрудничества стран-участниц в сфере политики, экономики и безопасности, то трансрегиональные объединения образуются с целью обеспечить странам-членам возможность участия в процессе глобального управления.

Как полагает российский исследователь Д.А. Кузнецов, трансрегиональный уровень взаимодействия открывает новые возможности для принятия решений, имеющих мировое значение. Трансрегионализм предоставляет возможность формирования более эффективного механизма управления, нежели те, что могут быть созданы на глобальном и региональном уровнях, в силу того, что принятие решений на глобальном уровне сопряжено со сложностью поиска консенсуса между наиболее влиятельными участниками международных отношений, а принятие решений на региональном уровне, как правило, ограничивается рамками конкретного региона. Участие государства в трансрегиональных объединениях открывает перед ним новые возможности, позволяет находить новые эффективные конфигурации в объединении ресурсов, в обеспечении экономического процветания и безопасности, а также новые инструменты для реформирования глобальных институтов, многие из которых находятся в стагнации после краха биполярности²⁸.

²⁴ Ibid. Pp. 8-9.

²⁵ Fawn R. 'Regions' and Their Study: Wherefrom, What for and Whereto? // *Review of International Studies*, 2009, Vol. 35, Supplement S1, p. 14.

²⁶ Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 2. – С. 18 [Kuznetsov, D.A. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i kontseptualizatsii (The Phenomenon of Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization) // *Sravnitel'naya politika*. 2017, No. 2, P. 18].

²⁷ Dent, C.M. From Inter-Regionalism to Trans-Regionalism? Future Challenges for ASEM // *Asia Europe Journal*, 2003, Vol. 1, No. 2, p. 224.

²⁸ Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 2. – С. 22 [Kuznetsov, D.A. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i kontseptualizatsii (The Phenomenon of Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization) // *Sravnitel'naya politika*. 2017, No. 2, P. 22].

Объединение государств в рамках трансрегиональных группировок, как правило, имеет неформальный характер и не сопровождается заключением обязывающих договоров и соглашений. Трансрегиональный формат предполагает, скорее, организацию регулярных встреч в верхах для обсуждения насущных политических, экономических и секьюритарных проблем. По итогам многосторонних консультаций принимаются совместные заявления и декларации, отражающие общую позицию глав государств и правительств транснациональной группировки по ключевым вопросам, выносимым на обсуждение. Несмотря на низкую степень институционализации, решения, принимаемые на трансрегиональном уровне, распространяются на все сферы межгосударственного взаимодействия, включая проведение странами-участницами транснациональной группировки согласованной политики на мировой арене. По такому принципу работают G7, G20, БРИКС и другие аналогичные структуры, претендующие на участие в глобальном управлении.

В качестве отдельной разновидности трансрегионального сотрудничества можно рассматривать и образование мировых энергетических картелей, таких как Организация стран-производителей и экспортёров нефти (ОПЕК) или Форум стран-экспортёров газа (ФСЭГ). Несмотря на то, что эти объединения преследуют довольно специфические цели, принимаемые ими решения имеют глобальные последствия и должны, на наш взгляд, рассматриваться в контексте международной проблематики, связанной с глобальным управлением.

Как отмечают авторы коллективной монографии «Глобальное управление: возможности и риски» под редакцией академиков РАН В.Г. Барановского и Н.И. Ивановой, «теоретические идеи, лежащие в основе современной практики глобального управления, имеют в основном западное происхождение. США, ведущие члены ЕС и в целом страны ОЭСР, выступавшие в роли лидеров глобализации и формирования нового мироустройства после окончания «холодной войны», с 1980-х годов формировали основную повестку обсуждения проблематики глобального

управления в международных организациях. Естественно, что они стремились выстроить систему принципов и институтов международного регулирования, основанных на присутствии им ценностях. Предполагалось, что будет сохраняться и особая роль этих стран в мировом развитии»²⁹.

Тем не менее, начиная со второй половины 2000-х гг. на смену традиционным лидерам приходят крупные не-западные страны, ранее остававшиеся на периферии глобального управления: Китай, Индия, Бразилия, Россия. Руководство этих стран претендует на новую, более значимую роль в формировании глобальной повестки, обсуждении проблем развития мировой экономики и международных отношений, участии в регулировании процессов финансово-экономической и политической глобализации. По мнению экспертов, «на следующие два десятилетия придется этап дальнейшей идейно-теоретической проработки принципов глобального управления, продолжится расширение внимания к моделям его практической реализации в различных пространствах и сферах»³⁰. Есть все основания полагать, что процесс трансрегионализации будет расширяться за счёт включения в него новых государств (что уже происходит – примером здесь может служить создание D8, МИКТА и других группировок) и углубляться за счёт обращения мировых лидеров к новой, актуальной проблематике (в первую очередь, связанной с экологией и нетрадиционными угрозами безопасности).

Заключение

Последовательно рассмотрев теории регионализма, межрегионализма и трансрегионализма, перейдём к выводам о природе этих международных процессов. Общим для них является то, что все они связаны с процессом глобализации и представляют собой коллективную

²⁹ Глобальное управление: возможности и риски / под ред. В.Г. Барановского, Н.И. Ивановой. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – С. 7. [Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski (Global governance: Opportunities and Challenges) / Ed. by V.G. Baranovski, N.I. Ivanova. Moscow: IMEMO RAN, 2015. P. 7.]

³⁰ Ibid. Pp. 7-8.

реакцию на него, варьирующуюся от региона к региону. Вместе с тем, цели и масштаб их существенно разнятся. Регионализм опирается на межгосударственное и, шире, транснациональное сотрудничество в пределах международного региона. Он подчиняется логике установления институционализированных взаимосвязей, которые могут принимать различные формы – от регулярных консультаций на министерском уровне до создания наднациональных органов и выработки общей согласованной политики. Особенностью регионализма является ограничение масштаба взаимодействия государств и негосударственных акторов региональными рамками (при этом регион может пониматься не только как географическая данность, но и как аналитический конструкт). Регионализм может быть «закрытым» (направленным на противодействие вызовам глобализации) и «открытым» (нацеленным на планомерное встраивание в глобальные процессы).

Межрегиональное сотрудничество развивается на базе институционализированных соглашений между государствами-представителями двух и более международных регионов, которые могут выступать как поодиночке (так называемый квази- или гибридный межрегионализм), так и в составе региональной организации или неформального регионального блока. Логика межрегионализма основывается на стремлении расширить географию экономического взаимодействия за счёт выхода на новые региональные рынки. Как правило, межрегиональные объединения создаются там, где имеет место взаимный экономический интерес, хотя нельзя исключать и политическую составляющую этого процесса – как, например, в проекте Трансатлантического торгового-инвестиционного партнёрства (ТТИП).

В основе трансрегионального сотрудничества, напротив, лежат, в первую очередь, политические факторы, а именно, стремление отдельных государств, разделяющих общие ценности, объединиться ради более эффективного участия в глобальном управлении. Трансрегионализм предполагает проведение регулярных встреч на высшем уровне, однако результаты этих встреч, принятые в ходе многосторонних консультаций решения не имеют обязывающего характера: речь идёт лишь о

намерениях сторон придерживаться согласованного курса при решении определённых глобальных проблем. В отличие от «старого» трансрегионализма времён «холодной войны», «новый» трансрегионализм не подразумевает создания военно-политических блоков или какого-либо ограничения свободы участниц в проведении своей внешнеполитической линии. Принципиальной его особенностью является нацеленность последних на поиск компромиссов, согласование позиций и стремление выступать единым фронтом на мировой арене (в частности, на переговорах о реформе глобальных политических, торговых и финансовых структур).

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что процессы регионализации, межрегионализации и трансрегионализации не являются взаимоисключающими: напротив, они развиваются параллельно, хотя и основываются на разной логике. Отмирание «старых» и появление «новых» версий регионализма, межрегионализма и трансрегионализма свидетельствует о том, что с течением времени логика их развития заметно эволюционировала (и продолжает эволюционировать). В целом, очевидно, что данные процессы, долгое время находившиеся на периферии научного интереса учёных-международников, начинают привлекать к себе всё большее внимание экспертно-аналитического сообщества. Представляется, что региональные исследования могут внести существенный вклад в развитие современной теории международных отношений.

Литература:

- «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – с. 93-94.
- Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – № 2. – с. 30-58.
- Глобальное управление: возможности и риски / под ред. В.Г. Барановского, Н.И. Ивановой. – М.: ИМЭМО РАН, 2015.
- Каримова А.Б. Регионы в современном мире // Социологические исследования. – 2006. – № 5. – с. 32-41.
- Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // Регионалистика. – 2014. – Т. 1. – № 1. – с. 18-32.
- Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. – 2016. – № 2. – с. 14-25.

Межевич Н.М. Определение категории «регион» в современном научном дискурсе // Псковский регионально-логический журнал. – 2006. – № 2. – с. 3-22.

Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2014.

Прохоренко И.И. Новый регионализм и трансформация международного порядка // Пути к миру и безопасности. – 2015. – № 2. – с. 20-28.

Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.

Agnew, J. Regions on the Mind Does Not Equal Regions of the Mind // *Progress in Human Geography*, 1999, Vol. 23, No. 1, p. 93.

Agnew, J.A. Arguing with Regions // *Regional Studies*, 2013, Vol. 47, No. 1, pp. 6-17.

Baert, F.; Scaramagli, T.; Söderbaum, F. Introduction: Intersecting Interregionalism // *Intersecting Interregionalism. Regions, Global Governance and the EU*. Dordrecht: Springer Netherlands, 2014. Pp. 1-12.

Börzel, T.A. Theorizing Regionalism: Cooperation, Integration, and Governance // *Oxford Handbook of Comparative Regionalism* / Ed. by T.A. Börzel, T. Risse. Oxford: Oxford University Press, 2016. Pp. 1-29.

Bowles, P. ASEAN, AFTA and the «New Regionalism» // *Pacific Affairs*, 1997, Vol. 70, No. 2, p. 225.

Buzan, B.; Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

Dent, C.M. From Inter-Regionalism to Trans-Regionalism? Future Challenges for ASEM // *Asia Europe Journal*, 2003, Vol. 1, No. 2, p. 224.

Doidge, M. Joined at the Hip: Regionalism and Interregionalism // *Journal of European Integration*, 2007, Vol. 29, No. 2, pp. 229-248.

Fawn, R. 'Regions' and Their Study: Wherefrom, What for and Whereto? // *Review of International Studies*, 2009, Vol. 35, Supplement S1, pp. 5-34.

Fjäder, C. Regionalism in Asia and Europe in a Theoretical Perspective: 'Rationalist' and 'Ideational' Approaches // *Asia-Pacific Journal of EU Studies*, 2012, Vol. 10, No. 1, pp. 73-101.

Gardini, G.L.; Malamud, A. Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique – With a Transatlantic Focus // *Atlantic Future Working Paper*, 2015, No. 38, pp. 1-23.

Hänggi, H. Interregionalism as a Multifaceted Phenomenon: In Search of a Typology // *Interregionalism and International Relations: A Stepping Stone to Global Governance?* / Ed. by H. Hänggi, J. Rüländ, R. Roloff. N.Y.-L.: Routledge, 2005. Pp. 31-62.

Hettne, B. Beyond the 'New' Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10, No. 4, pp. 545-546.

Hurrell, A. Regionalism in Theoretical Perspective // *Regionalism in World Politics: Regional Organizations and International Order* / Ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 37-73.

Langenhove, L. Van. What Is a Region? Towards a Statehood Theory of Regions // *Contemporary Politics*, 2013, Vol. 19, No, pp. 474-490.

Lewis, M. W. The Myth of Continents: A Critique of Metageography / M. W. Lewis, K. E. Wigen. Berkeley-Los Angeles, CA: University of California Press, 1997. Pp. 194-200.

Paasi, A. The Region, Identity, and Power // *Procedia – Social and Behavioral Science*, 2011, Vol. 14, No. 1, pp. 9-16.

References:

«Bol'shaia Vostochnaia Aziia»: mirovaia politika i regional'nye transformatsii (Greater East Asia: World Politics and Regional Transformations) / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: MGIMO-Universitet, 2010. Pp. 93-94.

Agnew, J. Regions on the Mind Does Not Equal Regions of the Mind // *Progress in Human Geography*, 1999, Vol. 23, No. 1, p. 93.

Agnew, J.A. Arguing with Regions // *Regional Studies*, 2013, Vol. 47, No. 1, pp. 6-17.

Baert, F.; Scaramagli, T.; Söderbaum, F. Introduction: Intersecting Interregionalism // *Intersecting Interregionalism. Regions, Global Governance and the EU*. Dordrecht: Springer Netherlands, 2014. Pp. 1-12.

Börzel, T.A. Theorizing Regionalism: Cooperation, Integration, and Governance // *Oxford Handbook of Comparative Regionalism* / Ed. by T.A. Börzel, T. Risse. Oxford: Oxford University Press, 2016. Pp. 1-29.

Bowles, P. ASEAN, AFTA and the «New Regionalism» // *Pacific Affairs*, 1997, Vol. 70, No. 2, p. 225.

Buzan, B.; Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

Dent, C.M. From Inter-Regionalism to Trans-Regionalism? Future Challenges for ASEM // *Asia Europe Journal*, 2003, Vol. 1, No. 2, p. 224.

Doidge, M. Joined at the Hip: Regionalism and Interregionalism // *Journal of European Integration*, 2007, Vol. 29, No. 2, pp. 229-248.

Fawn, R. 'Regions' and Their Study: Wherefrom, What for and Whereto? // *Review of International Studies*, 2009, Vol. 35, Supplement S1, pp. 5-34.

Fjäder, C. Regionalism in Asia and Europe in a Theoretical Perspective: 'Rationalist' and 'Ideational' Approaches // *Asia-Pacific Journal of EU Studies*, 2012, Vol. 10, No. 1, Vol. 73-101.

Gardini, G.L.; Malamud, A. Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique – With a Transatlantic Focus // *Atlantic Future Working Paper*, 2015, No. 38, pp. 1-23.

Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski (Global governance: Opportunities and Challenges) / Ed. by V.G. Baranovski, N.I. Ivanova. Moscow: IMEMO RAN, 2015.

Hänggi, H. Interregionalism as a Multifaceted Phenomenon: In Search of a Typology // *Interregionalism and International Relations: A Stepping Stone to Global Governance?* / Ed. by H. Hänggi, J. Rüländ, R. Roloff. N.Y.-L.: Routledge, 2005. Pp. 31-62.

Hettne, B. Beyond the 'New' Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10, No. 4, pp. 545-546.

Hurrell, A. Regionalism in Theoretical Perspective // *Regionalism in World Politics: Regional Organizations and International Order* / Ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 37-73.

Karimova, A.B. Regiony v sovremennom mire (Regions in the Contemporary World) // *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2006, No. 5, pp. 32-41.

Kireev, A.A. Poniatie «region» i predmetno-metodologicheskie problemy regionovedeniia (The Concept of Region and Subject-Methodological Issues of Regional Studies) // *Regionalistika*, 2014, Vol. 1, No. 1, pp. 18-32.

Kuznetsov, D.A. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i kontseptualizatsii (The phenomenon

of transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization) // *Sravnitel'naia politika*, 2016, No. 2, pp. 14-25.

Langenhove, L. Van. What Is a Region? Towards a Statehood Theory of Regions // *Contemporary Politics*, 2013, Vol. 19, No, pp. 474-490

Lewis, M. W. The Myth of Continents: A Critique of Metageography / M. W. Lewis, K. E. Wigen. Berkeley-Los Angeles, CA: University of California Press, 1997. Pp. 194-200.

Mezhevich, N.M. Opredelenie kategorii «region» v sovremennom nauchnom diskurse (Definition of the Region in the Contemporary Scholarly Discourse) // *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, 2006, No. 2, pp. 3-22.

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie: uchebnik (World Regional Studies: A Textbook) / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magistr; INFRA-M, 2014.

Paasi, A. The Region, Identity, and Power // *Procedia – Social and Behavioral Science*, 2011, Vol. 14, No. 1, pp. 9-16.

Prokhorenko, I.L. Novyi regionalizm i transformatsiia mezhdunarodnogo poriadka (The New Regionalism and Transformation of the World Order) // *Puti k miru i bezopasnosti*, 2015, No. 2, pp. 20-28.

Toynbee, A. Dzh. Postizhenie istorii. Sbornik (Study of History) / Transl. by E.D. Zharkov. Moscow: Rol'f, 2001. 640 p.

Voskresenskii, A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh (Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, and Regional Transformations in the Contemporary IR) // *Sravnitel'naia politika*, 2012, No. 2, pp. 30-58.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72>

FROM REGIONALISM TO TRANSREGIONALISM: THEORETIC UNDERSTANDING OF A NEW REALITY

Kseniia A. Efremova

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 19 December 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 27 February 2017</p>	<p>Abstract: Regionalism as an international phenomenon dates back to post-WWII decades. It is well studied both in theoretical and practical perspective. It is quite clear to most researchers what the “old” or “new” regionalism is, and what kind of logic stands behind it. However, the classic theory of regionalism does not explain contemporary processes of interregional and transregional integration, which we witness today. A common point of the three approaches (namely, regionalism, interregionalism and transregionalism) is that all of them are related to globalization. Each of these approaches constitutes a response to globalisation’s challenges, which varies from region to region. Nevertheless, their aims and scope differ greatly. Regionalism represents interstate and transnational co-operation within an international region. It is derived from the logic of institutionalized interactions that may take a range of forms—from regular consultations on the ministerial level to creation of supranational bodies and common policies. Interregional co-operation implies institutionalized agreements between states representing two or more regions, which can act either on their own (i.e. quasi-interregionalism, or hybrid interregionalism) or as a part of a regional organization / informal regional group of states. The logic of interregionalism dwells on the wish for widening the geographic scope of economic interaction by opening new regional markets. Transregional co-operation, on the contrary, is promoted primarily by political factors, such as the wish of some states, which share common values, to unite their efforts in order to play a greater role in global governance. It is argued that the study of regionalism, interregionalism and transregionalism can make an essential contribution to the development of the contemporary theory of international relations.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University</p> <p>e-mail: efremova@mgimo.ru</p>	
<p>Key words: Region, macroregion, megaregion, regionalization, regionalism, interregionalism, transregionalism.</p>	

Для цитирования: Ефремова К.А. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2 – С. 58-72.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72

For citation: Efremova, Kseniia A. Ot regionalizma k transregionalizmu: teoreticheskoe osmyslenie novoi real'nosti (From Regionalism to Transregionalism: Theoretic Understanding of a New Reality) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 58-72.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-73-81>

ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЕОПОЛИТИКИ ПРОЕКТОВ ТТП И ТТИП

Денис Андреевич Кузнецов

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 13 сентября 2016 <i>Отправлено на редактирование:</i> 1 марта 2017 <i>Принята к печати:</i> 20 марта 2017</p>	<p>Аннотация: В связи с решением президента США Дональда Трампа о выходе из проекта Транстихоокеанского партнерства, а также ввиду фактического замораживания переговоров о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве, в политической и экспертной среде оживилась дискуссия о будущих траекториях внешней политики США на двух традиционных стратегических направлениях – североатлантическом и азиатско-тихоокеанском. Задача статьи – проанализировать геополитические и геоэкономические факторы, обусловившие выдвижение данных инициатив администрацией Барака Обамы, а также предположить возможные альтернативы и последствия решения Дональда Трампа. Учитывая стратегические интересы США, их глобальный статус и современные тренды мировой политики, политику Трампа можно рассматривать не как изоляционизм, а скорее как пересмотр запущенных проектов на основе двусторонних переговоров и расширения сети двусторонних зон свободной торговли, т.е., по сути, возрождение всемирной системы экономических отношений, существовавшей в США во второй половине XX века (hub and spoke system). Однако в условиях создания и конкуренции трансрегиональных проектов привлекательность и, что более важно, эффективность двусторонних экономических союзов для внутреннего развития и глобального влияния может снижаться, а это ставит под угрозу глобальное лидерство США.</p>
<p>Об авторе: преподаватель, аспирант, Кафедра мировых политических процессов; координатор совместной программы МГИМО МИД России и Свободного университета Берлина «Германские исследования в России», МГИМО МИД России e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Трансрегионализм, ТТП, ТТИП, США, Китай, Россия, ЕС, регионализм, Азиатско- Тихоокеанский регион</p>	

В рамках исследования геополитики трансрегионального взаимодействия особый интерес представляют два внешнеполитических проекта США, выдвинутых администрацией Барака Обамы на двух традиционно важнейших треках американской внешней политики – это проекты Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). Необходимость анализа данных проектов обусловлена несколькими факторами. Во-первых, с учетом всплеска интереса к ним в экспертных и политических кругах сразу же после начала переговоров на данных треках, это необходимо оценить геополитический

и геоэкономический потенциал самих инициатив, выдвинутых Баракком Обамой. Во-вторых, это необходимость оценить принятые вступившим в январе 2017 года в должность президента США Дональда Трампа меры по дискредитации запущенных его предшественником проектов. В-третьих, это необходимость оценки складывающейся вокруг ТТП и ТТИП ситуации и дать оценку перспективам развития этих проектов и способности Соединенных Штатов сохранить свое глобальное лидерство без реализации данных инициатив. И наконец, актуальность того, какие последствия последние изменения несут для России.

Проекты ТТП и ТТИП при Бараке Обаме: инструменты глобального лидерства

Соглашение о создании Транстихоокеанского партнерства было подписано в феврале 2016 года и объединило 12 стран Азиатско-тихоокеанского региона¹. Подписанию масштабного соглашения, состоящего из 30 глав, предшествовали несколько лет по большей части закрытых переговоров. Текст достигнутого соглашения выходит далеко за рамки торговли товарами и услугами, регулируя также вопросы, связанные с гармонизацией национальных стандартов в таких сферах как трудовое право, защита интеллектуальной собственности и окружающей среды, таможенная политика и санитарные нормы, инвестиционное сотрудничество, антикоррупционная политика, законодательство в области конкуренции, финансов, госзаказов, госкорпораций и многое другое². В ходе обсуждения соглашения был достигнут явный прогресс в согласовании, в том числе, и особо острых вопросов, связанных со стремлением обезопасить развитие уязвимых отраслей в странах-членах (сельское хозяйство, автомобилестроение и т.д.), а по ряду вопросов некоторым государствам пришлось пойти на уступки³. О ТТП говорили как о проекте, имеющем потенциал стать одним из крупнейших экономических блоков, объединяя 27,5% мирового ВВП, 23,9% мирового экспорта, 26,7% мирового импорта товаров, 28,1% привлеченных прямых инвестиций и 42,8% экспорта прямых иностранных инвестиций, а также население в 810 миллионов человек⁴.

Что касается создания ТТИП, участниками которого являются США и ЕС, то, хотя

подобную идею Федеральный канцлер ФРГ Ангела Меркель озвучивала еще в 2006 году⁵, всерьез о ней заговорили лишь после ее выдвижения Соединенными Штатами в ходе заседаний Рабочей группы высокого уровня, созданной на саммите США-ЕС в 2011 году, по вопросам глобального кризиса⁶. Сторонами активно продолжающихся переговоров о создании ТТИП, цель которого – формирование масштабной зоны свободной торговли, являются США и Еврокомиссия, выступающая от лица всех 28 стран Европейского Союза. Поскольку в настоящее время торговые тарифы ЕС и США и без того довольно низкие, внимание стран уделено расширению сотрудничества в других областях – обнуление тарифов, устранение торговых барьеров, в том числе нетарифных, гармонизация стандартов и процедур в самых разных сферах: от трудового законодательства до защиты авторских прав и регулирования проблемы страны происхождения товаров. На США и ЕС в совокупности приходится 41% мирового ВВП по ППС, треть мировой торговли товарами и 40% – услугами⁷. Кроме того, страны ТТИП концентрируют огромные инвестиционные потоки, являются крупнейшими экспортёрами товаров, в том числе в области высоких технологий, а также – центрами инновационного развития.

С самого начала два проекта имели ряд общих черт с точки зрения их структуры и глобального позиционирования. Во-первых, в условиях торможения Дохийского раунда ВТО в связи с противоречиями между развитыми и развивающимися странами по вопросам дальнейших траекторий разви-

¹ Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили, Япония.

² Текст соглашения доступен на сайте: <https://ustr.gov/tpp/#what-is-tpp> (на англ.яз).

³ Стапран Н.В., Кадочников П.А. Транстихоокеанское партнерство: последствия и риски для России // *Вестник АТЭС*. – 2015. – №2. – С. 6-15 [Stapran N.V., Kadochnikov P.A. Transpacific Partnership: consequences and risks for Russia] // *Vestnik ATEC*, 2015, No. 2, pp. 6-15].

⁴ Ibid. P. 6.

⁵ Merkel Ponders Atlantic Free Trade Zone // *Financial Times*, September 16, 2006. Mode of access: http://www.ft.com/cms/s/0/0afdf0d80-4520-11db-b804-0000779e2340.html?ft_site=falcon&desktop=true#axzz485O2buOT

⁶ Statement from United States President Barack Obama, European Council President Herman Van Rompuy and European Commission President José Manuel Barroso / European Commission, February 13, 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-94_en.htm

⁷ Hamilton, Daniel S. America's Mega-Regional Trade Diplomacy: Comparing TPP and TTIP // *The International Spectator*, 2014, No. 49, p. 82.

тия мировой экономики, оба проекта изначально были направлены на формирование крупнейших трансрегиональных зон свободной торговли «нового поколения» в формате «ВТО+» (“*WTO-plus*”, т.е. углубление многосторонних преференциальных зон) и «ВТО-Х» (“*WTO-Extra*”, т.е. выход за рамки стандартов ВТО, регулирование более широкого круга сфер). От реализации обоих проектов администрация Б. Обамы ожидала схожий макроэкономический эффект в виде привлечения новых стимулов роста, оживления инвестиционной политики, обеспечения выгод американским транснациональным корпорациям, создания рабочих мест, эффективного международного разделения труда и т.д., хотя такая официальная точка зрения наталкивалась на критику и неприятие как со стороны части экспертного сообщества, так и политиков и общественных объединений различного рода (от профсоюзов до движений в защиту окружающей среды). Так, по подсчетам некоторых авторитетных экспертных агентств, макроэкономическая выгода для США от запуска ТТП составил бы лишь 0,4% ВВП за 10 лет, и чуть более 0,4% от ТТИП⁸.

Различия коснулись состава участников переговорного процесса. ТТИП представляет собой кейс переговорного процесса с участием интегрированного регионального блока – ЕС. В рамках же ТТП сторонами Соглашения стали три страны Северной Америки (которые с 1994 года уже объединены в рамках НАФТА), две страны тихоокеанского побережья Южной Америки (которые в 2012 году вместе с Мексикой и двумя другими странами Латинской Америки сформировали Тихоокеанский Альянс), четыре страны АСЕАН, и также три страны, участвующие в формате АСЕАН+6 (все из них являются членами АТЭС) – т.е. государства, активно вовлеченные в другие региональные процессы интеграции и кооперации, с некоторыми из которых у США уже имелись зоны свободной торговли. Другое вытекающее

отсюда различие – «качество» сторон переговоров. В проекте ТТИП оба региона представлены развитыми экономиками, которые стремятся выступать в переговорном процессе на равных, поскольку каждая из сторон отличается более жесткими нормами в разных секторах экономики и не готова безапелляционно принимать навязываемые ей стандарты. Значительно более дифференцированными по уровню экономического развития оказались государства ТТП, что могло создать дисбалансы в интересах и экономических приоритетах участия в Соглашении. Параллельно с переговорами о ТТП сам проект также столкнулся с конкуренцией со стороны китайского проекта Всеобъемлющего регионального экономического партнерства и проекта «Один пояс – один путь», а ТТИП – с проектом Всеобъемлющего торгово-экономического соглашения между ЕС и Канадой.

В своей статье в издании *Washington Post* от 2 мая 2016 года президент США Барак Обама заявил, что именно Соединенные Штаты и их партнеры должны устанавливать правила и задавать тон в глобальной экономике, а остальные страны должны следовать им. При этом он подчеркнул, что именно Транстихоокеанское партнерство способно обеспечить реализацию этой цели и не позволить «конкурентам», включая Китай, диктовать свои правила, которые далеки от идеалов демократии, свободного рынка и честной, основанной на законе конкуренции⁹. Несмотря на то, что в самой риторике вряд ли можно усмотреть что-то новое, ее «градус» стал значительно выше на фоне определенных успехов в продвижении проекта. Во время своего визита в Ганновер в апреле 2016 года Б. Обама призвал европейские страны к подписанию соглашения о ТТИП «до конца текущего года», открыто заявив (и, как оказалось, верно

⁸ Transatlantic Trade and Investment Partnership. The Economic Analysis Explained / European Commission, September 2013. P. 2. Mode of access: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2013/september/tradoc_151787.pdf

⁹ President Obama: The TPP would let America, not China, lead the way on global trade // *The Washington Post*, May 02, 2016. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4-0fd0-11e6-93ae-50921721165d_story.html

предвидя), что изменения на политической сцене в США и в ряде европейских стран в ближайшее время могут угрожать проекту. Активное продвижение проектов со стороны президента Обамы объяснялось тем, что его администрация усматривала в реализации данных инициатив широкого спектра геополитических и геоэкономических выгод для страны. Важно и то, что США представляли себя связующим звеном ТТП и ТТИП как единственная страна, которая входит в оба будущих объединения. Такое «привилегированное» положение предоставляло бы Соединенным Штатам возможность лавирования и игры в процессе многостороннего торга, позволяя выдвигать выгодные для себя инициативы на двух направлениях.

С геоэкономической точки зрения, появление новых стандартов и их цементирование на трансрегиональном уровне относительно решает проблему сосуществования огромного количества зон свободной торговли (так называемого эффекта «миски спагетти»)¹⁰. Успех в реализации данных проектов мог бы оказать мощное воздействие на мировую экономическую систему в рамках ВТО, поскольку заложило бы фундамент для появления зон свободной торговли иного формата. Такие геоэкономические трансформации в условиях расширяющихся экономических связей и в стремлении обеспечить развитие национальных рынков могли спровоцировать создание и укрепление блоков на схожих или альтернативных принципах (ВРЭП, ЕАЭС, ЭПШП и т.д.). Геоэкономический контекст развития ТТП связан еще и с тем, что администрация Барака Обамы стремилась транслировать значительно более высокие торгово-экономические стандарты и нормы для стран Большой Восточной Азии, тем самым распространяя западные нормы в другие макрорегионы мира, обеспечивая их продвижение в качестве новых глобальных стандартов, несмотря на то,

что последствия реформ, которые необходимо было бы реализовывать в менее развитых странах, далеко не всегда очевидны.

Геополитический контекст формирования ТТП и ТТИП обусловлен несколькими интересами. Во-первых, это стремление сдерживать рост глобальных держав. Многие эксперты убеждены, что проект ТТП был направлен на сдерживание влияния Китая (через формирование привлекательных для стран АТР многосторонних проектов), в то время как ТТИП – на консолидацию североатлантического союза и сдерживание России на его границах. Примечательно, что в 2015 году госсекретарь США Джон Керри заявил, что ТТП открыто для присоединения, в том числе для Китая и России, однако таким образом США предлагали этим странам присоединиться к ТТП на уже определенных правилах, перекрывая для них саму возможность участвовать в их выработке и, соответственно, лишая их интереса вступать в подобное объединение, учитывая вес этих государств в мировой политике. Во-вторых, идеологически проекты ТТП и ТТИП были направлены на закрепление западного лидерства и западной модели глобализации в современных условиях роста Азии и появления альтернативных моделей модернизации и развития (концепция государственного капитализма, паттерны незападной демократии, Пекинский консенсус и т.д.), а также популяризации дихотомии Запад – не-Запад в экспертном и политическом сообществах. ТТИП может рассматриваться как попытка усиления западной цивилизационной скрепы в новом трансрегиональном экономическом пространстве, включая защиту западных ценностей: либеральной демократии и неолиберальной экономики. ТТП и ТТИП – это паттерны глобализации по западным образцам и правилам, определяемым западными государствами и транснациональными корпорациями. В-третьих, в условиях роста Китая, обострения на фоне повышения его внешнеполитической активности региональных противоречий, а также роста напряженности в отношениях с Россией, инициативы ТТП и ТТИП могли быть использованы Соединенными Штатами как инструмент закрепления в АТР. При этом

¹⁰ Majluf, Luis A. Swimming in the Spaghetti Bowl: Challenges for Developing Countries under the “New Regionalism” / Policy Issues in International Trade and Commodities, Study Series No. 27. UNCTAD: New York, 2004. P. 9. Mode of access: http://unctad.org/en/docs/itcdtab28_en.pdf

последствия этого могли носить деструктивный характер для сложившейся в АТР системы международных отношений, так как эти проекты подразумевали как закрепление традиционных военно-политических блоков и их цементирование через формирование нового экономического пространства взаимодействия (с Японией, Австралией и т.д.), так и фактический «раскол» существующих региональных интеграционных схем (ВРЭП, АСЕАН, АСЕАН+6 и пр.).

Проекты ТТП и ТТИП при Дональде Трампе: пересмотр внешнеполитической стратегии

Вероятное снижение веса ТТИП в системе приоритетов внешнеполитической стратегии Дональда Трампа вызвало озабоченность в европейских правительствах. В Европейском Союзе проявляют интерес к продолжению переговоров о ТТИП: в условиях нарастания евроскептицизма, ЕС столкнулся с необходимостью поиска новых масштабных проектов для усиления своей акторности и стимулов экономического роста; не раз о необходимости укрепления североатлантической сцепки говорилось и в связи с украинским кризисом и эскалацией напряженности в отношениях с Россией. В ряде западных СМИ и в экспертной среде разрастаются дискуссии о необходимости скорейшей реализации ТТИП для оказания большего давления на Россию, для преодоления последствий для Европы от ответных санкций России и гарантии энергетической безопасности Европы¹¹, которую связывали с перспективой превращения США в крупнейшего экспортера энергоресурсов. По мнению экспертов Германского Фонда Маршалла и Центра исследований глобальной энергетики Колумбийского университета, реализация ТТИП поможет ЕС не только выторговать лучшие переговорные позиции с «Газпромом», но и, более того, оказать таким образом значительное влияние на формирование внешней политики

России¹². В более широком смысле, один из генералов НАТО Джим Джонс подчеркивает, что «без обеспечения экономического сотрудничества и роста в Атлантике, союз НАТО будет обречен на упадок»¹³. При этом важным фактором является позиция Германии: если ранее правительство ФРГ наиболее активно продвигало проект ТТИП, то в настоящее время все больше политиков выступает за заключение двустороннего соглашения¹⁴. Тем не менее, исходя из геополитических соображений, администрация Дональда Трампа вряд ли полностью откажется от самого проекта создания трансатлантического ЗСТ.

Выход США из проекта ТТП может изменить геополитический расклад в АТР. Образовавшийся вакуум в Азиатско-Тихоокеанском регионе может попытаться заполнить Китай, который уже выразил интерес к переформатированию проекта ТТП без США на более «справедливых» принципах¹⁵. Это вызывает опасения, в том числе в Японии, для которой выход США из ТТП связывается с геополитической победой Китая¹⁶. Так или иначе для региона, в котором интенсивно развивается торговля и требуется институционализация торго-

¹² Brattberg, Erik. Toward a Transatlantic Renaissance? TTP's Geopolitical Impact in a Multipolar World / Foreign and Security Policy Papers. The German Marshall Fund of the United States, 2015. Mode of access: <http://www.gmfus.org/publications/toward-transatlantic-renaissance-ttpps-geopolitical-impact-multipolar-world>

¹³ Ibid.

¹⁴ US-Präsident Trump will Rat von Kanzlerin Merkel // *Deutsche Welle*, 10.03.2017. Mode of access: <http://www.dw.com/de/us-präsident-trump-will-rat-von-kanzlerin-merkel/a-37892400>

¹⁵ Canada, China to Attend Summit on Free Trade after TPP Collapse // *The Globe and Mail*. Mode of access: <http://www.theglobeandmail.com/news/politics/canada-china-to-attend-asia-pacific-summit-on-free-trade-after-tpp-collapse/article33977031/>

¹⁶ Швыдко В. Отказ США от ТТП: значение для Японии / РСМД, 01 февраля 2017 г. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8650#top-content [Shwydko, V. Otkaz SCHA ot TTP: znachenie dlya Yaponii (US withdraws from TPP: Consequences for Japan) / RSMД, 01 February, 2017. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8650#top-content].

¹¹ Korteweg, Weg. It's the Geopolitics, Stupid: Why TTP Matters / Centre for European Reform, London, April 02, 2015. Mode of access: <http://www.cer.org.uk/insights/its-geopolitics-stupid-why-ttip-matters>

экономических связей, возникает несколько альтернатив. Так, не смотря на то, что без США Япония превращается в крупнейшую экономику ТТП, Синдзо Абэ, который лично продвигал проект ТТП и считал его реализацию своим крупнейшим внешнеполитическим достижением, вероятно выступит за запуск переговоров о заключении двустороннего торгово-экономического соглашения с США (или, как вариант, с НАФТА: подобные идеи уже выдвигались ранее). Расширение сети двусторонних ЗСТ в регионе и утяжеление «экономической миски спагетти» (*spaghetti bowl*) является вполне вероятным сценарием. Другая альтернатива – продвижение проекта ТТП в том же составе, только без США – в формате «ТТП минус один» (заинтересованность в такого рода проекте выразили в частности сингапурские и австралийские политики). Третья альтернатива – разворот партнеров по ТТП, и прежде всего азиатских, к восточноазиатским проектам АСЕАН+6, ВРЭП и «Один пояс – один путь». Для самих же Соединенных Штатов отказ от реализации проекта ТТП, «отворот» от Азии и отказ от многосторонних проектов в регионе может обернуться, во-первых, ударом по репутации среди своих азиатских и латиноамериканских партнеров, и, во-вторых, потерей ориентации своей внешнеполитической стратегии в АТР, что несет угрозу для поддержания глобального лидерства США.

Сможет ли реализоваться проект ТТП без США остается вопросом. Перспективы создания ТТП связывались государствами АТР с получением доступа на рынок США. Несмотря на то, что объем американского рынка уступает китайскому, его наукоемкость, инновационный потенциал и финансово-инвестиционный актив превосходит все национальные рынки мира, и потеря такого игрока для ТТП оказывается существенным ослаблением его привлекательности. При этом в рамках ТТП присутствуют государства, способные, тем не менее, «компенсировать» эту потерю – это, прежде всего, Япония и Сингапур, которые могут стать инновационными, финансовыми и инвестиционными драйверами проекта.

Открытым остается и вопрос, смогут ли США обеспечить свое экономическое (и как следствие политическое) лидерство, отказываясь от участия в трансрегиональных проектах такого рода? Учитывая складывающиеся экономические тренды, которые далеки от благоприятных, а также опыт самих США и других крупных держав современности, развитие сети многосторонних зон свободной торговли является единственной возможностью глобального экономического позиционирования и эффективным источником стимулов роста, а изоляционизм не сможет обеспечить желаемый эффект в виде обеспечения роста и создания крепких основ государства всеобщего благоденствия. Именно поэтому представляется, что инициированная Д. Трампом внешнеэкономическая политика де факто означает не изоляционизм, а пересмотр запущенных проектов на основе двусторонних переговоров и расширения сети двусторонних зон свободной торговли, т.е., по сути, возрождение веерной системы экономических отношений, существовавшей в США во второй половине XX века (*hub and spoke system*). Стратегический замысел такой политики заключается в том, что в формате двусторонних связей США всегда смогут выторговать себе выгодные условия исключительно ввиду значительного экономического превосходства. Однако в условиях конкуренции трансрегиональных проектов (ЭПШП, СЕТА, ВРЭП, сопряжение ЕАЭС и «Один пояс – один путь» и т.д.) привлекательность и, что более важно, эффективность двусторонних экономических союзов для внутреннего развития и глобального влияния может снижаться. Одной из возможных альтернатив для Д. Трампа, несмотря на его предвыборную риторику, является «обновление» НАФТА (о такой возможности среди республиканцев открыто говорится уже сейчас), т.е. расширение регулирования в рамках Североамериканской зоны свободной торговли на сферы трудового законодательства, интернет-торговли, пересогласования санитарных и инвестиционных стандартов и т.д. с последующим подключением к уже обновленному проекту НАФТА стран из Восточной Азии, Латинской Америки и даже вероятно Европы.

В любом случае отказ США от реализации трансрегиональных проектов будет означать ослабление позиций в двух стратегических для них регионах и откроет возможности для конкурирующих трансрегиональных проектов, тем самым еще больше ослабляя геополитические и геоэкономические позиции США.

Для России проекты ТТП и ТТИП имеют важное значение в средне- и долгосрочной перспективе. В МИД России изначально о ТТП и ТТИП высказывались с озабоченностью в связи с угрозой обесценивания принципов ВТО и эрозии международного экономического режима¹⁷. Россия не участвовала в переговорах по их формированию, при этом ни собственные внутренние стандарты, ни геополитический статус не позволяют ей вступить ни в одно из этих объединений на уже установленных правилах. С учетом такого развития событий, Россия сделала ставку на углубление интеграции в рамках Евразийского Экономического Союза и его сопряжение с китайским проектом Экономического пояса Шелкового пути, а также на укрепление существующих норм международной торговли и их совершенствование в интересах развивающихся государств (в том числе в рамках БРИКС и Большого евразийского партнерства ЕАЭС-ШОС-АСЕАН). Сопряжение открыло бы возможность для России (помимо развития собственной инфраструктуры и обеспечения экономического роста) усилить свое присутствие на Дальнем Востоке и в АТР, обеспечив в дальнейшем углубление сотрудничества с АСЕАН и другими региональными многосторонними институтами, что во многом будет способствовать российскому повороту на Восток и извлечению из этого стратегических средне- и долгосрочных выгод. В этом случае, провал ТТП и ТТИП открывает перед Россией коридор возможностей, а реализация этих возможностей будет зависеть от того, сможет ли Россия сформулировать эффективную модель собственного политического и экономического развития. В краткосрочной перспективе на направле-

нии ТТП (в любом из форматов: с США, с Китаем или без них) Россия не ощутит непосредственного эффекта ввиду сравнительно низкого объема торговли со странами ТТП. Однако в средне- и долгосрочной перспективе Россия могла бы выступить «генератором идей» в рамках проектов на данном направлении, чтобы не допустить как усиления влияния США, так и региональной гегемонии Китая, а на европейском направлении – встать на путь сближения с западными странами, обеспечивая себе соответствующие политические и экономические выгоды.

Насколько реформатирование проектов ТТП и ТТИП соответствует внешнеполитической линии администрации Д. Трампа остается открытым вопросом, однако стратегически создание масштабных конкурентоспособных трансрегиональных экономических блоков соответствует главной цели внешней политики Соединенных Штатов – цели обеспечения своего глобального превосходства. Формирование межрегиональных блоков, двух- и многосторонних институтов уже стало объективной реальностью современной мировой политики, и этой тактики придерживаются региональные державы и объединения по всему миру. С этой точки зрения, отказ от курса на расширение и углубление экономических связей в формате жесткого регулирования со стороны США маловероятен.

Литература:

Старан Н.В., Кадочников П.А. Транстихоокеанское партнерство: последствия и риски для России // *Вестник АТЭС*. – 2015. – №2. – С. 6-15.

Шведко В. Отказ США от ТТП: значение для Японии / РСМД, 01 февраля 2017 г. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8650#top-content

Brattberg, Erik. Toward a Transatlantic Renaissance? TTIP's Geopolitical Impact in a Multipolar World / Foreign and Security Policy Papers. The German Marshall Fund of the United States, 2015. Mode of access: <http://www.gmfus.org/publications/toward-transatlantic-renaissance-ttips-geopolitical-impact-multipolar-world>

Canada, China to Attend Summit on Free Trade after TPP Collapse // *The Globe and Mail*. Mode of access: <http://www.theglobeandmail.com/news/politics/canada-china-to-attend-asia-pacific-summit-on-free-trade-after-tp-collaps/article33977031/>

Griffith Melissa K.; Steinberg, Richard; Zysman, John. Great Power Politics in a Global Economy: Origins and Consequences of the TTP and TTIP / Conference “Unpacking the Transatlantic Trade and Investment Partnership Negotiations”, Université Libre de Bruxelles

¹⁷ Лавров: Американский проект ТТП может обесценить принципы ВТО // РИА Новости, 20.05.2015. Режим доступа: <http://vz.ru/news/2015/5/20/746266.html>

(ULB), October 17, 2015. Mode of access: <http://www.brie.berkeley.edu/wp-content/uploads/2015/02/Great-Power-Politics-in-a-Global-Economy-Origins-and-Consequences-of-the-TPP-and-TTIP.pdf>

Hamilton, Daniel S. America's Mega-Regional Trade Diplomacy: Comparing TPP and TTIP // *The International Spectator*; 2014, No. 49, pp. 81-97.

Korteweg, Weg. It's the Geopolitics, Stupid: Why TTIP Matters / Centre for European Reform, London, April 02, 2015. Mode of access: <http://www.cer.org.uk/insights/its-geopolitics-stupid-why-ttip-matters>

Majluf, Luis A. Swimming in the Spaghetti Bowl: Challenges for Developing Countries under the "New Regionalism" / Policy Issues in International Trade and Commodities, Study Series No. 27. UNCTAD: New York, 2004. Mode of access: http://unctad.org/en/docs/itcdtab28_en.pdf

Merkel Ponders Atlantic Free Trade Zone // *Financial Times*, September 16, 2006. Mode of access: http://www.ft.com/cms/s/0/0afd0d80-4520-11db-b804-0000779e2340.html?ft_site=falcon&desktop=true#axzz48502buOT

President Obama: The TPP would let America, not China, lead the way on global trade // *The Washington Post*, May 02, 2016. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4-0fd0-11e6-93ae-50921721165d_story.html

Statement from United States President Barack Obama, European Council President Herman Van Rompuy and European Commission President José Manuel Barroso / European Commission, February 13, 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-94_en.htm

Tellis, Ashley J. The Geopolitics of the TTIP and the TPP. Power Shifts and New Blocs in the Global Trading System // *Adelphi Series*, 2015, No. 54 (450), pp. 93-120.

Transatlantic Trade and Investment Partnership. The Economic Analysis Explained / European Commission, September 2013. Mode of access: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2013/september/tradoc_151787.pdf

US-Präsident Trump Will Rat von Kanzlerin Merkel // *Deutsche Welle*, 10.03.2017. Mode of access: <http://www.dw.com/de/us-präsident-trump-will-rat-von-kanzlerin-merkel/a-37892400>

Voskresseski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Shpringer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017.

References:

Brattberg, Erik. Toward a Transatlantic Renaissance? TTIP's Geopolitical Impact in a Multipolar World / Foreign and Security Policy Papers. The German Marshall Fund of the United States, 2015. Mode of access: <http://www.gmfus.org/publications/toward-transatlantic-renaissance-ttips-geopolitical-impact-multipolar-world>

Canada, China to Attend Summit on Free Trade after TPP Collapse // *The Globe and Mail*. Mode of access: <http://www.theglobeandmail.com/news/politics/canada-china-to-attend-asia-pacific-summit-on-free-trade-after-tpp-collapse/article33977031/>

Cutler, Tom. The Trans-Pacific Partnership as a Pathway for U.S. Energy Exports to Japan / Energy Security Program, 2015. Mode of access: http://www.nbr.org/downloads/pdfs/eta/ES_essay_cutler_012815.pdf

Griffith Melissa K.; Steinberg, Richard; Zysman, John. Great Power Politics in a Global Economy: Origins and Consequences of the TPP and TTIP / Conference "Unpacking the Transatlantic Trade and Investment Partnership Negotiations", Université Libre de Bruxelles (ULB), October 17, 2015. Mode of access: <http://www.brie.berkeley.edu/wp-content/uploads/2015/02/Great-Power-Politics-in-a-Global-Economy-Origins-and-Consequences-of-the-TPP-and-TTIP.pdf>

Hamilton, Daniel S. America's Mega-Regional Trade Diplomacy: Comparing TPP and TTIP // *The International Spectator*, 2014, No. 49, pp. 81-97.

Korteweg, Weg. It's the Geopolitics, Stupid: Why TTIP Matters / Centre for European Reform, London, April 02, 2015. Mode of access: <http://www.cer.org.uk/insights/its-geopolitics-stupid-why-ttip-matters>

Majluf, Luis A. Swimming in the Spaghetti Bowl: Challenges for Developing Countries under the "New Regionalism" / Policy Issues in International Trade and Commodities, Study Series No. 27. UNCTAD: New York, 2004. Mode of access: http://unctad.org/en/docs/itcdtab28_en.pdf

Merkel Ponders Atlantic Free Trade Zone // *Financial Times*, September 16, 2006. Mode of access: http://www.ft.com/cms/s/0/0afd0d80-4520-11db-b804-0000779e2340.html?ft_site=falcon&desktop=true#axzz48502buOT

President Obama: The TPP would let America, not China, lead the way on global trade // *The Washington Post*, May 02, 2016. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4-0fd0-11e6-93ae-50921721165d_story.html

Shwydko, V. Otkaz SCHA ot TPP: znachenie dlya Yaponii (US withdraws from TPP: consequences for Japan) / RSMD, 01 February, 2017. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8650#top-content.

Stapran, N.V., Kadochnikov P.A. Transtikhookeanskoe partnerstvo: posledstviia i riski dlia Rossii (Transpacific Partnership: Consequences and Risks for Russia) // *Vestnik ATEs*, 2015, No. 2, pp. 6-15.

Statement from United States President Barack Obama, European Council President Herman Van Rompuy and European Commission President José Manuel Barroso / European Commission, February 13, 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-94_en.htm

Tellis, Ashley J. The Geopolitics of the TTIP and the TPP. Power Shifts and New Blocs in the Global Trading System // *Adelphi Series*, 2015, No. 54 (450), pp. 93-120.

Transatlantic Trade and Investment Partnership. The Economic Analysis Explained / European Commission, September 2013. Mode of access: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2013/september/tradoc_151787.pdf

US-Präsident Trump Will Rat von Kanzlerin Merkel // *Deutsche Welle*, 10.03.2017. Mode of access: <http://www.dw.com/de/us-präsident-trump-will-rat-von-kanzlerin-merkel/a-37892400>

Voskresseski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Shpringer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-73-81>

TRANSREGIONALISM IN US FOREIGN POLICY: COMPARATIVE ANALYSIS OF TPP AND TTIP GEOPOLITICS

Denis A. Kuznetsov

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 13 September 2016</p> <p><i>Sent for editing:</i> 1 March 2017</p> <p><i>Accepted:</i> 20 March 2017</p>	<p>Abstract: The decision of US President Donald Trump to withdraw from the Trans-Pacific Partnership and the sluggish negotiations on Transatlantic Trade and Investment Partnership have fueled the debate on the future trajectories of American foreign policy in its two traditionally strategic geographic avenues – Asia Pacific and North Atlantic. The article analyzes the geo-political and geo-economic interests, which were pursued by the Obama administration and underlie TPP and TTIP initiatives, and suggests the outcomes of President Trump’s decision as well as the possible alternatives. Given the strategic US interests, its global positioning and the current trends of world politics, Donald Trump’s policy can be regarded as a reconsideration of the above-mentioned projects on the basis of bilateral negotiations and widening network of bilateral economic and trade agreements, rather than the policy of isolationism. In other words, it might be a policy of returning to a hub-and-spoke system of trade zones developed in the second half of the XX century. However, still emerging and competing transregional projects reduce the effectiveness of bilateralism for domestic development of states involved and reduce the international influence of outsiders, and that can jeopardize the US leadership.</p>
<p>About the author: Assistant Lecturer, Postgraduate Student, Department of World Politics; Coordinator of Joint Program of MGIMO University and Freie Universität Berlin “German Studies Russia”, MGIMO University</p> <p>e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo</p>	
<p>Key words: Transregionalism, TPP, TTIP, USA, China, Russia, EU, Regionalism, Asia-Pacific Region</p>	

Для цитирования: Кузнецов Д.А. Трансрегионализм во внешней политике США: сравнительный анализ геополитики проектов ТТП и ТТИП // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2 – С. 73-81.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-73-81

For citation: Kuznetsov, Denis A. Transregionalism vo vneshnei politike SShA: sravnitel’nyi analiz geopolitiki proektov TTP i TTIP (Transregionalism in US Foreign Policy: Comparative Analysis of TPP and TTIP Geopolitics) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 73-81.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-73-81

СТРАТЕГИЯ РОССИИ «ПОВОРОТ НА ВОСТОК»: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОПРЯЖЕНИЯ С КИТАЙСКИМИ ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫМИ ПРОЕКТАМИ

Ма Бо

Нанкинский Университет КНР, Нанкин, КНР

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 13 декабря 2016 Принята к печати: 1 марта 2017</p>	<p>Аннотация: Украинский кризис 2014 г. является важным фактором в принятии правительством России стратегии «Поворот на Восток». В настоящее время правительство России нацелилось на преодоление экономических трудностей и дипломатической изоляции путем осуществления стратегии «Поворот на Восток». Экономический смысл этой политики заключается в сотрудничестве со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в области энергетики, привлечении прямых иностранных инвестиций из этого региона и расширение торговли со странами АТР. С политической точки зрения русское правительство также пытается создать более тесные связи со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В то же время, успех осуществления стратегии России «Поворот на Восток» во многом зависит от состояния энергетических секторов и продвижения на азиатские рынки ограниченных видов экспортных товаров, что является сдерживающим фактором в развитии диверсифицированной экономики. Кроме того, в культурном и социальном смысле, Россия поддерживает более близкий образ мышления с Европой, чем с Азией. Это также является препятствием при разработке новой успешной стратегии. В то же время, инициатива продвижения трансрегиональных партнерств в виде проектов «Один пояс – один путь» (т.е. инициатива OBOR, разработанная китайским правительством) и стратегия «Поворот на Восток» могут раскрыть потенциал стратегической связи Китая и России, который учитывает национальные интересы Китая.</p>
<p>Об авторе: PhD (политические науки, Нью-Йоркский городской университет), научный сотрудник, директор программы международного права, Центр совместного инновационного изучения Южно-Китайского моря, Нанкинский Университет, КНР e-mail: mabo@nju.edu.cn</p>	
<p>Ключевые слова: Стратегия «Поворот на Восток», «Один пояс – один путь», «Экономический пояс Шелкового пути», «Морской Шелковый путь», Украинский кризис</p>	

В последние годы, Россия предложила стратегию «Поворот на Восток», которая является важной частью Азиатско-Тихоокеанской стратегии XXI в. С экономической точки зрения, Сибирь и Дальний Восток России богаты природными ресурсами; если умело использовать эти природные ресурсы, то можно предоставить материальное обеспечение для восстановления экономики и возрождения России. 70% территории России находится в Азии, она является крупнейшим экспортером газа и вторым экспортером нефти в мире. Хотя в энергетической промышленности России занято лишь 3% работающего населения, она создает более 30% ВВП страны, обеспечивает 50% доходов государства и 75% общих

объемов экспорта¹. В связи с этим, Россия выдвинула новую стратегию «Поворот на Восток» в экономике, которая подразумевает «потребление, взаимосвязанность, капитал и инновация» (*consumption, connectivity, capital, creativity*)². С геополитической точки зрения, Россия ускорила реализацию стратегии «Поворот на Восток» после Украинского кризиса и поставила задачу преодоления международной политической изоляции. В данной статье, автор проанализировал ситуацию «вокруг» предложения стратегии

¹ Shadrina, Elena. Russia's Natural Gas Policy Toward Northeast Asia: Rationales, Objectives and Institutions // *Energy Policy*, 2014, p. 54.

² Tsvetov, Anton. Is Russia an Asian Power? // *The Diplomat*, November 17, 2014.

России «Поворот на Восток», рассмотрел стратегические цели и пути ее реализации, в то же время, отметил вызовы геоэкономического и геополитического характера. Автор также рассмотрел возможности сопряжения инициативы Китая «Один пояс – один путь» и российской стратегии «Поворот на Восток» с точки зрения усиления взаимодействия двух стран.

Фон предложения стратегии России «Поворот на Восток»

Россия предложила стратегию «Поворот на Восток» незадолго до Украинского кризиса, так как эта стратегия основана на взаимодействии со странами Евразии и должна помочь обеспечить безопасность восточных границ России. Россия пытается использовать высокие темпы экономического роста азиатских стран для того, чтобы содействовать экономическому развитию своей восточной части. После Украинского кризиса, падения цен на нефть, установления западных санкций и кризиса рубля, экономическому росту в России был нанесен серьезный удар, поэтому правительство России ускорило продвижение стратегии «Поворот на Восток».

Стратегия «Поворот на Восток» незадолго до Украинского кризиса

Россия впервые выдвинула стратегию «Поворот на Восток» в 2012 году. Цель этой стратегии – расширение политического и экономического влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 2012 году, В.В. Путин опубликовал статью в «Уолл-стрит джорнэл», в которой он заявил, что Россия будет играть важную роль в делах Азиатско-Тихоокеанского региона³. В том же году, российское правительство, воспользовавшись удачной возможностью проведения саммита АТЭС на Дальнем Востоке России, инвестировала более 20 миллиардов долларов в развитие восточных регионов, чтобы построить хаб, соединяющий Европу

и Азию⁴. В то же время, Россия усилила дипломатическое взаимодействие с соседними странами в Северо-Восточной Азии. Например, в 2012-2014 гг., Китай и Россия провели несколько раундов военных учений; в 2013 г. Синдзо Абэ посетил Россию, став первым премьер-министром Японии за последние 10 лет, который посетил Россию с государственным визитом.

Тем не менее, русская стратегия «Поворот на Восток» представляет собой пока в значительной степени только стратегическое видение будущего. Как считают западные обозреватели, Россия фактически не изменила свою дипломатическую, экономическую и торговую сущность и продолжает считать, что «Европа важнее Азии»⁵. «Концепция внешней политики Российской Федерации», подписанная президентом В.В. Путиным в феврале 2013 года, показала, что Россия развивает двусторонние и многосторонние отношения с приоритетом в отношении государств СНГ; во-вторых, развивает отношения со странами ЕС, особенно с Германией, Францией, Италией и Голландией; в-третьих, развивает отношения с США; и только потом развивает отношения со странами Азии⁶.

В целом, дипломатические отношения России с Европой теснее и лучше, чем со странами Азии. Отношения между Россией и странами СНГ являются «основой» российской дипломатии; Россия приоритетно развивает отношения с ЕС и США, ожидает объединения экономики ЕС и стремится к созданию рынка интегрированной экономики «Россия – ЕС»⁷. Некоторые аналитики полагают, что Россия сосредоточится на развитии отношений со странами ЕС и СНГ и попытается найти новые формы, чтобы восстановить старую «советскую империю»⁸.

⁴ Pilling, David. Russia Begins Its Slow Pivot to Asia // *The Financial Times*, September 12, 2012.

⁵ Ostrow, Rachel. Russia Looks to Asia / IISS, October 11, 2013.

⁶ The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation, February 12 2013.

⁷ Ibid.

⁸ 黄登学: 《普京新任期俄罗斯外交战略析论》, 载于《俄罗斯东欧中亚研究》2014年第2期, 第49页。

³ Vladimir Putin: An Asia-Pacific Growth Agenda // *The Wall Street Journal*, September 6, 2012.

Одновременно, Россия надеется, установив взаимовыгодное сотрудничество с другими странами в области торговли, инвестиций, науки и техники, восстановить свою ответственность как глобальной державы «защищать безопасность и стабильность мира»⁹.

Таким образом, по нашему мнению, в реальности акцент в развитии дипломатических отношений с азиатскими странами перенесен на СНГ, Европу и США, и именно с этими странами Россия и развивает в основном торгово-экономические отношения. «Концепция внешней политики Российской Федерации» 2013 г. издания, указывает, что Азиатско-Тихоокеанский регион быстро поднимается в мировой геополитике и экономике, и выражает российский интерес в развитии сотрудничества с азиатскими странами, чтобы развивать экономику Сибири и Дальнего Востока¹⁰. Однако из анализа этого документа становится ясно, что во-первых, не уточнен характер развития отношений с различными странами Азии. Во-вторых, в развитии отношений с азиатскими странами, не определены основные страны для развития с ними сотрудничества, сделана только ссылка на страны «Шанхайской организации сотрудничества», АТЭС и участников других региональных организаций. В-третьих, указано, что Россия развивает отношения с азиатскими странами, чтобы обеспечить экономическое развитие регионов Сибири и Дальнего Востока. В документе также указано, что Россия и азиатские страны развивают дипломатические отношения с упором на поощрение и расширение экономической и торговой деятельности своих стран, но не указано, что они поднимают сотрудничество на высоту общей национальной стратегии в области политики, экономики и дипломатии. Кроме того, хотя в концепции упоминается важность российско-китайских отношений, но все же с большим упором на совместном действии двух стран в организациях «Группы двадцати» и «Группы

государств БРИКС». В целом, внешняя политика России в этом программном документе не ставит Азию в приоритет, а российско-китайские отношения в российских приоритетах значительно уступают отношениям России с ЕС и США. На самом деле, российско-китайские отношения прекрасно развивались в период 2012-2014 гг., но наши страны не смогли подписать контракт по экспорту нефти и газа из России в Китай и Россия не наращивает, а сокращает экспорт своих вооружений в Китай.

Стратегия «Поворот на Восток» и Украинский кризис

Ученые в области международных отношений считают, что непосредственная причина реализации стратегии «Поворот на Восток» – украинский кризис марта 2014 года, поскольку после кризиса в отношениях с Украиной на Россию были наложены серьезные санкции Запада. Отношения между Россией и западными странами, особенно с США упали до самого низкого уровня после окончания «холодной войны», а с началом сирийской компании и усложнением отношений с НАТО на западе и на востоке, американо-российские отношения вряд ли улучшатся в краткосрочной перспективе¹¹. В то же время, Россия и страны СНГ в экономической и политической области становятся все более уязвимыми¹². Так британская газета «Файнэншел таймс» пишет, что Европа в настоящее время не только переживает «украинский кризис», но и столкнулась с «русской проблемой», поскольку В.В. Путин пытается изменить геополитическое измерение «посткоммунистических» государств в Восточной Европе¹³.

Из-за санкций западных стран и низких мировых цен на нефть экономическая ситуация в России ухудшается. В России возник-

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации (Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Toloraya, Georgy. Russia-North Korea Economic Ties Gain Traction / 38north.org, November 6, 2014.

¹² 孙壮志: “俄罗斯外交真的要转向吗?” 载于《世界知识》2014年10期, 第52页。

¹³ Stephens, Philip. Ukraine Is Only Part of Putin's Game Plan // *The Financial Times*, February 5, 2015.

кает финансовый дефицит и операционные трудности, усиливается отток капитала¹⁴. Три основных мировых кредитных рейтинговых агентства понизили суверенный кредитный рейтинг России, что усложнило возможность выпуска облигаций для микширования экономических издержек России. И хотя Россия имеет более 370 млрд долларов валютных резервов, что в 30 раз больше валютных резервов периода финансового кризиса 1998 г., но в целом российские золотовалютные резервы начали проявлять тенденцию к снижению. Так, в 2015 году у России было только 364,6 млрд долларов валютных резервов, что является самым низким уровнем с апреля 2007 года¹⁵. Столкнувшись с этой проблемой, в сентябре 2014 года премьер-министр России Дмитрий Медведев заявил, что санкции западных стран ограничивают рост российской экономики, а поскольку это может вызвать девальвацию российской валюты, необходимо укреплять сотрудничество со странами Азии, в том числе с Китаем, чтобы активно стимулировать отечественную экономику¹⁶. Дмитрий Медведев отметил, что санкции стран ЕС и США имеют влияние на Россию, но никаких уступок в обмен на улучшение русско-американских отношений делаться не будет¹⁷. В декабре 2014 года Медведев также отметил, что из-за санкций США и ЕС, экономика России в 2015 году может впасть в «глубокую рецессию», и степень экономического спада будет больше, чем во время мирового финансового кризиса 2008 г.¹⁸ Президент России В.В. Путин после кризиса в Украине также сделал аналогичное решение, заметив, что экономиче-

ская рецессия в России может продолжаться и после 2016 года¹⁹.

Для того, чтобы затормозить падение экономики и воспрепятствовать дальнейшей дипломатической изоляции, Россия стала активно разворачивать стратегию «Поворот на Восток», объявляла, что эта стратегия не направлена на противостояние санкцией США и Европы, а просто нацелена на регулирование международной экономической обстановки. В декабре 2014 года президент В.В. Путин подчеркнул, что выбор стратегии «Поворот на Восток» является результатом сложившихся обстоятельств, огромного спроса Китая, Японии, Кореи и других стран на российские энергоресурсы и предоставляет новые возможности развития России. Он также отметил сходство стратегии «Поворот на Восток» с азиатской стратегией США²⁰. В это время высокопоставленные российские чиновники признали, что после «Украинского кризиса», может повыситься зависимость России от стран Азии, особенно в ее отношениях с Китаем, Японией, Северной и Южной Кореей и с другими соседними азиатскими странами, а также от сотрудничества с Индией²¹. В этой связи помощник экс-госсекретаря США по делам Азии Кристофер Хилл заметил, что хотя Россией и был предложен вариант «возвращения в Азию», который, как сказал В.В. Путин вызван огромным спросом на российскую энергию в странах Восточной Азии, что может помочь России оживить экономику Сибири и Дальнего Востока, но реальная причина роста российских интересов в Азии является резкое ухудшение отношений с США и Европой²².

Стратегия «Поворот на Восток»: пути осуществления и конечная цель

Начиная с 2014 года, Россия тщательно оценивала и перерабатывала стратегию «Поворот на Восток», пыталась переломить

¹⁴ 陈效卫林雪丹：《俄罗斯，对“经济春天”有信心》，载于《人民日报》2015年02月03日，第23版。

¹⁵ 谢亚宏：《俄罗斯努力增加国际储备》，载于《人民日报》2015年02月28日，第11版。

¹⁶ Russian PM Medvedev Vows to Keep Economy Open, Hails Pivot to China // *Reuters*, September 19, 2014.

¹⁷ Dmitry Medvedev: Reset In Russia-US Relations Impossible // *Agency France-Presse*, October 15, 2014.

¹⁸ Russia Faces Recession Risk: Dmitry Medvedev // *Associated Press*, December 23, 2014.

¹⁹ Putin Equates Russia's "Look East" with US's Asia Pivot // *The Bricspost*, December 19, 2014.

²⁰ Ibid.

²¹ Stewart, Will. Russia Looks East Not West for Future Prosperity // *Siberian Times*, April 14, 2014.

²² Hill, Christopher R. After Washington, Moscow Adopts "Look East Policy" // *The Financial Times*, May 25, 2014.

неблагоприятную ситуацию. Для этого российское правительство корректировало текущую политику в ответ на экономический спад путем укрепления сотрудничества со странами за пределами Европы и США, использовало резервные фонды, поддерживала сферу услуг с тем, чтобы максимально смирить негативные последствия западных санкций и постепенно избавиться от экономических проблем²³. Но в 2013 г. общий объем торговли между Россией и Китаем, Японией, Южной Кореей составил всего 150 млрд долларов, т.е. только треть от общего объема российской торговли с европейскими странами; в 2012 г. Россия привлекла в общей сложности 496 млрд прямых инвестиций, прямые инвестиции этих вышеупомянутых трех азиатских стран в Россию составляли всего лишь 6,1 млрд долларов²⁴. Следовательно разработанной стратегии «Поворот на Восток» не достаточно для того, чтобы в короткий срок компенсировать экономические потери, вызванные санкциями. С этой целью, в декабре 2014 года Путин подписал «Федеральный закон по развитию социальной экономики России», нацеленной на оживление экономики Дальнего Востока, и даже предложил концепцию создания «открытого города» Владивосток, назвав его «городом Шэньчжэнь в России»²⁵.

Основа стратегии «Поворот на Восток»: ставить энергоресурсы на первое место

Под давлением санкций Россия за счет экспорта своих энергоресурсов осуществила усиление сотрудничества в области энергетики с азиатскими странами. Это стало первым результатом реализации стратегии «Поворот на Восток». В октябре 2014 г. Россия и Китай подписали пакет двусторонних торговых соглашений об экономическом сотрудничестве, в том числе в области энергетики, строительства высокоскоростных железных дорог,

конвертируемости юаня, а также в области осуществления других 30 проектов. Президент В.В. Путин также высказал надежду, что Китай инвестирует в Транссибирскую железную дорогу для использования ее при осуществлении китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути»²⁶. Россия предложила строить железные дороги в сотрудничестве с азиатскими странами, выделила Западно-Сибирское месторождение нефти как главный фактор экономического развития региона и с целью обеспечения устойчивого развития своей нефтяной экономики сместила акцент развития на Восточную Сибирь и Дальний Восток²⁷. Россия сделала акцент на том, что и Китай, и Япония, и Южная Корея вынуждены будут импортировать большое количество углеводородной энергии из России для поддержания устойчивого развития своих экономик, в то же время подчеркивая, что для России расширение сотрудничества с азиатскими странами в области торговли энергоресурсами является только временной мерой. Россия планировала воспользоваться конкуренцией между Китаем и Японией для подписания выгодного контракта на строительство нефте-газопроводов, но такая политика закончилась неудачей: Япония отказалась инвестировать в добычу и транспортировку нефти и газа из Восточной Сибири в страны АТР; Китай нашел другой путь в обход России, осуществляя сотрудничество в области нефти и газа со странами Центральной Азии. Поскольку у России отсутствовали необходимые средства в строительство трубопровода для поставки нефти в страны Азии, она была вынуждена подписать нефтяные контракты с Китаем²⁸.

Западные аналитики считают, что Китай и Россия создают «энергетический союз». Перед кризисом в Украине, Россия была заинтересована только в получении энергетических технологий из западных стран. Приглашение Китая и формирование «китайской доли» в Роснефти указывает на то, что Рос-

²³ 《国际回声》，” 载于《人民日报》2015年02月03日，第23版。

²⁴ Hille, Kathrin. Russia Looks East as It Seeks to Rebalance Trade Interests // *The Financial Times*, April 3, 2014.

²⁵ 王宪举：《参与远东开发，要有统筹机制》，载于《环球时报》2015年1月28日，第14版。

²⁶ China, Russia to Sign 30 Agreements During Annual Meet // *The BRICS Post*, October 6, 2014.

²⁷ Itoh, Shoichi. Russia Looks East: Energy Markets and Geopolitics in Northeast Asia / *CSIS Report*, July 2011.

²⁸ Ibid. P. 2.

сия из-за экономических сложностей имеет срочную необходимость в привлечении иностранного капитала для обеспечения транспортировки нефти²⁹. По информации «Файнэншел таймс», с 2014 года Китай и Россия подписали ряд соглашений по энергетическому сотрудничеству, и это означает «крупные изменения в стратегии» России³⁰. Тем не менее, британские нефтяные аналитики также отметили, что в связи с санкциями западных стран, российские компании не могут получить инвестиции с Запада, а русская энергетическая отрасль сталкивается с финансовыми трудностями. Поэтому Россия стала смотреть в сторону Китая, и опираясь на финансовую помощь китайских компаний, попыталась смягчить дефицит отечественного капитала. В январе 2015 года об этом открыто говорили некоторые наблюдатели на Давосском экономическом форуме³¹, опираясь на цитату из выступления В.В. Путина, который сказал: «Обычно мы вводим иностранные инвестиции в энергетические бизнес-практики очень осторожно, но таких ограничений для китайских друзей не существует»³².

Россия не только сотрудничает с Китаем в области поставок энергоресурсов, но и активно ищет партнеров в других странах Азиатско-Тихоокеанского региона для усиления двустороннего сотрудничества в энергетической сфере. Последнее время возрос интерес России к Вьетнаму, Россия стала рассматривать эту страну как мост, ведущий на рынки Юго-Восточной Азии³³. В то же

время для Вьетнама двусторонние отношения с Россией становятся дипломатическим приоритетом. Россия расширяет торговлю с Вьетнамом и надеется, что объем двусторонней торговли с нынешних 7 млрд долларов в год повысится до 60-70 млрд долларов к 2030 году³⁴. С этой целью в мае 2014 года нефтяная компания России *Rosneft* и Национальная нефтяная компания Вьетнама подписали контракт на поставку нефти и газа объемом в 6 миллионов тонн в год в период с 2014 до 2039 года. С учетом получения контракта на добычу нефти в Печорском бассейне для поставки нефти во Вьетнам, российская компания *Gazprom* купила 49% акций единственного нефтеперерабатывающего предприятия *Dong Quat* во Вьетнаме. Кроме того, в октябре 2014 года Россия и Вьетнам подписали «Новый экономический план России и Вьетнама», начали всестороннее сотрудничество в научно-технических областях, а также достигли договоренности о строительстве первой атомной электростанции во Вьетнаме. Кроме того, Вьетнам стал первой азиатской страной, вступившей в Таможенный союз.

Хотя отношения между Россией и Северной Кореей развиваются в основном на основе геополитических соображений, но экономические факторы в их сотрудничестве также играют некоторую роль. В 2015 году в Москве устроили торжественную церемонию в честь 70-й годовщины победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, на которую В.В. Путин пытался пригласить лидера Северной Кореи Ким Чен Ына. Этот шаг считается еще одним свидетельством реализации стратегии «Поворот на Восток»³⁵. С экономической точки зрения, Россия заинтересована в обильных и дешевых минеральных ресурсах Северной Кореи, в то же время российские компании хотят строить трубопроводы в Северной Корее, чтобы экспортировать нефть и газ в

²⁹ Chang, Gordon G. Russia's New 'Energy Alliance' with China // *World Affairs*, September 10, 2014. Mode of access: <http://www.worldaffairsjournal.org/blog/gordon-g-chang/russia's-new-'energy-alliance'-china>

³⁰ Chazan, Guy. Sanctions Help Russia Overcome Its China Paranoia // *The Financial Times*, September 7, 2014.

³¹ Smale, Alison. Snubbed by U.S. and Europe, Kremlin Looks to Asia at Davos // *The New York Time*, January 24, 2015.

³² Chang, Gordon G. Russia's New 'Energy Alliance' with China // *World Affairs*, September 10, 2014. Mode of access: <http://www.worldaffairsjournal.org/blog/gordon-g-chang/russia's-new-'energy-alliance'-china>

³³ Minh, Van. Russia's 'Look East' Policy to Bring New Opportunities to Vietnam // *VietNamnet*, November 28, 2014.

³⁴ Voronin, Anatoly. Russian-Vietnamese Strategic Partnership: the New Stage, a New Agenda / in *Russian Scholars on Vietnam 2014*, Moscow, Forum Publishing House, p. 21.

³⁵ The Editorial Board. Mr. Putin's Global Courtships // *the New York Times*, Dec.26, 2014.

Южную Корею³⁶. В настоящее время Россия и КНДР достигли договоренности, что в следующие 20 лет Россия инвестирует 25 млрд долларов, чтобы помочь перестроить железнодорожную систему КНДР на участке в 3000 км, а Северная Корея погасит задолженность полезными ископаемыми³⁷.

**Политическая цель стратегии
«Поворот на Восток»:
преодолеть пассивность дипломатии**

После Украинского кризиса Россия попала в дипломатическую изоляцию на Западе, поэтому поиск политической поддержки стран Азиатско-Тихоокеанского региона является еще одной важной частью российской стратегии «Поворот на Восток». Президент США Барак Обама неоднократно заявлял, что США никогда не признает тот факт, что Крым включен в состав России, что было подтверждено заявлением администрации Д. Трампа. Страны Европейского Союза наложили экономические санкции на Россию и предприняли ряд инициатив для изоляции России. Только Северная Корея выразила поддержку России, большинство же азиатских стран зафиксировали позицию «против» или придерживаются политики нейтралитета. Поэтому Россия ускоряет развитие двусторонних отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, чтобы вырваться из ситуации пассивности на международной дипломатической арене.

Западные аналитики отметили, что Россия намерена сформировать стратегический треугольник «Москва – Нью-Дели – Пекин»³⁸. Индия несомненно является приоритетным направлением российской стратегии «Поворот на Восток», так как военное присутствие России в регионе Индийского океана может обеспечить безопасность энергетических маршрутов Западной Азии. Индия всегда была крупнейшим

импортером вооружений России. В декабре 2014 года В.В. Путин посетил Индию фактически прямо во время кампании по «аннексии» Крыма, в его делегации были руководители из Крыма. Премьер-министр Индии Моди тепло принял эту делегацию и выразил надежду, что «отношения между Индией и Россией должны быть на новом уровне». Когда представители США выразили «озабоченность» участием в этом визите крымских региональных лидеров, представители индийской стороны ответили, что они «не знали» об этом³⁹. Во время визита Россия и Индия подписали контракт о поставке из России электроэнергии, топлива и вооружений⁴⁰.

Вьетнам является традиционным союзником России, поэтому не существует никаких проблем для развития двусторонних отношений между странами. Соответственно Вьетнам стал ключевой страной в стратегии России «Поворот на Восток». В 2001 г. Путин первый раз посетил Вьетнам, тогда обе страны и решили сформировать «стратегическое партнерство», а затем за следующие десять лет двусторонние отношения достигли значительного прогресса. Для Вьетнама поставки российского современного вооружения исключительно важны, так как такие поставки повысят степень модернизации вьетнамских вооруженных сил. К 2012 г. Вьетнам и Россия сформировали «всестороннее стратегическое партнерство», сосредоточив сотрудничество в области энергетики и вооружений. В 2011 г. Вьетнам купил российского оружия на сумму 1,5 млрд долларов⁴¹. В 2009 г. Россия продала Вьетнаму шесть ударных подводных лодок «Кило-класса» (поставки в 2016 г.); в 2011 г. Россия поставила Вьетнаму два эсминца типа *Gepard*, в 2013 г. Вьетнам заказал еще два эсминца такого же типа. Россия также надеется, что в будущем можно будет подпи-

³⁶ Toloraya, Georgy. Russia-North Korea Economic Ties Gain Traction / 38north.org, November 6, 2014.

³⁷ Kim, Yonho. Russia, North Korea Strike Deal: Improved Railway for Mineral Resources // *the Voice of America*, November 8, 2014.

³⁸ Bedi, Rahul. Now It's Russia's Turn to Look East // *The Asia Times*, June 19, 2003

³⁹ Panda, Ankit. Testing the 'Modi Doctrine': Russia and India in 2015 // *The Diplomat*, December 29, 2014.

⁴⁰ Hill, Christopher R. After Washington, Moscow Adopts "Look East Policy" // *The Financial Times*, May 25, 2014.

⁴¹ Voronin, Anatoly. Russian-Vietnamese Strategic Partnership: the New Stage, a New Agenda / in *Russian Scholars on Vietnam 2014*, Moscow, Forum Publishing House, p. 22.

сать контракты на производство вооружений во Вьетнаме и обеспечить подготовку вьетнамской армии⁴². Кроме того, в настоящее время российское вооружение экспортируется в Малайзию, Индонезию и другие страны АСЕАН. Некоторые аналитики при этом отмечают, что Россия укрепляет двусторонние торгово-экономические отношения с Вьетнамом и другими странами Юго-Восточной Азии, чтобы сбалансировать расширение Китая в Юго-Восточной Азии⁴³.

Сотрудничество России и Вьетнама ограничено отношениями США и Вьетнама и отношениями Вьетнама с третьими странами. Вьетнам, по нашему мнению, не испытывает большого оптимизма по вопросу перспектив экономического сотрудничества с Россией из-за экономической слабости России, но он в то же время не удовлетворен и уровнем инвестиций из Южной Кореи, Тайваня, Китая и США. Кроме того, поскольку в последние годы США усилили свой интерес к ситуации в районе островов Южно-Китайского моря Китая и продолжают укреплять отношения с Вьетнамом, экономическое и военное сотрудничество между Россией и Вьетнамом становится все более сложными из-за усиления чувствительности Китая в этом вопросе. «Газпром» с 2009 г. разрабатывает месторождения нефти и газа в Южно-Китайском море, крупномасштабные контракты на нефтяную разработку месторождения Куньлунь (*Nam Con Son Basin*) также осуществляются в Южно-Китайском море⁴⁴. Россия в этой связи должна признать реальную проблему: Вьетнам придает большое значение для поддержания тесных отношений с США и одновременно четко признал, что Россия не может помочь Вьетнаму ограничивать силы Китая в Южно-Китайском море. Соответственно, для Вьетнама, только поддерживая баланс отношений между США и Россией, возможно сдерживать Китай. Таким образом, хотя Россия и использует Вьетнам для улучшения

своего положения на международной арене, эффект таких отношений будет ограничен.

Россия развивает отношения со странами Северо-Восточной Азии путем реализации стратегии «Поворот на Восток», чтобы улучшать свое международное положение. После кризиса в Украине, отношения между Россией и Северной Кореей стали одним из основных центров стратегии «Поворот на Восток». С геополитической точки зрения, Россия развивает отношения с Северной Кореей, которая в свою очередь слишком сильно зависит от Китая, но в то же время Северная Корея является одной из немногих стран, которая открыто поддерживает позицию России в украинском кризисе. С начала этого века, Россия разработала два типа политики в отношении ядерной проблемы Корейского полуострова: с одной стороны, Россия участвовала в «шестисторонних переговорах», с другой стороны, не прекращала политические контакты с КНДР и развивала с ней двустороннюю торговлю и экономические отношения⁴⁵. В Северной Корее, украинский кризис в свою очередь также рассматривается как возможность расширить отношения с Россией. В то же время Северная Корея развивает отношения с Россией, чтобы уменьшить чрезмерную зависимость от экономики Китая⁴⁶. Именно поэтому КНДР предоставила России благоприятные условия для инвестиций⁴⁷. Власти КНДР также рассчитывают, что Россия может помешать США и европейским странам инициировать голосование в Совете Безопасности ООН по вопросу о правах человека в КНДР.

Улучшение отношений между Россией и КНДР следует рассматривать как отражение политики России против «однополярного» мира США⁴⁸. В октябре 2014 г., министр иностранных дел КНДР осуществил 10-дневный визит в Россию, в ходе которого

⁴⁵ Toloraya, Georgy. Russia-North Korea Economic Ties Gain Traction / 38north.org, November 6, 2014.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Byrne, Leo. Russia and North Korea Deepen Ties // Nknews.org, June 5th, 2014

⁴⁸ Toloraya, Georgy. Russia-North Korea Economic Ties Gain Traction / 38north.org, November 6, 2014.

⁴² Russia Strengthens Ties With Vietnam // *Stratfor*, December 12, 2013. Mode of access: <https://www.stratfor.com/analysis/russia-strengthens-ties-vietnam>

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

он сказал, что между КНДР и Россией существует «глубокая дружба» и вновь подтвердил свою поддержку России по украинскому вопросу⁴⁹. В целом, сотрудничество между Россией и Северной Кореей не влияет на позицию России по ядерной проблеме КНДР, а стабильность на Корейском полуострове также соответствует и интересам. Президент Путин заявил, что Россия будет продолжать сотрудничать с США по ядерной проблеме Северной Кореи, и такое сотрудничество является одной из немногих областей взаимодействия между Россией и США после украинского кризиса. Позиция России по ядерной проблеме КНДР имеет решающее значение, и если Россия по этому вопросу будет поддерживать Северную Корею, то это будет оказывать значительное влияние на стабильность ситуации в Северо-Восточной Азии. Однако после нового раунда ядерных испытаний, проведенных Северной Кореей в 2016 г., улучшить отношения с КНДР для России будет нелегким делом.

Отношения между Россией и Японией ограничены территориальным спором. В 2012 г., после ядерной утечки на Фукусиме, развитие двусторонних российско-японских отношений развивалось достаточно гладко. Японское правительство пересмотрело свою энергетическую политику, пытаясь развивать нефтеторговлю с Дальним Востоком России, чтобы снизить свои транспортные расходы. Россия надеется на дальнейшее развитие отношений с Японией, чтобы увеличить объем экспорта нефти и газа и снизить свою зависимость китайского рынка. В марте 2013 г. премьер-министр Абэ посетил Россию и обе стороны достигли ряда соглашений о сотрудничестве, но российско-японские отношения по-прежнему зависят от многих факторов, а «территориальный вопрос о реституции четырех северных островов» является самым большим препятствием для развития двусторонних отношений. Хотя Россия и Япония установили дипломатические отношения в 1956 г., обе стороны так и не подписали мирный договор и с юридической точки зрения все еще находятся в состоянии «войны». Японские официальные лица на самом высоком уровне неоднократно заявляли, что

⁴⁹ Ibid.

Россия должна вернуть «четыре северных острова»⁵⁰. Но Россия не может вернуть все четыре острова, поскольку и с точки зрения «национального суверенитета», и с точки зрения стратегических соображений эти четыре северных острова Курильской гряды имеют большое значение для России⁵¹. Ровно по тем же причинам и Япония не может уступить в вопросе суверенитета «четырех северных островов». Таким образом, хотя Россия и Япония имеют общую направленность экономических интересов, но с учетом международной политики и исторических факторов двусторонних отношений, в российско-японском двустороннем сотрудничестве желаемого эффекта добиться не удастся.

Вызовы стратегии «Поворот на Восток»

После начала реализации стратегии «Поворот на Восток» главным вопросом является, насколько полученные с начала ее реализации краткосрочные выгоды могут компенсировать общие дипломатические и экономические потери России. Нынешние экономические проблемы России происходят от того, что структура ее экономики с 2000 г. не сильно изменилась и страна все ещё слишком сильно зависит от энергетического сектора. С 2014 г., когда мировые цены на нефть начали снижаться, а в экономике России продолжают наблюдаться структурные проблемы, ситуация только ухудшается, поскольку экономические санкции США и Европы оказались серьезнее, чем предполагалось. С геополитической точки зрения, поддержка Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона для России исключительно важна, в том числе и для реализации стратегии «Поворот на Восток». Однако пока так и не известно, до какой степени Китай готов поддержать Россию, чтобы помочь ей прорваться через экономические санкции, и готов ли он ради этого пожертвовать хорошими отношениями с США.

⁵⁰ Pajon, Celine. *Japan-Russia: Toward a Strategic Partnership?* / *IFRI*, September 2013, p. 15.

⁵¹ Ibid. P. 16.

Вызов в сфере экономики

Во-первых, нынешнее экономическое положение России и ее экономическая структура слишком сильно зависят от энергоресурсов. Россия имеет абсолютное преимущество природных ресурсов по сравнению с другими странами. Стоимость капитализации природных ресурсов у России около 24 трлн долларов, у США только 4,6 трлн долларов, у Великобритании, Германии, Японии и других развитых стран около 0,3 трлн долларов⁵². В долгосрочной перспективе огромные природные ресурсы могут поддержать дальнейшее развитие российской экономики, они являются необходимым условием для экономической реструктуризации, но одно наличие этих ресурсов не может решить экономические проблемы России. В настоящее время Россия с трудом использует свое преимущество в природных ресурсах с точки зрения их маркетизации, а соответственно природные ресурсы мало влияют на улучшение экономической ситуации в России.

Во-вторых, отраслевая структура российской экономики не сильно отличается от бывшего Советского Союза, почти 50% бюджетных доходов России покрывается за счет экспорта энергоносителей. После финансового кризиса 1998 г. и до 2008 г., т.е. в период повышенных мировых цен на нефть, это не заставило правительство России изменить нерациональную экономическую структуру страны. Заместитель председателя России Игорь Шувалов на форуме в г. Давос в 2015 г. признал, что Россия полагается на финансовые выгоды от высоких цен на нефть, но при этом не смогла воспользоваться этой возможностью для продвижения экономической модернизации. После кризиса в Украине сможет ли Россия распознать недостатки своей экономической структуры, сможет ли решительно реструктурировать экономические структуры, достаточно ли для этого времени? Может ли существенно улучшить отсталую инфраструктуру в регионе Сибири и Дальнего Востока, помочь создать хо-

рошую инвестиционную среду стратегия «Поворот на Восток» – этого, к сожалению, ни эксперты, ни ученые однозначно сказать не могут. Хотя аэрокосмическая оборонная промышленность России остается мировым лидером, она привлекает азиатские страны, конкурирующие друг с другом, чтобы купить российские технологии и продукты этой отрасли, но при отсутствии успехов в строительстве инфраструктуры, еще не достаточно. Кроме того, если какая-либо страна подвергается санкциям Запада, то не следует быть слишком оптимистичным относительно возможности получать прямые инвестиции зарубежных стран. При разработке своей новой экономической стратегии, Россия не смогла привлечь внимание всего мира, как это сделали Китай, Индия и другие страны. Именно поэтому российская экономическая стратегия «Поворот на Восток» встречает трудности на пути реализации и путь этот не будет коротким.

Культурный вызов

Если посмотреть на историю России, то она всегда считала, что «Европа важнее Азии», и это является главным культурным вызовом стратегии «Поворот на Восток». На психологическом уровне для русского народа регион Дальнего Востока по-прежнему остается «колонией», богатой минеральными и углеводородными ресурсами⁵³. В последние годы, Россия и Китай подписали ряд контрактов сотрудничества⁵⁴, но некоторые ученые после глубокого анализа российской идентичности и культуры утверждают, что в русской национальной культуре отсутствует понятие «взаимной выгоды и взаимного выигрыша» и что это не позволяет другой стороне получать их собственную прибыль, а это в свою очередь препятствует сотрудничеству с азиатскими странами⁵⁵.

В российском обществе продолжает существовать комплекс «европоцентри-

⁵³ Tsvetov, Anton. Is Russia an Asian Power? // *The Diplomat*, November 17, 2014.

⁵⁴ 王宪举, 2015.

⁵⁵ 韩立华: 《俄罗斯能源出口战略东移与东北亚能源合作》, 载于《亚非纵横》2009年第5期, 第16页。

⁵² 亚历山大·阿格耶夫: 《在困境中加速转型》, 载于《人民日报》2015年02月03日, 第23版。

ма», русский народ обладает характерными чертами европейских стран, и даже жители Дальнего Востока с гордостью считают сами себя европейцами⁵⁶. Это может повлиять на реализацию стратегии «Поворот на Восток», а также не прибавляет искренности в сотрудничестве с соседними странами Азии. Кроме того, стратегически Россия всегда считала, что Дальний Восток – это стратегический «форпост», а Сибирь – это «тыл». Такое мышление в сочетании с изменением стратегического положения после Второй мировой войны приводит к утере российского человеческого капитала, оттоку талантов, долгосрочной нехватке рабочей силы, серьезному износу инфраструктуры. Кроме того, Россия не только не воспринимает китайскую культуру, но и чувствует страх перед китайской иммиграцией на Дальний Восток, ведь еще в 2004 году В.В. Путин упомянул, что Дальний Восток «может стать регионом, где не говорят по-русски»⁵⁷.

Влияние стратегии России «Поворот на Восток» на инициативу Китая «Один пояс – один путь»

В мае 2014 г. президент России В.В. Путин объявил, что Россия поддерживает инициативу Китая «Один пояс – один путь». 8 мая 2015 г. главы двух государств, России и Китая, подписали «Совместное заявление о сотрудничестве по строительству экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза между Народной Республикой Китая и Российской Федерацией», установили взаимную поддержку национальных стратегий и политики, пытаясь путем стыковки стратегических двусторонних отношений поднять двусторонние отношения на новый этап развития. Россия считает, что в Евразии есть три варианта объединений: двусторонние объединения (страна Евразийского союза сама принимает решение присоединиться к «Экономическому поясу Шелкового пути»); Евразийский

экономический союз соединяется с Китаем; соединение в рамках Шанхайской организации сотрудничества, когда «Экономический пояс Шелкового пути» становится инструментом улучшения Евразийского экономического союза⁵⁸. Но готовы ли правительства России и Китая совместно инвестировать в развитие Дальнего Востока и Сибири? Подходит ли инициатива «Один пояс – один путь» России? Сможет ли Россия сопрячь китайские региональные проекты со своей стратегией «Поворот на Восток», чтобы реализовать свои стратегические интересы? Таким образом все вызовы плану сопряжения стратегии России «Поворот на Восток» и инициатив Китая «Один пояс – один путь» нужно было бы сначала серьезно исследовать, прежде, чем объявлять о сопряжении и тем более о соединении этих проектов⁵⁹.

Практическое значение соединения двусторонних стратегий

Для Китая сопряжение со стратегией России «Поворот на Восток» будет приносить экономические и стратегические плоды. С экономической точки зрения, в первую очередь можно содействовать торговле в Северо-Восточном Китае и на Дальнем Востоке России, увеличить взаимное инвестирование. Эти шаги будут играть положительную роль в повышении экономического развития Северо-Востока Китая. В мае 2014 г., когда на Россию были наложены западные санкции, Китай и Россия подписали 30-летний экспортный контракт на поставку в Китай нефти и газа на сумму \$400 млрд. Хотя общественность не знает подробности, аналитики в целом считают, это принесло пользу для Китая. Строительство нефтепровода в Северо-Восточном Китае будет в целом способствовать улучшению в этом регионе инфраструктуры. В.В. Путин выбрал именно такой момент

⁵⁸ «Односторонний экономический союз» является частью «Одностороннего экономического союза» между Россией, Китаем и Казахстаном, который был подписан в 2014 году. Его цель – усилить экономические связи между этими странами.

⁵⁹ Bond, Ian. Chasing the Dragon: Russia's Courtship of China / Centre for European Reform, 04 August 2015. Mode of access: <http://www.cer.org.uk/insights/chasing-dragon-russias-courtship-china>

⁵⁶ 李新:《试析俄罗斯亚太新战略》,载于《现代国际关系》2012年第2期。

⁵⁷ 杨闯:《从分歧到契合——“一带一路”下俄罗斯的战略调整与选择》,载于《学术前沿》2015年6月(下),第55页。

для подписания контракта, переговоры по которому велись в течении предыдущих 10 лет, именно в связи с новой международной ситуацией⁶⁰.

Китай, как самой большой потребитель энергоресурсов в регионе, будет определять успех реализации стратегии России «Поворот на Восток». Кроме того, в ноябре 2014 г. крупнейшая нефтяная компания России «Газпром» объявила о намерении построить новый нефтепровод через Сибирь и предоставлять нефть в Синьцзян. Когда эти два нефтепровода будут завершены и сданы в эксплуатацию, то по ним можно будет прокачивать 68 bcm нефти, и тогда экспорт нефти и газа России в Китай будет значительно выше импорта нефти крупнейшего импортера российских нефтепродуктов Германии (40 bcm)⁶¹.

Объединение китайских региональных проектов с российской стратегией «Поворот на Восток» поможет Китаю играть ведущую роль в международных делах Северо-Восточной Азии. Китай и Россия построят действительное «партнерство и стратегическое сотрудничество» и станут «новыми крупными державами, которые осуществляют политику неприсоединения к блокам, и сотрудничество которых не направлено против третьих стран»⁶². Углубление сотрудничества с Китаем потребует от России полностью открыть порт Владивосток⁶³, после чего на северо-востоке Китай получит новый выход к морю. Поскольку в настоящее время китайско-японские противоречия стали более серьезными из-за того, что Япония начала активно участвовать в делах Южно-Китайского моря, Китай через военное сотрудничество с Россией на Дальнем Востоке сможет ограничить военное присутствие Японии в Восточно-Китайском море, т.е. найдет с помощью России средства противостоять японской стратегии. Эти планы можно реализовать через соединение российской стратегии «Поворот на Восток» с инициати-

вами Китая «Один пояс – один путь»⁶⁴.

Россия и Китай будут «дополнять друг друга» в политике, экономике, культуре и других аспектах. Бывший министр иностранных дел России И.С. Иванов считает, что развитие двусторонних отношений между Россией и Китаем пока не полностью сбалансировано. В новой ситуации, в конкретных делах, обе стороны будут стремиться к балансу интересов и вступать в рациональные компромиссы и идти на уступки друг другу⁶⁵. России и Китаю нужно поддерживать более активное сотрудничество в будущем для совместного контроля важнейших глобальных проблем. Например, США и страны-партнеры исходя из геополитических соображений будут стараться исключать Россию и Китай из двух новых геоэкономических предложений – «Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве» и «Соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве», которые отложены, но не похоронены. К таким попыткам обе страны не смогут оставаться равнодушными, потому что эти экономические проекты будут непосредственно касаться долгосрочных интересов обеих стран.

В то же время Китай и Россия имеют разные направления развития. Россия понимает, что она не может быть поставлена на одну доску с Китаем по силе и влиянию. Некоторые российские ученые считают, что для России соединение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути основано на процессе затягивания Китая в Центральную Азию, что обеспечит возможность России иметь рычаг давления на Китай. Москва поняла, что инвестиции Китая в развитии Центральной Азии далеко превышают пределы российского экономического влияния в регионе. Для Китая, после соединения двух проектов, российского и китайского, можно бу-

⁶⁴ Mode of access: http://www.360doc.com/content/15/0308/01/20433456_453436943.shtml

⁶⁵ Россия – Китай: к новому качеству отношений. Игорь Иванов, Президент РСМД, министр иностранных дел России (1998-2004 гг.), профессор МГИМО МИД России, член-корреспондент РАН (опубликовано на сайте Международного комитета по международным делам; 2016 г. 5 марта – 31 марта, 2-й Международный форум «Россия – Китай: к новому качеству отношений»)

⁶⁰ Nye, Joseph S. A New Sino-Russian Alliance? // *Project Syndicate*, Jan 12, 2015.

⁶¹ Ibid.

⁶² 黄登学, 2014, 第51页.

⁶³ Mode of access: <http://world.huanqiu.com/hot/2015-09/7438112.html>

дет обойти защитную тарифную политику Евразийского экономического союза и начать строительство инфраструктуры в соседних с Россией государствах. До кризиса в Украине, Россия не была заинтересована в этой инициативе Китая, теперь укрепление дружбы восточных соседей стало реальной целью для Кремля⁶⁶.

Вызов соединению стратегий двух стран

Инициатива Китая «Один пояс – один путь» может дополнять российскую стратегию «Поворот на Восток» или использовать ее для достижения собственных геополитических целей, этот вопрос Китаю надо глубоко продумать.

Во-первых, стратегия России «Поворот на Восток» слишком зависит от экспорта энергоресурсов, это с точки зрения Китая будет приносить риски соединению стратегий двух стран. Россия привыкла использовать углеводороды как инструмент в международных переговорах, а в последние годы, она неоднократно заявляла о приостановке поставки газа в страны ЕС, чтобы добиться максимизации своих экономических и торговых интересов. Обеспечив крупные контракты энергоресурсов для Китая, Россия увеличит ставки и укрепит свои позиции в политических, экономических и торговых переговорах. Задержка с подписанием соглашений на поставку газа в Китай через Западную Сибирь по Алтайскому маршруту является одним из таких примеров. Этот пример также показывает, что не все свои планы В.В. Путин будет реализовывать. Если коротко говорить об этом проекте, то Китай не удовлетворен высокой объявленной ценой на строительстве трубопровода из России по этому маршруту.

Во-вторых, в настоящее время Россия подписала нефтегазовый контракт в Азиатско-Тихоокеанском районе только с АКОО «Петрочайна» и это обязательно должно повлиять на глубину и ширину стратегии России «Поворот на Восток». С замедлением

экономического роста Китая, спрос на традиционные энергоресурсы будет дополнительно ослаблен. Так, согласно с договоренностями по выбросам двуокиси углерода между Китаем и Россией в 2014 г., в 2030 г. Китай достигнет пика выбросов и выбросы начнут постепенно уменьшаться. Из этого следует, что в будущем Китай будет продвигать использование возобновляемых источников энергии и новых источников энергии. Таким образом, перед Россией стоит очевидный вызов обеспечения гарантий своего экономического развития, полагаясь на экспорт нефти и газа в условиях снижения доли производственных отраслей в мировой экономике.

В-третьих, комплементарность между Китаем и Россией в экономике ограничена. В настоящее время, Китай нуждается в российской энергии и высокотехнологичной продукции военной промышленности, а России придется импортировать большие объемы продукции легкой промышленности из Китая. В долгосрочной перспективе, Россия не может получить высококачественные промышленные товары из Китая в таком же объеме, а растущая и развивающаяся военная промышленность Китая будет неизбежно конкурировать с российской в развивающихся странах. Таким образом, хотя обе страны надеются довести двустороннюю торговлю до 200 млрд долларов в 2020 г., по сравнению с объемами китайско-американской и китайско-европейской торговли, влияние России на Китай в мировом объеме торгового сотрудничества будет малозаметным. В 2014 г. ВВП Китая составил 10,3 трлн долларов, а ВВП России за тот же период составил всего 1,8 трлн долларов; МВФ прогнозировал, что в 2015-2016 гг. темпы роста ВВП Китая составят 6,8% и 6,3% (в 2014 г. – 7,4%), согласно тем же оценкам, в 2015-2016 гг. рост ВВП России составил 3,4% и 0,2% (в 2014 г. – 0,6%). Эти данные доказывают, что большого прироста объема двусторонней российско-китайской торговли получить нельзя.

И наконец, Китай и Россия имеют разные позиции в решении международных проблем; это будет вызывать некоторые препятствия для соединения стратегий двух стран. Различные позиции существуют у России

⁶⁶ Bond, Ian. Chasing the Dragon: Russia's Courtship of China. 04 August 2015 / Centre for European Reform. Mode of access: <http://www.cer.org.uk/insights/chasing-dragon-russias-courtship-china>

и Китая в решении сложных региональных проблем. Хотя в последние годы Китай начал «защищать свои права силой» в Южно-Китайском море и предпринял ряд решительных действий, по сравнению с Россией, в целом, Китай является более осторожным. Это видно по политике России в украинском кризисе. Китайское правительство придерживается взаимовыгодных международных отношений. В процессе соединения китайских и российских стратегий Китай не хочет попасть в столкновение между Европой и США из-за России. Аналитики отмечают, что Пекин четко заявил, что с точки зрения национальных интересов Китая поддержание хороших экономических отношений с Соединенными Штатами гораздо важнее, чем получение российского газа. Кроме того, Китай не вступает в противоречия с ЕС; наоборот, Китай будет прилагать все усилия для укрепления сложившихся политических и экономических связей с Европой⁶⁷.

Ускорение продвижения Россией реализации стратегии «Поворот на Восток» – это краткосрочный ответ России на санкции западных стран, девальвацию рубля и резкое падение мировых цен на нефть. Китаю нужно оценить, какова долгосрочная перспектива стратегии России «Поворот на Восток», каковы факторы риска в ее осуществлении.

Исходя из своего исторического опыта, Россия обычно не слишком доверяла соседним странам. В торговле России с Китаем обычно происходил большой перелив китайских трудовых ресурсов на Дальний Восток и возникали разногласия из-за того, что российская экономика становилась слишком зависимой от Китая. В России считают, что общая численность населения Северо-Восточного Китая – более 120 миллионов человек. В настоящее время китайских иммигрантов и рабочих в Сибири и на Дальнем Востоке насчитывается уже более 500 тысяч. Соответственно, существуют опасения, что они привнесут негативное влияние на структуру населения на Дальнем Востоке, который имеет население меньше 6 миллионов человек. До сих пор китайские националисты помнят, что Россия отнимала

территории Китая через «неравноправные договоры» в середине XIX-го века.

В настоящее время, политические и экономические отношения между Китаем и Россией все еще развиваются в правильном направлении, Пекин не потворствует националистам. До сих пор бизнес-модель между Китаем и Россией состояла в том, что Россия экспортировала энергоресурсы и другие виды сырья в Китай, а потом импортировала готовую продукцию из Китая. Однако в России существуют опасения, что в долгосрочной перспективе эта модель неблагоприятна с точки зрения структуры торговли России⁶⁸. Китайский анализ показывает, что с точки зрения комплексного сравнения национальной мощи Китая и России, Россия, очевидно, находится в невыгодном положении. В этом случае, стремление России к развитию отношений с Китаем будет находиться под китайским контролем. Если Россия будет продолжать опираться на экспорт нефти и газа для поддержания китайско-русских отношений, Россия неизбежно превратится в «АЗС» Китая. В то же время, даже развитие более разносторонней торговли России с Китаем не сможет заменить импорт высокотехнологичной продукции с Запада и не сможет компенсировать потери, вызванные санкциями.

Заключение

Оценка влияния стратегии России «Поворот на Восток» на соседние страны в значительной степени определяется решительностью ее реализации и изменением международной среды. Российская внутренняя политика, культурные предрассудки в духе «Европа важнее Азии» влияют на модель сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Китай. Центром политики России должно стать развитие двусторонних отношений на основе взаимной выгоды. Если произойдут изменения в политике США и Европы по отношению к России, то это тоже повлияет на реализацию стратегии «Поворот на Восток». Если США и Европа отменяют экономи-

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Collins, Gabe. China Looms Over Russian Far East // *The Diplomat*, June 22, 2011.

ческие санкции в будущем, мировые цены на нефть начнут подниматься, экономика России начнет реализовывать структурную перестройку, все эти факторы будут влиять на эффективность и сроки реализации стратегии «Поворот на Восток». С точки зрения Китая надо поддерживать стратегическую возможность сотрудничества с Россией, соединиться с Россией путем использования инициативы «Один пояс – один путь», чтобы укрепить существующее сотрудничество, и совместно обсуждать новые направления сотрудничества в соответствии с интересами Китая. В долгосрочной перспективе, мы должны также обратить внимание на экономические и политические факторы и факторы риска, которые могут проявляться при «сопряжении» китайской стратегии региональных партнерств со стратегией России.

References:

Bedi, Rahul. Now It's Russia's Turn to Look East // *The Asia Times*, June 19, 2003.

Bond, Ian. Chasing the Dragon: Russia's Courtship of China / Centre for European Reform, 04 August 2015. Mode of access: <http://www.cer.org.uk/insights/chasing-dragon-russias-courtship-china>

Byrne, Leo. Russia and North Korea Deepen Ties // *Nknews.org*, June 5th, 2014

Chang, Gordon G. Russia's New 'Energy Alliance' with China // *World Affairs*, September 10, 2014. Mode of access: <http://www.worldaffairsjournal.org/blog/gordon-g-chang/russia-s-new-'energy-alliance'-china>

Chazan, Guy. Sanctions Help Russia Overcome Its China Paranoia // *The Financial Times*, September 7, 2014.

China, Russia to Sign 30 Agreements During Annual Meet // *The BRICS Post*, October 6, 2014.

Collins, Gabe. China Looms Over Russian Far East // *The Diplomat*, June 22, 2011.

Dmitry Medvedev: Reset In Russia-US Relations Impossible // *Agency France-Presse*, October 15, 2014.

Hill, Christopher R. After Washington, Moscow Adopts "Look East Policy" // *The Financial Times*, May 25, 2014.

Hille, Kathrin. Russia Looks East as It Seeks to Rebalance Trade Interests // *The Financial Times*, April 3, 2014.

Itoh, Shoichi. Russia Looks East: Energy Markets and Geopolitics in Northeast Asia / *CSIS Report*, July 2011.

Kim, Yonho. Russia, North Korea Strike Deal: Improved Railway for Mineral Resources // *the Voice of America*, November 8, 2014.

Minh, Van. Russia's 'Look East' Policy to Bring New Opportunities to Vietnam // *VietNamnet*, November 28, 2014.

Nye, Joseph S. A New Sino-Russian Alliance? // Project Syndicate, Jan 12, 2015.

Ostrow, Rachel. Russia Looks to Asia / IISS, October 11, 2013.

Pajon, Celine. Japan-Russia: Toward a Strategic Partnership? / IFRI, September 2013, p. 15.

Panda, Ankit. Testing the 'Modi Doctrine': Russia and India in 2015 // *The Diplomat*, December 29, 2014.

Pilling, David. Russia Begins Its Slow Pivot to Asia // *The Financial Times*, September 12, 2012.

Putin Equates Russia's "Look East" with US's Asia Pivot // *The Bricspost*, December 19, 2014.

Russia Faces Recession Risk: Dmitry Medvedev // *Associated Press*, December 23, 2014.

Russia Strengthens Ties With Vietnam // *Stratfor*, December 12, 2013. Mode of access: <https://www.stratfor.com/analysis/russia-strengthens-ties-vietnam>

Russian PM Medvedev Vows to Keep Economy Open, Hails Pivot to China // *Reuters*, September 19, 2014.

Shadrina, Elena. Russia's Natural Gas Policy Toward Northeast Asia: Rationales, Objectives and Institutions // *Energy Policy*, 2014, p. 54.

Smale, Alison. Snubbed by U.S. and Europe, Kremlin Looks to Asia at Davos // *The New York Time*, January 24, 2015.

Stephens, Philip. Ukraine Is Only Part of Putin's Game Plan // *the Financial Times*, February 5, 2015.

Stewart, Will. Russia Looks East Not West for Future Prosperity // *Siberian Times*, April 14, 2014.

The Editorial Board. Mr. Putin's Global Courtships // *the New York Times*, Dec.26, 2014.

The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation, February 12 2013.

Toloraya, Georgy. Russia-North Korea Economic Ties Gain Traction / 38north.org, November 6, 2014.

Tsvetov, Anton. Is Russia an Asian Power? // *The Diplomat*, November 17, 2014.

Vladimir Putin: An Asia-Pacific Growth Agenda // *The Wall Street Journal*, September 6, 2012.

Voronin, Anatoly. Russian-Vietnamese Strategic Partnership: the New Stage, a New Agenda / in *Russian Scholars on Vietnam 2014*, Moscow, Forum Publishing House.

李兴、(俄)阿.沃斯克列先斯基编著:《亚欧中心跨区域发展体制机制研究》,北京:九州出版社,2016年。[А.Д.Воскресенский, Ли Син (ред.) Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследование и прогнозы / Под ред. Ли Сина и А.Д.Воскресенского. Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. 495 с. (на китайском языке).]

«国际回声», ” 载于《人民日报》2015年02月03日, 第23版。

《欧亚经济联盟条约》是于2014年5月29日,俄罗斯、白俄罗斯和哈萨克斯坦三国领导人签署的旨在加强经贸往来的条约。

亚历山大·阿格耶夫:《在困境中加速转型》,载于《人民日报》2015年02月03日,第23版。

孙壮志:“俄罗斯外交真的要转向吗?”载于《世界知识》2014年10期,第52页。

李新:《试析俄罗斯亚太新战略》,载于《现代国际关系》2012年第2期。

杨阔:《从分歧到契合—“一带一路”下俄罗斯的战略调整与选择》,载于《学术前沿》2015年6月(下),第55页。

王宪举, 2015。

王宪举:《参与远东开发,要有统筹机制》,载于《环球时报》2015年1月28日,第14版。

谢亚宏:《俄罗斯努力增加国际储备》,载于《人民日报》2015年02月28日,第11版。

陈效卫林雪丹：《俄罗斯，对“经济春天”有信心》，载于《人民日报》2015年02月03日，第23版。

韩立华：《俄罗斯能源出口战略东移与东北亚能源合作》，载于《亚非纵横》2009年第5期，第16页。

黄登学，2014，第51页。

黄登学：《普京新任期俄罗斯外教战略析论》，载于《俄罗斯东欧中亚研究》2014年第2期，第49页。

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-82-97>

RUSSIAN “PIVOT TO THE EAST” STRATEGY: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES FOR COUPLING WITH CHINESE TRANSREGIONAL PROJECTS

Ma Bo

Nanjing University, Nanjing, China

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 13 December 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 1 March 2017</p>	<p>Abstract: Ukrainian Crisis of 2014 is crucial for Russian pivot to the East which is considered to be a tool for tackling economic challenges and avoiding diplomatic isolation. Economically, this pivot implies cooperation with Asia-Pacific region in trade and energy. Politically, it means closer ties with the states of that region. At the same time, the success of the strategy hinges on the state of affairs in energy and on promoting to Asian markets specific goods that turns out to be a constraint for diversification of the Russian economy. Moreover, culturally and social Russia is much closer to Europe than Asia, and that is one more obstacle to “Pivot to the East” strategy realization. However, transregional projects of the recent years, including Chinese initiative “One Belt – One Road” and Russian “Pivot to the East” might be key to enhance the strategic potential of Russia-China cooperation which meets Chinese national interests.</p>
<p>About the author: PhD (Political Science, City University of New York), Research Fellow, Director of the Program for International Law, The China Center of South China Sea Studies, Nanjing University, China</p> <p>e-mail: mabo@nju.edu.cn</p>	
<p>Key words: “Pivot to the East” Strategy, One Belt – One Road, The Silk Road Economic Belt, the 21st-century Maritime Silk Road, Ukrainian Crisis</p>	

Для цитирования: Ма Бо. Стратегия России «Поворот на Восток»: возможности и вызовы для сопряжения с китайскими трансрегиональными проектами // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2 – С. 82-97.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-82-97

For citation: Ma Bo. Strategiiia Rossii «Povorot na Vostok»: vozmozhnosti i vyzovy dlya sopryazhenia s kitayskimi transeionalnymi proyektami (Russian “Pivot to the East” Strategy: Opportunities and Challenges for Coupling with Chinese Transregional Projects) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 82-97.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-82-97

СТРАТЕГИЯ КИТАЯ И РОССИИ В ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ли Син

Пекинский педагогический университет,
Пекинский университет международных исследований,
Пекин, Китай

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 1 декабря 2016 <i>Принята к печати:</i> 1 марта 2017</p>	<p>Аннотация: Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС) была образована в начале XXI века. ШОС – новая региональная межправительственная организация, в которую интегрированы такие важнейшие сферы международной жизни, как безопасность, экономика, политика и гуманитарные связи. Странами-членами ШОС являются страны с переходной экономикой или развивающиеся страны из Центральной Евразии. Играв роль локомотива, Китай и Россия всегда оказывают большое влияние на судьбу ШОС. В этой связи, сравнение внешнеполитической стратегии Китая и России по отношению к ШОС является актуальной темой и в теории, и на практике.</p> <p><i>Исследование выполнено в рамках ключевого научного проекта Китайского национального фонда общественных наук, код: 16ZDA040; и научного проекта Китайского национального фонда общественных наук, код: 14BGJ039.</i></p>
<p>Об авторе: д.и.н., профессор, научный руководитель Института международных отношений, Пекинский университет международных исследований, Директор научного совета исследовательской базы по страноведению и регионоведению при Министерстве образования КНР, Центр россиеведения, Пекинский педагогический университет. e-mail: xingli530@sina.com</p>	
<p>Ключевые слова: ШОС, Китай, Россия, Центральная Евразия</p>	

Структурные особенности внешнеполитической стратегии Китая и России в рамках ШОС

Внешнеполитическая стратегия Китая в отношении к ШОС характеризуется тем, что, *во-первых, на региональном уровне*, ШОС – новая площадка для Китая по осуществлению политики добрососедства. Центральная Азия, как в истории, так и в настоящее время, воспринимается как зона столкновения интересов великих держав, разных цивилизаций и религиозных группировок. Важно отметить, что на сегодняшний день проблема с транснациональным терроризмом, религиозным сепаратизмом

и радикальным национализмом в регионе Центральной Азии по-прежнему остается в центре внимания мирового сообщества. В этой связи, открытая или скрытая борьба между разными силами, прямые или косвенные вызовы региональной стабильности в некоторой степени явились и являются закономерностью жизни центральноазиатского региона.

Большинство стран Центральной Азии соседствует с Китаем. Столкнувшись со сложной геополитической обстановкой в Центральной Азии, Китай намеревается сделать акцент на проведение многосторонней дипломатии по принципу добрососедства в рамках ШОС, чтобы оптимизировать

региональную обстановку и в западном направлении Китая, и в регионе Центральной Азии в целом¹. Эта позиция Китая приобрела поддержку со сторон России и стран Центральной Азии.

Во-вторых, на уровне двусторонних отношений, ШОС как новый стимул многополярности и демократизации современных международных отношений представляет собой составную часть китайско-российского стратегического взаимодействия и партнерства. Настаивая на новой концепции безопасности по принципам мирного развития, взаимодоверия, взаимовыгодности, мирного сосуществования, Китай и Россия твердо выступают за многополярность и демократизацию международных отношений, противостоят гегемонизму и силовой политике в решении региональных или локальных конфликтов. При этом ШОС предоставляет Китаю и России новые возможности обогащать содержание стратегического взаимодействия и партнерства, содействовать реализации многополярности и демократизации международных отношений.

В-третьих, на функциональном уровне, ШОС развивается одновременно по двум направлениям: обеспечение региональной безопасности и экономическое развитие. В начальном этапе своего существования направление по обеспечению региональной безопасности, опираясь на принцип «развитие ради взаимодоверия, сотрудничество ради безопасности», было приоритетным в повестке дня работы ШОС. В последние годы экономические сюжеты особо проявляют свою важность и актуальность для укрепления роли ШОС в региональном урегулировании. Как известно, Центральная Азия обладает масштабным потенциалом сотрудничества с Китаем в сферах торговли, энергетики, инфраструктуры, скотоводства,

транспортных коммуникаций и др. На фоне повышенного внимания Китая к западному направлению своей политики – созданию единой системы транспортных коммуникаций в Евразии, проект Экономического пояса Шелкового пути оказался крайне важным для стабилизации ситуации и акцента на процветании западных регионов Китая.

В-четвертых, на региональном уровне, позиционируя себя как региональная межправительственная организация, ШОС не стремится к созданию союзнического альянса или военного блока, к противостоянию любой третьей стороне и к неограниченному расширению. ШОС воспринимается в Китае как новая дипломатическая площадка, основывающаяся на принципах регионализма, добрососедства и многостороннего взаимодействия. К этому можно добавить еще один основополагающий принцип действия ШОС – отказ от создания антиамериканского военно-политического блока. Причина этого ясна: ШОС как региональная организация ставила в самом начале перед собой цель стабилизировать региональную геополитическую обстановку и стимулировать социально-экономическое развитие на собственном территориальном пространстве, а не противостоять какой-либо стране или блоку стран. Отсюда можно делать вывод о том, что ШОС нельзя неограниченно расширять состав стран-участниц. Особенно нужно отметить, что страны, занимающие антиамериканской позиции, не могут стать потенциальными кандидатурами для вступления в эту организацию. С другой стороны, ШОС объективно может сопротивляться неограниченному расширению НАТО на Восток в Европе и усилению влияния японско-американского союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Что же касается России, то ее действия в рамках ШОС в основном укладываются, по нашему мнению, в следующую систему принципов:

Во-первых, на международной уровне, ШОС поможет России укрепить свои позиции в Центральной Азии, создать стабильный стратегический тыл и повысить мировой авторитет. Геостратегическое значение Центральной Азии в повестке дня россий-

¹ 参见李兴、(俄)阿·沃斯克列先斯基编著:《亚欧中心跨区域发展体制机制研究》,北京:九州出版社,2016年。[Воскресенский А.Д., Ли Син (ред.) Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы / Под ред. Ли Сина и А.Д.Воскресенского. Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. 495 с. (на китайском языке)]

ской внешней политики велико. В реальности Россия и Центральная Азия к тому же тесно связаны друг с другом с учетом вековых исторических, культурных, экономических и политических отношений. Именно в рамках ШОС Россия, по моему мнению, в состоянии восстановить свое влияние в Центральной Азии после распада СССР.

Во-вторых, на региональном уровне, отношение России к ШОС является дополнительной частью в ее общей внешнеполитической повестке дня на пространстве СНГ. В связи с этим ШОС в российском восприятии выступает в образе региональной многосторонней организации. После распада СССР стратегическая сфера влияния России резко сократилась из-за расширения и усиления роли НАТО под эгидой США в Центрально-Восточной Европе и на постсоветском пространстве. На сегодняшний день, в отношениях с постсоветским пространством США по-прежнему проводят наступательную политику. В результате этого бывшие республики СССР, партнеры и союзники России либо собираются вступить в западные интеграционные механизмы, либо держат нейтралитета по отношению как к России, так и США. При этом некоторые политики и аналитики утверждают, что в нынешних условиях СНГ якобы подразделяется на группу стран «с Россией», и группу стран «без России». Несмотря на существующий раскол внутри СНГ, развитие отношений со странами-членами СНГ и с самой организацией СНГ остается приоритетным направлением внешней политики России. Отсюда следует вывод, что развитие отношений для России с ШОС на региональном уровне представляет собой рациональную попытку облегчения давления со стороны Запада на постсоветском пространстве и консолидации стран-участниц СНГ. Поэтому несомненно, что внешняя политика России в отношении к ШОС является дополнительной частью собственной постсоветской стратегии.

В-третьих, на двустороннем уровне, ШОС дает России дополнительную возможность сотрудничать с Китаем в сфере борьбы с терроризмом и балансирования нарастающего влияния США в Центральной Евразии. Кроме того, взаимодействие России и Китая

в рамках ШОС, безусловно, обогащает это двустороннее стратегическое взаимодействие и партнерство. Помимо того, в ШОС Россия вполне может выступать ведущей страной, чтобы противостоять мировому гегемонизму, способствовать дальнейшему усилению многополярности в мировой политике, стимулировать развитие российского Дальнего Востока. С большой уверенностью можно сказать, что развитие стратегических отношений с Китаем, который географически расположен между «морской Азией» и «континентальной Азией», позволяет России углублять взаимные отношения с такими многосторонними институтами в АТР, как АСЕАН, АТЭС и др.

Расширение сферы влияния Запада, в первую очередь США, в Восточной Европе и на пространстве СНГ существенно ухудшило и продолжает дальше ухудшать обстановку в области национальной безопасности России. В последние годы США укрепляют свое военное присутствие в Центральной Азии, они выдвинули целый ряд целенаправленных программ «вокруг» этого региона: программа «Большая Центральная Азия», «Новый Шелковый Путь» и др. Учитывая новые геополитические условия в Центральной Азии, Россия четко осознает, что главными внешними игроками в этом регионе являются США и Китай. Проникновение США как страны-гегемона в Центральную Азию принесет негативный эффект. Китай – крупнейший сосед для стран Центральной Азии и России. В связи с этим, стратегическое предпочтение России бесспорно заключается в налаживании партнерских отношений именно с Китаем, чтобы противостоять исламскому терроризму и непрерывному расширению влияния США в Центральной Азии.

В-четвертых, на функциональном уровне, ШОС имеет крайне важное значение для обеспечения безопасности юго-восточного региона России. Как отмечал Президент России В.В. Путин, вызовы национальной безопасности России в основном приходят с трех сторон, то есть с Запада, с Юга и с Востока. Россия в состоянии обеспечить свою безопасность в восточном направлении посредством ШОС, а в южном направлении

посредством ОДКБ. Эта два вышеуказанных региональных многосторонних институтов могут сформировать на юго-востоке России зону стабильности, которая может стать основой для создания благоприятных внешних условий для проведения всесторонней экономической модернизации в стране. При этом, Россия выступает за то, что первоочередной задачей ШОС как «азиатской НАТО» является обеспечение региональной безопасности².

В-пятых, на внешнеполитическом уровне, развитие отношений с ШОС, несомненно, является неотъемлемой частью внешней стратегии России в восточном и южном направлениях. Рассматривая геополитическое положение России на современном Евразийском континенте, можно сказать, что Россия находится под давлением и со стороны расширяющегося НАТО на Западе, и со стороны военно-политического альянса США и Японии на Востоке. На протяжении последних 20 лет вовлечение США и ЕС на пространство бывших социалистических стран и СНГ лишило Россию надежды на более конструктивные отношения с западными странами. Таким образом, в последние годы восточное и южное направления стали для России приоритетными во внешней стратегической архитектуре, то есть в Центральной Азии, Восточной Азии, Южной Азии, на Ближнем Востоке и Юго-восточной Европе, которые являются главенствующими внешнеполитическими направлениями России.

Азиатское направление внешней политики России по большому счету основывается на продвижении стратегических отношений в треугольнике Россия, Индия и Китай (РИК).³ Приоритетные сферы взаи-

модействия данного механизма сосредотачиваются на борьбе с транснациональным терроризмом, военно-технологическом и энергетическом сотрудничестве. В рамках ШОС Китай и Россия являются полноценными странами-членами. Присоединение Индии к работе ШОС способствует повышению геополитической значимости самой организации на мировой арене. Наряду с Индией, Иран – традиционный союзник России – тоже получил статус наблюдателя в ШОС. Кроме того, афганский вопрос также находится в центре внимания стран-членов ШОС. Афганистан как типичная центральноазиатская страна всегда сталкивался с различными трудно решаемыми проблемами, которые вызывают беспокойство международного сообщества. На этом фоне Россия может предположить, что ШОС вполне может в будущем проявить свою конструктивную роль в урегулировании ситуации вокруг Афганистана.

Концептуальная основа стратегии Китая и России по отношению к ШОС: сходства и различия

Китай и Россия – два локомотива развития ШОС. Можно сказать, что ШОС выступает в некоторой степени как дополнительная площадка стратегического взаимодействия между Китаем и Россией. В отношении к ШОС обе страны сформировали собственную стратегическую концептуальную основу, в которой получили отражение не только коренные национальные интересы Китая и России, но и новые вызовы и возможности в регионе. При сравнении стратегических концепций Китая и России по отношению к ШОС, представляется очевидным, что в этих концепциях наблюдаются сходные черты.

Во-первых, у обеих стран есть общая цель в отношении к ШОС. Цель обеих стран в ШОС заключается в обеспечении территориальной целостности, содействии эконо-

² Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под ред. Торкунов А.В. / авторы: Галичанин А.Е., Воскресенский А.Д. и др. – М: Ленанд, 2006. – С.108-109 [Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnykh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii (Energy Dimensions of International Relations and Security in Eastern Asia) / Ed. by Torkunov, A.V. / Authors: Galichanin, A.E., Voskressenski, A.D. and oth. Moscow: Lenand, 2006. Pp. 108-109]

³ 李兴、(俄)阿.沃斯克列先斯基编著:《亚欧中心跨区域发展体制机制研究》,北京:

九州出版社, 2016年。[Воскресенский А.Д., Ли Син (ред.) Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы / Под ред. Ли Сина и А.Д. Воскресенского. Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. 495 с. (на китайском языке)]

мическому росту в относительно неразвитых регионах, сдерживании проникновения западных гегемонистских стран в этом регионе, противостоянии терроризму, сепаратизму и экстремизму в Центральной Азии, налаживании экономических отношений и добрососедства с центральноазиатскими странами, укреплении позиции двух стран в Центральной Азии.

Во-вторых, обе страны единогласно воспринимают ШОС как одну из важных площадок для осуществления регионально-го управления в Центральной Азии. В число приоритетных направлений данной дипломатической площадки входят совместная борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, предотвращение внутрисоударственной нестабильности в виде цветных революций и сдерживание негативного вмешательства западных стран во внутренние дела государств Центральной Азии и др.

В-третьих, Китай и Россия относят ШОС к региональной межправительственной организации, которая является опорой демократизации и многополярности международных отношений. В этой связи ясно, что Китай и Россия не склонны к расширению состава стран-членов ШОС в ближайшее время. Однако это не означает, что ШОС – замкнутый механизм. Наоборот, Китай и Россия все время содействуют повышению открытости и прозрачности работы ШОС и устанавливают новые формы сотрудничества под названием «партнер для диалога», чтобы эффективно развить контакты с другими странами или организациями в соответствующих сферах.

В-четвертых, долгосрочное военное присутствие США и НАТО оказывает негативное влияние на региональную стабильность в Центральной Азии. В силу этого, Китай и Россия могут пользоваться ШОС как новой региональной объединенной силой, чтобы сдерживать распространение влияния США и НАТО в регионе⁴. Несмотря на то, что Китай и Россия имеют разные под-

ходы к этому явлению, две страны не позволяют США участвовать в работе ШОС, но, одновременно, и не позволяют ШОС стать антиамериканской военно-политической коалицией.

Суммируя сказанное выше, можно сказать, что сходство позиций двух стран по отношению к ШОС определяется их внешнеполитической традицией. Начиная с имперских времен и до сегодняшнего дня, внешнеполитическая традиция России характеризуется принципом «европейское направление приоритетнее азиатского, западное направление приоритетнее восточного». В этой связи ШОС, скорректировав внешнеполитическую традицию России, в состоянии заполнить слабое звено в южном и восточном сегментах поля национальной безопасности России. Китай имеет другой внешнеполитический стереотип, для Китая северо-западное направление его внешней политики выглядит более стабильным, чем юго-восточное направление. В китайской внешнеполитической повестке дня ШОС является инструментом осуществления концепции гармоничного мира, выдвинутой бывшим председателем КНР Ху Цзиньтао в 2005 году. Одним словом, Китай не намерен строить военные базы на территории Центральной Азии. Однако, с другой стороны, он также не желает пренебрегать своей ролью в региональном управлении. Следует отметить, что Центральная Азия уже стала регионом, в котором проявляются особые отношения Китая и России по типу «спина к спине» в сфере обеспечения национальной безопасности. Являясь единственной региональной организацией, в которую входят одновременно и Китай, и Россия, ШОС способна к углублению и расширению стратегического взаимодействия и партнерства между двумя странами и урегулированию интересов стран в данном регионе.

Однако, по своей сути, стратегические концепции Китая и России по отношению к ШОС не всегда совпадают друг с другом. Причина этого видится в том, что непрерывно расширяя свои интересы в Центральной Азии, Китай и Россия неизбежно будут сталкиваться по некоторым вопросам. Во-первых, в отличие от России, Китай в

⁴ Dennis, J. Sandole. Central Asia: Managing the Delicate Balance between the “Discourse of Danger”, the “Great Game,” and Regional Problem Solving // *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, p. 40.

Центральной Азии является новым растущим внешним игроком. Россия поэтому считает Китай в некоторой степени своим потенциальным соперником в Центральной Азии и полагает, что ШОС приносит Китаю больше выгоды, чем России. Во-вторых, в российском понимании ШОС сводится к опорной точке для реализации многополярности в международных отношениях и противодействию проникновению США в Центральную Азию как в зону своих особых интересов. Однако в восприятии китайского руководства ШОС важна для создания благоприятных предпосылок к развитию в западном, близком Китаю, регионе, чтобы проводить политический курс на реализацию задачи «возрождения нации». Поэтому в среде китайских и российских экспертов и политиков всегда будут дискуссии по вопросу наиболее благоприятной для каждой из них модели развития ШОС в дальнейшем. В целом складывается впечатление, что Китай явно ориентируется на внутреннее развитие в рамках самой организации, а Россия – на повышение значимости ШОС на региональном и глобальном уровнях.

Исходя из изложенного выше, можно сказать, что у России дилемма ее дальнейшим отношениям с ШОС. С одной стороны, Россия пытается занять лидирующее место в ШОС, но она не хочет брать на себя ответственность за социально-экономическое развитие Центральной Азии. С другой стороны, Россия стремится бороться с США за геополитические сферы влияния в Центральной Евразии, используя мощь Китая в регионе. При этом она также опасается постепенного повышения значимости Китая в Центральной Азии. Так, по мнению многих российских экспертов, энергетическое сотрудничество Китая с центральноазиатскими странами является вызовом и угрозам традиционному статусу России как региональной метрополии. Несмотря на это реализация внешнеполитических интересов России на глобальном уровне по-прежнему происходит с упором на взаимодействие с такими ведущими геополитическими игроками как Китай, Индия, Иран и др. Поэтому есть все основания считать, что углубление интеграционных процессов в рамках ШОС

и развитие отношений с Китаем и Индией в контексте новых центральноазиатских геополитических условий для России является неизбежным выбором.

На наш взгляд, выглядит бесспорным, что в ШОС Китай уделяет больше внимания экономической составляющей, а Россия – сфере обеспечения региональной безопасности⁵. Принято признавать, что проблемы экономического развития и региональной безопасности существенно отличаются друг от друга. Когда проблема экономического развития решена успешно, то это всегда вызывает в обществе более спокойное отношение к обеспечению безопасности; когда проблема региональной безопасности решена успешно, то эта область становится второстепенной, даже ненужной для государственной жизни той или иной страны. Такая ситуация наблюдается, к примеру, в странах Северной Европы.

Еще одно отличие в стратегических концепциях Китая и России по отношению к ШОС наблюдается при сравнении позиций двух стран в межэтнических отношениях. Как известно, в странах Центральной Азии постоянно проживает большое количество соотечественников из России. Поэтому Россия предпочитает проводить относительно умеренную политику в борьбе с национальным сепаратизмом, чтобы не провоцировать конфликтность между местными жителями и своими соотечественниками в регионе. По сравнению с Россией Китай ведет гораздо более жесткую политику борьбы с сепаратизмом и в Тибете, и в Синьцзяне.

Россия и Китай тоже придерживаются разных позиций по вопросу экономической интеграции в рамках ШОС. Россия, опасаясь быстрого усиления роли Китая в Центральной Азии, с большой осторожностью относится к созданию зоны свободной торговли и углублению регионального экономического сотрудничества в рамках

⁵ 李兴、(俄)阿.沃斯克列先斯基编著:《亚欧中心跨区域发展体制机制研究》,北京:九州出版社,2016年。[Воскресенский А.Д., Ли Син (ред.) Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы / Под ред. Ли Сина и А.Д. Воскресенского. Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. 495 с. (на китайском языке)]

ШОС. Наоборот, в энергетической сфере Россия проводит более активную политику, которая направлена на образование клуба энергетических экспортеров и импортеров в Центральной Азии, чтобы полностью доминировать в сфере торговли энергоресурсами в регионе. Данный подход, безусловно, не устраивает Китай, потому что в ШОС Китай является крупнейшим энергоимпортером.

Кроме экономических сюжетов, разногласия Китая и России также касаются эволюции модели ШОС. Китай ориентируется на то, что ШОС должна стать универсальной региональной организацией, в сферу компетенции и интересов которой входит разрешение всех острых вопросов «вокруг». В российской внешнеполитической архитектуре ШОС является только дополняющим компонентом СНГ и ОДКБ. В этой связи Россия видит ШОС как организацию по коллективной безопасности. Для Китая в рамках ШОС предпочтительнее осуществлять совместные проекты на двусторонней основе.

Как отмечалось выше, принцип «из Европы в Азию, с Запада на Восток» является важной чертой внешней политики России. Создание ШОС для России является некой корректировкой, которая позволяет России усиливать свое стратегическое присутствие в Центральной и Восточной Евразии. Что касается роли ШОС в отношениях России и Запада, то в прошлый период своего развития ШОС для России была внешнеполитическим инструментарием для балансировки отношений с Западом в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. На сегодняшний день Россия видит ШОС как составную часть общей внешнеполитической стратегии страны и уделяет ей пристальное внимание. Стоит упомянуть, что в последние годы из-за ухудшения отношений с Западом зависимость России от ШОС в стратегическом плане будет только повышаться. На этом фоне нельзя игнорировать два важных вопроса, по которым Китаю и России в обозримой перспективе вряд ли найти общий язык:

(1) Нужны ли противостоящие отношения ШОС с США? Считаем, что целесообразность ШОС для России в каком-то смысле – формирование коалиции «Россия – Индия – Китай» (РИК) посредством ШОС,

чтобы сдерживать усиливающую роль США в Центральной Евразии. Однако такая концептуальная формулировка противоречит внешнеполитическим принципам Китая, которые сформулированы на основе идей «независимости», «без присоединения», «не противостоять любой третьей стране» и др. Согласно официальной позиции Китая, ШОС не является ни военно-политическим блоком как НАТО, ни экономическим интеграционным объединением как ЕС.

(2) Нужно ли включать в Устав ШОС функцию предотвращения конфликтности и совместного решения региональных конфликтов? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Китай полагает, что идея предотвращения конфликтности отвечает логике холодной войны, которая не в состоянии отвечать современным проблемам и вызовам, имеющим часто нетрадиционную специфику. Например, Россия неоднократно пыталась вовлечь проблему Афганистана в поле действия ШОС. Китай же настаивает на том, что проблема Афганистана выглядит сложной сама по себе, в Афганистане пересекаются сталкивающиеся интересы крупных держав мира и внутриполитических группировок внутри этой страны. Поэтому решение этой проблемы наскоком невозможно, соответственно для ШОС она не является приоритетной

Выводы

Резюмируя выше сказанное, можно сказать, что стратегия Китая и России по отношению к ШОС разрабатывается не только в виду изменений в мировополитической структуре после холодной войны, но и с учетом новых геополитических особенностей в регионе Центральной Азии. С большой долей уверенности можно считать, что отношения с ШОС служат составной частью евразийской стратегии двух стран⁶.

Стратегические интересы страны определяют ее стратегическую концепцию. Сходство и различие стратегических интере-

⁶ 王树春等：《也论上海合作组织的发展前途—与李兴教授商榷》，哈尔滨：《俄罗斯学刊》2012年第 期。

сов стран сопряжено с их стратегическими концепциями, в соответствии с которыми та или иная страна ведет себя в той или иной ситуации. По нашему мнению, судьба ШОС зависит от степени сходства и различий стратегических концепций Китая и России. Есть основания считать, что общие интересы и сходство целесообразностей Китая и России в рамках ШОС превышают степень их противоречий. Это означает, что ШОС пока остается молодой региональной организацией, которая далека от полной гармонии в сфере своей институциональной структуры.

Мы переживаем период трансформации. Войны в Афганистане и Ираке, цветные революции, пятидневная война между Россией и Грузией и др. подорвали развитие ШОС. Некоторые американские эксперты даже говорят, что усиление военного присутствия США в Центральной Азии способствует объединению стран в рамках ШОС.

По нашему мнению, ШОС в основном отражает три группы интересов Китая и России. Во-первых, это интересы по обеспечению региональной безопасности. К обеспечению региональной безопасности в Центральной Азии стремятся и Китай, и Россия, которые твердо стоят на основополагающих принципах «коллективной безопасности», «совместной безопасности» и «безопасности через сотрудничество».

Во-вторых, это геополитические интересы. На эту группу интересов прежде всего претендует Россия, которая все время пытается повышать собственный геополитический вес в Центральной Евразии в целях противостояния роли США на постсоветском пространстве⁷.

В-третьих, это экономические интересы. По сравнению с Россией, Китай более ориентируется на реализацию собственных экономических интересов в регионе, особенно интересов в энергетической сфере. В этой связи, особую важность для Китая в Центральной Азии представляет собой углубление экономических интеграционных процессов⁸. Таким образом, кроме согласия

по вопросам региональной безопасности, две державы до сих пор еще не нашли общий язык относительно модели развития ШОС. Таким образом, ШОС либо станет геополитическим блоком по модели, предлагаемой Россией, либо экономическим интеграционным объединением по китайскому образцу. Очевидно, что в настоящее время в ШОС одновременно сосуществуют модели сотрудничества и соперничества. Однако поле сотрудничества, безусловно, больше, чем поле соперничества, особенно с учетом обострения проблем региональной безопасности в Центральной Азии.

Следует отметить, что стратегия Китая и России по отношению к ШОС сформирована на основе политического реализма, прагматизма и региональных интересов двух стран. В силу того, что на практике две страны могут сталкиваться с проблемами, связанными с взаимодоверием, сотрудничеством в сфере коренных национальных интересов в Центральной Азии, степень гармоничности в ШОС и Центральной Азии будет зависеть не только от сочетания интересов стран-членов, но и от продуктивного сотрудничества, эффективного взаимодействия и качества механизмов урегулирования коренных интересов стран-членов на площадке ШОС.

Россия традиционно имеет с Центральной Азией тесные социально-культурные и политико-экономические связи. Кроме ШОС, Россия может реализовать свои внешнеполитические проекты еще в СНГ, ОДКБ и Евразийском Экономическом Союзе. В соответствии с такой логикой и при сравнении с Китаем, Россия обладает большими внешнеполитическими ресурсами и может и дальше укреплять свои позиции в регионе. На этом фоне, Китай – один из создателей ШОС – должен выстраивать стратегические отношения, прежде всего с Россией, в деле регионального управления в Центральной Азии. Между Китаем и Россией нельзя вести

九州出版社, 2016年。[Воскресенский А.Д., Ли Син (ред.) Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы / Под ред. Ли Сина и А.Д. Воскресенского. Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. 495 с. (на китайском языке)]

⁷ 美) 玛莎·布瑞尔·奥卡特: 《中亚的第二次机会》, 北京: 时事出版社, 2007年, 238页。

⁸ 李兴、(俄)阿·沃斯克列斯基编著: 《亚欧中心跨区域发展体制机制研究》, 北京:

отношения по принципу «игры с нулевой суммой». В целях реализации собственных национальных интересов Китай и Россия должны учитывать интересы друг друга и опираться на принципы дальновидности и добровольности в развитии отношений. На этом прочном основании два локомотива ШОС – Россия и Китай – вполне смогут создать взаимовыгодные отношения во всех сферах сотрудничества.

Духом ШОС является взаимное доверие, взаимная выгода, справедливость в оценках, постоянные консультации, уважение к различным культурам и стремление к совместному развитию. Эти принципы подходят для мирного развития в современных условиях, они в данное время находятся в процессе дальнейшей их систематизации. ШОС является главной платформой сопряжения экономического пространства Шелкового пути и Евразийского экономического союза, поскольку страны-участники ШОС так же состоят в других организациях, в том числе и трансрегиональных, как например в БРИКС или G20.

В то же время, ШОС является одной из центральных площадок «большого евразийского партнерства», у Китая и России общее видение ШОС и обе страны придают большое стратегическое значение этой организации.

Мы полагаем, что развитие трансрегионального и регионального экономического сотрудничества, упрощение торгово-экономических механизмов, в том числе упрощение визового режима, улучшение транспортной инфраструктуры между странами участниками в конце концов позволит построить зону свободной торговли в ШОС и на Евразийском пространстве. Именно этот путь является приоритетным направлением будущего совместного развития этих стран⁹.

Литература:

Лю Ин. Следует ускорить строительство ЗСТ ШОС // «*Kитай*», 2016, №7, с. 28-30.

Энергетические измерения международных от-

⁹ Лю Ин. Следует ускорить строительство ЗСТ ШОС // «*Kитай*», 2016, №7, с. 28-30 [Liu In. Sleduet uskorit' stroitel'stvo ZST ShOC (Whether the SCO Institutionalization Should Be Fostered?) // «*Kitai*», 2016, No. 7, pp. 28-30]

ношений и безопасности в Восточной Азии / под ред. Торкунов А.В. / авторы: Галичанин А.Е., Воскресенский А.Д. и др. – М: Ленанд, 2006. – С. 108-109.

Dennis, J. Sandole. Central Asia: Managing the Delicate Balance between the “Discourse of Danger”, the “Great Game,” and Regional Problem Solving // *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, p. 40.

参见李兴、(俄)阿.沃斯克列先斯基编著:《亚欧中心跨区域发展体制机制研究》,北京:九州出版社,2016年。

王树春等:《也论上海合作组织的发展前途—与李兴教授商榷》,哈尔滨:《俄罗斯学刊》2012年第一期。

(美)玛莎.布瑞尔.奥卡特:《中亚的第二次机会》,北京:时事出版社,2007年,238页。

李兴、(俄)阿.沃斯克列先斯基编著:《亚欧中心跨区域发展体制机制研究》,北京:九州出版社,2016年。[Воскресенский А.Д., Ли Син (ред.) Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы / Под ред. Ли Сина и А.Д. Воскресенского. Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. 495 с. (на китайском языке)].

References:

Liu In. Sleduet uskorit' stroitel'stvo ZST ShOC (Whether the SCO Institutionalization Should Be Fostered?) // «*Kitai*», 2016, No. 7, pp. 28-30.

Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnykh otноshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii (Energy Dimensions of International Relations and Security in Eastern Asia) / Ed. by Torkunov, A.V. / Authors: Galichanin, A.E., Voskressenski, A.D. and oth. Moscow: Lenand, 2006. Pp. 108-109.

Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы / Под ред. Ли Сина и А.Д.Воскресенского. Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. 495 с. (на китайском языке).

Dennis, J. Sandole. Central Asia: Managing the Delicate Balance between the “Discourse of Danger”, the “Great Game,” and Regional Problem Solving // *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, p. 40.

李兴、(俄)阿.沃斯克列先斯基编著:《亚欧中心跨区域发展体制机制研究》,北京:九州出版社,2016年。[Воскресенский А.Д., Ли Син (ред.) Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы / Под ред. Ли Сина и А.Д. Воскресенского. Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. 495 с. (на китайском языке)].

王树春等:《也论上海合作组织的发展前途—与李兴教授商榷》,哈尔滨:《俄罗斯学刊》2012年第一期。

(美)玛莎.布瑞尔.奥卡特:《中亚的第二次机会》,北京:时事出版社,2007年,238页。

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-98-107>

THE CHINESE AND RUSSIAN STRATEGIES IN THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION: COMPARATIVE ANALYSIS

Li Xing

*Beijing Normal University, University of International Relations,
Beijing, China*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 1 December 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 1 March 2017</p>	<p>Abstract: The Shanghai Cooperation Organization (SCO) was established at the beginning of the XXI century as a new regional intergovernmental organization that embraces such crucial spheres of international relations as security, politics and humanitarian ties. The members-states are economies with transition and developing countries of Central Eurasia. Being the drivers of the organization, China and Russia have significant influence on the SCO. From this perspective, comparing Chinese and Russian strategies in the Shanghai Cooperation Organization remains an issue of interest both theoretically and practically</p> <p><i>Acknowledgements: the article is prepared with support of: key academic project of Chinese National Fund of Social Sciences, code: 16ZDA040; and academic project of Chinese National Fund of Social Sciences, code: 14BGJ039</i></p>
<p>About the author: Dr. of History, Professor, Research Head of the Institute for International Studies, Beijing University of International Relations; Director of Academic Council on Area and Regional Studies for the Ministry of Education, Centre for Russian Studies, Beijing Normal University</p> <p>e-mail: xingli530@sina.com</p>	
<p>Key words: SCO, China, Russia, Central Eurasia</p>	

Для цитирования: Ли Син. Стратегия Китая и России в Шанхайской организации сотрудничества: сравнительный анализ // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2. – С. 98-107.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-98-107

For citation: Li Xing. Strategiiia Kitaia i Rossii v Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva: sravnitel'nyi analiz (The Chinese and Russian Strategies in the Shanghai Cooperation Organization: Comparative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 98-107.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-98-107

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ И САМООРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВ ТРАНСРЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Алла Бекмухамедовна Каримова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук,
г. Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 2 ноября 2016 <i>Принята к печати:</i> 1 февраля 2017</p>	<p>Аннотация: В международных отношениях интеграционные процессы и механизмы тесно связаны с многосторонним порядком взаимодействия акторов. Наблюдения за интеграционной активностью в постсоветском пространстве нерегionalных акторов обнаруживают борьбу геополитических притязаний, длящуюся не одно столетие. По мнению автора, в Евразии интеграционная деятельность ЕС, США и контролируемых ими многосторонних институций протекает в условиях острой внутренней конкуренции, что выявляется не столько количеством и объемом затрат на создание проектов, сколько автономностью способов их реализации.</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., профессор, Кафедра политической социологии, РГГУ; главный научный сотрудник, НИ ИМЭМО РАН e-mail: albecar@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: постсоветское пространство, теория района, интеграционные процессы, регион</p>	

Выдающийся российский ученый Н.Н. Моисеев однажды заметил, что процессы интеграции занимают особое место среди явлений, которые характеризуют процессы самоорганизации. Как особый вид человеческой деятельности интеграция имеет форму проекта, превращающую «знаниевые конструкции» (Г.П. Щедровицкий) в заданный объект. Поэтому интеграционные процессы весьма конкретны: территориально определены, трансграничны, нацелены на придание заданного измерения реальной географической зоне – ситуативному пространству «без суверенитета» (региону).

Один из родоначальников отечественной школы политической географии В.П. Семенов-Тянь-Шанский в своей теории района выделил четыре группы трансформирующих признаков, с присвоением кото-

рых локальные пространства обретают гибкость – *слитие, раздробление, рассасывание и нарождение*. Так, «...слитие происходит путем выпадения признаков, отличающих их друг от друга, раздробление – путем нарождения в одном из них каких-либо отличающих признаков, или выпадения в одном из них какого-либо общего для обоих признака, рассасывание – путем обезличивания района вследствие уничтожения его характерных признаков вообще, нарождение – путем возникновения каких-либо характерных признаков, отсутствовавших ранее»¹. Дрейф регионального пространства в междуна-

¹ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. Москва-Ленинград: Государственное издательство. С. 16 [Semenov-Tyanshanskij, V.P. Rajon i strana (Region and Country). Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. P. 16]

родной среде обеспечивается размещением в его геоинформационной конструкции элементов политического порядка той территории, хозяйственной частью которой ему предназначено стать.

Пластичность региональных форм использована в технологии создания ЕС (общеевропейская наднациональность, постнациональность), которая базируется на поглощении территорий, предварительно лишенных суверенитетов в процессе политической интеграции.

Смыслы европейской интеграции отчетливее всего выступают в процессе структурного присоединения Восточной Европы и Прибалтики в качестве субрегионов ЕС. Логика пространственного расширения Евросоюза подчинена созданию формы «организованного сообщества, которое не является исторически неизбежным»², но способной восстановить утерянную в модели «Большой Запад» геополитическую самостоятельность Европы.

Регионализация Европы в форме ЕС хотя и привела к заметному обособлению, однако она по-прежнему остается на позиции культурного ресурса макрорегиона Запад. «Захват территорий», как это показал крупнейший американский историк Ф. Тёрнер, является доминирующей силой «формы общества», которое он назвал «Западом»³.

Собственно пространственное устройство ЕС имеет все признаки «кольцеобразного» расширения, типизированного В.П. Семеновым-Тян-Шанским как форма геополитического могущества, выросшая вокруг «европейского Средиземного моря».

Вторая по времени запуску в постсо-

ветском пространстве европейская модель интеграции получила название ТРАСЕКА или «Шелковый путь» (1993 г.). Для ее осуществления был привлечен территориальный ресурс 5 европейских, 8 постсоветских республик, а также Турции и Ирана. Карта транспортного коридора связывает в единую сеть субгосударственные регионы Восточной Европы (Болгария, Молдова, Румыния, Украина), грузинские порты Поти и Батуми. Используя наземное сообщение из Турции, магистраль вбирает в себя транспортные сети Южного Кавказа и Исламской Республики Иран. Логистика ТРАСЕКА предусматривает перемещение товаров, услуг и западных форм общества до границ с Китаем и Афганистаном. В нее включены каспийские паромные переправы (Баку–Туркменбаши, Баку–Актау), железные дороги Средней Азии (Туркменистана и Казахстана, которые связаны с направлениями в Узбекистане, Кыргызстане, Таджикистане).

Логистическая проекция ТРАСЕКА воспроизводит одну из трех дорог древнего Шелкового пути, которую в III в. безуспешно пытался поставить под контроль Рима император Диоклетиан. В.П. Семенов-Тян-Шанский назвал такой способ управления движением пространственного могущества «чрезматериковой системой».

Североамериканская модель территориального переустройства постсоветского пространства ГУАМ (1997 г.) – формат кооптирования малых (локальных) пространств в дорожную карту, по которой глобальный актор входит в стратегическое пространство (универсальный район) конкурента. В ГУАМ, как и в чрезматериковой НАФТА экономическая эффективность (Б. Балаши) и культурно-ценностная однородность (И. Нойманн), как оказалось, не были решающими аргументами за и против создания регионально-интегрированных комплексов, функциональность которых обусловлена специально разработанными регламентами. В этой связи американский политолог Ф. Закария отмечает: «Экономический эффект НАФТА был очень спорным, но внешнеполитические последствия ясны и однозначно положительны. Мы сейчас забыли, но всего три десятка лет назад Мексика была одной

² Фуше М. Европейская республика. Исторические и географические контуры: пер. с фр. – М.: Междунар. отношения, 1999. – С. 25 [Fushe, M. Evropejskaya respublika. Istoricheskie i geograficheskie kontury (European Republic: Historical and Geographical Lines): Transl. from French. – Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. P. 25]

³ Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2009. – С. 177-303 [Tyorner, F. Dzh. Frontir v amerikanskoj istorii (Frontier of American History) / Transl. from Eng. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2009. Pp. 177-303]

из самых антиамериканских стран. Ее политика была пьянящей смесью обиды, зависти и злости, направленной против богатого соседа. Ее правящая партия была... категорически против Вашингтона и его внешней политики. Сегодня Мексика однозначно в союзе с США. Ее президент – из той же революционной правящей партии – решительно и откровенно настроен проамерикански»⁴.

По совокупности присвоенных признаков регионности (по Б. Хеттне⁵ – процесс перехода региона в состояние активного политического агента) ГУАМ попадает в структуру «клочкообразной системы», используемой в случаях, когда наиболее ценным ресурсом для удаленного интегратора является место действия, выражающее «внешнюю связь и взаимную зависимость разнородных явлений в пространстве» (Е. Чижов)⁶. «Ахиллесова пята» клочкообразной конструкции – «ее непосредственная граница с континентальными и трансатлантическими государствами»⁷.

Другой негативной особенностью подобных агрегаций является их экономическая недееспособность, возникающая вследствие изоляции объекта как от естественной среды обитания (в данном случае евразийского пространства), так и от экономики своего интегратора. Отсутствие экономической составляющей, главного в современном мире побудительного мотива к интеграции, определяет сообщество ГУАМ

как промежуточный регион, где его непосредственные участники лишены своего уникального ресурса развития – преимущества пространства.

Порядок движения в промежуточных регионах («наблюдательные станции» в терминологии В.П. Семенова-Тян-Шанского) подчинен строго заданной функции. Так, Грузия и Украина, стремившиеся стать частью европейского содружества под гарантии Восточного партнерства и ТРАСЕКА, втянувшись в евроатлантическую модель интеграции, превратились в зоны гражданских войн и цветных революций. Такая же участь постигла Тунис, Египет и Ливию – участников диалогового формата Евросредиземноморского региона и Большого Ближнего Востока.

Является ли это стратегической ошибкой или стратегемой элиминации конкурента? Для интегрируемых сообществ одновременное участие в конкурирующих проектах следует признать просчетом. Для интегрирующих акторов – исход зависит от степени овладения техникой рассасывания региональных конструкций, создаваемых конкурентом.

Локальный и региональный методы, разработанные русскими историками С.И. Архангельским⁸ и А.П. Щаповым⁹, показывают: внешние интеграторы включают в свои проекты те локальные общества, пространственный ресурс которых нельзя исключить из логистики глобальных потоков. Своеобразие местного исторического процесса, характеризующего экономическую и общественную жизнь, является ценнейшим элементом глобальных трансформаций, питательной средой мировой политики. С ее появлением началось формирование

⁴ Zakaria, F. You Can't Stop the Trade Machine. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/you-cant-stop-the-trade-machine/2015/05/14/208d74a2-fa6e-11e4-a13c-193b1241d51a_story.html?tid=a_inl

⁵ Hettne, B. Regionalism between Politics and Economics. *New Directions in Development Economics, Growth, Environmental Concerns and Government in 1990s*. London: Routledge, 1994.

⁶ См.: Берг Л.С. Наука, ее содержание, смысл и классификация (Окончание) // *Lethaea rossica*. – 2011. – Т.5. – С. 70 [Berg, L.S. Nauka, ee sodержanie, smysl i klassifikaciya (Science, its Content, Idea and Classification) // *Lethaea rossica*, 2011, Vol. 5, P. 70]

⁷ Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. Москва-Ленинград: Государственное издательство. С. 161. [Semenov-Tyan-SHanskij, V.P. Rajon i strana (Region and Country). Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. P. 161]

⁸ Архангельский С. Локальный метод в исторической науке // *Краеведение*. – 1927. – №2. – С. 181-194 [Arhangel'skij, S. Lokal'nyj metod v istoricheskoj nauke // *Kraevedenie*, 1927, No. 2, pp. 181-194]

⁹ Щапов А.П. Собрание соч. Дополнительный том к изданию 1905-1908 гг. – Иркутск, Восточно-сибирское областное издательство, 1937 [Sh'apov, A.P. Sobranie soch (Collected Writings). Dopolnitel'nyj tom k izdaniyu 1905-1908 gg. Irkutsk, Vostochno-sibirskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1937]

сложной архитектуры влияний глобальных акторов, отрефлексированной Ю.В. Ключниковым в 1920-х гг. как тесная междузависимость, в рамках которой «не “государству вообще” предстоит сойти с исторической сцены, а лишь каждому из отдельных государств». Нынешняя реальность подтверждает точность геософского умозаключения российского исследователя.

Метод дифференцированного изучения западных интеграционных проектов позволяет зафиксировать атмосферу скрытого и от того особо острого конфликта, индикатором которого является их параллельная реализация в одном и том же пространстве. Поэтому некоторая временная дистанция между интеграционными предложениями постсоветским странам от НАТО и ЕС создает ситуацию, когда каждая следующая схема отрицает предыдущую за счет комбинации привлекаемых участников.

Эта контринтеграционная «закономерность» отчетливо присутствует в современных вариациях чрезматериковых путей Евразии, которые были изведаны греческими путешественниками доэллинистической эпохи (доступные источники позволяют говорить о VII в. до н.э.). Их железнодорожная версия, известная ныне под названием ТРАСЕКА, была сверстана германским географом Ф. фон Рихтгофеном в 70-е годы XIX в., когда ему было поручено проложить «трассу от немецкой сферы влияния в Шаньдуне через месторождения угля, найденные неподалеку от Сианя, до самой Германии». В. Хансен, профессор Йельского университета установила, что он же придумал и название «Шелковый путь»¹⁰, ставшее теперь каноническим и практически вытеснившим из политического лексикона геополитически более откровенную «Большую игру в Центральной Азии».

¹⁰ Хансен В. Великий шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай-Согдiana-Персия-Левант / Пер. с англ. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. – С. 23 [Hansen, V. Velikij shelkovyj put'. Portovye marshruty cherez Srednyuyu Aziyu. Kitaj-Sogdiana-Persiya-Levant (Great Silk Road. Port Routes through Central Asia. China-Sogdiana-Persia-Levant). Moscow: ЗАО Izdatel'stvo Centrpoligraf, 2014. P. 23]

В июне 2001 г. «шелковый путь» проникает в повестку Научного комитета НАТО, принявшего решение строить «Виртуальный Шелковый путь». Конечными точками этой конструкции, хабы которой контролируют научно-образовательные пространства ЕС, Южного Кавказа, Центральной и Южной Азии, выступают Великобритания (Лондонский Университетский колледж) и Афганистан (10 вузов в Кабуле, а также подразделения министерств обороны, иностранных дел и образования).

Финансовыми спонсорами инновационного шелкового пути наряду с НАТО являются CISCO, DESY, GEANT, Фонд SOROS, ПРООН, Государственный департамент США, Всемирный банк и др.¹¹ По сообщениям СМИ, информационная модель интеграции научно-образовательных региональных сообществ действует успешно.

Характерная особенность этой конструкции – акцент на университетские и академические сообщества, которые в силу специфики своей профессии синаптически перерабатывают добываемую информацию в научное знание, самый изысканный на сегодняшний день продукт человеческой деятельности. Поэтому Виртуальный Шелковый путь следует рассматривать как региональный случай моделирования «общества знания», приближающегося по своим характеристикам к системе знания, «заимствованного из прошлого опыта» (У.Р. Эшби).

В современном научном дискурсе в обороте находятся три социальных конструкта: общество знания, общества знания, общество, основанное на знании. Наблюдения за реализацией рекомендаций по созданию той или иной формы общества знания, изложенных в документах Всемирного банка, ЮНЕСКО и ОЭСР, позволили выявить ряд функций, среди которых наи-

¹¹ Образование–Панорама. Казахстанская еженедельная газета. 18.04.2008. Режим доступа: <http://www.panoramakz.com/index.php/layout/education/item/20611> [Образование–Панорама. Kazahstanskaya ezhenedel'naya gazeta (Education-Panorama. Kazakhstan Weekly Newspaper). 18.04.2008. Mode of access: <http://www.panoramakz.com/index.php/layout/education/item/20611-1>]

большой интерес представляют функции интеграции территориально удаленных людей, а также трансформации ценностных, поведенческих и организационных ориентиров определенных культурных групп. Эти сетевые структуры, питающиеся энергией интереса студентов, ученых, преподавателей, журналистов, издателей, отраслевых чиновников и прочих аудиторий к международным образовательным программам, университетским рейтингам и академическому обмену, связаны с облачной (в информационном смысле) идеей knowledge societies, очевидно, базовой и для виртуальной модификации. Как представляется, в данном проекте используется машинный способ организации *воображаемого сообщества*¹² с функцией вкладчика индивидуальных знаний и социального опыта в банк, пользователем которого выступает реальное сообщество спонсоров. С точки зрения информационной географии Виртуальный шелковый путь можно анализировать как объект «для избирательного извлечения информации с учетом ее местных особенностей»¹³.

В русле методологии теории района данная модель предстает как инновационный вариант форматирования регионального социума, каждый член которого обладает наиболее актуальным на сегодняшний день ресурсом: интеллектуальной собственностью. В этом надчрезматериковом типе интеграции, как и в вышеописанных ее композициях, создаются условия для появления еще одной исторически не неизбежной формы общества. Его социокультурные характеристики (компонент смысла по по

П. Сорокину¹⁴) заданы информационными синапсами проекта.

Южная оконечность Шелкового пути разветвляется на две дороги, задуманные как оси энергетических рынков: ТАПИ (газопровод от субрегиона Туркменистана сквозь территории Афганистана и Пакистана к субрегиону Индии) и CASAREM (Региональный рынок электроэнергии Центральной и Южной Азии с участием Таджикистана, Кыргызстана, Афганистана и Пакистана), которые, по мнению западных аналитиков, являются центральным элементом американской шелковой стратегии¹⁵ (см. *Рис. 1*).

Рисунок 1

**Южное ветвление шелкового пути:
карта транснационального газопроводного
коридора Туркменистан-Афганистан-Пакистан-
Индия (ТАПИ). Источник: McBride J.¹⁶**

Picture 1. The Southern branch of the Silk Road: map of the transnational gas pipeline corridor "Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India" (TAPI). Source: McBride J.

¹² Винер Н. Кибернетика и общество. Творец и робот. – М. : Тайдекс Ко, 2003. – С. 46-47 [Viner, N. Kibernetika i obshchestvo. Tvorec i robot (Cybernetics and Society. Creator and Robot). Moscow: Tajdeks Ko, 2003. Pp. 46-47]

¹³ Ландшафтно-интерпретационное картографирование (И. Коновалова, Е.П. Бессолицына, И.Н. Владимиров и др.). Новосибирск: Наука, 2005. С. 74-95 [Landschaftno-interpretacionnoe kartografirovanie (Landscape-Interpretation Mapping) / I. Konovalova, E.P. Bessolicyna, I.N. Vladimirov and oth.). Novosibirsk: Nauka, 2005. Pp. 74-95]

¹⁴ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., комментарии и статья В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 731-782 [Sorokin, P. A. Social'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmenenij v bol'shikh sistemah iskusstva, istiny, ehtiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij (Social and Cultural Dynamics: Research of Changes in Macrosystems of Art, Realness, Ethics, Law and Social Relations) / Transl. from Eng., Com. by V.V. Sapov. Saint Petersburg: RHGI, 2000. Pp. 731-782]

¹⁵ McBride, J. Building the New Silk Road. May 25, 2015. Mode of access: <http://www.cfr.org/asia-and-pacific/building-new-silk-road/p36573>

¹⁶ Ibid.

Оптимизм его строителей находится в конфронтации с пессимизмом международных наблюдателей. Так, отмечается, что главным препятствием реализации ТАПИ «во время строительства и после ввода в действие» является его безопасность на территории Афганистана¹⁷. Несмотря на то, что для его устранения подготовлен 7000-ый контингент афганских сил безопасности, наблюдателей беспокоит неопределенность коммерческой стороны газопровода¹⁸, если эта цель существует в дорогостоящем проекте¹⁹. Зарубежные эксперты подчеркивают не только включенность Афганистана в обе рыночные сети, но и протяженность афганского маршрута, что дает основание рассматривать его как целевое пространство интеграционных замыслов.

Общим в прозвучавших оценках перспективности проектов является апелляция к фактору недоверия, испытываемого среднеазиатскими участниками друг к другу; напоминание об умении стран Центральной Азии пользоваться «соперничеством великих держав к собственной выгоде»²⁰.

Вполне обоснованными выглядят сомнения экспертов, связанные с войной в Афганистане, латентный характер которой никого не вводит в заблуждение. По этой причине от финансирования CASAREM отказался Азиатский банк развития²¹. Од-

нако, как и для ТАПИ, «правительство Афганистана согласно гарантировать безопасность новых линий электропередач на своей территории»²².

Аналитики сходятся и в том, что, несмотря на десятилетия финансовых вливаний крупнейших региональных банков и ВБ, достигнутый уровень региональных взаимозависимостей недостаточен для обеспечения устойчивости этой конструкции. Кроме того, гипотетическая рентабельность продаж электроэнергии на афганском и пакистанском рынках для Таджикистана и Киргизии уже ухудшили качество межгосударственных отношений между этими странами и тремя их соседями – Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном²³.

Свою долю неопределенности в осуществимость CASAREM, более известного под названием CASA-1000, внесла инструкция Сводного закона об ассигнованиях США (Consolidated Appropriations Act of 2014. House Resolution 3547), внесенная с 17 января 2014 г. «исполнительному директору от Соединенных Штатов в каждом международном финансовом институте ... противостоять любым кредитам, грантам, стратегии или политике поддержки строительства любой крупной гидроэлектростанции»²⁴.

¹⁷ Turkmenistan Starts Work on Gas Link to Afghanistan, Pakistan, India. December 13, 2015. Mode of access: <http://uk.reuters.com/article/turkmenistan-gas-pipeline-idUKKBN0TW05Q20151213>

¹⁸ 7,000-Strong Afghan Security Force to Guard TAPI Gas Pipeline. December 28, 2015. Mode of access: <http://www.dawn.com/news/1229154>

¹⁹ Putz, C. Pakistan Doubles Down on TAPI. Nothing but Hopeful Language about the Pipeline as the Turkmen President Visits Pakistan. Mode of access: <http://thediplomat.com/2016/03/pakistan-doubles-down-on-tapi>

²⁰ Feigenbaum, E.A. Seven Guidelines for U.S. Central Asia Policy. Mode of access: <http://blogs.cfr.org/asia/2011/02/22/seven-guidelines-for-u-s-central-asia-policy>

²¹ Bhutta, Z. Project Financing: ADB to Pull out of CASA-1,000MW Import Project. June 6, 2013. Mode of access: <http://tribune.com.pk/story/559377/project-financing-adb-to-pull-out-of-casa-1000mw-import-project>

²² Марат Э. CASA-1000: Кыргызстан и Таджикистан готовы предложить дешевую электроэнергию Пакистану. 28.05.2012. Mode of access: <http://www.golos-ameriki.ru/content/kyrgyzstan-tajikistan-pakistan-power-project/1116049.html> [Marat, E.H. CASA-1000: Кыргызстан и Таджикистан готовы предложить дешевую электроэнергию Пакистану (Kyrgyzstan and Tajikistan are Ready to Offer Cheap Electricity to Pakistan). 28.05.2012. Mode of access: <http://www.golos-ameriki.ru/content/kyrgyzstan-tajikistan-pakistan-power-project/1116049.html>]

²³ Mankoff, J. Regional Dynamics and Strategic Concerns in South Asia: Central Asia's Role. January 2014. Mode of access: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/140124_Mankoff_CentralAsia_Web.pdf

²⁴ Blomfield, A. U.S. Legislation May Pose a Threat to the Funding of Large Hydropower Projects. Mode of access: <http://www.kslaw.com/library/newsletters/EnergyNewsletter/2014/March/article5.html>

Финансовое вето не привело к свертыванию CASA-1000. В марте 2016 г. Совет директоров Группы Всемирного банка одобрил транш в размере 526,5 млн долл. США в виде грантов и кредитов всем участникам проекта²⁵ (см. Рис. 2).

Рисунок 2

**Южное ветвление шелкового пути:
карта транснационального энергетического
коридора CASA-1000. Источник: news.ivist.kz²⁶.**

Picture 2. Southern branch of the Silk Road: map of the transnational energy corridor CASA-1000. Source: news.ivist.kz

12 мая 2016 г. в таджикистанском городе Турсунаде состоялась официальная церемония запуска Регионального рынка электр

²⁵ Группа Всемирного банка инвестирует в торговлю электроэнергией между Центральной и Южной Азией (The World Bank Group Invests in Electricity Trade between Central and South Asia). Пресс-релиз. 27 марта 2014. Mode of access: <http://www.worldbank.org/ru/news/press-release/2014/03/27/world-bank-group-invests-energy-trade-between-central-asia-south-asia>

²⁶ Где будет проходить маршрут ЛЭП по проекту CASA-1000? (Where the CASA-1000 Gas Route Will be Laid?) 29.05.2013. Mode of access: <http://news.ivist.kz/37632094-gde-budet-prohodit-marshrut-lep-po-proektu-casa-1000-karta>

троэнергии Центральной и Южной Азии. За день до закладки символического кирпича Кабул ограничил свое участие предоставлением транзитного участка пути в Пакистан²⁷. Вместе с тем ни тот, ни другой, ни третий случай не изменили карты будущих трансграничных сообщений, но выявили важную для типизации CASA-1000 и TAPI оппозицию интеграционных параллелей, раскрывающую принцип создания взаимозависимости в регионе.

Учитывая дифференцированный сырьем статус среднеазиатских стран в TAPI и CASAREM, повторяющийся транзитный – Афганистана, удвоение выходов к морю за счет индийского и пакистанского участков, обе интеграционные модели имеют совпадающие стратегические признаки, наличествующие и в Виртуальном Шелковом пути. Наложённые друг на друга три проекции устанавливают место «заземления» (транзитный участок) глобальной стратегической зоны, позволяя определить ее соответствующей типу «от моря до моря»²⁸.

Новейшую – встречную по отношению к векторам ТРАСЕКА (ЕС) и Виртуального Шелкового пути (НАТО) – композицию Шелкового пути в 2015 г. предложил Китай²⁹. Географические указатели китайской модели позволяют использовать для его характеристики термин «чрезоконтинентный», изобретенный В.П. Семеновым-Тянь-Шанским в ходе инвентаризации миграционных движений³⁰. Его архитектура расплетается

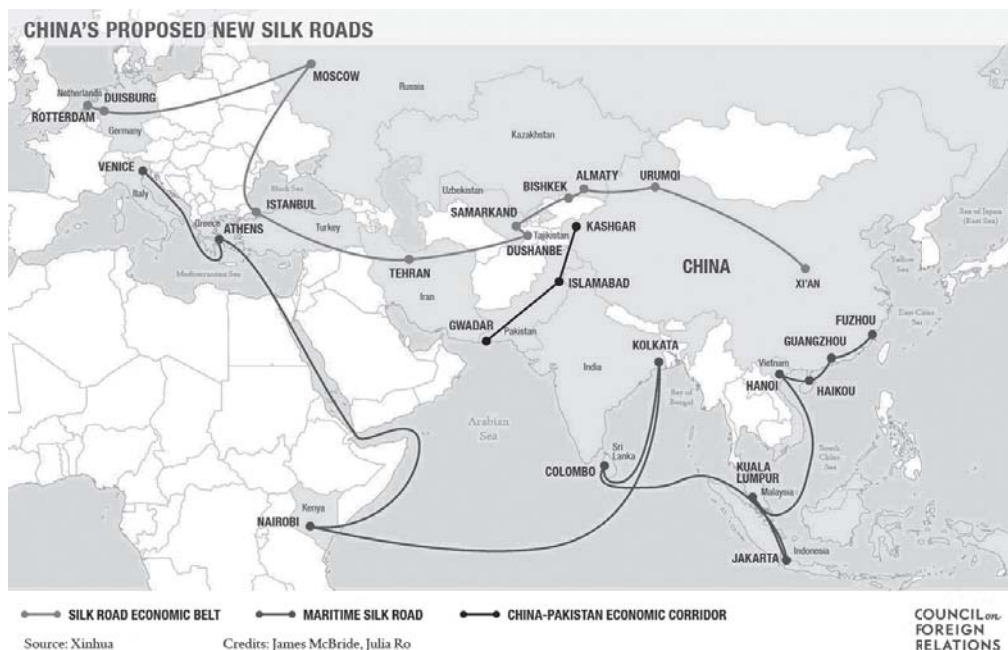
²⁷ Афганистан отказался от электроэнергии в рамках проекта CASA-1000 (Afghanistan Abandoned Electricity in the Framework of the CASA-1000 Project). 12.05.2016. Mode of access: <http://www.toptj.com/News/2016/05/12/afghanistan-otkazalsya-ot-energi-ii-v-ramkakh-proekta-CASA-1000>

²⁸ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. Москва-Ленинград: Государственное издательство. С. 189-190. [Semenov-Tyanshanskij, V.P. Rajon i strana (Region and Country). Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. Pp. 189-190]

²⁹ Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. Mode of access: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html

³⁰ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. Москва-Ленинград: Государственное

«Один пояс и один путь»: карта китайского нового Шелкового пути. Источник: McBride J.

Picture 3. “One Belt – One Road”: a map of the Chinese New Silk Road. Source: McBride J

от внутренних регионов территории КНР (центрографический участок по Д.И. Менделееву) по сухопутным магистралям к бухтам Атлантического, Индийского и Тихого океанов, продолжается в дорогах их морей, связывая 60 стран Азии, Европы и Африки в гигантский общий рынок. По образному выражению директора Центра китайских исследований Сиднейского университета К. Брауна: «Одним махом инициатива “один пояс и один путь” создает образ мира, в котором, экономически, путь каждого человека заканчивается у двери Китая»³¹ (см. Рис. 3).

«Одинпоясиодинпуть»: картакитайского Другие эксперты рассматривают проекты возрождения древних торговых путей как

проявление конкурирующего видения США и Китая³² своих ролей в переходах, соединяющих «Европу, Северную Африку и Южную Азию»³³. Между тем, взаимно препятствующая интеграционная активность внешних акторов в осевых регионах представленного модельного ряда – Южный Кавказ и Центральная Азия – рискует демотивировать к участию в этих процессах даже самые заинтересованные группы местных сообществ.

Метод дифференцированного подхода к международным интеграциям показывает, что творение Великого Шелкового пути продолжается. Он рассказывает о себе на каменных, глиняных, деревянных, кожаных, берестяных, шелковых, бумажных, а

издательство. С. 179-181. [Semenov-Tyanshanskij, V.P. Rajon i strana (Region and Country). Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. Pp. 179-181]

³¹ Catanzaro, J.; Qi, R.; Jia, Ch.; Han, B. Silk Road Initiative Connects Countries on Path of Prosperity. 03 July, 2015. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/business/11706380/silk-road-initiative-china.html>

³² McBride, J. Building the New Silk Road. 25 May, 2015 г. Mode of access: <http://www.cfr.org/asia-and-pacific/building-new-silk-road/p36573>

³³ Кингстон-Макклори Э.Дж. Глобальная стратегия / Пер. с англ. – М.: Жуковский: Кучково поле, 2005. – С. 123 [Kingston-Makklori, E.H. Dzh. Global'naya strategiya (Global Strategy) / Transl. from Eng. M.: Zhukovskij: Kuchkovo pole, 2005. P. 123]

в нынешнюю эпоху – и на цифровых носителях. Его многозначность – это многозначительность функтора-объекта³⁴, стремящегося сохранить пространства своих историй.

Литература:

Архангельский С. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. – 1927. – № 2. – С. 181-194.

Афганистан отказался от электроэнергии в рамках проекта CASA-1000 (Afghanistan Abandoned Electricity in the Framework of the CASA-1000 Project). 12.05.2016. Mode of access: <http://www.topjtj.com/News/2016/05/12/afganistan-otkazalsya-ot-elektroenergii-v-ramkakh-proekta-CASA-1000>

Берг Л.С. Наука, ее содержание, смысл и классификация (Окончание) // *Lethaea rossica*. – 2011. – Т. 5. – С. 69-80.

Винер Н. Кибернетика и общество. Творец и робот. – М.: Тайдекс Ко, 2003. – 248 с.

Где будет проходить маршрут ЛЭП по проекту CASA-1000? (Where the CASA-1000 Gas Route Will be Laid?). 29.05.2013. Mode of access: <http://news.ivist.kz/37632094-gde-budet-prohodit-marshrut-lep-po-proektu-casa-1000-karta>

Группа Всемирного банка инвестирует в торговлю электроэнергией между Центральной и Южной Азией (The World Bank Group Invests in Electricity Trade between Central and South Asia). Пресс-релиз. 27 марта 2014. Mode of access: <http://www.worldbank.org/ru/news/press-release/2014/03/27/world-bank-group-invests-energy-trade-between-central-asia-south-asia>

Кингстон-Макклори Э. Дж. Глобальная стратегия / Пер. с англ. – М.: Жуковский: Кучково поле, 2005. – 496 с.

Ландшафтно-интерпретационное картографирование (И. Коновалова, Е.П. Бессолищнына, И.Н. Владимиров и др.). Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.

Марат Э. CASA-1000: Кыргызстан и Таджикистан готовы предложить дешевую электроэнергию Пакистану. 28.05.2012. Mode of access: <http://www.golos-ameriki.ru/content/kyrgyzstan-tajikistan-pakistan-power-project/1116049.html>

Образование – Панорама. Казахстанская еженедельная газета. 18.04.2008. Режим доступа: <http://www.panoramakz.com/index.php/layout/education/item/20611>

Семенов-Гян-Шанский В.П. Район и страна. – Москва-Ленинград: Государственное издательство. – 311 с.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искус-

ства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., комментарии и статья В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1056 с.

Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2009. – 304 с.

Фуше М. Европейская республика. Исторические и географические контуры: пер. с фр. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 168 с.

Хансен В. Великий шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай-Согдиана-Персия-Левант / Пер. с англ. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. – 477 с.

Щанов А.П. Собрание соч. Дополнительный том к изданию 1905-1908 гг. – Иркутск, Восточно-сибирское областное издательство, 1937.

7,000-Strong Afghan Security Force to Guard TAPI Gas Pipeline. December 28, 2015. Mode of access: <http://www.dawn.com/news/1229154>

Bhutta, Z. Project Financing: ADB to Pull out of CASA-1,000MW Import Project. June 6, 2013. Mode of access: <http://tribune.com.pk/story/559377/project-financing-adb-to-pull-out-of-casa-1000mw-import-project>

Blomfield, A. U.S. Legislation May Pose a Threat to the Funding of Large Hydropower Projects. Mode of access: <http://www.kslaw.com/library/newsletters/EnergyNewsletter/2014/March/article5.html>

Catanzaro, J.; Qi, R.; Jia, Ch.; Han, B. Silk Road Initiative Connects Countries on Path of Prosperity. 03 July, 2015. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/business/11706380/silk-road-initiative-china.html>

Feigenbaum, E.A. Seven Guidelines for U.S. Central Asia Policy. Mode of access: <http://blogs.cfr.org/asia/2011/02/22/seven-guidelines-for-u-s-central-asia-policy>

Hettne, B. Regionalism between Politics and Economics. *New Directions in Development Economics, Growth, Environmental Concerns and Government in 1990s*. London: Routledge, 1994.

Mankoff, J. Regional Dynamics and Strategic Concerns in South Asia: Central Asia's Role. January 2014. Mode of access: http://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/140124_Mankoff_CentralAsia_Web.pdf

McBride, J. Building the New Silk Road. May 25, 2015. Mode of access: <http://www.cfr.org/asia-and-pacific/building-new-silk-road/p36573>

Putz, C. Pakistan Doubles Down on TAPI. Nothing but Hopeful Language about the Pipeline as the Turkmen President Visits Pakistan. Mode of access: <http://thediplomat.com/2016/03/pakistan-doubles-down-on-tapi>

Turkmenistan Starts Work on Gas Link to Afghanistan, Pakistan, India. December 13, 2015. Mode of access: <http://uk.reuters.com/article/turkmenistan-gas-pipeline-idUKKBN0TWO5Q20151213>

Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. Mode of access: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html

Zakaria, F. You Can't Stop the Trade Machine. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/you-cant-stop-the-trade-machine/2015/05/14/208d74a2-fa6e-11e4-a13c-193b1241d51a_story.html?tid=a_inl

³⁴ Функтор в логике – выражение, которое на основе других выражений, способно распадаться на более сложные выражения; в логистике один функтор может определять несколько субъектов; в информационной географии функтор – термин языка описания, используемого при анализе первичных геоизображений; в программировании функтор понимается как функтор-объект, вызванная функция которого имеет доступ только к данным, хранящимся в ее аргументах.

References:

- 7,000-Strong Afghan Security Force to Guard TAPI Gas Pipeline. December 28, 2015. Mode of access: <http://www.dawn.com/news/1229154>
- Arhangel'skij, S.* Lokal'nyj metod v istoricheskoj nauke // *Kraevedenie*, 1927, No. 2, pp. 181-194.
- Berg, L.S.* Nauka, ee sodержanie, smysl i klassifikaciya (Science, its Content, Idea and Classification) // *Lethaea rossica*, 2011, Vol. 5, pp. 69-80.
- Bhutta, Z.* Project Financing: ADB to Pull out of CASA-1,000MW Import Project. June 6, 2013. Mode of access: <http://tribune.com.pk/story/559377/project-financing-adb-to-pull-out-of-casa-1000mw-import-project>
- Bloomfield, A.* U.S. Legislation May Pose a Threat to the Funding of Large Hydropower Projects. Mode of access: <http://www.kslaw.com/library/newsletters/EnergyNewsletter/2014/March/article5.html>
- Catanzaro, J.; Qi, R.; Jia, Ch.; Han, B.* Silk Road Initiative Connects Countries on Path of Prosperity. 03 July, 2015. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/business/11706380/silk-road-initiative-china.html>
- Feigenbaum, E.A.* Seven Guidelines for U.S. Central Asia Policy. Mode of access: <http://blogs.cfr.org/asia/2011/02/22/seven-guidelines-for-u-s-central-asia-policy>
- Fushe, M.* Evropejskaya respublika. Istoricheskie i geograficheskie kontury (European Republic: Historical and Geographical Lines): Transl. from French. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. 168 p.
- Hansen, V.* Velikij shelkovyj put'. Portovye marshruty cherez Srednyuyu Aziyu. Kitaj-Sogdiana-Persiya-Levant (Great Silk Road. Port Routes through Central Asia. China-Sogdiana-Persia-Levant). Moscow: ZAO Izdatel'stvo Centrpoligraf, 2014. 477 p.
- Hettne, B.* Regionalism between Politics and Economics. New Directions in Development Economics, Growth, Environmental Concerns and Government in 1990s. London: Routledge, 1994.
- Kingston-Makklori, E.H. Dzh.* Global'naya strategiya (Global Strategy) / Transl. from Eng. M. : ZHukovskij: Kuchkovo pole, 2005. 496 p.
- Landshaftno-interpretacionnoe kartografirovanie (Landscape-Interpretation Mapping) / I. Konovalova, E.P. Bessolicyna, I.N. Vladimirov and oth.). Novosibirsk: Nauka, 2005. 424 p.
- Mankoff, J.* Regional Dynamics and Strategic Concerns in South Asia: Central Asia's Role. January 2014. Mode of access: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/140124_Mankoff_CentralAsia_Web.pdf
- Marat, E.H.* CASA-1000: Kyrgyzstan i Tadjikistan gotovy predlozhit' deshevuyu ehlektroehnergiyu Pakistanu (Kyrgyzstan and Tajikistan are Ready to Offer Cheap Electricity to Pakistan). 28.05.2012. Mode of access: <http://www.golos-ameriki.ru/content/kyrgystan-tajikistan-pakistan-power-project/1116049.html>
- McBride, J.* Building the New Silk Road. May 25, 2015. Mode of access: <http://www.cfr.org/asia-and-pacific/building-new-silk-road/p36573>
- Obrazovanie–Panorama. Kazhstanskaya ezhenedel'naya gazeta (Education–Panorama. Kazakhstan Weekly Newspaper). 18.04.2008. Mode of access: <http://www.panoramakz.com/index.php/layout/education/item/20611->
- Putz, C.* Pakistan Doubles Down on TAPI. Nothing but Hopeful Language about the Pipeline as the Turkmen President Visits Pakistan. Mode of access: <http://thediplomat.com/2016/03/pakistan-doubles-down-on-tapi>
- Semenov-Tyan-SHanskij, V.P.* Rajon i strana (Region and Country). Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. 311 p.
- Sh'apov, A.P.* Sobranie soch (Collected Writings). Dopolnitel'nyj tom k izdaniyu 1905-1908 gg. Irkutsk, Vostochno-sibirskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1937
- Sorokin, P.A.* Social'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmenenij v bol'shikh sistemah iskusstva, istiny, ehтики, prava i obshchestvennyh otnoshenij (Social and Cultural Dynamics: Research of Changes in Macrosystems of Art, Realness, Ethics, Law and Social Relations) / Transl. from Eng., Com. by V.V. Sapov. Saint Petersburg: RHGI, 2000. 1056 p.
- Turkmenistan Starts Work on Gas Link to Afghanistan, Pakistan, India. December 13, 2015. Mode of access: <http://uk.reuters.com/article/turkmenistan-gas-pipeline-idUKKBN0TW05Q20151213>
- Tyorner, F.Dzh.* Frontir v amerikanskoj istorii (Frontier of American History) / Transl. from Eng. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2009. 304 p.
- Viner, N.* Kibernetika i obshchestvo. Tvorec i robot (Cybernetics and Society. Creator and Robot). Moscow: Tajdeks Ko, 2003. 248 p.
- Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. Mode of access: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html
- Zakaria, F.* You Can't Stop the Trade Machine. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/you-cant-stop-the-trade-machine/2015/05/14/208d74a2-fa6e-11e4-a13c-193b1241d51a_story.html?tid=a_inl
- Афганистан отказался от электроэнергии в рамках проекта CASA-1000 (Afghanistan Abandoned Electricity in the Framework of the CASA-1000 Project). 12.05.2016. Mode of access: <http://www.toptj.com/News/2016/05/12/afganistan-otkazalsya-ot-ehlektroehnergii-v-ramkakh-proekta-CASA-1000>
- Где будет проходить маршрут ЛЭП по проекту CASA-1000? (Where the CASA-1000 Gas Route Will be Laid?). 29.05.2013. Mode of access: <http://news.invest.kz/37632094-gde-budet-prohodit-marshrut-lep-po-proektu-casa-1000-karta>
- Группа Всемирного банка инвестирует в торговлю электроэнергией между Центральной и Южной Азией (The World Bank Group Invests in Electricity Trade between Central and South Asia). Пресс-релиз. 27 марта 2014. Mode of access: <http://www.worldbank.org/ru/news/press-release/2014/03/27/world-bank-group-invests-energy-trade-between-central-asia-south-asia>

THE SILK ROAD: INTEGRATION AND STRUCTURING OF TRANSREGIONAL SPACES

Alla B. Carimova

*Russian State University for the Humanities,
Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">2 November 2016</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">1 February 2017</p>	<p>Abstract: In international relations integration processes and mechanisms are closely related to multilateral order of interactions among actors. Observations over integration activity of non-regional actors in former Soviet area reveals the battle of geopolitical interests being held during already several centuries.</p> <p>The author believes that EU and US integration activities in Eurasia as well as activities of multilateral institutions under their control are run in quite competitive conditions seen through not only the quantity and volume of investments but also via autonomous ways of their implementation.</p>
<p>About the author:</p> <p>Dr. of Political Science, Professor, Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities; Chief Researcher, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: albecar@yandex.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>Post soviet area, theory of the region, integration processes and region</p>	

Для цитирования: Каримова А.Б. Шелковый путь: процессы интеграции и самоорганизации пространств трансрегионального взаимодействия // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2. – С. 108-118.
DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-108-118

For citation: Carimova, Alla B. Shelkovyi put': protsessy integratsii i samoorganizatsii prostranstv transregional'nogo vzaimodeistviia (The Silk Road: Integration and Structuring of Transregional Spaces) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 108-118.
DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-108-118

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-119-129>

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА МЕЖДУ ПАРЛАМЕНТСКИМИ И ПРЕЗИДЕНТСКИМИ ВЫБОРАМИ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Елена Борисовна Шестопа́л

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 29 ноября 2016 Принята к печати: 1 февраля 2017</p>	<p>Аннотация: В статье анализируются результаты исследования психологического состояния общества перед парламентскими выборами 2016 года в России и после них. Исследование показало, что ряд параметров остается неизменным достаточно длительное время (представления о справедливости, ряд политических ценностей, степень влияния Президента Путина). В то время, как другие показатели претерпевают существенную трансформацию, в том числе и в результате парламентских выборов. Инерционный характер кампании, дав власти тактический успех, привел к определенной политической демобилизации общества. В глазах опрошенных снизилось влияние Премьера, Администрации Президента, Государственной Думы, губернаторов, муниципальной власти, судов, прокуратуры и политических партий. В то же время, хотя и незначительно, усилилось политическое влияние Совета Федерации, правительства, силовых структур и армии. Обращает на себя внимание резкое снижение радикальных взглядов и усиление консервативного тренда после парламентских выборов. Таким образом, успех «Единой России» выглядит еще более убедительным. Одновременно можно говорить и о росте левых настроений, поскольку увеличилось число сторонников социалистических и коммунистических идей. После выборов российские граждане стали <i>более положительно</i> оценивать власть. Новым трендом стало снижение традиционных персонифицированных образов власти и рост значения в них партий и групп, хотя после выборов все партии получили снижение оценок их влияния. Можно предположить, что произошло привыкание к сложившейся партийной системе. Запрос на партийно-политическое представительство говорит об укоренении в массовом сознании ценностей формальной демократии.</p>
<p>Об авторе: д.филос.н., профессор, заведующая Кафедрой социологии и психологии политики, Факультет политологии, МГУ имени М.В.Ломоносова e-mail: shestop0505@rambler.ru</p>	
<p>Ключевые слова: психологическое состояние общества, образы власти и лидеров, парламентские и президентские выборы в России.</p>	

Прошедшие в сентябре 2016 г. парламентские выборы стали триггером политических настроений, которые будут определять поведение граждан уже на будущих президентских выборах 2018 г. До них остается совсем немного времени. Нам представляется, что и сами парламентские выборы, и особенно то, как они повлияли на психологическое состояние общества пока не получили всестороннего осмысления.

Традиционно политологический анализ электоральных процессов ограничивается оценкой их легитимности, прозрачности, честности и уровня организации. Однако в условиях, когда политика страны на протяжении почти четверти века¹ неустойчива и

¹ Шестопа́л Е. Образы власти в эпоху перемен (Психологическая трансформация общества в постсоветской России) / Четверть века после СССР: люди, общество, реформы. –

* Данная статья основана на докладе автора на годичной конференции РАПН, 26 ноября 2016 г.

постоянно трансформируется, – такой институциональный подход не позволяет адекватно уловить и описать закономерности ее развития. В таком неопределенном состоянии особое значение для его описания приобретают не столько институты, сколько «человеческое измерение» политики², и особенно, элиты и общество.

Учет психологического состояния общества позволяет дать более точные прогнозы развития ситуации. Для этого важно понять, как предвыборная кампания и ход выборов повлияли на те глубинные психологические процессы, которые будут определять будущее электоральное поведение российских граждан. Заметим, что хотя предвыборный период и сами выборы являются важным фактором этих изменений, мы далеки от мысли, что они являются единственным источником трансформации политического сознания в указанный период. Серьезное воздействие оказали и состояние политических элит, и международный контекст, и иные факторы. Но здесь мы остановимся только на психологическом состоянии общества.

Его анализу было посвящено исследование, проведенное в конце сентября – начале октября 2016 г. кафедрой социологии и психологии политики МГУ имени М.В. Ломоносова³. Его целью было выявить, прои-

М.: Издательство МГУ, 2015. – С. 291-330 [Shestopal, E. Obrazy vlasti v epokhu peremen (Psikhologicheskaiia transformatsiia obshchestva v postsovetsoi Rossii) (Images of Authorities during Time of Change (Psychological Transformation of Society in Post-Soviet Russia)) / Chetvert' veka posle SSSR: liudi, obshchestvo, reformy. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2015. Pp. 291-330].

² Лапкин В.В., Семенов И.С. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity» // ПолиС. Политические исследования. – 2013. – № 6. – С. 64-81 [Lapkin, V.V.; Semenenko, I.A. “Chelovek Politicheskii” pered vyzovamy “infomodernity” (“Homo Politicus” in the Face of “Infomodernity” Challenges) // *Polis. Poiticheskie issledovaniya*, 2013, No. 6, С. 64-81].

³ Исследование образа власти образов лидеров было проведено в конце сентября- начале октября 2016 года. Оно носило пилотажный характер и не было репрезентативным для страны в целом. Выборка составила более 300 человек в 4 регионах страны, что для качественно-количественного типа иссле-

дошли ли изменения в массовом политическом сознании после выборов. Для этого мы сопоставили данные, полученные до выборов с теми, что были получены сразу после них в октябре 2016 г. В данной статье мы приведем наиболее важные выводы из этого исследования.

Теоретико-методологические основания анализа психологического состояния общества

Психологические состояния общества отличаются большим разнообразием: от совершенно неустойчивых и изменчивых эмоциональных настроений, установок и потребностей до отличающихся изрядной устойчивостью представлений и ценностей. Последние имеют особое значение для прогноза, так как не подвержены столь быстрой эрозии под влиянием ситуативных факторов.

Политическое восприятие имеет специфические особенности, отличающие его от других видов восприятия⁴.

Политический образ представляет собой, как и любой образ, с одной стороны – отражение реальных характеристик объекта восприятия – политической власти, личности лидера, особенности той или иной политической партии, страны и т.д. Эти характеристики образа детерминируются *объектными* факторами. Они во многом определяют политическое содержание образа. С другой стороны, образ является проекцией ожиданий субъекта восприятия,

дования вполне достаточно для выявления важнейших психологических состояний. Для подтверждения полученных результатов требуется более глубокая работа. При этом проведенные ранее замеры (исследование образов власти, проведенное в 2013-2014 г. года и образов лидеров – в мае 2016 года) позволяют выявить произошедшие после выборов изменения в обществе. Эти довыборные исследования были проведены по той же методологии и дают возможности для сравнения.

⁴ Fiske, S.; Neuberg, S.N. A Continuum of Impression Formation, from Category-Based to Individuating Processes: Influences of Information and Motivation on Attention and Interpretation / in *Advances in Experimental Social Psychology* (Ed. by M.P. Zanna). New York: Academic Press, 1990, Vol. 23, pp. 1-74.

т.е. граждан. В образе политической власти отражаются потребности и мотивы, знания и представления, мнения, оценки и стереотипы, ожидания, эмоции, требования массового сознания к власти. Эти компоненты образа будут определяться *субъектными факторами*. Кроме того, характер образов будет меняться и в соответствии с такими характеристиками субъекта восприятия, как пол, возраст, образование, региональные особенности и т.п. Изменения во времени, происходящие с политическими образами, определяются *темпоральными факторами*, а различия, связанные с местом проведения исследования – с региональными особенностями, или с *пространственными факторами*. Влияние средств массовой информации на восприятие гражданами власти и лидеров, страны или партии в современном мире весьма существенно, поэтому мы считаем необходимым обязательно учитывать *коммуникативные факторы*, влияющие на политическое восприятие.

К исследованиям образов политиков и власти чаще всего обращаются в ходе избирательной кампании, чтобы понять, как меняется отношение общества к конкретным кандидатам в конкретный период времени⁵. К сожалению, работ в которых бы содержались более фундаментальные обобщения не так много⁶. Одна из главных трудностей

таких исследований связана с отрывом политических образов от реальных интересов людей, и сами образы делает достаточно неустойчивыми и иррациональными. Отсюда необходимость выявления наряду с устоявшимися мнениями людей о политиках, власти и т.п. – неосознаваемых аспектов восприятия ими этих политических объектов⁷. Стандартные количественные методы, в частности опросы, обычно используемые в электоральных исследованиях, не позволяют выявить этот слой восприятия. Поэтому мы используем в исследованиях политических состояний общества вообще и политических образов в особенности прежде всего качественные и качественно-количественные методы.

Для данного исследования нами были выбраны политические образы, которые мы фиксировали в массовом политическом сознании граждан. Наиболее важными из них мы считаем образы власти и образы лидеров⁸. В нашей стране *образы власти* имеют архетипический характер и влияют на многие реальные политические процессы, так как именно на них основываются многие установки общества. В силу наиболее абстрактного характера этих образов, они во многом служат в качестве психологического фундамента, входят в структуру многих других политических

⁵ Feldman, S.; Conover, P.J. Candidates, Issues and Voters. The Role of Inference in Political Perception // *Journal of Politics*, 1983, Vol. 45, No. 4, pp. 810-839.

⁶ Sniderman, P.M.; Brody, R.A.; Tetlock, P.E. Reasoning and Choice: Explorations in Political Psychology. Cambridge University Press. 1993. 324 p.; Sullivan, J.L.; Oxendine, A.; Borgida, E.; Riedel, E.; Jackson, M.; Dial, J. The Importance of Political Context for Understanding Civic Engagement: A Longitudinal Analysis // *Political Behavior*, 2007 March, Vol. 29, No. 1, pp. 31-67; King Pu-tsung. The Press, Candidate Images, and Voter Perceptions. in *Communication and Democracy: Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda-Setting Theory* (ed. by M. McCombs, D.L. Shaw, D. Weaver). Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. 1997. Pp. 31-32; Преснякова Л.А. Структура личностного восприятия политической власти // *Полис. Политические исследования*. – 2000. – № 4. – С. 135-139 [Presnyakova, L.A. Struktura

lichnostnogo vospriyatiya politicheskoi vlasti (Structure of Personal Perception of Political Authority) // *Polis, Political studies*, 2000, No. 4, pp. 135-139]; Задорин И.В. Качество и качества власти: восприятие населения // *Полития*. – 2005. – № 2. – С. 96-115 [Zadorin, I.V. Kachestvo i kachestva vlasti (Quality and Qualities of Power: Popular Perception) // *Politeia*, 2005, No. 2, pp. 96-115].

⁷ Caplan, B. Rational Ignorance versus Rational Irrationality // *Kyklo*, 2001, Vol. 54. No. 1, pp. 3-26; Granberg, D., Kasmer, J., Nanneman, T. An Empirical Examination of Two Theories of Political Perception // *Political Research Quarterly*, 1988, Vol. 41, No. 1, pp. 29-46.

⁸ Подробно методология этих исследований описана в книге: Шестопал Е.Б. Путин 3.0. Общество и власть в новейшей истории России. – М., Аргамак-Медиа, 2015. – С.49-79 [Shestopal, Elena. New Trends in Russian Political Mentality / Putin 3.0. Lexington books, 2016. Pp. 37-67].

образов, например, образа партий и образа государства, страны. Методология, использованная для указанных целей, включала в себя опрос, особенностью которого было большое число открытых вопросов, глубинные интервью и метод проективного теста. Все эти методы были направлены на то, чтобы выявить не только рациональные, но и бессознательные аспекты образов власти. В нашей методологии преобладали качественные методы с элементами использования количественных методов, в частности шкалирования ответов на открытые вопросы, статистический анализ при анализе данных опроса.

Образы лидеров персонифицируют стереотипы политического восприятия, делают их живыми и понятными. Для изучения образов *политических лидеров* нами использован метод глубинного интервью с предъявлением респонденту стимульного материала в виде черно-белых фотографий политиков. Неосознаваемые слои образов политиков мы выявляли с помощью метода фиксированных ассоциаций (ассоциации с животными, цветом и запахом).

В предыдущие годы мы регулярно проводили замеры образов власти и лидеров. Для сравнительного анализа довыборного периода мы выбрали исследование образов власти 2013-2014 гг., которое имело выборку около 900 респондентов в 7 регионах страны и образов лидеров в мае 2016 года. После выборов мы провели исследование сразу после 18 сентября 2016 г. Оно было завершено в начале октября 2016 г. Оно носило пилотажный характер и не было репрезентативным для страны в целом. Выборка составила более 300 человек в 4 регионах страны, что для качественно-количественного типа исследования вполне достаточно для выявления важнейших психологических состояний. Для подтверждения полученных результатов потребуются более глубокая работа. При этом проведенные ранее замеры позволяют выявить произошедшие после выборов изменения в обществе. Эти довыборные исследования были проведены по той же методологии и дают возможности для сравнения.

Оценка образов власти после парламентских выборов 2016 г.

Начнем с тех параметров политического сознания, которые не изменились или мало изменились после выборов.

Так, политические *представления граждан о справедливости* изменились незначительно по сравнению с довыборным периодом. Как и ранее, большинство опрошенных полагает, что это несправедливо, что государство перестало заботиться о престарелых, больных и детях (90,4%), закон строго не наказывает тех, кто угрожает нашей жизни (84,8%), немногие владеют большим богатством, а подавляющее большинство пребывает в бедности (79,8%). При этом напряженность в отношении «несправедливости» после выборов несколько снизилась по сравнению с предвыборным периодом по первому и третьему параметрам (см. Таб. 1).

Таблица 1

Считаете ли Вы справедливым, когда...		
Варианты ответов	Да	Нет
Немногие владеют большим богатством, а подавляющее большинство пребывает в бедности?	28,1	71,9
Закон строго не наказывает тех, кто угрожает Вашей жизни?	15,2	84,8
Государство перестало заботиться о престарелых, больных и детях	9,6	90,4
Что меньшинство управляет большинством	60,6	39,4

Table 1. Do you find it fair when...

Готовность признавать власть и подчиняться ей также сохраняется в массовом сознании. Так, готовы подчиняться закону 88,7%, государству – 82,5%. В этом отношении выборы не привели к изменениям законопослушания граждан (см. Таб. 2).

Таблица 2

Признаете ли Вы над собой?		
Варианты ответов	Да	Нет
власть государства	82,5	17,5
власть начальства	56,6	43,4
власть закона	88,7	11,3
власть отдельных людей	33,1	66,9

Table 2. Do you recognize over yourself?

В отличие от представлений о справедливости, как и от ценности самой справедливости, которая занимает устойчивое первое место в системе ценностей современных российских граждан, интерес к политике является довольно динамической характеристикой и зависит от ситуативных факторов в намного большей степени. Как показывает наш анализ, прошедшие выборы действительно повлияли на общество, подогрев его политический интерес (см. Таб. 3).

Таблица 3

Интересуетесь ли Вы политикой в настоящее время?

Варианты ответов	%
очень интересуюсь	17,5
слежу за всеми политическими событиями	26,8
имею общее представление, но детали пропускаю	36,4
мало слежу	11,9
не интересуюсь совсем	7,3

Table 3. Are you interested in politics in a present time?

В сумме три категории ответов, обозначающие разные степени интереса набирают более 80%. Мало следят и не интересуются вообще лишь около 20%. В прошлом электоральном цикле наше общество было гораздо более аполитичным. При этом граждане почти поровну разделились в своем эмоциональном отношении объекта их интереса – политики: примерно по 30% со знаком плюс и со знаком минус. Безразличных – оказалось не более 17%.

Еще более важным параметром для прогноза электорального поведения на следующих выборах служат ответы на вопрос о *готовности принять участие* в разных формах политического поведения. Так, в митинге готовы участвовать 19,9% опрошенных и еще 10,9% – в забастовке. Таким образом, готовность к протесту выразили около 1/3 опрошенных. Это немало, хотя не всякое высказанное респондентом намерение выливается в реальный поведенческий акт. Скорее, следует говорить о декларативном поведении (см. Таб. 4).

При этом в выборах как избиратели готовы участвовать 68,9%, что опровергает мнение многих экспертов, что, своей

относительно низкой явкой на последние выборы (особенно в Москве и Петербурге) граждане выразили недоверие к институту выборов. Разница между реальной явкой и намерением принять участие в выборах говорит, напротив, о принятии выборов как института демократии. Скорее, низкая явка была проявлением протеста против того, как именно прошла и была организована эта избирательная кампания. Но это также было реакцией на отсутствие и у власти, и у оппозиции, политических лидеров, за которых люди захотели бы проголосовать.

Таблица 4

Готовы ли Вы лично принять участие (может быть больше, чем один ответ)

Варианты ответов	%
в выборах как избиратель	68,9
в митинге поддержку той или иной политической партии или движения	19,9
в забастовке	10,9
в выборах как кандидат в депутаты того или иного уровня власти (назовите какого именно)	15,6
ни в чем	15,9

Table 4. Are you personally ready to participate (may be more than one answer)

Таким образом, можно сказать, что, хотя характер и стилистика выборов и привели к определенной политической демобилизации населения, у граждан сохраняется запрос на разные формы политической активности, интерес к политике и готовность признавать избранную ими власть.

Полученные нами данные позволяют говорить о том, что граждане имеют о власти и различных ее институтах довольно дифференцированное и точное представление и способны определить свое отношение к каждому из них. Как показывает Таб. 5. представления граждан о *влиятельности отдельных политических институтов* также изменились после прошедших выборов (см. Таб. 5).

Таблица 5

Кто, по Вашему мнению, обладает наибольшей властью в сегодняшней России? Выберите несколько вариантов ответа

Варианты ответов	До выборов	После выборов
Президент	92	91,7
Премьер-министр	26	16,9

Варианты ответов	До выборов	После выборов
Администрация Президента	25	22,8
Государственная Дума	20	18,5
Совет Федерации	9	9,3
Правительство РФ	18	21,5
Силловые структуры (ФСБ, МВД и др.)	51	59,6
Губернатор	13	8,9
Местная, муниципальная власть	7	6,6
Суд	15	14,2
Прокуратора	18	16,2
Армия	7	22,2
Политические партии	14	11,6

Table 5. Who in your opinion obtains more authority? (may be more than one answer)

Сравнение с предвыборным периодом показало, что единственный институт, оставшийся, по мнению граждан, неизменным, – это институт президентства, который признают влиятельным почти 92% опрошенных. В глазах опрошенных снизилось влияние Премьера, Администрации Президента, Государственной Думы, губернаторов, муниципальной власти, судов, прокуратуры и политических партий. В то же время, хотя и незначительно, усилилось политическое влияние Совета Федерации, правительства, силовых структур и армии. Судя по всему, в случае Совета Федерации сказалась роль личности В.И. Матвиенко, а в случае правительства, напротив, можно говорить о росте институционального влияния, поскольку личный «вес» премьер-министра существенно снизился. Усиление силовых структур и армии, очевидно, связано с обострением внешнеполитической ситуации.

Хотя респонденты и высказали недоверие всем политическим партиям, их партийно-политические пристрастия под влиянием выборов изменились неравномерно (см. Таб. 6).

Таблица 6

Как бы вы определили свои политические предпочтения		
Варианты ответов	До выборов	После выборов
Либерал	20,4	18,9
Социалист	9,7	12,9
Анархист	1,4	3,6

Варианты ответов	До выборов	После выборов
Демократ	30,4	24,8
Радикал	13,0	2,6
Консерватор	10,2	18,5
Коммунист	7,2	8,9
Аполитичный	14,8	16,2

Table 6. How could you define your political preferences?

Обращает на себя внимание в первую очередь резкое снижение радикальных взглядов и усиление консервативного тренда. Таким образом, успех «Единой России» выглядит еще более убедительным. Одновременно, можно говорить и о росте левых настроений, поскольку увеличилось число сторонников социалистических и коммунистических идей. При этом, хотя несколько снизилось число тех, кто себя считает либералом (с 20,4% до 18,9%) и демократом (с 30,4% до 24,8%), в целом, этот идейный тренд остается вполне представленным в общей палитре политических взглядов. Очевидно, что на шкале право-левых предпочтений движение идет неравномерно и усиление левых идей идет быстрее, чем снижение запроса на правые с одновременным небольшим ростом аполитичности.

По *ценностным параметрам* восприятие политики под влиянием выборов существенно не поменялось. Это и понятно. Ведь ценности являются одним из наиболее устойчивых, стержневых компонентов личности (см. Таб. 7).

Таблица 7

Демократия, по-моему, это...
(поставьте ранги в порядке предпочтения)

Ценности	ранг	%
Права человека	1	20,9
Свобода	2	20,2
Соблюдение законов	3	15,2
Активное участие в управлении государством	4	13,6
Ответственность	5	8,9
Равенство	6	7,3
Сильное государство	7	6,6
Индивидуальная автономия	8	5,0

Table 7. For me democracy is...

Первый ранг занимают такие ценности, как свобода и права человека, за ними следует соблюдение законов, А вот ценность активиз-

ма переместилась с пятого на третье место, ответственность – напротив, сместилась с шестого на восьмое место, а сильное государство – с седьмого на шестое место. Особенно важен рост ценности активизма, который пока не актуализирован на поведенческом уровне. Но мы наблюдали такое же явление в 2010 году, когда через год после роста этого параметра в исследовании, люди вышли на Болотную площадь. В данный момент мы не фиксируем подобного резкого всплеска, но, в латентной форме он существует, и на него необходимо обратить внимание.

Таким образом, *первая тенденция*, которую выявило проведенное исследование: после выборов российские граждане стали *более положительно* оценивать власть (см. Таб. 8) (28,5%) по сравнению с предвыборным периодом (21,7%).

Таблица 8

Как бы вы могли охарактеризовать власть в современной России? Эмоциональный знак

Эмоциональный знак	До выборов	После выборов
положительный	21,7	28,5
отрицательный	52,3	44,4
безразличный	12,9	16,9
амбивалентный	5,1	7,9

Table 8. How could you describe authority in contemporary Russia? Emotional sign

Одновременно число негативных оценок снизилось (44,4% по сравнению с 52,3%). В то же время выросли нейтральные и амбивалентные оценки. Такого мы не наблюдали на протяжении всей постсоветской истории. Можно говорить о том, что поляризация массового сознания, несмотря на сложную международную ситуацию, уступает более спокойному и позитивному отношению к политике. Было бы очень желательно сохранить это состояние общества к 2018 г.

Вторым новым трендом стало снижение традиционных персонафицированных образов власти и рост значения в них партий и групп. И это при том, что после выборов все партии получили снижение оценок их влияния. Можно предположить, что произошло привыкание к сложившейся партийной системе и рост рационализации по-

литического сознания. Запрос на партийно-политическое представительство говорит об укоренении в массовом сознании ценностей формальной демократии.

Третья тенденция, как можно предположить, напрямую связана с предвыборной пропагандой. Именно с возросшей в ходе электоральной кампании прямолинейностью и жесткостью пропаганды связан рост когнитивной простоты и снижение сложности образов власти у рядовых граждан. Такая упрощенная подача политической информации вызвала у граждан ощущение скуки и предрешенности результатов выборов, была воспринята ими как неуважение к ним как к избирателям и способствовала их политической демобилизации, что сказалось на невысокой явке особенно в крупных городах.

Четвертая особенность изменившегося массового политического сознания связана с ролью потребностей, которые определяют их политическую «оптику» (см. Таб. 9).

Таблица 9

Потребности, определяющие образы власти

Варианты ответов	До выборов	После выборов
материальные	5,3	3,6
безопасность	27,6	13,0
любовь	37,3	10,6
самореализация	6,7	7,0
самоактуализация	14,8	24,0

Table 9. Needs that determine images of authority

Из пяти ведущих потребностей стали снижаться значения потребности в безопасности (хотя они и занимают сейчас первый ранг положения в иерархии в сравнении со вторым рангом в 2013 г.), материальные, потребность в любви. Эти данные свидетельствуют о том, что граждане научились не рассчитывать на власть в реализации своих повседневных нужд и выживают без привычных в прежние годы просьб к кандидатам починить водопровод или заменить крышу. Значительно выросли высшие духовные потребности самореализации и особенно самоактуализации сквозь призму которых граждане оценивают власть. Это означает, что от грядущей президентской кампании общество будет ожидать серьезной перспективу развития страны, а не конкретных обе-

шаний повысить зарплату или пенсию на 5000 рублей.

Пятое. Конкретное смысловое наполнение представлений о власти связано с запросом на *силу*, что объясняется не столько выборами, сколько резким обострением международной ситуации. Кроме того, выраженный в 1990-е–2000-е запрос на порядок оказался в целом удовлетворен и уже не так актуален для российского общества.

Шестое. В отличие от *реальной* власти, власть *идеальная* представляется гражданам сквозь призму потребности в любви (заботы о людях). Этот тренд подкрепляется и доминированием представлений об *идеальной* власти, как об *ответственной* (37,6%), *честной* (15%) и *справедливой* (11,3%).

Образы лидеров

После парламентских выборов большинство политиков (за исключением В.В. Путина) стали значительно меньше нравиться гражданам и по внешности, и по моральным, психологическим и политическим характеристикам, причем это произошло сразу после парламентских выборов, когда, политики как правило, показывают себя с лучшей стороны.

Образ Путина мы изучаем с 2000 г. В данном случае нас интересовало, повлияли ли парламентские выборы на его восприятие.

Образ В.В. Путина в настоящее время достаточно устойчив. *Одобрение его политических взглядов*, по сравнению с маем 2016 г., немного выросло (с 59,3% до 60,9%), а неодобрение, напротив снизилось (с 16,2% до 11,9%) (см. *Таб. 9*).

Таблица 9

Одобряете ли Вы политические взгляды В.В. Путина?		
Варианты ответов	Май 2016 (%)	Октябрь 2016 (%)
да	59,3	60,9
нет	16,2	11,9
частично	17,0	20,6
затрудняюсь ответить/ не знаю его взглядов	7,5	6,6

Table 9. Do you approve Putin's political views?

Таким образом, в отношении к образу Президента большинство опрошенных в целом определились. Соотношение сторонников и противников может меняться, но незначительно. На сегодняшний день только 6,6% не знают, как к нему относиться. Это означает, что к началу предстоящей избирательной кампании уже сложились группы сторонников и противников и для тех, кто будет заниматься организацией предвыборной кампании особый интерес представит группа неопределившихся (6,6%) и те, кто частично одобряет политические взгляды Путина (20,6%). Число тех, кому в нем все нравится, превышает число его противников (ничего не нравится) более, чем в 2 раза.

Если говорить о *привлекательности* образа Путина, то основным его плюсом продолжает оставаться внешняя политика, тогда как внутренняя оценивается достаточно негативно, и эта повестка может выйти на первый план в случае усиления социально-экономического кризиса.

Соотношение отдельных привлекательных характеристик образа Президента остается неизменным на протяжении многих лет (см. *Таб. 10*).

Таблица 10

Что Вам нравится в этом политике?		
Что нравится	Май 2016 (%)	Октябрь 2016 (%)
физическая	28,4	12,0
привлекательность психологические характеристики моральные	49,8	42,3
характеристики профессиональные, деловые	13,3	19,6
характеристики сильный	40,4	54,3
слабый	77,9	59,0
активность	2,0	0
пассивность	79,8	54,3
ничего не нравится	0,5	0
	4,4	7,6

Table 10. What do you like/dislike in this politician?

Так, и в настоящее время политические, деловые и профессиональные характеристики (54,7%), лидируют в его образе. За ними идут его личностные, психологические особенности (42,3%). Моральные качества за-

нимают третье место (19,6%) Внешность стоит на последнем месте (12%).

При этом следует заметить, что если *политические* качества Путина в октябре 2016 г. не просто выросли, но и оказались выше, чем они были в 2011, 2012, 2013 г. и мае 2016, хотя и не достигли уровня 2014 г., но и негативные оценки этого параметра образа также выросли и достигли уровня 2012 г. (51%). Это говорит о том, что для Путина этот аспект его образа является наиболее выпуклым и заметным и для сторонников, и для противников. Второй по значимости аспект, на который также обращает внимание публика, это *моральные качества* и со знаком плюс, и со знаком минус. Их значение на старте избирательной кампании возрастет.

Наряду с привлекательностью образа обращают на себя внимание изменение таких параметров, как *сила и активность*. Так, хотя параметр силы в образе Президента выше сегодня, чем в прошлом электоральном цикле, он снизился за последние полгода и у его сторонников, и у противников. Активность же президента снизилась в глазах его сторонников, в то время, как его противники полагают, что она выросла, но оценивают ее со знаком минус.

Если говорить о *поведенческих аспектах* образа, то число тех, кто готов проголосовать сегодня за Путина постепенно снижается с 2014 г., но остается на весьма высоком уровне в 56% (см. Таб. 11).

Таблица 11

Если этот человек будет баллотироваться на пост Президента России, будете ли Вы за него голосовать? (Да)

	Май 2016	Октябрь 2016
Путин	58,1	56,5
Зюганов	11,6	6
Жириновский	3,8	6,8
Миронов	6,0	2,8
Навальный	12,5	13,2
Явлинский		18,8
Мальцев		0
Медведев		25
Касьянов		4,5

Table 11. If this person participates in the next Presidential elections, will you vote for him?

Бессознательный уровень восприятия по всем трем шкалам – привлекательности, силы и активности – выглядит значительно лучше, чем на рациональном уровне. Это говорит об имеющемся у Президента психологическом ресурсе на старте нового избирательного цикла.

Таким образом, следует отметить, что в сравнении со всеми другими российскими лидерами, В.В. Путин по-прежнему находится на недосягаемой высоте. Однако политическое восприятие лидеров весьма подвижно, и требуется отслеживать текущие тренды как на рациональном, так и особенно на латентном, бессознательном уровне, чтобы вовремя вносить коррективы в ход кампании.

Заключение и выводы

1. Прошедшая избирательная кампания прошла успешно для власти. Правящая партия не просто набрала конституционное большинство в Думе. При этом ни в стране, ни за рубежом не возникло серьезных сомнений в итогах выборов, что обеспечило их легитимность.

2. Однако думские выборы 2016 г. не разрядили напряженности, как это обычно бывает. Инерционный характер кампании, дав власти тактический успех, привел к определенной *политической демобилизации общества*. И трудно ожидать, что сам факт президентских выборов автоматически мобилизует электорат. Кроме того, жесткая официальная внешнеполитическая риторика и предъявление образа врага имеет свои пределы и уже перестает оказывать то консолидирующее воздействие, которое она оказывала в предыдущие два года. Отсюда вытекает необходимость поиска новых позитивных целей и смыслов, новых ценностей в риторике власти. Кроме того, в предстоящей избирательной кампании потребуется и новая политическая стилистика.

3. Необходимость новой политической мобилизации общества диктуется не только требованием обеспечения явки (вспомним 20% явки в Москве), но и проблемой повышения доверия к власти в целом. Прошедшая избирательная кампания не дала ни новых смыс-

лов, ни новых идей, была просто скучной и не затронула граждан эмоционально. Похоже, она такой и задумывалась, чтобы не нарушить стабильность. Но в отличие от парламентской кампании, президентская не может быть такой. Уже много лет вся политическая система держится на авторитете Президента. К счастью, его образ сохраняет привлекательность в глазах граждан. Но общество давно ждет, что ему предьявят не только демонстрацию личной силы и надежности, но и программу действий, четкие смыслы и ценности. А с этим пока еще нет ясности.

4. В обществе наблюдается определенная ценностная консолидация, преимущественно патерналистского типа. В силу этого вряд ли стоит ожидать серьезного нарастания протестных настроений по стране в целом. Однако нельзя сказать, что опасность протеста полностью отсутствует. Протестные настроения локализованы в мегаполисах и крупных городах.

5. Значительное число россиян не просто готово жить в условиях делегативной демократии, принимают принцип «элитизма», но делают они это на определенных условиях (борьбы с коррупцией, заботы и внимания со стороны власти к обществу, невмешательства государства в сферу частного бизнеса, и, разумеется, поддержания законности и правопорядка). Поэтому, хотя в среднесрочной перспективе в обществе в целом существенных изменений не произойдет, но возможны локальные и региональные сдвиги. Кроме того нельзя экстраполировать состояние общества перед выборами в сентябре 2016 г. на 2018 г., когда экономическое состояние может ухудшиться.

6. Одним из рисков является низкий уровень доверия граждан к власти, вызванный невыстроенностью предлагаемых ею системы политических ценностей и смыслов, отсутствием разработанной идеологии и стратегии. Поэтому сигналы, идущие от власти, далеко не всегда вызывают доверие общества.

Литература:

Задорин И.В. Качество и качества власти: восприятие населения // *Полития*. – 2005. – № 2. – С. 96-115.

Лапкин В.В., Семенов И.С. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity» // *Полис. Политические исследования*. – 2013. – № 6. – С. 64-81.

Преснякова Л.А. Структура личностного восприятия политической власти // *Полис. Политические исследования*. – 2000. – № 4. – С. 135-139.

Шестонал Е. Образы власти в эпоху перемен (Психологическая трансформация общества в постсоветской России) / Четверть века после СССР: люди, общество, реформы. – М.: Издательство МГУ, 2015. – С. 291-330.

Шестонал Е.Б. Путин 3.0. Общество и власть в новейшей истории России. – М., Аргмак-Медиа, 2015. – С. 49-79.

Caplan, B. Rational Ignorance versus Rational Irrationality // *Kyklo*, 2001, Vol. 54. No. 1, pp. 3-26.

Granberg, D., Kasmer, J., Nanneman, T. An Empirical Examination of Two Theories of Political Perception // *Political Research Quarterly*, 1988, Vol. 41, No. 1, pp. 29-46.

Feldman, S.; Conover, P.J. Candidates, Issues and Voters. The Role of Inference in Political Perception // *Journal of Politics*, 1983, Vol. 45, No. 4, pp. 810-839.

Fiske, S.; Neuberg, S.N. A Continuum of Impression Formation, from Category-Based to Individuating Processes: Influences of Information and Motivation on Attention and Interpretation. in *Advances in Experimental Social Psychology* (ed. by M.P. Zanna). New York: Academic Press, 1990, Vol. 23, pp. 1-74.

King Pu-tsung. The Press, Candidate Images, and Voter Perceptions. in *Communication and Democracy: Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda-Setting Theory* (ed. by M. McCombs, D.L. Shaw, D. Weaver). Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. 1997. Pp. 31-32.

Sniderman, P.M.; Brody, R.A.; Tetlock, P.E. Reasoning and Choice: Explorations in Political Psychology. Cambridge University Press. 1993. 324 p.

Sullivan, J.L.; Oxendine, A.; Borgida, E.; Riedel, E.; Jackson, M.; Dial, J. The Importance of Political Context for Understanding Civic Engagement: A Longitudinal Analysis // *Political Behavior*, 2007 March, Vol. 29, No. 1, pp. 31-67.

References:

Caplan, B. Rational Ignorance versus Rational Irrationality // *Kyklo*, 2001, Vol. 54. No. 1, pp. 3-26.

Feldman, S.; Conover, P.J. Candidates, Issues and Voters. The Role of Inference in Political Perception // *Journal of Politics*, 1983, Vol. 45, No. 4, pp. 810-839.

Granberg, D., Kasmer, J., Nanneman, T. An Empirical Examination of Two Theories of Political Perception // *Political Research Quarterly*, 1988, Vol. 41, No. 1, pp. 29-46.

Fiske, S.; Neuberg, S.N. A Continuum of Impression Formation, from Category-Based to Individuating Processes: Influences of Information and Motivation on Attention and Interpretation. in *Advances in Experimental Social Psychology* (ed. by M.P. Zanna). New York: Academic Press, 1990, Vol. 23, pp. 1-74.

King Pu-tsung. The Press, Candidate Images, and Voter Perceptions. in *Communication and Democracy: Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda-Setting Theory* (ed. by M. McCombs, D.L. Shaw, D. Weaver). Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. 1997. Pp. 31-32.

Lapkin, V.V.; Semenenko, I.A. "Chelovek Politicheskii" pered vyzovamy "infomodernity" ("Homo Politicus" in the Face of "Infomodernity" Challenges) // *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2013, No. 6, С. 64-81.

Presnyakova, L.A. Struktura lichnostnogo vospriyatiya politicheskoi vlasti (Structure of Personal Perception of

Political Authority) // *Polis, Political studies*, 2000, No. 4, pp. 135-139.

Shestopal, E. Obrazy vlasti v epokhu peremen (Psikhologicheskaiia transformatsiia obshchestva v postsovetskoi Rossii) (Images of Authorities during Time of Change (Psychological Transformation of Society in Post-Soviet Russia)) / *Chetvert' veka posle SSSR: liudi, obshchestvo, reformy*. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2015. Pp. 291-330.

Shestopal, Elena. New Trends in Russian Political Mentality / *Putin 3.0*. Lexington books, 2016. Pp. 37-67.

Sniderman, P.M.; Brody, R.A.; Tetlock, P.E. Reasoning and Choice: Explorations in Political Psychology. Cambridge University Press. 1993. 324 p.

Sullivan, J.L.; Oxendine, A.; Borgida, E.; Riedel, E.; Jackson, M.; Dial, J. The Importance of Political Context for Understanding Civic Engagement: A Longitudinal Analysis // *Political Behavior*, 2007 March, Vol. 29, No. 1, pp. 31-67.

Zadorin, I.V. Kachestvo i kachestva vlasti (Quality and Qualities of Power: Popular Perception) // *Politeia*, 2005, No. 2, pp. 96-115.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-119-129>

PSYCHOLOGICAL STATUS OF RUSSIAN SOCIETY BETWEEN THE LATEST PARLIAMENTARY AND THE FUTURE PRESIDENTIAL ELECTIONS. COMPARATIVE ANALYSIS

Elena B. Shestopal

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">29 November 2016</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">1 February 2017</p>	<p>Abstract: Paper presents the data from the study of psychological status of Russian society. As the study has shown a number of psychological parameters (concepts of justice, some political values, the level of influence of President Putin in public mentality) preserves rather consistent for a long time. Other indicators are transformed substantially under the influence of some factors including elections. Inertial character of the last elections gave tactical victory for authorities but caused political demobilization of Russian society. Respondents' images of Prime Minister, Presidential Administration, State Duma, governors, municipal power, courts, procurators and political parties substantially declined after 2016 elections. At the same time one could see the increase of the influence of the Council of Federation, security agencies and intelligence service. It also should be noticed that a radical views substantially declined as the conservative trend increased. It means that success of <i>the United Russia</i> was proved. At the same time one can speak about a clear growth of the left moods as the growth of the socialist and communist ideas was fixed in this study. Elections improved the image of authorities: respondents evaluate them more positively now. There is a new trend of decline of traditionally personified images of authority and the growth of the influence of political parties and groups though all the parties have lost their influence. One can suggest that citizens got used to this party system. The demand to have a formal party representation proves that values of formal democracy have been rooted in mass mentality.</p>
<p>About the author:</p> <p>Dr. of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology, the Faculty of Political Science, MSU</p> <p>e-mail: shestop0505@rambler.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>psychological status of the society, images of authority and leaders, parliamentary and presidential elections in Russia</p>	

Для цитирования: Шестопал Е.Б. Психологическое состояние российского общества между парламентскими и президентскими выборами. Сравнительный анализ // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2. – С. 119-129.
DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-119-129

For citation: Shestopal, Elena B. Psikhologicheskoe sostoianie rossiiskogo obshchestva mezhdru parlamentskimi i prezidentskimi vyborami. Sravnitel'nyi analiz (Psychological Status of Russian Society between the Latest Parliamentary and the Future Presidential Elections. Comparative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 119-129.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-119-129

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ФЕНОМЕНА ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМА БРИКС

Илья Вячеславович Ильин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

Ольга Георгиевна Леонова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 17 августа 2016 <i>Принята к печати:</i> 19 декабря 2016</p>	<p>Аннотация: В статье анализируется сущность, место, статус и роль неформального объединения БРИКС. Авторы рассматривают и сравнивают различные точки зрения на данный феномен и считают, что компаративный и экономикоцентричный подходы, доминирующие в современных исследованиях БРИКС непродуктивны. Хотя страны-члены объединения переживают замедление экономического развития, БРИКС постепенно становится <i>политическим</i> феноменом глобального мира. БРИКС рассматривается как центр совокупного влияния региональных лидеров трех континентов. Специфической моделью коммуникации стран-членов БРИКС и их партнеров является полиалог, как один из способов решения проблемы равноправного участия всех стран глобального мира в процессе глобального управления. В геополитических рамках БРИКС и их партнеров происходит <i>формирование внеамериканской зоны взаимодействия</i>, которая постепенно будет эволюционировать в <i>Глобальный незападный проект (Global Non-West Project)</i>.</p>
<p>Об авторах: <i>Ильин И.В.</i>, д.полит.н., профессор, декан, Факультет глобальных процессов, МГУ имени М.В. Ломоносова e-mail: dekanat@fgp.msu.ru <i>Леонова О.Г.</i>, д.полит.н., профессор, Факультет глобальных процессов, МГУ имени М.В. Ломоносова e-mail: politolga@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: БРИКС, политический феномен, центр влияния, полиалог, внеамериканская зона взаимодействия, Глобальный незападный проект</p>	

В ноябре 2015 г. в Москве в гостинице Метрополь состоялась мало кем замеченная (поскольку не рекламировала себя) международная конференция «БРИКС: политические амбиции и новые возможности». Эта конференция была инициирована известным Фондом Конрада Аденауэра. Туда были приглашены европейские эксперты и ведущие специалисты из стран БРИКС.

Её главная цель была попытаться понять, что есть БРИКС и почему есть БРИКС и что из этого следует ожидать. На этой

небольшой по масштабу, камерной конференции выступали известные экономисты, социологи, политологи, культурологи, бизнесмены и политики. Весьма интересные выступления квалифицированных экспертов, к сожалению, не были опубликованы, да и организаторы не ставили себе такой цели. Однако разнообразный спектр позиций, представленных на данном мероприятии, дает возможность еще раз поразмышлять о феномене БРИКС, который волнует умы политиков, ученых, общественных деятелей во всем мире.

Хотя доклады были разноплановые, однако их объединяли два общих принципа. Эти же принципы характерны вообще для всех зарубежных исследований феномена БРИКС.

1. *Компаративный анализ*, попытки сравнивать страны БРИКС с целью найти в них нечто общее, что их будет объединять и поможет сделать это объединение устойчивым во времени и политике. В рамках этого анализа исследователи предлагают все новые более детализированные способы оценки мощи и статуса стран БРИКС. Среди них такие как индекс государственной состоятельности, индекс национальных угроз, потенциал международного влияния, качество жизни, индекс демократии и развития гражданского общества и др.

Например, на данной конференции представители Бразилии пытались выявить то общее, что, по их мнению, объединяет Россию и Бразилию. Они считают, что оба государства вступили в эпоху начала демократического транзита. У обеих стран были схожие (в экономическом и политическом аспектах) стартовые позиции. Находясь на этих стартовых позициях, Россия и Бразилия вырабатывали свои специфические стратегии дальнейшего развития. Многие исследователи отмечали типологическую однородность этих процессов в двух странах. К ним относятся: политические и социально-психологические феномены развития; общие черты массового сознания; роль государства; процесс формирования рыночных отношений и роль бизнеса; наличие харизматического лидера. Однако после окончания затянувшего старта пути России и Бразилии расходятся. В этих странах разными путями пошли процессы модернизации, демократизации, использовались разные методы обеспечения политической и экономической стабильности и поиска национального консенсуса. Все эти процессы ярко демонстрировали разные понимание и подходы к решению однотипных проблем.

Мы считаем, что попытки искать что-либо общее между странами БРИКС, которые возникли и развивались на основе уникальных цивилизационных матриц и имеют иногда диаметрально противоположные по

своему содержанию культурные и исторические коды, контрпродуктивно.

2. Второй принцип, объединяющий многие подходы к исследованию БРИКС, состоит в том, что ученые пытаются анализировать БРИКС преимущественно с *экономикоцентричной* точки зрения.

Так ученые из Индии, которые выступали на данной конференции, были согласны с тем, что одна из важных целей, которую призван решать БРИКС, как центр влияния глобального мира, – содействовать изменению положению вещей в глобальной политической системе международных отношений. Они имели в виду в основном глобальный экономический порядок и правила игры в глобальной экономике. Однако есть фактор, который будет препятствовать выполнению этой задачи – отсутствие каких бы то ни было правил в этом неинституциональном объединении. Оно, как считают эксперты, несомненно, нуждается во введении неких регламентов и правил игры.

Большинство экспертов склонны акцентировать внимание на возможностях Банка развития БРИКС, который через реализацию своих прямых функций, например, поддержку платежного баланса стран-членов неформального объединения, создание пула резервных валют, поддержание курса национальных валют, частичное замещение Международного Валютного Фонда и т.д. сможет способствовать решению более широкого круга задач, как экономического развития данных стран, так и проблем глобальной экономики в целом.

Мы считаем, что такой экономикоцентричный подход к анализу БРИКС себя никогда не оправдывал, а сегодня он вообще себя исчерпал.

В настоящее время БРИКС уже не является объединением стран – лидеров экономического роста. В Китае, Индии, Бразилии, Южной Африке наблюдается замедление, а в России – падение темпов развития и роста ВВП.

Об этом много и не без злорадства писали западные СМИ. Так Мэтью Линн, обозреватель *The Telegraph* констатировал: «Они все либо в рецессии, либо существенно утратили прежние показате-

ли своего роста... Проблема в том, что (БРИКС – прим. автора) не очень хорошо работает в последнее время. Бразилия сползает в рецессию. В России она уже есть, что произошло после обвала цен на нефть и санкции, которые были наложены на нее после событий на Украине. Южная Африка с большой вероятностью начнет стагнировать уже в этом году. Индия не достигнет поставленных ранее целей своего роста... А Китай, который хотя по-прежнему растет, но похоже, этот рост резко замедлится – и никто не может исключить возможность катастрофического обвала в его экономике»¹.

В январе в газете *The Washington Post* известный эксперт Роберт Самуэльсон писал: «Проблема в том, что их рост замедляется. Из всех стран БРИКС только Индия сохраняет быстрые темпы роста. Бразилия и Россия находятся в рецессии, а темпы развития Китая ослабевают. Кроме того, наличие некоторый крупных проблем могут омрачить дальнейшие перспективы роста»².

Мэтт О'Брайен в той же газете в марте этого года заявил: «Дело не в том, что уже больше не имеет смысла говорить о БРИКС. Дело в том, что говорить о БРИКС не было смысла вообще»³.

Основатель известной фирмы *Copley Fund Research* Стивен Холден подвел итог: «БРИКС более не является локомотивом роста развивающихся рынков, как это было раньше»⁴.

¹ Lynn, Matthew. Failure of the BRICS Reveals the Folly of Snazzy Acronyms // *The Telegraph*, September 14, 2015. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/finance/economics/11863894/Failure-of-the-BRICS-reveals-the-folly-of-snazzy-acronyms.html>

² Samuelson, Robert J. Is the Next Recession on its Way? // *The Washington Post*, January 10, 2016. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/is-the-next-recession-on-its-way/2016/01/10/a7cc99bc-b629-11e5-a842-0feb51d1d124_story.html

³ O'Brien, Matt. China is the Only Emerging Market that Matters // *The Washington Post*, March 29, 2016. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2016/03/29/china-is-the-only-emerging-market-that-matters/>

⁴ Sanctions Effect: Russia to Change Its Economic Partners... for the Better. Mode of access: <https://>

Однако, перестав быть быстрорастущими рынками и экономическими феноменами XXI в., эти страны по-прежнему сохраняют БРИКС, который постепенно становится *политическим феноменом* глобального мира. Многие в западном мире это вынуждены признать: «И все-таки БРИКС еще существует, но как политическая группировка»⁵.

Как (с видимым сожалением) отметил Даниел Дрезнер, профессор международной политики в Университете Тафтс и постоянный обозреватель газеты *The Washington Post*: «У этой группировки все еще есть свои почитатели в системе международных отношений»⁶.

Поэтому методология анализа и метод исследования БРИКС должны быть иными. Нет смысла проводить детальный экономический анализ и сравнивать достижения стран-членов БРИКС (проценты роста их ВВП, различные индикаторы и рейтинги). Данное образование нуждается в глубоком и непредвзятом *политическом* анализе, который необходим, чтобы понять сущность этого феномена глобального мира.

Неслучайно, конференция, которая проходила кулуарно в Москве поздней осенью 2015 г. имела многозначительное название: «BRICS: political ambitions and new opportunities» («БРИКС: политические амбиции и новые возможности»). Это показывает, что интерес к БРИКС не ослабевает. Так в октябре 2015 года вышел доклад Маркоса Дегаута «Do the BRICS Still Matter?», написанный по заказу CSIS – Центра стратегических и международных исследований (*Center of Strategic and International Studies*). Там говорится: «Страны БРИКС стали важными акторами на международной арене, которых более уже нельзя игнорировать»⁷.

www.rt.com/op-edge/russia-switches-to-brics-sanctions-357/

⁵ Drezner, Daniel W. The Rise and Fall of the BRICS // *The Washington Post*. November 10, 2015. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2015/11/10/the-rise-and-fall-of-the-brics/>

⁶ Ibid.

⁷ Degaut, Marcos. Do the BRICS Still Matter? A Report of the CSIS Americas Program. October 2015. P. 21. Mode of access: <https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/>

Сегодня БРИКС находится в поиске своего места, статуса и роли в глобальном мире. Однако мнения экспертов относительно этого расходятся.

Так ряд специалистов полагают, что в будущем БРИКС может по праву занять место в глобальном экономическом управлении (*Global Economic Government*) как составная часть Глобального правительства. Сегодня разрабатываются прогнозы генезиса такого правительства, которое должно заниматься распределением глобальной экономической ответственности и диффузией власти.

Конкретные точки зрения по поводу места и роли БРИКС, представленные на упомянутой выше конференции, также были весьма многообразны и противоречивы.

Участник упомянутой выше конференции д-р Жуан Понтес Ногиера из Бразилии выделил следующие задачи, которые призван решить БРИКС как, хоть и неформальное, но политически влиятельное объединение: изменение условий кооперации в международных организациях; участие в международных дискуссиях на более равных условиях; выработка общего подхода и видения глобальных и международных проблем; решение проблемы глобальной безопасности.

Наиболее смелые прогнозы даже предполагают, что в будущем БРИКС может стать антиподом Международного валютного фонда (*BRICS versus IMF*), поскольку обе структуры имеют во многом схожие цели, задачи и функции.

Но большинство западных экспертов не желают или боятся посмотреть на феномен БРИКС объективным взглядом. Их общая позиция такова: «Если не принимать во внимание политическую риторику, БРИКС оказался не слишком полезным инструментом для реализации внешнеполитических целей и интересов»⁸.

legacy_files/files/publication/151020_Degaut_DoBRICSMatter_Web.pdf

⁸ Drezner, Daniel W. Goldman Sachs Invented the Acronym. Will the Firm be Responsible for its Demise? // *The Washington Post*, November 10, 2015 г. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2015/11/10/the-rise-and-fall-of-the-brics/>

Также и в упомянутом выше докладе Маркоса Дегаута отмечается: «Становится все более ясным, что возможности совместных действий БРИКС по формированию нового мирового порядка становятся все менее совместимы с реальностью»⁹.

В тоже время встречаются и попытки объективного взглянуть на феномен БРИКС. Особенно большое впечатление на экспертов и политиков произвел саммит БРИКС и ШОС в Уфе в 2015 г. Так журналист Синтия Робертс считает, что БРИКС – это «зарождающееся объединение держав со своими приоритетами, которые отличаются от приоритетов Вашингтона или Брюсселя». А страны БРИКС «оспаривают претензии Запада на постоянную руководящую роль в существующей системе»¹⁰.

Эксперт известного американского издания *Counter Punch* Майк Уитни в своей статье «Путин возглавил восстание БРИКС» характеризует БРИКС как «мощное объединение наций, создающее альтернативную систему, что в значительной мере уменьшит влияние США в мире и поставит крест на нынешней эпохе владычества супердержавы». По его мнению, эти государства – члены БРИКС «пускают американское владычество под откос»¹¹.

Известная британская газета *Financial Times* характеризует БРИКС как возможную «альтернативу международным многосторонним институтам». По мнению аналитика в исследовательской организации ВМ

⁹ Degaut, Marcos. Do the BRICS Still Matter? A Report of the CSIS Americas Program. October 2015. P. 21. Mode of access: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/151020_Degaut_DoBRICSMatter_Web.pdf

¹⁰ БРИКС и ШОС закладывают основы для новой системы управления миром: СМИ о саммитах в Уфе. Режим доступа: <http://www.putin-today.ru/archives/13552> [BRICS i SHOS zakladyvayut osnovy dlya novej sistemy upravleniya mirom: SMI o sammitah v Ufe. (BRICS and SCO Lay Foundation for New System of World Governance: Mass Media on the Ufa Summit). Mode of access: <http://www.putin-today.ru/archives/13552>]

¹¹ Путин возглавил восстание БРИКС, – американские СМИ. Режим доступа: <http://rusvesna.su/news/1436604671> [Putin возглавил vosstanie BRICS, – amerikanskie SMI (Putin Gets Leadership in BRICS Uprising). Mode of access: <http://rusvesna.su/news/1436604671>]

Research Франчески Босанг залогом успеха БРИКС является создание «альтернативной философии развития»¹².

Польское издание *Rzeczpospolita* пишет, что «БРИКС оказывает все более существенное влияние на то, что происходит в мире, и западным странам придется с этим считаться»¹³.

Несомненно одно: БРИКС – это амбициозный трансрегиональный *политический* проект.

БРИКС – это аккумуляция политического влияния крупнейших региональных лидеров: России, Китая, Индии, Бразилии, ЮАР. Из них Китай является претендентом на статус центра силы глобального мира, а Россия является транснациональной державой.

БРИКС – это союз мощных и авторитетных держав, каждая из которых обладает суммой параметров либо экономического, политического, военного или цивилизационного полюса.

Данный потенциал региональных лидеров может быть конвертирован в центр силы глобального мира. Не случайно сами члены этого объединения весьма оптимистично рассматривают его перспективы. Например, газета Газета «Минт» (Индия) считает очевидным «становлении БРИКС в качестве мощной финансовой и политической силы...», а китайское издание «Хуанью шибао» прогнозирует в связи с этим «формирование диверсифицированного мирового порядка в политике и экономике»¹⁴.

Но поскольку данное образование географически аморфно и институционально не оформлено, то весьма преждевременно считать БРИКС центром силы глобального мира. Это именно *центр влияния* на мировую политическую систему. Поэтому мы определяем БРИКС как *центр совокупного влияния региональных лидеров трех континентов*. Некоторые эксперты даже считают, что БРИКС – это начало нового глобального порядка.

Зарубежные наблюдатели часто упрекают страны-участники в том, что они не знают, чего хотят от БРИКС. Это не совсем так. Общая цель, которую признают все члены БРИКС – это достижение глобального равновесия в условиях роста глобальной нестабильности. Некоторые рассматривают БРИКС как гарант стабильности и равновесия постбиполярной политической системы глобального мира. Одна из важных задач, которую призван решать БРИКС, как центр влияния глобального мира, – содействовать изменению положению вещей в глобальной политической системе международных отношений в лучшую сторону.

Каждая из стран БРИКС имеет свои национальные интересы как в своем регионе, так и в глобальном мире, которые она готова защищать, однако не желает втягиваться в какую-либо конфронтацию с другими геополитическими конкурентами. Их подход: не подорвать современную глобальную политическую систему, но изменить, эволюционировать её.

В глобальном мире существуют не только колоссальные возможности для реализации амбиций и национальных интересов глобальных лидеров. Здесь имеются всевозможные ограничения и запреты (limitations and restrictions, как называют их западные эксперты). Глобальный мир сегодня предлагает не только возможности неограниченного экономического роста и наращивания политического и культурного влияния. Все более ясно проступают некие объективные ограничения и ограничители деятельности, прежде всего, глобальных лидеров, а также и других стран. Одна из важнейших задач

of access: <http://politrussia.com/world/inosmi-zadumchivo-pishut-694/>

¹² БРИКС и ШОС закладывают основы для новой системы управления миром: СМИ о саммитах в Уфе. Режим доступа: <http://www.putin-today.ru/archives/13552> [BRICS i SHOS zakladyvayut osnovy dlya novej sistemy upravleniya mirom: SMI o sammitah v Ufe. (BRICS and SCO Lay Foundation for New System of World Governance: Mass Media on the Ufa Summit). Mode of access: <http://www.putin-today.ru/archives/13552>]

¹³ Западные СМИ о саммите БРИКС. Режим доступа: http://ruskline.ru/politnews/2015/7/10/zapadnye_smi_o_sammite_briks/ [Западные СМИ о саммите BRICS (Western Mass Media on BRICS Summit). Mode of access: http://ruskline.ru/politnews/2015/7/10/zapadnye_smi_o_sammite_briks/]

¹⁴ ИноСМИ задумчиво пишут. Режим доступа: <http://politrussia.com/world/inosmi-zadumchivo-pishut-694/> [InoSmi zadumchivo pishut (InoSmi are Broodingly Writing). – Mode

БРИКС – поиск баланса между предоставляемыми современной геополитической ситуацией возможностями и данным ограничениями.

Заметно, что с каждым годом круг таких возможностей становится все более узким, а количество ограничений и ограничителей все больше. Причем *в числе таких ограничителей все более явно проступает субъективный фактор глобальной политики*. Поэтому достижение баланса между возможностями и амбициями лидирующих стран, и существующими объективными ограничениями и запретами на определенный вид действий (например, превентивный ядерный удар, загрязнение климата, нарушение прав человека, геноцид национальных меньшинств и проч.) – становится важной задачей объединения БРИКС.

Важной чертой БРИКС, который определяет специфику деятельности этого объединения, является *полиалог*.

Полиалог в переводе означает «разговор многих». В данном случае *полиалог* – это форма одновременного коммуникативного взаимодействия всех политических субъектов, участвующих в осуществлении политической власти, глобального управления и принятия важнейших для судеб глобального мира решений. Развитие полиалога и диалога во взаимоотношении стран БРИКС и их партнеров открывает возможность более широкого использования эффективных инструментов политической коммуникации при анализе политической ситуации, геополитического конфликта и принятии политических решений на глобальном уровне. Управление политической ситуацией как в геополитическом регионе, так и глобальном мире делает необходимым поиск *более рациональных моделей политического общения* между глобальными западными лидерами и странами БРИКС, а также формирующимся региональными державами.

Наиболее рациональной и эффективной такой моделью является полиалог как один из способов решения проблемы равноправного участия всех стран глобального мира в процессе глобального управления. Практика показала, что попытки вести диалог в рамках модели коммуникации: глобальный

лидер (США) versus рядовой политический актор (страна) оказались неэффективными. В рамках такой модели диалог превращался фактически в монолог глобального лидера (США), чью коммуникативное превосходство подкреплялось опорой на его стратегических союзников и партнеров (страны ЕС). Национальные интересы другой страны в такой коммуникативной модели не озвучивались и не могли быть услышаны.

Объединение стран БРИКС открыто к любому партнерству в глобальном мире, поскольку это позволяет решать важные политические задачи.

Активное взаимодействие стран западного мира с БРИКС позволит расширить рамки диалога и перейти к модели полиалога, где будут представлены голоса всех участников этого проекта. Это позволит им во взаимодействии с глобальными лидерами (США, ЕС) четко артикулировать свои национальные интересы, отстаивать свои суверенные права, добиваться справедливости в решении глобальных проблем и более активно участвовать в процессе глобального управления.

Именно полиалог является условием эффективной и результативной коммуникации между странами так называемой «глобальной периферии» и глобальными лидерами, он может обеспечить достижение взаимопонимания между ними и одновременно создает механизм взаимного контроля. Широкий полиалог глобальных и региональных лидеров в процессе глобального управления позволяет повысить его легитимацию, укрепить авторитет его участников, является способом достижения эффективности принимаемых совместных решений; кроме того, снижает уровень конфликтности и способствует стабилизации глобальных политических процессов. Поэтому одна из важнейших задач БРИКС, которую вынуждены признать даже зарубежные эксперты, это реформирование структур глобального управления («the efforts towards reforming the structures of global governance»)¹⁵.

Сегодня БРИКС – это важный элемент геополитического ландшафта гло-

¹⁵ Information about BRICS. Mode of access: <http://brics.itamaraty.gov.br/about-brics/information-about-brics>.

бального мира. БРИКС действует как набирающий силу и влияние глобальных актор современной системы международных отношений.

Одной из целей БРИКС может стать *формирование особой зоны взаимодействия* стран этого неформального объединения и их партнеров. Это особое геополитическое пространства, где эти страны могут свободно взаимодействовать без влияния США или где влияние Соединенных Штатов заметно снижено. Данное геополитическое пространство фактически представляет собой *внеамериканскую зону трансрегионального взаимодействия* – геополитический ареал в рамках которого страны могут договориться и действовать совместно, исходя из своих национальных интересов и приоритетов внешней и внутренней политики без учета требований или условий, выдвигаемых США и другими западными странами¹⁶.

Сферу совокупного геополитического влияния стран БРИКС можно рассматривать как формирующуюся внеамериканскую зону трансрегионального взаимодействия, где страны – члены этого неформального объединения пытаются вести диалог, договариваться и вырабатывать общую позицию без согласования своих мнений и точек зрения на происходящие процессы и проблемы глобального мира с США.

Интересное заключение сделал Садик Юней в своей статье «*Reality or Mirage? BRICS and the Making the Multipolarity in the Global Political Economy*», в которой он пытается объективно, (как он сам полагает), исследовать феномен БРИКС. Он пишет: «Будет более адекватным понимать БРИКС как достаточно успешный международный режим, который действует в рамках определенного геополитического поля, а не как некий предвестник принципиально нового глобального мирового порядка»¹⁷. Здесь интересна первая часть это-

го тезиса, которая согласуется с нашей идеей о формировании на базе стран БРИКС внеамериканской зоны взаимодействия.

Важно отметить, что участие в такой зоне не означает какой-либо оппозиции или конфронтации по отношению к США и их союзникам, но позволяет сохранять экономические и торговые взаимоотношения и вести равноправный политический диалог. Уже сегодня в мире есть определенное число государств, которые, не разрывая своих экономических и торговых отношений с США и Европейским союзом готовы на принципах равноправного партнерства и диалога участвовать и сотрудничать во внеамериканской зоне взаимодействия. Поэтому западные обозреватели отмечают, что развивающиеся страны, в том числе члены БРИКС озабочены, каким образом они могут принять более активное участие в глобальных политических процессах («There was further discussion of ways that developing countries, such as the BRIC members, could become more involved in global affairs»¹⁸).

В упомянутом выше докладе Маркос Дегаут приводит ряд условий, реализация которых будет способствовать достижению БРИКС поставленных целей. «Во-первых, политическая воля лидеров стран БРИКС сделать данный проект приоритетным в их политике; во-вторых, способность этих лидеров преодолевать и согласовать различные интересы и амбиции стран с различными ресурсами, стратегической культурой и дипломатическими практиками; в-третьих, их способность выдержать ту политическую и экономическую цену, которую им придется заплатить за противостояние могуществу США; и, наконец, принятие конкретных мер для углубления кооперации и эффективного развития стратегических взаимоотношений внутри объединения»¹⁹. Как полагает автор

p. 77. Mode of access: http://file.insightturkey.com/Files/Pdf/15_03_2013_unay.pdf

¹⁸ What Is BRICS? Mode of access: <https://www.quora.com/What-is-BRICS>

¹⁹ Degaut, Marcos. Do the BRICS Still Matter? A Report of the CSIS Americas Program. October 2015. P. 21. Mode of access: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/151020_Degaut_DoBRICSMatter_Web.pdf

¹⁶ Леонова О.Г. БРИКС – внеамериканская зона взаимодействия // Обозреватель-Observer, – 2015. – №1. – С.25-33 [Leonova, O.G. BRICS – vneamerikanskaya zona vzaimodejstviya (BRICS is Non-American Zone of Interaction) // *Obzrevatel'-Observer*, 2015, No. 1, pp. 25-33]

¹⁷ Unay, Sadik. “Reality or Mirage? BRICS and the Making the Multipolarity in the Global Political Economy” // *Insight Turkey* 15, 2013, No. 3,

доклада: «Без этого набора этих параметров, БРИКС может быть обречен быть только еще одной хорошей идеей, которая так и не была реализована»²⁰.

Практика показывает, что сегодня страны БРИКС, особенно Россия, Китай и Индия, хотя бы в рамках ШОС – Шанхайской организации сотрудничества, готовы принять данные условия.

В настоящее время складываются благоприятные условия для расширения такой зоны трансрегионального взаимодействия незападных стран вне рамок влияния и диктата США и их партнеров. Такое взаимодействие БРИКС со странами, которые ранее не были лидерами глобального мира, усиливает тенденцию к поливариантности глобальных политических процессов. Это также позволит странам глобальной периферии увеличить свою роль в глобальных политических процессах, наращивать свой политический вес в глобальной политической системе и обрести определенный коллективный статус в иерархии глобального мира.

Рост политического влияния стран – партнеров внеамериканской зоны взаимодействия неизбежно приведет к тому, что западные державы вынуждены будут согласовывать с ними свою внешнюю политику или, по крайней мере, принимать во внимание их мнение. Следствием данного геополитического размежевания может стать формирование новой «бицентричной» системы глобального мира, отличной от возможной китайско-американской биполярной конфигурации. Модель «бицентричного» мира, как известно, является точкой равновесия глобальной международной системы. В режиме маятниковой цикличности развития и смены моделей глобального мира, модель «бицентричный мир» есть ситуация максимально возможной устойчивости системы. Это создает определенный баланс сил, является точкой равновесия мировой политической системы и может гарантировать определенную стабильность глобального мира²¹.

²⁰ Ibid. Pp. 21-22

²¹ Ильин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С. Теория и практика политической глобалистики. – М., 2013. – С. 66-79 [Il'in, I.V., Leonova, O.G., Rozanov, A.S. Teoriya i praktika politicheskoy

В свое время мы выдвинули гипотезу, согласно которой феномен БРИКС будет эволюционировать в формат 'Global non-West' или, как мы это выше назвали «внеамериканская зона взаимодействия». На практике сегодня БРИКС уже развивается как «Глобальный незападный проект» (*Global Non-West Project*) или «Глобальный Non-West».

Но давление совокупности объективных и субъективных факторов таково, что ставит под вопрос устойчивость данной неформальной структуры. Совершенно неясна судьба Бразилии после отставки её президента Д. Руссефф. Есть большая вероятность дрейфа этой страны в сторону США и выхода из БРИКС. В частных беседах представители научных кругов ЮАР говорят о том, что вступление этой страны в БРИКС было частной инициативой президента Дж. Зумы, а после его ухода с этого поста энтузиастов членства в данной структуре среди его возможных преемников не видно. После возможного выхода этих двух стран из БРИКС останется ядро РИК – Россия, Индия и Китай, которое успешно может функционировать в формате Шанхайской организации сотрудничества после вступления туда Индии (процесс, который был инициирован на саммите ШОС в Уфе 2015 г. и уже активно идет). БРИКС в итоге может оказаться неустойчивой структурой, которая так и не успела пройти свою институализацию.

Означает ли это, что данный опыт был напрасен и нерезультативен?

Вовсе нет.

БРИКС – это первая попытка создать зону взаимодействия стран без контроля со стороны глобальных лидеров США и ЕС, попытка смело выразить свои национальные интересы в глобальном мире, и демонстрация желания их отстаивать при определенной моральной поддержке партнеров.

Данный опыт несомненно будет востребован другими странами незападного мира, которые, наращивая свой экономический потенциал, захотят более внятно заявить о своих национальных интересах.

Проект 'Global non-West' еще будет востребован в будущем, но не как оппо-

globalistiki (Theory and Practice of Political Globalistics). Moscow, 2013. Pp. 66-79]

зияция или «фронда» набирающих экономический и политический вес незападных стран, а как диалоговая площадка равноправных партнеров. Осознание того, что равноправный диалог эффективнее вести в коллективном формате «глобальные лидеры Запада» versus «Глобальные лидеры Востока» рано или поздно придет и тогда бесценный опыт БРИКС будет оценен по достоинству и повторен на новом глобальном уровне.

Литература:

БРИКС и ШОС закладывают основы для новой системы управления миром: СМИ о саммитах в Уфе. Режим доступа: <http://www.putin-today.ru/archives/13552>

Западные СМИ о саммите БРИКС. Режим доступа: http://ruskline.ru/politnews/2015/7/10/zapadnye_smi_o_sammite_briks/

Ильин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С. Теория и практика политической глобалистики. – М., 2013. – С. 66-79.

ИноСМИ задумчиво пишут. Режим доступа: <http://politrusia.com/world/inosmi-zadumchivo-pishut-694/>

Леонова О.Г. БРИКС – внеамериканская зона взаимодействия // Обозреватель-Observer, – 2015. – №1. – С. 25-33.

Путин возглавил восстание БРИКС, – американские СМИ. Режим доступа: <http://rusvesna.su/news/1436604671>

Degaut, Marcos. Do the BRICS Still Matter? A Report of the CSIS Americas Program. October 2015. P. 21. Mode of access: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/151020_Degaut_DoBRICSMatter_Web.pdf

Drezner, Daniel W. Goldman Sachs Invented the Acronym. Will the Firm be Responsible for its Demise? // *The Washington Post*, November 10, 2015 г. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2015/11/10/the-rise-and-fall-of-the-brics/>

Drezner, Daniel W. The Rise and Fall of the BRICS // *The Washington Post*. November 10, 2015. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2015/11/10/the-rise-and-fall-of-the-brics/>

Information about BRICS. Mode of access: <http://brics.itamaraty.gov.br/about-brics/information-about-brics>.

Lynn, Matthew. Failure of the BRICS Reveals the Folly of Snazzy Acronyms // *The Telegraph*, September 14, 2015. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/finance/economics/11863894/Failure-of-the-BRICS-reveals-the-folly-of-snazzy-acronyms.html>

O'Brien, Matt. China is the Only Emerging Market that Matters // *The Washington Post*, March 29, 2016. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2016/03/29/china-is-the-only-emerging-market-that-matters/>

Samuelson, Robert J. Is the Next Recession on its Way? // *The Washington Post*, January 10, 2016. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/is-the-next-recession-on-its-way/2016/01/10/a7cc99bc-b629-11e5-a842-0feb51d1d124_story.html

Sanctions Effect: Russia to Change Its Economic Partners...for the Better. Mode of access: <https://www.rt.com/op-edge/russia-switches-to-brics-sanctions-357/>

Unay, Sadik. "Reality or Mirage? BRICS and the Making of the Multipolarity in the Global Political Economy" // *Insight Turkey* 15, 2013, No. 3, p. 77. Mode of access: http://file.insightturkey.com/Files/Pdf/15_03_2013_unay.pdf

What Is BRICS? Mode of access: <https://www.quora.com/What-is-BRICS>

References:

BRICS i SHOS zakladyvayut osnovy dlya novoj sistemy upravleniya mirom: SMI o sammitah v Ufe (BRICS and the SCO Lay Foundation for New System of World Governance: Mass Media on the Ufa Summit). Mode of access: <http://www.putin-today.ru/archives/13552>

Degaut, Marcos. Do the BRICS Still Matter? A Report of the CSIS Americas Program. October 2015. P. 21. Mode of access: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/151020_Degaut_DoBRICSMatter_Web.pdf

Drezner, Daniel W. Goldman Sachs Invented the Acronym. Will the Firm be Responsible for its Demise? // *The Washington Post*, November 10, 2015 г. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2015/11/10/the-rise-and-fall-of-the-brics/>

Drezner, Daniel W. The Rise and Fall of the BRICS // *The Washington Post*. November 10, 2015. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2015/11/10/the-rise-and-fall-of-the-brics/>

Il'in, I.V., Leonova, O.G., Rozanov, A.S. Teoriya i praktika politicheskoj globalistiki (Theory and Practice of Political Globalistics). Moscow, 2013. Pp. 66-79.

Information about BRICS. Mode of access: <http://brics.itamaraty.gov.br/about-brics/information-about-brics>.

InoSmi zadumchivo pishut (InoSmi are Broodingly Writing). – Mode of access: <http://politrusia.com/world/inosmi-zadumchivo-pishut-694/>

Leonova, O.G. BRIKS – vneamerikanskaya zona vzaimodejstviya (BRICS is Non-American Zone of Interaction) // *Obzrevatel'-Observer*, 2015, No. 1, pp. 25-33.

Lynn, Matthew. Failure of the BRICS Reveals the Folly of Snazzy Acronyms // *The Telegraph*, September 14, 2015. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/finance/economics/11863894/Failure-of-the-BRICS-reveals-the-folly-of-snazzy-acronyms.html>

O'Brien, Matt. China is the Only Emerging Market that Matters // *The Washington Post*, March 29, 2016. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2016/03/29/china-is-the-only-emerging-market-that-matters/>

Putin vozglavil vosstanie BRIKS, – amerikanskije SMI (Putin Gets Leadership in BRICS Uprising). Mode of access: <http://rusvesna.su/news/1436604671>

Samuelson, Robert J. Is the Next Recession on its Way? // *The Washington Post*, January 10, 2016. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/is-the-next-recession-on-its-way/2016/01/10/a7cc99bc-b629-11e5-a842-0feb51d1d124_story.html

Sanctions Effect: Russia to Change Its Economic Partners...for the Better. Mode of access: <https://www.rt.com/op-edge/russia-switches-to-brics-sanctions-357/>

Unay, Sadik. "Reality or Mirage? BRICS and the Making the Multipolarity in the Global Political Economy" // *Insight Turkey* 15, 2013, No. 3, p. 77. Mode of access: http://file.insightturkey.com/Files/Pdf/15_03_2013_unay.pdf

What Is BRICS? Mode of access: <https://www.quora.com/What-is-BRICS>

Zapadnye SMI o sammite BRIKS (Western Mass Media on BRICS Summit). Mode of access: http://ruskline.ru/politnews/2015/7/10/zapadnye_smi_o_sammite_briks/

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-130-139>

INTERNATIONAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF THE PHENOMENA OF BRICS TRANSREGIONALISM

Ilya V. Ilyin

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Olga G. Leonova

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 17 August 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 19 December 2016</p>	<p>Abstract: The article analyzes the essence, location, status, and role of the informal BRICS grouping. The authors examine and compare the different points of view on this phenomenon and believe that the comparative and economical approaches that dominate in the contemporary studies of the BRICS are unproductive. While member countries of the Association are experiencing economic slowdown or recession, BRICS is gradually becoming a political phenomenon of the global world. BRICS is considered the center of an impact of the regional leaders on three continents. A specific model of communication of the member countries of the BRICS and their partners is polylogue as one of the methods to solve the problem of equitable participation of all countries of the global world in the process of global governance. In the geopolitical framework of the BRICS and their partners, it is the formation of an extra-American zone of interaction, which will gradually evolve into a Global non-Western project..</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Ilya V. Ilyin</i>, Dr. of Political Science, Professor, Dean, the School of Global Studies, Lomonosov Moscow State University</p> <p>e-mail: dekanat@fgp.msu.ru</p> <p><i>Olga G. Leonova</i>, Dr. of Political Science, Professor, the School of Global Studies, Lomonosov Moscow State University</p> <p>e-mail: politolga@gmail.com</p>	
<p>Key words: BRICS, a political phenomenon, center of an impact, polylogue, extra-american zone of interaction, Global non-Western project</p>	

Для цитирования: Ильин И.В., Леонова О.Г. Подходы к анализу феномена трансрегионализма БРИКС за рубежом // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2. – С. 130-139.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-130-139

For citation: Ilyin, Ilya V.; Leonova, Olga G. Podkhody k analizu fenomena transregionalisma BRIKS za rubezhom (Approaches to the Analysis of the Phenomena of BRICS Transregionalism Abroad) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 130-139.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-130-139

HUNGARY'S INTEGRATION EXPERIENCES IN THE LAST 25 YEARS

Tamás Szemlér

*National University of Public Service,
Budapest, Hungary*

<p>Article history: <i>Received:</i> 15 December 2016 <i>Accepted:</i> 1 March 2017</p>	<p>Abstract: In 1989/1990, major systemic changes have taken place in most countries of Central and Eastern Europe. These changes – as part of the fundamental changes in the world order – have also modified the international relations of most countries in the region: after having been part of the Soviet block for more than four decades, they turned towards the West, and tied themselves to different elements – integrations and organisations – of the Euro-Atlantic structure. In this article, we observe this process through the case of Hungary, presenting an overview of the country's historical and present international relations and objectives. The analysis leads us to the conclusion that the complexity of the relations justifies a transregionalist approach..</p>
<p>About the author: PhD in International Relations, Associate Professor, National University of Public Service, Hungary e-mail: Szemler.Tamas@uni-nke.hu</p>	
<p>Key words: Hungary, Euro-Atlantic integration, European Union, Visegrad cooperation</p>	

Introduction

In 1989/1990, as in most countries of Central and Eastern Europe, major systemic changes have taken place in Hungary. In line with the general direction of the changes, in December 1991, Hungary has signed its Europe Agreement, creating an association between the country and the European Communities (today: European Union).

Since then we have been witnessing an increasing deepening of the Euro-Atlantic relations of Hungary, culminating in becoming a member of the Organisation for Economic Cooperation and Development, of the North Atlantic Treaty Organisation and of the European Union. In order to be able to realise these steps, the country had to fulfil the

requirements of membership of these “clubs”; especially in the case of the European Union, this has been a very complex task.

Most of the steps required in the context of integration have been in line with the country's general interests regarding its political and economic development. Thus, being mostly a “policy taker” has not caused significant problems for Hungary. Still, with gaining experiences – similarly to some other countries that have experienced a similar political and economic development path in the last quarter of a century – the need for a more active role in the design of (Euro-Atlantic) policy steps has increased.

This need for becoming a “policy maker” is an important source of some relatively new phenomena, one of the most spectacular among them being the increased importance of the

Visegrad cooperation, a potential “special club” within European integration. The objective of Hungary is the achievement of balanced relations; the complexity of the relations justifies a transregionalist approach, evaluating the real achievements and further potential in different integrations/cooperations.

In the present article, we observe this process in more details. First, we present the effects of the country’s specific geographic situation – many times on the border of different worlds – in a brief (and by far not exhaustive) historical overview. After that, we provide an overview of the integration experiences of Hungary in the last quarter of a century; after the presentation of the milestones of this period, we will deal with the importance of the integrations/organisations from the point of view of different – economic, security, political – aspects. After that, we present the importance of balanced international relations for Hungary and we argue for a transregionalist approach for the evaluation of the real achievements and further potential in the complex structure of different (and overlapping) integrations/cooperations.

On the Border of Different Worlds

Hungary is one of the oldest states in Europe, having a more than 1000-year-long statehood. During its history, the country has gone through a lot of changes regarding its territory, the ethnic composition of its population, its political and economic regime. Still, during most of all this time, Hungary has been at the border of different „worlds”, cultures, groups or blocks of countries with characteristically different values and systems.¹

In fact, this situation has already been there well before the arrival of Hungarians into the

Carpathian basin. In the Roman times, empire, Pannonia has been one of the border provinces of the empire, and thus a scene of eventual conflicts with the peoples in the neighbouring territories. The geographical position of the territory has contributed to the formulation of similar situations later in history, as well. The country has intended many times to play the role of a „bridge” between different powers and cultures, but due to the uncertainties in the region, it was more a like „ferry” between two distant worlds.

Between the XVth and the XVIIth centuries, the Carpathian basin has been one of the most important scenes of the fight between the Christian Europe and the Ottoman Turkish Empire. The country has defended itself – and with it, Europe – for a long time before having been occupied by the Ottoman forces for almost 150 years.

After the end of the Turkish occupation, the history of the country has become very closely interconnected with that of the Habsburg Empire. The revolution and the war for independence in 1848-1849 have ended with a defeat, related also to the active involvement of Russian troops on the side of the Austrians. After that, a period of – gradually normalising – coexistence has followed, which lasted until the end of World War I. After World War I, the Austro-Hungarian Empire has been dissolved and Hungary has suffered dramatic territorial and population losses; its choice of new partners – in the hope for revision – has proved to be wrong, as it has been shown during and after World War II.

In the period of the bipolar world, Hungary has become part of the Soviet bloc; the hopes right after the war regarding the objective of becoming a country belonging to the West have been unrealistic. Hungary – after the shock of the defeat of the 1956 revolution – has become the “happiest barrack” in the Soviet bloc and introduced gradually a limited number of some (mostly cultural and economic) elements of the “Western” world.

In 1989/1990, as the systemic changes have taken place in Hungary, the country has put its cultural and historical linkages into the foreground, rapidly strengthening its ties with the West, and beginning its integration into the organisations of Euro-Atlantic political,

¹ Nyusztay presents an analysis of the modernisation of Hungary, concentrating on the developments of the XIXth and XXth centuries; he also discusses in details the changes from the point of view values and systemic characteristics: Nyusztay, L. De la modernización comunista a la modernización liberal: el caso de Hungría (From Communist Modernisation to Liberal Modernisation: The Case of Hungary) // PUENTE@EUROPA, 2012, X:(1), pp. 47-64.

security and economic integration. Like most countries of Central and Eastern Europe, Hungary has concentrated in this period on the western links, giving less attention to the relations with countries in the Central and Eastern part of Europe.

Integration: The Milestones in the Last 25 Years

The firm intention of Hungary to join Euro-Atlantic integration structures has been successful: within fifteen years from the time the systemic changes had begun to take place, the country had become a member of all leading organisations and integrations. Table 1 provides a list of these steps, together with the year of the signature of the related documents (see Table 1).

Table 1

Hungary: milestones of integration after the systemic changes

Year	Milestone
1991	Foundation of the Visegrad Group
1991	Membership in the Council of Europe
1991	Signature of the Europe Agreement (after coming into force providing an associated status to the European Communities (EC))
1992	Foundation of the Central European Free Trade Agreement (CEFTA)
1996	Membership in the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD)
1999	Membership in the North Atlantic Treaty Organisation (NATO)
2004	Membership in the European Union (EU)

Source: own compilation

Table 1 shows how fast the integration patterns have changed in the first years of transition. In order to be able to judge the importance of these changes, we should bear in mind that between mid-1988 and the end of 1991, the status of the country regarding its relations with the European Communities has changed from discrimination to the highest possible status (associated country) without membership.

Of course, Hungary has not been the only country to make such a progress. In the first years of transition, the country progressed in its Euro-Atlantic relations together with Poland and Czechoslovakia. The cooperation of these countries has often been advised by the Western

partners, and the creation of the Visegrad Group and of the Central European Free Trade Agreement has meant important steps. Nevertheless, as already mentioned, the main focus for these countries (and for most of the other Central and Eastern European countries, as well) has been their integration into Western structures. Regional integration patterns have been regarded by them mostly as an instrument that can bring them – together – closer to this primary objective.

It can also be seen that after 1992, the speed of changes – at least on the level of tangible, spectacular progress in institutional integration – has been reduced. However, it did not really mean the reduction of the speed of the real changes: after a pause of almost half a century, the country has rebuilt a market economy and has proven that it is able to run a functioning plural democracy. In 1994, Hungary applied for European Union membership, and concentrated from then on to meet the criteria set by the European Council in Copenhagen in 1993. Obviously, becoming a member of the European Union has been a complex task requiring much adaptation: when we talk about the European Union, we have to bear in mind that it is not just a group of countries cooperating with each other in a couple of fields, but – despite all its shortcomings – the deepest ever integration of sovereign countries.

Thus the road towards European Union membership has been long and sometimes bumpy. However, as the tasks stemming from the obligations related to Hungary’s European Union accession have been in line with the general interests of the country, the progress has also led to tangible results in the second half of the 1990’s. The accession of Hungary to the Organisation for Economic Co-operation and Development signified that Hungary has been acknowledged as a country belonging to the (broader) economic elite of the international community. The membership of Hungary in the North Atlantic Treaty Organisation has meant the inclusion of the country into a defence structure which has been for decades a key element of the Euro-Atlantic partnership and which, due to the changes in Central and Eastern Europe and to the end of the Cold

War and of the bipolar world order, could be extended by the accession of new members and by an enlarged cooperation involving new partners.

Looking at the integrations/organisations listed in *Table 1*, we can see that we deal with – to a great extent – overlapping structures. The main direction of the integration (who intends to integrate itself where?) is from East to West; examples of East-East integration do exist but – beyond the already mentioned objective of preparation for Western structures – they were mostly pushed into the background by a „yes, but” approach of the participants themselves.

Different Aspects of Cooperation

The cooperation in the framework of the different integrations covers different issues. One of the most important of them is economic development, a key objective after the transition from a centrally planned regime to a market economy. The main partner regarding economic development has been the European Union which has been regarded as the main modernisation anchor² for Hungary. The common policies, the resources available for the development and the structural adjustment of the economy, the Single Market have all been regarded – rightly – as key elements of the development of the Hungarian economy that has become closely tied by commercial and investment links to its European partners. Of course, trade and investment issues have been important with partners beyond the EU, as well, but the dominance of the linkages with the EU (and within it, first of all with Germany) has been clear.

Security has also been a key issue – after the change of the world order, the country, like many small- and medium sized countries in the region, has been looking for its place

in the new structure. The military aspects of security are covered by the country’s membership in the North Atlantic Treaty Organisation. Security also has economic aspects; these latter are mostly covered by the EU membership of the country. Regarding both aspects, the country has always emphasised its interest in the East-West dialogue – we can see here a modern form of the traditional “bridge/ferry” role.

The developing institutional relationships of Hungary have also influenced the political „style” and the practice of governance in the country. The most important effects (especially since the association, later on from the beginning of the accession talks) have come from the European Union; however, the “heritage” (a specific mix of Central European traditions and centrally planned regime characteristics) still plays an important role. Recently, we can also observe in Hungary some divergence from the traditional mainstream political style of the EU (while the EU „mainstream” seems to be seriously challenged, as well).

The issue of Hungary’s relations to the neighbouring countries has also been an important one. Within this issue, there is a special topic for Hungary: that of the minorities (mostly Hungarian minorities in some of the neighbouring countries; much smaller minorities from the nations of the neighbouring countries in Hungary). The fact that Hungary and most of its neighbours have intended (and most of them succeeded) to get accession to the European Union helped considerably to handle these relations more smoothly than before.

In addition to this, the issue of an „alliance within the alliance” has also appeared. It has been widely known for a long time that (even unofficial) coalitions, interest groups, alliances can help smaller countries representing their interests successfully – even within such a deep, complex and institutionalised integration as the European Union. In the recent few years, the Central and Eastern European countries have realised the importance of this aspect, and they put more weight than before on the strengthening of the linkages between each other. The main framework for this process is the Visegrad Group; however, it has to be

² A modernisation anchor is an external source of modernisation; in this case, it means that the development of relations with the European Union have been a major factor in the development of the country’s economy and society. Regarding this role, see e.g.: Inotai, A. *The European Union and Southeastern Europe: Troubled Waters Ahead?* Brussels: Peter Lang, 2007. P. 112.

noted that real, successful cooperation has to be issue-based (cooperation has a real chance only if the countries share similar interests in a given issue).³

The importance of the integrations/organisations presented in *Table 1* regarding the issues discussed above is shown in *Table 2*. The evaluation is provided by the author and is a subjective one; the more +-es are shown in a given cell (maximum: +++), the stronger is the effect of the given integration/organisation on the given issue. In addition to the discussion above, beyond the major effects, smaller influence has also been indicated.

Table 2

Matrix of Issues and Integrations

	Economic development	Security	Governance, political „style“	Relations to neighbouring countries	„Alliance within the alliance“
V4	+	+	+	++	+++
Council of Europe		+	++	+	
CEFTA	++			++	+
OECD	++				
NATO		+++		+	
EU	+++	+	++	++	

Source: own evaluation and compilation

Table 2 shows that it is the joint result of the integrations/organisations that has formed the position or the practice of Hungary in the listed issues. In most cases, we can identify the most important integration/organisation for the issue in question, but there are always more than one integrations/organisations contributing to the development of Hungary in the given

³ This statement is well illustrated e.g. by the summary of V4 positions with regard to recent developments in the European Union: Bilčík, V.; Dostál, V.; Kruliš, K.; Szemlér, T.; Zerka, P. Rethinking V4's Eurozone Dilemmas after the UK Referendum. Prague: Association for International Affairs, Konrad-Adenauer-Stiftung, 2016.

field. We have to emphasise once again that we deal here with – fully or partially – overlapping structures; it makes the relations within (and between) these integrations/organisations highly complex.⁴

Objective: Balanced Relations

After having become a member of the European Union, Hungary – as other (then) new Member States, as well – had the intention to have more emphasis on decisions, to develop from a “policy taker” into a “policy maker”.⁵ Of course, this intention can realistically mean the will to become one of the policy makers, to contribute actively to the steps decided and taken by the European Union in different fields of integration.

It is well-known that the European Union has been perceived as a power multiplier; even its biggest Member States use it consciously this way (France being the most well-known example for this). On the one hand, for smaller Member States, this effect can be even more

⁴ The existence of cross-border cooperation through Euroregions makes the picture even more complex; in this article, we concentrate on the inter-state relations, we don't get into this topic here. For more details on the experiences with this specific form of cooperation, see e.g.: Szemlér, T. Euroregionális minták és EU-források (Euroregional Experiences and EU Resources) / In: Ludvig, Zs. – Süli-Zakar, I.: A Kárpátok Eurorégió együttműködés mérlege: eredmények, problémák, perspektívák (The Balance of Cooperation in the Carpathian Euroregion: Results, Problems, Prospects). Budapest: Oktatási Minisztérium, 2002. Pp. 9-32.

⁵ This change in the approach has been visible already shortly after the accession to the European Union. Some of the first tangible results of this kind of reflection is summarised by: Brusis, M.; Emmanouilidis, J.A. (Eds.) Thinking Enlarged. The Accession Countries and the Future of the European Union. Munich Contributions to European Unification, Vol. 7. Bonn: Europa Union Verlag, 2002. More specific results of such a reflection – related to the structural and cohesion policies of the EU – can be read in: Eriksson, J.; Karlsson, B. O.; Tarschys, D. From Policy Takers to Policy Makers: Adapting EU Cohesion Policy to the Needs of the New Member States. Stockholm: Swedish Institute for European Policy Studies, 2005.

important; on the other hand, they may even need a power multiplier within the EU, in order to be able to represent their interests powerfully enough within the EU. In the recent years, it looks like Hungary discovered the importance of this aspect, and tried to use cooperation between the members of the Visegrad Group for such purposes, as well.

Hungary remains interested in balanced, peaceful, prospering relations within and beyond Europe. A specifically important and delicate field in this respect is constituted by the relations between the European Union and its Eastern neighbourhood. What Hungary can add to the content of this complex relationship is its considerable experience, knowledge and understanding of the region (traditions, culture, mechanisms, etc.) – in fact, the traditional “bridge” role adjusted to the present circumstances.

Conclusions: The Importance of Transregionalism

As we have seen, the system of Hungary’s international embeddedness into various integrations/organisations is a very complex one. We have also seen the overlaps between different elements of this system, both geographically and regarding the issues covered.

The complexity of these relations justifies a transregionalist approach, as the nature of relations cannot be described by in only intra-, inter-, cross-, or macro-regional terms – in fact, the system we experience is a colourful and dynamic combination of all of them.⁶

The different integrations/organisations can be conceived as elements of transregionalism. All these elements, as well as the interdependencies between them should be carefully evaluated, as missing any of the linkages in the analysis may lead to partially false conclusions. False conclusions could lead to negative practical political consequences –

distortions, tensions – that would be highly undesirable for Hungary and its partners, as well. Instead of that, we should apply a transregionalist approach for the evaluation of the real achievements and realistic further potential in the complex structure of different (and overlapping) integrations/cooperations.

References:

Biluněk, V.; Dostál, V.; Krulíř, K.; Szemlér, T.; Zerka, P. Rethinking V4’s Eurozone Dilemmas after the UK Referendum. Prague: Association for International Affairs, Konrad-Adenauer-Stiftung, 2016.

Brusis, M.; Emmanouilidis, J.A. (Eds.) Thinking Enlarged. The Accession Countries and the Future of the European Union. Munich Contributions to European Unification, Vol. 7. Bonn: Europa Union Verlag, 2002.

Eriksson, J.; Karlsson, B.O.; Tarschys, D. From Policy Takers to Policy Makers: Adapting EU Cohesion Policy to the Needs of the New Member States. Stockholm: Swedish Institute for European Policy Studies, 2005.

Inotai, A. The European Union and Southeastern Europe: Troubled Waters Ahead? Brussels: Peter Lang, 2007.

Kuznetsov, D.A. Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 7, pp. 14-25 (In Russian) DOI:10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-14-25

Nyusztay, L. De la modernización comunista a la modernización liberal: el caso de Hungría (From Communist Modernisation to Liberal Modernisation: The Case of Hungary) // *PUNTE@EUROPA*, 2012, X:(1), pp. 47-64.

Szemlér, T. Euroregionális minták és EU-források (Euroregional Experiences and EU Resources) / In: Ludvig, Zs. – Süli-Zakar, I.: A Kárpátok Euro régió együttműködés mérlege: eredmények, problémák, perspektívák (The Balance of Cooperation in the Carpathian Euroregion: Results, Problems, Prospects). Budapest: Oktatási Minisztérium, 2002. Pp. 9-32.

⁶ The complexity of the various terms is discussed in detail in: Kuznetsov, D.A. Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 7, pp. 14-25 (In Russian) DOI:10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-14-25

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ОПЫТ ВЕНГРИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 25 ЛЕТ

Тамас Землер

*Национальный университет государственной службы,
Будапешт, Венгрия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i></p> <p style="text-align: right;">15 декабря 2016</p> <p><i>Принята к печати:</i></p> <p style="text-align: right;">1 марта 2017</p>	<p>Аннотация: В 1989/1990 в большинстве стран Центральной и Восточной Европы произошли системные изменения. В результате этих изменений – которые стали неотъемлемой частью глобальных трансформаций мирового порядка – произошли перемены и в региональной системе международных отношений: после более чем четырех десятилетий пребывания в советском лагере, страны региона переориентировались на Запад и стали частью (через различные интеграционные и организационные схемы) структуры евроатлантической системы. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть кейс Венгрии, исторических особенностей ее региональной стратегии, современного состояния и перспективных задач. В результате автор приходит к выводу, что сложная сеть внешних связей может быть объяснена лишь с привлечением концепции трансрегионализма.</p>
<p>Об авторе: PhD (Международные отношения), доцент, Национальный университет государственной службы, Будапешт, Венгрия</p> <p>e-mail: Szemler.Tamas@uni-nke.hu</p>	
<p>Ключевые слова: Венгрия, евроатлантическая интеграция, Европейский Союз, Вышеградская группа.</p>	

Для цитирования: Szemlér, Tamás. Hungary's Integration Experiences in the Last 25 Years // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2. – С. 140-146.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-140-146

For citation: Szemlér, Tamás. Hungary's Integration Experiences in the Last 25 Years // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 140-146.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-140-146

ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОПОРА СОТРУДНИЧЕСТВА ЕАЭС-АСЕАН И БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Анна Андреевна Гармаш

*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 5 марта 2017 <i>Принята к печати:</i> 15 апреля 2017</p>	<p>Аннотация: Сегодня одна из основных задач ЕАЭС – успешная интеграция молодой организации в мировую экономику в качестве регионального экономического центра. При этом развитие связей с прочими региональными объединениями соответствует интересам ЕАЭС и укладывается в общую логику формирования полицентричной структуры мира. В 2016 году на полях саммита Россия-АСЕАН в Сочи Президент России Владимир Путин выступил с инициативой по продвижению отношений ЕАЭС и АСЕАН, а также по созданию большого евразийского партнерства, включающего ЕАЭС, АСЕАН и ШОС. Данные предложения весьма масштабны по географическому охвату, однако, до сих пор не имеют четкого концептуального наполнения. Представляется, что трансрегионализм – сравнительно малоизученный феномен мировой политики, может быть задействован в качестве теоретической сцепки евразийских проектов. В настоящей статье проводится анализ и сопоставление опыта АСЕАН в сфере практической реализации трансрегионального сотрудничества с организациями-партнерами, в частности ЕС, МЕРКОСУР и ССАПГЗ, а также на таких диалоговых площадках, как АСЕМ и ВАЗЛАФ. Автор предлагает относить взаимодействие ЕАЭС и АСЕАН к классическому формату трансрегиональных связей, а возможность формирования большого евразийского партнерства рассматривать через призму широкого трансрегионализма. Полученные в результате анализа выводы используются для выявления наиболее актуальных для ЕАЭС механизмов и алгоритмов трансрегиональной кооперации.</p>
<p>Об авторе: магистрант, программа «Дипломатия и дипломатическая служба», МГИМО МИД России e-mail: anna.a.garmash@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: трансрегионализм, интеграция, Евразия, АТР, ЕАЭС, АСЕАН, ШОС, ЕС, МЕРКОСУР, ССАПГЗ, АСЕМ, ВАЗЛАФ</p>	

Региональная интеграция – один из ключевых современных трендов мировой политики. Происходящий в настоящее время уход академического сообщества от европоцентризма в оценке интеграционных процессов позволяет увидеть все многообразие покрывающих планету региональных объединений. Известно, что повышение числа и роли региональных организаций оказывает воздействие на складывающуюся систему международных отношений, способствуя формированию её полицентричной структуры. Однако не часто в научной литературе, посвященной международной

проблематике, можно встретить упоминания о трансрегиональном уровне международного сотрудничества, концептуализация которого необходима для понимания логики процессов региональной интеграции.

Институционализация отношений между Европейским союзом (ЕС) и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в 1980 г.¹, а также попытки распространить подобный формат межрегио-

¹ The ASEAN-EEC Cooperation Agreement, 1980. Mode of access: <http://ec.europa.eu/world/agreements/SummartOfTreatyAction.do?step=0&treatyId=373>.

нального сотрудничества на другие интеграционные группировки в 1990-е годы, что дополнительно накладывалось на процессы глобализации, дали почву для теоретического осмысления трансрегиональных (или интеррегиональных) процессов в зарубежной научной литературе. В отечественных политологических, равно как и в регионоведческих, исследованиях отсутствие интереса к феномену трансрегионализма, вероятно, продиктовано неактуальностью данного вопроса для региональных организаций, возникших на постсоветском пространстве. Формирование же Евразийского экономического союза (ЕАЭС), среди стремлений которого – укрепление экономического сотрудничества с международными интеграционными объединениями, требует повышенного внимания к опыту взаимодействия на трансрегиональном уровне со стороны как экспертов-политологов, так и представителей правительственных структур.

В мае 2016 г. на полях третьего саммита Россия-АСЕАН Президент России Владимир Путин выдвинул инициативы в сфере развития отношений между ЕАЭС и АСЕАН, а также предложил партнерам из АСЕАН идею формирования большого евразийского партнерства ЕАЭС-ШОС-АСЕАН. Предложения российской стороны весьма масштабны по своему территориальному охвату, однако, имеют слабое практического содержания. Недостаёт данным проектам и четкого теоретического наполнения, что компенсируется публикациями о размерах ВВП и количестве населения стран-членов вышеупомянутых организаций. *Представляется, что именно трансрегионализм, при условии глубокого изучения данного феномена, имеет шансы стать концептуальной опорой российских инициатив.*

В этой связи, накопленный за десятилетия опыт практической реализации трансрегионального взаимодействия АСЕАН с Европейским союзом (ЕС), Общим рынком стран Южной Америки (МЕРКОСУР), а также Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) позволит очертить контуры сотрудничества по линии ЕАЭС – АСЕАН. В свою очередь,

формирование большого евразийского партнерства ЕАЭС-ШОС-АСЕАН видится возможным посредством использования практик, применяемых на таких площадках, как Форум «Азия-Европа» (АСЕМ) и Форум восточноазиатского-латиноамериканского сотрудничества (ВАЗЛАФ). Таким образом, фокус анализа в данной статье сосредоточен на сопоставлении существующих трансрегиональных форматов и выявлении наиболее актуальных для российских инициатив алгоритмов взаимодействия.

Трансрегионализм: вопрос классификации

Как отмечает в своей работе Д.А. Кузнецов, в науке нет единого подхода к феномену трансрегионализма, а проблема в его исследовании возникает уже на этапе выбора терминологии (в зарубежной литературе употребляются приставки «транс-», «интер-», «квази-» и пр.)². Результаты лингвистического словообразовательного анализа, проведенного Д.А. Кузнецовым, дают основания использовать в данной работе именно приставку «транс-», которая в большей степени соответствует характеру трансрегиональных отношений.

В том, что касается теоретического определения трансрегионализма, наиболее широко используемая типологизация была представлена исследователем Х. Хеннги. Он утверждал, что широкое понимание трансрегионализма (*interregionalism*) включает отношения как между региональными организациями и региональными группами, так и между региональной организацией/региональной группой и третьим государством, а также организации или группы стран, члены которых относятся к более чем двум регионам (например, АТЭС или АРФ)³.

² Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. – 2016. – №2(23). – с. 14-25. [Kuznetsov, D.A. Fenomen Transgerionalizma: Problema Terminologii i Kontseptualizacii (Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization) // *Sravnitel'naya politika*, 2016, No. 2 (23), pp. 14-25].

³ Hännge, Heiner; Roloff, Ralf; Rüländ, Jürgen. *Interregionalism and International Relations*. Oxon: Routledge, 2006. P. 41.

Подходы к определению трансрегионализма

Тип трансрегионализма	Участники	Структура	Примеры
Классический	РО-РО*	Наличие договорной базы. Сотрудничество между секретариатами и/или функциональными органами. Встречи проходят на площадке одной из организаций, либо «на полях» ООН, ВТО и пр.	ЕС-АСЕАН (1980) ЕС-МЕРКОСУР (1999) АСЕАН-ССАГПЗ (1990) АСЕАН-Тихоокеанский альянс (2014)
Широкий	РГ-РГ*	Создание новой диалоговой платформы. Открытость для новых членов (формальная принадлежность к региону). Высокая роль неправительственного сегмента.	АСЕМ (1996) ВАЗЛАФ (1999), Саммит Африка – Южная Америка (2006)

*РО – региональная организация, РГ – региональная группа

Table 1. Approaches towards Transregionalism Definitions

Представляется, что для задач настоящей статьи наиболее целесообразно было бы выделить два типа трансрегиональных отношений: *классический трансрегионализм* и *широкий трансрегионализм*, соответственно в некоторой степени редуцируя представленную Х. Хеннги классификацию. Также упор необходимо сделать не только на качества субъектов трансрегионального взаимодействия, но и на его структуру.

Классический трансрегионализм подразумевает институционализированные или же имеющие неформальный характер отношения между двумя региональными организациями. Сотрудничество строится на связях между секретариатами и/или функциональными органами данных организаций, а также подкреплено соответствующими соглашениями (см. *Таб. 1*). Похожую точку зрения имеет Ф. Содербаум, который в своей работе подчеркивает наличие именно двух организаций как необходимой предпосылки для установления классических трансрегиональных отношений (*pure interregionalism*)⁴.

⁴ Baert, Francis; Scaramagli, Tiziana; Soderbaum, Fredrik. *Intersecting Interregionalism: Regions, Global Governance and the EU*. Springer, 2014. P. 5.

Широкое трансрегиональное взаимодействие осуществляется между двумя более или менее консолидированными региональными группами стран (например: Азия – Европа, Европа – Латинская Америка). Вместе с тем, присоединение новых членов регулируется лишь их формальной принадлежностью к тому или иному региону мира. Как правило, участники создают новую диалоговую площадку, фокус деятельности которой во многом смещен в сторону её неправительственного сегмента.

Настоящая классификация, безусловно, не претендует на системное объяснение феномена трансрегионализма, однако, выделяет именно те подходы, с которыми в том или ином виде согласны зарубежные авторы. Схожего понимания трансрегионализма придерживается Лай Йео, который в своем исследовании выделяет два типа трансрегионального взаимодействия, вычленив из определения отношения между региональной организацией и отдельным государством⁵. Видится логичным тот

⁵ Yeo Lay Hwee; Lluc Lopez I Vidal. *Regionalism and Interregionalism in the ASEM context: Current Dynamic and Theoretical Approaches*. CIDOB Edition, 2008. P.9.

факт, что стремление включить в определение трансрегионализма как можно больше форматов международного сотрудничества лишь отягощает его и приводит к еще большей путанице.

Классический трансрегионализм АСЕАН: ЕС, МЕРКОСУР, ССАПГЗ

Именно отношения ЕС-АСЕАН выделяются зарубежными экспертами как эталон классического трансрегионализма. Как утверждает Х. Хеннги, Европейский союз и АСЕАН стали не только первооткрывателями трансрегионализма наиболее распространенного типа, но и закрепили за собой статус ключевых трансрегиональных акторов, остальные организации присоединились к этому процессу с запозданием (*latecomers*)⁶. Действительно, трансрегиональные связи ЕС-АСЕАН остаются наиболее развитыми с институциональной точки зрения. Говоря о механизмах сотрудничества, необходимо отметить их многопрофильный и многоуровневый характер. Взаимодействие ЕС-АСЕАН продвигается по трем ключевым для АСЕАН направлениям – экономика, политика и безопасность и социально-культурная сфера, таким образом, вписывается в общую логику развития интеграции внутри АСЕАН.

В 1980 г., на учредительной стадии развития отношений был создан координирующий орган – Совместный комитет сотрудничества ЕС-АСЕАН (СКС), встречи в рамках которого проводятся ежегодно. Трансрегиональные отношения ЕС-АСЕАН классического типа подкреплены рядом документов, регулирующих сотрудничество по широкому спектру вопросов⁷.

По экономической линии проводятся консультации между Советом экономического сообщества АСЕАН, состоящим из министров экономики стран-членов АСЕАН, и Комиссаром ЕС по торговле. Кроме того, с

2011 г. проходит Бизнес саммит ЕС-АСЕАН, призванный содействовать диалогу между представителями бизнес-сообществ стран-участниц. Отдельно стоит отметить профильные саммиты ЕС-АСЕАН, в частности Авиационный саммит (EU-ASEAN Aviation Summit), проведенный впервые в 2014 г. в Сингапуре. По итогам саммита стороны договорились сотрудничать в области авиационной промышленности, гармонизации стандартов безопасности и управления людскими потоками⁸.

Продвинутой архитектурой сотрудничества и внушительная договорная база накладываются на развитое торгово-экономическое и инвестиционное партнерство. От общего объема ПИИ в странах АСЕАН примерно 17% (20 млрд долларов)⁹ в 2015 г. пришлось на Европейский союз, в свою очередь, товарооборот между сторонами в том же году достиг 227 млрд долларов США¹⁰. Донорская помощь – не менее значимая составляющая сотрудничества ЕС-АСЕАН. Так, с 2007 по 2013 гг. со стороны ЕС на развитие интеграции внутри АСЕАН было выделено 70 млн евро, в 2014 г. на 20-ой Министерской встрече ЕС-АСЕАН Брюссель объявил о решении увеличить донорскую помощь до 2020 г. более чем вдвое – до 170 млн евро¹¹.

Переговоры о зоне свободной торговли (ЗСТ) ЕС-АСЕАН были запущены в 2007 г., но остановлены в 2009 г. в связи с рядом разногласий. Основной кластер проблем носил политический характер – ЕС был не согласен с внутренней политикой правительства Мьянмы и выступал с критикой в

⁸ Aviation: EU-ASEAN Aviation Summit Proposes “Open Skies” Agreement / ASEAN official website. 12 February 2014. Mode of access: <http://asean.org/aviation-eu-asean-aviation-summit-proposes-open-skies-agreement/>

⁹ ASEAN Investment Report: Foreign Direct Investments and MSME Linkages. ASEAN Secretariat, Jakarta, 2016. P.77.

¹⁰ ASEAN Statistics database / ASEAN official website. Mode of access: <http://data.aseanstats.org/trade.php>

¹¹ Co-chairs’ Statement of the 20th EU-ASEAN Ministerial Meeting / European Union External Action official website. 23 July 2014. Mode of access: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/statements/docs/2014/140723_03_en.pdf

⁶ Hännigi, Heiner; Roloff, Ralf; Rüländ, Jürgen. *Interregionalism and International Relations*. Oxon: Routledge, 2006. P. 38.

⁷ Особое внимание стоит уделить Нюрнбергской декларации о продвинутом партнерстве 2007 года, в которой отражены долгосрочные цели и направления сотрудничества.

адрес Нейпидо за нарушение прав человека в стране¹². Пока вопрос о межблоковой ЗСТ пробуксовывает, торговая стратегия ЕС в АСЕАН сводится к заключению двухсторонних торговых соглашений с отдельными членами АСЕАН. В частности, с 2014 г. функционирует ЗСТ ЕС-Сингапур, а в феврале 2016 г. было заключено соглашение о свободной торговле с Вьетнамом.

Расширение географии трансрегиональных партнеров АСЕАН происходило постепенно. Позитивные результаты трансрегионального сотрудничества АСЕАН и ЕС стали побудительным мотивом для использования подобной практики в отношениях с другими региональными блоками. Развитие связей с организациями стран Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока укладывалось в традиции сотрудничества «Юг-Юг» и в некоторой степени даже придавало ему новые силы. Однако, существуют объективные препятствия, не позволяющие поднять отношения между АСЕАН и незападными региональными организациями на тот же уровень, что отношения с ЕС.

В 1996 г. по инициативе АСЕАН в Сингапуре «на полях» министерского совещания Всемирной торговой организации (ВТО) были впервые проведены неформальные консультации министров МЕРКОСУР и АСЕАН. За консультациями последовал визит Генерального секретаря АСЕАН в Бразилию и Аргентину с целью договориться о проведении первой официальной встречи на министерском уровне АСЕАН-МЕРКОСУР. Разгоревшийся в 1997 г. финансово-экономический кризис, затронувший как Азию, так и Латинскую Америку, привел к ослаблению товарооборота и потере интереса к развитию трансрегиональных отношений между АСЕАН и МЕРКОСУР. Как отмечает новозеландский исследователь М. Дойдч, азиатский финансовый кризис заставил представителей обеих сторон пересмотреть взгляды на продвижение трансрегионального сотрудничества по формату АСЕАН-ЕС и перевести свои идеи в плоскость широко-

го трансрегионализма – создание Форума восточноазиатско-латиноамериканского сотрудничества (ВАЗЛАФ)¹³.

Первая встреча министров АСЕАН-МЕРКОСУР была, наконец, проведена только в 2008 г. в Бразилии «на полях» министерского совещания ВАЗЛАФ. Участники встречи выразили желание разработать к следующему совещанию дорожную карту и план действий для продвижения трансрегионального сотрудничества в различных сферах. На данный момент предложения все еще находятся на стадии проработки. Успех в экономической сфере также достаточно ограничен: в 2015 г. в Уругвае заработала Торговая палата МЕРКОСУР-АСЕАН (The Mercosur-ASEAN Chamber of Commerce), цель которой заключается в продвижении экономического и инвестиционного сотрудничества между группировками¹⁴.

Низкий товарооборот, наряду с географической отдаленностью и отсутствием длительной традиции отношений, являются ключевым препятствием на пути к более плодотворному трансрегиональному сотрудничеству АСЕАН-МЕРКОСУР¹⁵.

Достаточно развитая архитектура взаимодействия существует между АСЕАН и ССАПГЗ, ключевой интеграционной группировкой Ближнего Востока. Первая встреча министров иностранных дел АСЕАН и ССАПГЗ состоялась по инициативе арабской стороны «на полях» Генеральной Ассамблеи ООН в 1990 г. С тех пор были проведены три министерские встречи АСЕАН-ССАПГЗ, а также учреждены рабочие группы для развития партнерства между сторонами в сферах торговли и инвестиции, образования, культуры, продовольственной безопасности, энергетики и туризма. Помимо рабочих групп, в Эр-Рияде функционирует Комитет АСЕАН, состоящий из глав

¹² Ji Xianbai. Time to Revisit an ASEAN-EU FTA? / *The Diplomat*, 03 June 2015. Mode of access: <http://thediplomat.com/2015/06/time-to-revisit-an-asean-eu-fta/>

¹³ Doidge, Mathew. *The European Union and Interregionalism Patterns of Engagement*. Ashgate, University of Canterbury, 2011. P.163.

¹⁴ См. официальную страницу Торговой палаты МЕРКОСУР-АСЕАН. Режим доступа: <http://www.mercosurasean.com/webmacc/index.php>.

¹⁵ В 2015 году товарооборот между сторонами составил 27,7 млрд долл. США (См. базу данных Trade Map. Режим доступа: http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx).

дипломатических миссий стран АСЕАН в Саудовской Аравии. В свою очередь, Комитет постоянных представителей АСЕАН регулярно проводит консультации с группой послов стран ССАПГЗ, аккредитованных при АСЕАН¹⁶.

Торговый оборот между ССАПГЗ и АСЕАН в 2015 г. составил 87 млрд долларов США, большая часть пришлось на экспорт энергоресурсов из стран залива¹⁷. Инвестиционное сотрудничество оказывает дополнительный позитивный эффект на развитие трансрегиональных отношений. Основные направления ПИИ из ССАПГЗ в Юго-Восточной Азии: Малайзия, Индонезия и Сингапур, а энергетический сектор является приоритетной сферой инвестиций¹⁸. В 2016 г. вложения Саудовской Аравии в строительство электростанции «Нам Динх 1» во Вьетнаме составили 2 млрд долл. В том же году Катар приобрел 35.5% ресурсодобывающей индонезийской компании «Пайтон Энерджи» (Paiton Energy)¹⁹. Как и ЕС, ССАПГЗ использует тактику заключения соглашений о ЗСТ с отдельно взятыми государствами АСЕАН: соглашение о ЗСТ ССАПГЗ-Сингапур вступило в силу 1 января 2015 г. Оформление же межблоковой ЗСТ декларируется в качестве одной из долгосрочных целей сотрудничества²⁰.

Таким образом, сопоставляя форматы классического трансрегионального сотрудничества АСЕАН, можно выделить характерные для данного типа механизмы

партнерства (См. Таб. 2). Интересен тот факт, что АСЕАН не имеет межрегиональных соглашений о ЗСТ ни с одной из своих организаций-партнеров, подобные проекты лежат в плоскости долгосрочных целей, на данном этапе превалируют ЗСТ с отдельными странами «десятки».

Таблица 2

Сопоставление форматов сотрудничества классического трансрегионализма			
Формат сотрудничества	АСЕАН-ЕС	АСЕАН-МЕРКОСУР	АСЕАН-ССАПГЗ
Министерские встречи	+	-/+	+/-
Совместные рабочие органы	+	-	+
Бизнес форум	+	-/+	-
Зона свободной торговли	-	-	-
Торговые соглашения с отдельными странами АСЕАН	+	-	+

Table 2. Comparison of Cooperation Formats of Classic Transregionalism

Широкий трансрегионализм: АСЕМ, ВАЗЛАФ

В 1996 г. в Бангкоке был учрежден Форум Азия-Европа (АСЕМ), который представляет собой открытую и неформальную диалоговую площадку между представителями двух региональных групп. В настоящее время в АСЕМ состоят 53 государства, участниками Форума также являются Европейская комиссия и Секретариат АСЕАН, что делает Форум АСЕМ уникальным с точки зрения состава членов. Уже на учредительном этапе страны АСЕАН транслировали принципы «пути АСЕАН» на функционирование АСЕМ, таким образом, АСЕМ стал базироваться на принципах равенства, невмешательства и консенсуса. При этом европейская сторона высказывалась в пользу повышения значения политического диалога внутри АСЕМ. В итоге, были выработаны 3 опоры АСЕМ: политика и безопасность, финансово-экономическая и социально-культурная сферы²¹.

²¹ Lai Suet Yi. Inter-regionalism of Nation-States: Asia-Europe Meeting (ASEM) as a Case Study. University of Canterbury, 2012. P. 140.

¹⁶ Overview of Relations between ASEAN and GCC / ASEAN Secretariat official website. Mode of access: http://asean.org/?static_post=overview-of-relations-between-asean-and-gcc.

¹⁷ См. базу данных Trade Map. Режим доступа: http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx.

¹⁸ Mohd Fauzi Bin Abu-Hussin. Gulf Arab Foreign Direct Investments (FDI): ASEAN Targets of Opportunity/ Middle East Institute, 20 March 2013. Mode of access: <http://www.mei.edu/content/gulf-arab-foreign-direct-investment-fdi-asean-targets-opportunity>.

¹⁹ ASEAN Investment Report: Foreign Direct Investments and MSME Linkages / ASEAN Secretariat, Jakarta, 2016. P. 16.

²⁰ GCC-ASEAN Joint Vision Manama / ASEAN official website. 30 June 2009. Mode of access: <http://asean.org/wp-content/uploads/images/GCC-ASEAN%20joint%20vision.pdf>.

По мнениям зарубежных исследователей, Форум АСЕМ был необходим для заполнения пустующей «ниши» в отношениях между Азией и Европой, которая возникла на фоне усиления взаимосвязанности между Европой и Северной Америкой, а также Северной Америкой и Азией. Именно в виде треугольника «Европа-Азия-Северная Америка», состоящего из ключевых экономических центров мира, ученые и представляли в 1990-е гг. логику развития интеграционных процессов в обозримом будущем²².

Основной рабочий орган АСЕМ – механизм заседаний старших должностных лиц (СДЛ), который собирается раз в два года. Между встречами СДЛ проходят встречи министров стран-участниц по вопросам экономики, финансов, образования и пр. Важная составляющая АСЕМ – «вторая дорожка», позволяющая наращивать сотрудничество между экспертами, членами гражданских обществ и представителями бизнес-кругов стран-участниц. В целях финансирования проектов в сфере культуры и образования был учрежден Фонд АСЕМ – единственный постоянно действующий орган организации. Кроме того, неотъемлемой частью функционирования АСЕМ являются Бизнес-форумы, приуроченные к встречам СДЛ²³.

Создание Форума восточноазиатско-латиноамериканского сотрудничества (ВАЗЛАФ) было продиктовано стремлением наполнить отношения между двумя динамично развивающимися регионами (Восточной Азией и Латинской Америкой) большим практическим содержанием. Учредительная встреча старших должностных лиц ВАЗЛАФ состоялась в 1999 г. в Сингапуре и ознаменовала собой начало трансрегионального диалога, не укладывающегося в традиционное восприятие «треугольника» Северная Америка-Азия-Европа. Как уже было упомянуто выше, изначально страны АСЕАН и МЕРКОСУР стремились выстроить трансрегиональное сотрудничество классического типа, однако, при недостаточном уровне

торгово-экономических связей межрегиональная кооперация исключительно в рамках двух организаций не имела перспектив. ВАЗЛАФ же стал включать в себя 16 членов с азиатской стороны и 20 с латиноамериканской, покрывая при этом всю Центральную и Южную Америку, Восточную и Юго-Восточную Азию, а также Австралию и частично Океанию.

ВАЗЛАФ, как и АСЕМ, позиционирует себя как открытая неформальная диалоговая структура, обладающая широким диапазоном направлений сотрудничества. Стречи ВАЗЛАФ проводятся на уровнях старших должностных лиц, министров иностранных дел, а так же рабочих групп, созданных в целях практической реализации выдвигаемых проектов и инициатив. Кооперация представителей «вторая дорожки» ВАЗЛАФ отличается многопрофильным характером и занимает важное место в процессе функционирования платформы. В целях содействия диалогу между бизнес-сообществами, проводится Бизнес-форум ВАЗЛАФ. Кроме того, в перспективе осуществление проекта «Сеть университетов ВАЗЛАФ», направленного на развитие связей между представителями академического сообщества стран-участниц Форума²⁴.

Таблица 3

Сопоставление форматов широкого трансрегионализма		
Формат сотрудничества	АСЕМ	ВАЗЛАФ
Встречи СДЛ	+	+
Встречи министров иностранных дел	+	+
Секретариат	–	–
Бизнес-форум	+	+
Фонд сотрудничества	+	–
Мероприятия «второй дорожки»	+	+

Table 3. Comparison of Formats of "Broad" Transregionalism

²² Hännigi, Heiner; Roloff, Ralf; Rüland, Jürgen. *Interregionalism and International Relations*. Oxon: Routledge, 2006. P. 114.

²³ См. официальный сайт АСЕМ. Режим доступа: <http://www.aseminfoboard.org>.

²⁴ См. официальный сайт ВАЗЛАФ. Режим доступа: <http://www.fealac.org/index.jsp>

Проведя сравнение между двумя трансрегиональными площадками широкого типа, можно сделать вывод о том, что имеют схожий институциональный дизайн, отвечающий, в первую очередь, потребностям поддержания неформального диалога (См. *Таб. 3*). Очевиден также перенос акцента с работы на высшем уровне в сторону контактов по линии «второй дорожки». Как демонстрирует анализ отношений АСЕАН-ЕС и АСЕАН-МЕРКОСУР, трансрегиональное сотрудничество классического и широкого форматов может развиваться параллельно и дополнять друг друга.

Рекомендации по выстраиванию трансрегиональных связей в Евразии и АТР

Проведенное сопоставление различных форматов трансрегионализма позволяет составить некоторые рекомендации для ЕАЭС по формированию сетей трансрегиональных отношений на пространстве Евразии и в АТР.

Прежде всего, видится целесообразным сфокусировать основные усилия на выстраивании трансрегиональных связей классического типа между ЕАЭС и АСЕАН. Полезным подспорьем стали бы регулярные встречи министров, а также учреждение механизма консультаций между ЕАЭС и Советом Экономического сообщества АСЕАН по аналогии с консультациями данного Совета с Комиссаром ЕС по торговле. Дополнительную динамику связям ЕАЭС и АСЕАН может придать участие предпринимателей стран ЕАЭС в бизнес-миссиях и других мероприятиях, проводимых под патронажем Делового совета Россия-АСЕАН. Интенсификация деятельности по заключению зон свободной торговли с отдельными членами АСЕАН видится в качестве приоритетной задачи ЕЭК на ближайшие годы. Несмотря на позитивный настрой среди асеановцев по вопросу межрегиональной ЗСТ ЕАЭС-АСЕАН, процесс ее формирования может затянуться ввиду необходимости согласования позиций членов АСЕАН по форме общей заявки, которая должна быть направлена в ЕЭК.

Очевидно, что Россия продолжит играть роль локомотива в отношениях ЕАЭС-

АСЕАН, однако, важна также работа по подключению к трансрегиональному взаимодействию партнеров России по ЕАЭС. В этой связи, визит Министра иностранных дел Армении Эдварда Налбандяна в Джакарту и его встреча с Генеральным секретарем АСЕАН Ле Льюнг Минем, сигнализирует о наличии интереса среди стран ЕАЭС к активизации связей с «десяткой»²⁵.

Между тем, создание широкой диалоговой платформы по типу АСЕМ и ВАЗЛАФ будет способствовать наращиванию политических связей между странами-участницами ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, закладывая фундамент под долгосрочные проекты сотрудничества. Подобным образом, широкая трансрегиональная площадка позволит наладить конструктивный диалог между представителями вышеупомянутых организаций по региональной и международной проблематике. Принципиально важен неправительственный сегмент сотрудничества – культурные обмены, взаимодействие академических сообществ и бизнес-кругов. Однако, дополнительная диалоговая платформа, объединяющая участников ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, может не найти отклика среди азиатских партнеров, так как существует вероятность, что подобная структура приведет к простому дублированию механизмов и функций таких площадок как Форум АСЕМ и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии²⁶.

Итак, параллельно идущие трансрегиональные процессы классического и широкого форматов способны придать ускорение как связям ЕАЭС и АСЕАН, так и созданию большого евразийского партнерства. Изучение феномена трансрегионализма в мировой политике и использование его для теоретической сценки евразийских инициатив позволит сформировать более четкое представление о перспективах стыковки интеграционных проектов Евразии и АТР.

²⁵ ASEAN, Armenia to Deepen Cooperation / ASEAN Official Website. 2 November, 2016. Mode of access: <http://asean.org/asean-armenia-deepen-cooperation/>

²⁶ СВМДА – диалоговый форум, создан в 1999 г. по инициативе Казахстана, объединяет 26 стран Азии и Ближнего Востока.

Литература:

Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // *Сравнительная политика*. – 2016. – №2 (23). – с. 14-25.

ASEAN Investment Report: Foreign Direct Investments and MSME Linkages. ASEAN Secretariat, Jakarta, 2016.

ASEAN, Armenia to Deepen Cooperation / ASEAN Official Website. 2 November, 2016. Mode of access: <http://asean.org/asean-armenia-deepen-cooperation/>

Aviation: EU-ASEAN Aviation Summit Proposes “Open Skies” Agreement / ASEAN official website. 12 February 2014. Mode of access: <http://asean.org/aviation-eu-asean-aviation-summit-proposes-open-skies-agreement/>

Baert, Francis; Scaramagli, Tiziana; Soderbaum, Fredrik. *Intersecting Interregionalism: Regions, Global Governance and the EU*. Springer, 2014. P. 5.

Co-chairs’ Statement of the 20th EU-ASEAN Ministerial Meeting / European Union External Action official website. 23 July 2014.

Doidge, Mathew. *The European Union and Interregionalism Patterns of Engagement*. Ashgate, University of Canterbury, 2011.

GCC-ASEAN Joint Vision Manama / ASEAN official website. 30 June 2009. Mode of access: <http://asean.org/wp-content/uploads/images/GCC-ASEAN%20joint%20vision.pdf>

Hänngi, Heiner; Roloff, Ralf; Rüländ, Jürgen. *Interregionalism and International Relations*. Oxon: Routledge, 2006.

Ji Xianbai. Time to Revisit an ASEAN-EU FTA? / *The Diplomat*, 03 June 2015. Mode of access: <http://thediplomat.com/2015/06/time-to-revisit-an-asean-eu-fta/>

Lai, Suet Yi. *Inter-regionalism of Nation-States: Asia-Europe Meeting (ASEM) as a Case Study*. University of Canterbury, 2012. P. 140.

Mohd Fauzi Bin Abu-Hussin. *Gulf Arab Foreign Direct Investments (FDI): ASEAN Targets of Opportunity/ Middle East Institute*, 20 March 2013. Mode of access: <http://www.mei.edu/content/gulf-arab-foreign-direct-investment-fdi-asean-targets-opportunity>

Yeo Lay, Hwee; Lluç Lopez I Vidal. *Regionalism and Interregionalism in the ASEM context: Current Dynamic and Theoretical Approaches*. CIDOB Edition, 2008.

References:

ASEAN Investment Report: Foreign Direct Investments and MSME Linkages. ASEAN Secretariat, Jakarta, 2016.

ASEAN, Armenia to Deepen Cooperation / ASEAN Official Website. 2 November, 2016. Mode of access: <http://asean.org/asean-armenia-deepen-cooperation/>

Aviation: EU-ASEAN Aviation Summit Proposes “Open Skies” Agreement / ASEAN official website. 12 February 2014. Mode of access: <http://asean.org/aviation-eu-asean-aviation-summit-proposes-open-skies-agreement/>

Baert, Francis; Scaramagli, Tiziana; Soderbaum, Fredrik. *Intersecting Interregionalism: Regions, Global Governance and the EU*. Springer, 2014. P. 5.

Co-chairs’ Statement of the 20th EU-ASEAN Ministerial Meeting / European Union External Action official website. 23 July 2014.

Doidge, Mathew. *The European Union and Interregionalism Patterns of Engagement*. Ashgate, University of Canterbury, 2011.

GCC-ASEAN Joint Vision Manama / ASEAN official website. 30 June 2009. Mode of access: <http://asean.org/wp-content/uploads/images/GCC-ASEAN%20joint%20vision.pdf>

Hänngi, Heiner; Roloff, Ralf; Rüländ, Jürgen. *Interregionalism and International Relations*. Oxon: Routledge, 2006.

Ji Xianbai. Time to Revisit an ASEAN-EU FTA? / *The Diplomat*, 03 June 2015. Mode of access: <http://thediplomat.com/2015/06/time-to-revisit-an-asean-eu-fta/>

Kuznetsov, D.A. *Fenomen Transgerionalizma: Problema Terminologii i Kontseptualizacii (Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization) // Sravnitel'naya politika*, 2016, No. 2(23), pP. 14-25.

Lai, Suet Yi. *Inter-regionalism of Nation-States: Asia-Europe Meeting (ASEM) as a Case Study*. University of Canterbury, 2012. P. 140.

Mohd Fauzi Bin Abu-Hussin. *Gulf Arab Foreign Direct Investments (FDI): ASEAN Targets of Opportunity/ Middle East Institute*, 20 March 2013. Mode of access: <http://www.mei.edu/content/gulf-arab-foreign-direct-investment-fdi-asean-targets-opportunity>

Yeo Lay, Hwee; Lluç Lopez I Vidal. *Regionalism and Interregionalism in the ASEM context: Current Dynamic and Theoretical Approaches*. CIDOB Edition, 2008.

TRANSREGIONALISM: UNDERLYING CONCEPT OF EAEU-ASEAN COOPERATION AND GREATER EURASIAN PARTNERSHIP

Anna A. Garmash

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">5 March 2017</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">15 April 2017</p>	<p>Abstract: Nowadays the EAEU seeks to integrate itself into the global economy as one of its regional economic centers. Developing ties with other regional integration groups corresponds the EAEU's interests and facilitates the polycentric structure of the emerging world order. In this respect, in 2016 on the sidelines of the third Russia-ASEAN Summit Russian President Vladimir Putin proposed to develop stronger relations between the EAEU and ASEAN as well as to form a greater Eurasian partnership encompassing the EAEU, the SCO and ASEAN. While geographically vast, these projects lack conceptual underpinning. It is deemed that transregionalism – an international phenomenon which is insufficiently explored by both Western and Russian scholars, can provide a crucial theoretical foundation for these initiatives. The author compares the mechanisms which ASEAN employs to promote transregional cooperation with the EU, MERCOSUR and the GCC as well as within the frameworks of such dialogue platforms as ASEM and FEALAC. The author suggests that EAEU-ASEAN relations should be analyzed from the viewpoint of a classic transregionalism, while a greater Eurasian partnership seen as an example of a broader one. The results of the analysis are instrumental in laying out practical recommendations for the EAEU in carrying out its transregional agenda.</p>
<p>About the author:</p> <p>MA Student, MGIMO University</p> <p>e-mail: anna.a.garmash@gmail.com</p>	
<p>Key words:</p> <p>transregionalism, integration, Eurasia, Asia-Pacific, EAEU, SCO, ASEAN, EU, MERCOSUR, GCC, ASEM, FEALAC</p>	

Для цитирования: Гармаш А.А. Трансрегионализм: концептуальная опора сотрудничества ЕАЭС-АСЕАН и Большого евразийского партнерства // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2. – С. 147-156.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-147-156

For citation: Garmash, Anna A. Transregionalism: kontseptual'naiia opora sotrudnichestva EAES-ASEAN i bol'shogo Evraziiskogo partnerstva (Transregionalism: Underlying Concept of EAEU-ASEAN Cooperation and Greater Eurasian Partnership) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 147-156.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-147-156

IMPLICATIONS OF CHINA'S RISE FOR RUSSIA IN THE CONTEXT OF EAST-WEST TENSIONS: A PARTNER IN AN ANTI-WESTERN AGENDA OR A THREAT FOR MOSCOW'S REGIONAL INFLUENCE?

Toni Michel

Independent researcher, USA

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">8 November 2016</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">1 February 2017</p>	<p>Abstract: This article examines the widely held presumption that in the light of the recent uptick in tension between Russia and the West, a Russian-Chinese alliance has emerged to challenge the United States and its allies. The essay will inquire whether Beijing can truly be regarded as a Russian ally or whether China's rise rather represents a threat to vested Russian interests. Analysis of Sino-Russian policy on a global level will be followed by an examination of their interplay on a more regional level, particularly in Central Asia.</p>
<p>About the authors:</p> <p>Independent researcher</p> <p>e-mail: tonimichel@gmx.net</p>	
<p>Key words:</p> <p>Russia, China, Central Asia, Alliance, West, United States.</p>	

Introduction

The East Asian and Central Asian regional subsystems are in economic and security terms heavily defined by relations between Russia, China and the United States. It is their interplay that will inevitably shape the order of the region. Smaller players try to navigate within this triangle according to their interests. In the aftermath of the Ukraine crisis and the dramatic cool-down of its relations with the West, Russia has formulated an anti-Western vision in its foreign policy that includes a shift to Asia. China seems to be the obvious partner in pursuing this new Russian policy orientation. At the very same time, China's rise in economic but also in military terms preoccupies world politics for quite some time as this new powerhouse has the potential to fundamentally reshape the way the international system works. This paper will thus

inquire what China's rise means for Russia. Has Moscow gained a powerful ally in challenging the West or is the new China more of a threat to Moscow's traction over the economic and security subsystem in East and Central Asia?

The Global Level

At first, the Russo-Chinese relationship on the global level requires brief consideration as it is here that the common theme of opposing Western interventionism should be mostly visible. And indeed, in the voting patterns in the United Nations Security Council, a certain commonality can be observed – in recent years especially on Syria¹ or when both countries

¹ United Nations. Security Council – Veto List. Mode of Access: <http://research.un.org/en/docs/sc/quick>

decided to abstain from a Security Council vote on Resolution 1973 on the situation in Libya after the Arab Spring. Furthermore, China and Russia are both strongly opposing colour revolutions and US missile defence plans.² All these common features give strong impetus to the notion of multi-polarity that Russia has been pushing for some time. Leaving aside the fact that China has refused to enter into any alliances since the end of the 1960 Sino-Soviet treaty,³ together, the two powers could credibly oppose – even block US unilateralism and amass enough political, economic and military capability to even outshine Washington. In this field, however, there is a difference in interpretation between Beijing and Moscow. While Russia is pursuing multi-polarity as a tool to actively push back against US worldwide influence, China perceives the model more cooperatively with a clear stress on peaceful conflict settlement. At the same time, China does not only see the defining poles in the concept as represented by the US, China and Russia, but Beijing also includes the European Union and the Third World.⁴ Thus, the mentioned commonalities have their limits. This can be observed most notably in the cases of the Georgian war of 2008 and the Russian intervention in Crimea 5 years later. In both cases, not only China but many other “traditional” Russian allies withheld support for actions that Russia considered defensive.⁵ It seems

obvious that in these cases, Russia deliberately breached sovereignty of neighbouring states in what it perceived as necessary defence while many international actors took it as a sign of a resurgent and assertive Russian policy. Thus, one can conclude that Russia and China do cooperate fruitfully on the international stage, as long as their direct and vital interest is not concerned in a way that would require the breach of the common theme of sovereignty. China does thus not fully subscribe to Russia’s view of the world, but its behaviour is predictable. Importantly, there is a danger for Russia to be substantially overshadowed by China on the global stage as the latter becomes a global power. While for now, Russia is certainly as the more active partner of the two when it comes to vocally articulating anti-Western positions, it could soon be China that takes the de facto lead as its resources outshine Russia’s so obviously. In such an asymmetrical situation, the junior role in the relationship is bound to be a source of further discomfort for Moscow.

The East Asia and Central Asia Regional Subsystems

Having considered the global implications of China’s rise for Russia, this chapter will focus on what this new constellation means in the context of the regional subsystem of Central Asia or – more broadly – East Asia.

First, China’s rise offers the potential to practically eliminate potential US influence in Central Asia, as both Beijing and Moscow

² Duchâtel, Mathieu. China and Russia: Towards an Alliance Treaty? In: *China and Russia. Gaming the West?* European Council on Foreign Relations, 02 November 2016, p 3. Mode of Access: http://ecfr.eu/page/-/ECFR_195_-_CHINA_AND_RUSSIA_GAMING_THE_WEST_%28002%29.pdf

³ Godement, Francois. Introduction. In: *China and Russia. Gaming the West?* European Council on Foreign Relations, 02 November 2016, p. 2. Mode of Access: http://ecfr.eu/page/-/ECFR_195_-_CHINA_AND_RUSSIA_GAMING_THE_WEST_%28002%29.pdf

⁴ Hughes, Christopher. Nationalism and Multilateralism in Chinese Foreign Policy: implications for Southeast Asia // *The Pacific Review*, 2005, No. 18(1), pp. 132-133.

⁵ See: Blank, Stephen J. Georgia: The War Russia Lost // *Military Review*. Nov-Dec 2008, pp 42-45; Bowker, Mike. The War in Georgia and the Western Response // *Central Asian Survey*, 2011,

No. 30(2), pp 198, 208; King, Charles. The Five-Day War. Managing Moscow After the Georgia Crisis // *Foreign Affairs*, 01 November 2008. Mode of Access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2008-11-01/five-day-war>; Redman, Nicholas. Russia’s Breaking Point // *Survival*, 2014, No. 56(2), p. 243; Vieira, Guedes; Vysotskaya, Alena. Ukraine’s Crisis and Russia’s Closest Allies: A Reinforced Intra-Alliance Security Dilemma at Work // *The International Spectator*, 2014, No. 49(4), pp 97-111; Gabuev, Alexander. A “Soft Alliance”? Russia-China Relations after the Ukraine Crisis / European Council on Foreign Relations, 10 February 2015, p. 7. Mode of Access: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR126_-_A_Soft_Alliance_Russia-China_Relations_After_the_Ukraine_Crisis.pdf

both seek this goal with particular zeal.⁶ Their cooperation already helped remove US bases from Uzbekistan and Kyrgyzstan.⁷ Eying towards Mackinder's heartland theory, it has been suggested that a Russian-Chinese landmass alliance could balance US domination at sea.⁸ In East Asia, however, the United States will continue to be present as a regional power as a whole number of states are close US allies and rely on US support. Second, Russia stands to gain from enhanced cooperation in regional fora in which China plays an important role like ASEAN or the Shanghai Cooperation Organisation. Common interests include the fight against terrorism, separatism, drug-trafficking and other issues.⁹ Also, China's rise has the paradoxical benefits of enhancing Russia's standing in the region as it is the main balancing power to Beijing. Especially in Moscow's relations with smaller Asian states is this trend visible.¹⁰ Another crucially important

point is that China's economic rise could serve as an important capital source for cooperatively developing the Russian Far East in economic terms.¹¹ As Russia is one of the crucial main players in the Arctic region that is to become hugely important for a trading nation like China, Moscow has a number of good cards to play.

However, China's rise in the regional context also offers a few problematic implications from Moscow's point of view. The first is the historic instability that arises when great powers rise to (potentially) replace or complement existing ones. This has been the case with Spain vs. Great Britain in the 17th and 18th century, the rising France in the 17th and 18th century, German-French competition culminating in 1870 or even the German-British rivalry around 1900. This by no means makes some sort of conflict with the United States inevitable. However, it cannot be denied that tensions are rising within the region on in a number of ways, from contested islands and resources, to historical problems between Japan and China or the complex issue of Taiwan. Accidental escalation and Sino-American conflict cannot be in Russia's interest. This would bind Chinese capital and, among other things, would hinder its economic growth from which Russia hopes to profit in the role of an energy supplier. In such a conflict scenario, Russia might indeed stand to gain some status in Central Asia in the short-term. In the mid- to long-term, however, a significant bloodletting of such an economically and politically important partner would without a doubt harm Moscow's interests.¹²

A second problematic notion is that Russia could soon find itself in a quite awkward position – working towards trust and

⁶ See: Troitskiy, Mikhail. A Russian Perspective on the Shanghai Cooperation Organisation. In: *The Shanghai Cooperation Organization*. May 2007, SIPRI Policy Paper, No. 17, p. 37. Mode of Access: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=338; 李兴、(俄)阿·沃斯克列先斯基编著:《亚欧中心跨区域发展体制机制研究》,北京:九州出版社,2016年。[А.Д. Воскресенский, Ли Син (ред.) Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследование и прогнозы / Под ред. Ли Сина и А.Д. Воскресенского. Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. 495 с. (на китайском языке)].

⁷ Gabuev, Alexander. A "Soft Alliance"? Russia-China Relations after the Ukraine Crisis / European Council on Foreign Relations, 10 February 2015, p. 7. Mode of Access: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR126_-_A_Soft_Alliance_Russia-China_Relations_After_the_Ukraine_Crisis.pdf

⁸ Godement, Francois. Introduction. In: *China and Russia. Gaming the West?* / European Council on Foreign Relations, 02 November 2016, p. 2. Mode of Access: http://ecfr.eu/page/-/ECFR_195_-_CHINA_AND_RUSSIA_GAMING_THE_WEST_%28002%29.pdf.

⁹ Troitskiy, Mikhail. A Russian Perspective on the Shanghai Cooperation Organisation. In: *The Shanghai Cooperation Organization*. May 2007, SIPRI Policy Paper, No. 17, p. 38. Mode of Access: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=338

¹⁰ Rangsimaporn, Paradorn. Russian Perceptions and Policies in a Multipolar East Asia under

Yeltsin and Putin // *International Relations of the Asia-Pacific*, 2009, No. 9, pp. 207-244.

¹¹ Koldunova, Ekaterina and Das Kundu, Nivedita. Russia's Role in the SCO and Central Asia: Challenges and Opportunities / Valdai Discussion Club, 15 January 2015, p. 43. Mode of Access: http://valdaiclub.com/publications/reports/russia_s_role_in_the_sco_and_central_asia_challenges_and_opportunities/

¹² Gabuev, Alexander. A "Soft Alliance"? Russia-China Relations after the Ukraine Crisis / European Council on Foreign Relations, 10 February 2015, p. 7. Mode of Access: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR126_-_A_Soft_Alliance_Russia-China_Relations_After_the_Ukraine_Crisis.pdf

a sustainably good relationship with China while at the same time appearing as a “strategic competitor” for China through Moscow’s reinvigorated ties with partners like Vietnam, to whom Moscow has recently delivered substantial amounts of weaponry.¹³

In Central Asia itself, China’s interests are mainly informed by its relatively new role as economic powerhouse and rising star in world politics. It would like to become a major economic player in the energy-rich Central Asian region and use the SCO to do so.¹⁴ Therefore, China continuously pushes for an economic compartment within the SCO¹⁵ – which Russia opposes in order to preserve its traditional dominance.¹⁶ China would like the SCO to become a fully-fledged and deeper integrated regional organisation covering a number of key areas that go beyond security. This new aspect of Chinese regional influence has negative implications for Moscow, as it views the region as its historic and legitimate sphere of influence – symbolised through numerous arrangements like the CSTO for military cooperation or the EEU for economic questions.¹⁷ Therefore, it is Russia’s goal to limit

China’s influence in Central Asia, while reaping the benefits of closer cooperation where it sees fit, for example in obtaining financial resources in the absence of Western credit.¹⁸ Also, Russia would like to become China’s primary supplier of energy which is why China’s drive to Central Asia might diversify Beijing’s supply options – again, to the detriment of Moscow.¹⁹ At the same time, it is clear that European markets remain irreplaceable for Russia even in the medium term, as Gazprom currently sells 150 bcm annually to Europe and only 1 bcm to China.²⁰ An incident in 2011, when China insisted on changing an already signed agreement to gain a price reduction for oil delivered via the Skovorodino-Mohe pipeline, furthermore sets a troubling precedent.²¹

Conclusion

The guiding question of this short essay is whether a rising China represents an ally for Moscow in pursuing an anti-Western agenda or if Beijing is rather a threat to Moscow’s influence in Central and East Asia. It turns out that the answer to both alternatives is yes, with some reservations. On the global stage, Russia can usually count on China when it comes to opposing what both perceive as Western unilateralism and interventionism. However, given possible precedents for its own regions with separatist tendencies, China does not

¹³ Sheldon-Duplaix, Alexandre. Russia’s Military Strategy: China’s Partner, Model, or Competitor? In: *China and Russia. Gaming the West?* / European Council on Foreign Relations, 02 November 2016, p. 6. Mode of Access: http://ecfr.eu/page/-/ECFR_195_-_CHINA_AND_RUSSIA_GAMING_THE_WEST_%28002%29.pdf

¹⁴ Song, Weiqing. Interests, Power and China’s Difficult Game in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) // *Journal of Contemporary China*, 2014, No. 23(85), pp. 88, 95.

¹⁵ Koldunova, Ekaterina; Das Kundu, Nivedita. Russia’s Role in the SCO and Central Asia: Challenges and Opportunities / Valdai Discussion Club, 15 January 2015, pp. 34, 41. Mode of Access: http://valdaiclub.com/publications/reports/russia_s_role_in_the_sco_and_central_asia_challenges_and_opportunities/

¹⁶ Troitskiy, Mikhail. A Russian Perspective on the Shanghai Cooperation Organisation. In: *The Shanghai Cooperation Organization*. May 2007, SIPRI Policy Paper, No. 17, pp. 34, 42. Mode of Access: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=338

¹⁷ Song, Weiqing. Interests, Power and China’s Difficult Game in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) // *Journal of Contemporary China*, 2014, No. 23(85), pp. 93; Gabuev,

Alexander. A “Soft Alliance”? Russia-China Relations after the Ukraine Crisis / European Council on Foreign Relations, 10 February 2015, p. 7. Mode of Access: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR126_-_A_Soft_Alliance_Russia-China_Relations_After_the_Ukraine_Crisis.pdf

¹⁸ Gabuev, Alexander. A “Soft Alliance”? Russia-China Relations after the Ukraine Crisis / European Council on Foreign Relations, 10 February 2015, p. 5. Mode of Access: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR126_-_A_Soft_Alliance_Russia-China_Relations_After_the_Ukraine_Crisis.pdf

¹⁹ Brenton, Sir Tony. Russia and China: An Axis of Insecurity // *Asian Affairs*, 2013, No. 44(2), p. 245.

²⁰ Gabuev, Alexander. A “Soft Alliance”? Russia-China Relations after the Ukraine Crisis / European Council on Foreign Relations, 10 February 2015, p. 5. Mode of Access: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR126_-_A_Soft_Alliance_Russia-China_Relations_After_the_Ukraine_Crisis.pdf

²¹ Ibid.

condone Russia's support for some separatist groups in what Moscow perceives as its sphere of influence, thus making the "bloc" less monolithic. However, the common anti-Western project is most visible in Central and East Asia where both countries are working together to keep the United States at a distance. However, China's growing power in all spheres clearly represents a threat to Russia's regional interests. China aims to become much more influential in Central Asia, especially in the economic sphere, thus threatening Russia's historic dominance there. One of the biggest problems for Russia in both the global and the regional theatre is that China will more and more overshadow Moscow in many ways. While it might well be that Russia and China find a way forward in sharing influence and responsibility in contested areas, for Russia, however, being the obvious number two in a key relationship is to come with negative repercussions in status but also material terms.²² All this is not to deny that China's rise offers massive economic opportunities for Russia itself as Beijing's hunger for energy resources is ever-growing and common projects offer benefits for both sides. It thus seems most likely that Russia will try to reap as many economic benefits as possible from its relationship with China and thus keep up economically, while attempting to defend the status-quo in terms of influence as long as possible and feasible. Whether this strategy will prove successful or if an over-reliance on Beijing will further jeopardise Russia's position remains to be seen.

Much of the above stands in stark contrast to the prevalent view of a common axis between the two countries.²³ Chinese commentators have accordingly labelled the Sino-Russian relationship as "friendly neutrality" or "flexible partnership."²⁴ As the analysis above has

shown, a rising China represents an opportunity for, as well as a threat to Russia's interests. The relationship is mostly instrumental and interest-based instead of underpinned by deep ties that might signify true friendship. Seen from Moscow, the relationship could thus be described as a "welcome challenge" – an oxymoron to represent its contradictory nature.

References:

- Blank, Stephen J.* Georgia: The War Russia Lost // *Military Review*. Nov-Dec 2008, pp. 42-45.
- Bowker, Mike.* The War in Georgia and the Western Response // *Central Asian Survey*, 2011, No. 30(2).
- Brenton, Sir Tony.* Russia and China: An Axis of Insecurity // *Asian Affairs*, 2013, No. 44(2).
- Duchâtel, Mathieu.* China and Russia: Towards an Alliance Treaty? In: *China and Russia. Gaming the West?* European Council on Foreign Relations, 02 November 2016. Mode of Access: http://ecfr.eu/page/-/ECFR_195_-_CHINA_AND_RUSSIA_GAMING_THE_WEST_%28002%29.pdf
- Gabuev, Alexander.* A "Soft Alliance"? Russia-China Relations after the Ukraine Crisis / European Council on Foreign Relations, 10 February 2015. Mode of Access: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR126_-_A_Soft_Alliance_Russia-China_Relations_After_the_Ukraine_Crisis.pdf
- Godement, Francois.* Introduction. In: *China and Russia. Gaming the West?* / European Council on Foreign Relations, 02 November 2016. Mode of Access: http://ecfr.eu/page/-/ECFR_195_-_CHINA_AND_RUSSIA_GAMING_THE_WEST_%28002%29.pdf.
- Hughes, Christopher.* Nationalism and Multilateralism in Chinese Foreign Policy: implications for Southeast Asia // *The Pacific Review*, 2005, No. 18(1), pp. 132-133.
- Kaylan, Melik; Schoen, Douglas.* The Russia-China Axis: The New Cold War and America's Crisis of Leadership. New York: Encounter Publishing.
- King, Charles.* The Five-Day War. Managing Moscow After the Georgia Crisis // *Foreign Affairs*, 01 November 2008. Mode of Access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2008-11-01/five-day-war>
- Koldunova, Ekaterina; Das Kundu, Nivedita.* Russia's Role in the SCO and Central Asia: Challenges and Opportunities / Valdai Discussion Club, 15 January 2015. Mode of Access: http://valdaiclub.com/publications/reports/russia_s_role_in_the_sco_and_central_asia_challenges_and_opportunities/
- Rangsimaporn, Paradorn.* Russian Perceptions and Policies in a Multipolar East Asia under Yeltsin and Putin // *International Relations of the Asia-Pacific*, 2009, No. 9, pp. 207-244.
- Redman, Nicholas.* Russia's Breaking Point // *Survival*, 2014, No. 56(2), p. 243.
- Sheldon-Duplaix, Alexandre.* Russia's Military Strategy: China's Partner, Model, or Competitor? In: *China and Russia. Gaming the West?* / European Council on Foreign Relations, 02 November 2016. Mode of Access: http://ecfr.eu/page/-/ECFR_195_-_CHINA_AND_RUSSIA_GAMING_THE_WEST_%28002%29.pdf
- Song, Weiqing.* Interests, Power and China's Difficult Game in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) // *Journal of Contemporary China*, 2014, No. 23(85).

²² Ibid. P. 8.

²³ For a quite striking use of the term, see: Kaylan, Melik; Schoen, Douglas. *The Russia-China Axis: The New Cold War and America's Crisis of Leadership*. New York: Encounter Publishing.

²⁴ Duchâtel, Mathieu. *China and Russia: Towards an Alliance Treaty?* In: *China and Russia. Gaming the West?* European Council on Foreign Relations, 02 November 2016, p. 4. Mode of Access: http://ecfr.eu/page/-/ECFR_195_-_CHINA_AND_RUSSIA_GAMING_THE_WEST_%28002%29.pdf

Troitskiy, Mikhail. A Russian Perspective on the Shanghai Cooperation Organisation. In: *The Shanghai Cooperation Organization*. May 2007, SIPRI Policy Paper, No. 17. Mode of Access: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=338

Vieira, Guedes; Vysotskaya, Alena. Ukraine's Crisis and Russia's Closest Allies: A Reinforced Intra-Alliance Security Dilemma at Work // *The International Spectator*, 2014, No. 49(4), pp 97-111.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-157-162>

ПОСЛЕДСТВИЯ УСИЛЕНИЯ РОЛИ КИТАЯ ДЛЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НАПРЯЖЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: ПАРТНЁР В АНТИЗАПАДНОЙ КОАЛИЦИИ ИЛИ УГРОЗА РЕГИОНАЛЬНОМУ ВЛИЯНИЮ МОСКВЫ?

Тони Михель

Независимый исследователь, США

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 8 ноября 2016 <i>Принята к печати:</i> 1 февраля 2017</p>	<p>Аннотация: В данной статье критически анализируется распространенное мнение о том, что в свете недавнего обострения отношения между Россией и Западом, возможное создание российско-китайского альянса могло бы выступить в качестве противовеса США и их союзникам. В работе рассматривается вопрос: «Можно ли в действительности рассматривать Китай как союзника России, или расцвет Китая скорее представляет собой угрозу интересам России?» Анализ китайско-российской политики на глобальном уровне дополнен исследованием в области взаимодействия обеих стран на региональном уровне, в особенности в Центральной Азии.</p>
<p>Об авторе: Независимый исследователь e-mail: tonimichel@gmx.net</p>	
<p>Ключевые слова: Россия, Китай, Центральная Азия, Запад, США</p>	

Для цитирования: Michel, Toni A. Implications of China's Rise for Russia in the Context of East-West Tensions: A Partner in an Anti-Western Agenda or a Threat for Moscow's Regional Influence? // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2. С. 157-162.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-157-162

For citation: Michel, Toni A. Implications of China's Rise for Russia in the Context of East-West Tensions: A Partner in an Anti-Western Agenda or a Threat for Moscow's Regional Influence? // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 157-162.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-157-162

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-163-171>

**ДИСКУССИИ ЭКСПЕРТОВ О ПЕРСПЕКТИВАХ И РОЛИ
ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В ЕВРАЗИИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ И
ПРАКТИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ**

по итогам круглого стола «Трансрегионализм Евразии»,
X Конвент РАМИ, МГИМО МИД России, 8 декабря 2016

Денис Андреевич Кузнецов
*преподаватель,
Кафедра мировых политических процессов,
МГИМО МИД России*

Расширение и углубление международного трансрегионального сотрудничества в современном мире, возникновение новых форматов его практической реализации и обострение дискуссии на самом высоком уровне о соотношении трансрегиональных проектов и национальных интересов отдельных государств заставляют по-новому оценить потенциал влияния феномена трансрегионализма на структурирование современной мировой системы. Особенно активно трансрегиональные проекты развиваются на пространстве Евразии, где одновременно происходит как усиление конкуренции между ними, так и возникновение инициатив относительно возможностей их сопряжения. При этом в научной среде до сих пор не сложилось консенсуса относительно сущности феномена трансрегионализма, причинах и последствиях его распространения. Недостаток качественной концептуализации обусловил актуальность первой научной дискуссии в России относительно сущности феномена трансрегионализма – круглого стола «Трансрегионализм Евразии», который прошел 8 декабря 2016 года в рамках юбилейного X Конвента Российской ассоциации международных исследований. Инициатором и модератором круглого стола выступил про-

фессор А.Д. Воскресенский, декан Факультета политологии МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Сравнительная политика», при информационной поддержке которого и состоялась эта дискуссия. В работе круглого стола приняли участие эксперты из России, Китая, Нидерландов, Италии и Венгрии.

В 2016 г. в Китае вышла в свет книга «Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы» под редакцией профессора МГИМО МИД России А.Д. Воскресенского и Директора центра евразийских исследований, профессора Пекинского педагогического университета Ли Сина (на китайском языке),¹ в подготовке и издании которой приняло участие около пятидесяти экспертов из Китая, России, Казахстана и США. Эта работа представляет собой первую попытку международного комплексного анализа трансрегиональных проектов в Евразии, их особенностей и перспектив, хотя теоретические вопросы трансрегионализма уже частично рассматривались в серии учебно-исследовательской литературы по мировому комплексному ре-

¹ Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы». Под ред. Ли Сина и А.Д. Воскресенского. – Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. – 495 с. (на китайском языке) [Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Analysis and Prognostications / Ed. by Li Xing, Alexei D. Voskressenski. Beijing, Jiuzhou Press, 2016. 495 p. (in Chinese)]

гионоведению². В китайской книге нашли отражение не только теоретические проблемы регионализации, макрорегионализации и трансрегионализма, но и вопросы реализации конкретных проектов на пространстве Евразии в сравнительной перспективе, как то: ШОС, БРИКС, ОДКБ, ЕАЭС, «Экономический пояс Шелкового пути» и другие. Присутствующие на круглом столе авторы книги рассказали об идее и целях исследования, а также о международном авторском коллективе, принявшем участие в его реализации, и его составе. Как отметил Ли Син, книга отвечает на многие вопросы, связанные с осмыслением теории и практики трансрегионализма, но при этом многие вопросы остаются открытыми. В частности, по замечанию А.Д. Воскресенского, такими вопросами, которые и стали основой дискуссии на круглом столе МГИМО Университета, являются: какую роль играет трансрегионализм в современном мирополитическом развитии? Существует ли альтернатива трансрегиональным проектам современности? Как соотносится феномен трансрегионализма с трендами регионализации и региональной интеграции? Каков его кооперационный и конфликтный потенциал? В чем заключаются особенности трансрегиональных проектов в Евразии, в частности российских и китайских проек-

тов? Каковы перспективы их взаимодействия и сопряжения?

Дискуссия проходила в соответствии с пятью тематическими блоками, каждый из которых был посвящен какому-либо аспекту трансрегионализма или связанной с реализацией конкретных трансрегиональных проектов актуальной проблеме.

В рамках первого блока эксперты обсуждали вопросы теоретического осмысления концепции трансрегионального взаимодействия, эвристического потенциала этого понятия, оценки его потенциала и перспектив в соотнесении с другими трендами – регионализации и макрорегионализации.

Аспирант и сотрудник МГИМО Д.А. Кузнецов рассказал о современном состоянии изучения феномена трансрегионализма и о складывающихся подходах к его пониманию и исследованию. В настоящее время, хотя говорить о сложившихся конвенциональных подходах к трансрегионализму не приходится, в исследовательской литературе происходит оформление трех основных взглядов на природу этого феномена. Первый подход (Ф. Содербаум, Л. ван Лангенхов, М. Рейтерер, Ю. Рюлланд и др.) описывает трансрегионализм (интеррегионализм) как важнейшую характеристику третьего поколения регионализма, как взаимодействие регионов или «регионализмов». Второй подход (Д. Гилсон, Л. Суэт-Йи, К. Раджасри) основан на понимании трансрегиональных процессов как нового тренда глобального развития и нового формата сотрудничества с широкой повесткой дня, основанного на включенности в такое взаимодействие не только интегрированных регионов, но и региональных держав. Наконец, формирующийся третий подход (А.Д. Воскресенский) предлагает интегрированный взгляд на природу трансрегиональных проектов, понимая трансрегионализм одновременно как макрорегионализацию регионов, так и как особую форму межрегиональных взаимодействий в виде промежуточной формы глобализации; при этом регионы и трансрегиональные объединения обладают потенциалом участия в системе глобального управления и выступать в качестве консолидированных акторов мировой политики и экономики.

² Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность. Учебник / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. – 448 с.; Мировое комплексное регионоведение: учебник / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. – 416 с.; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. – 560 с. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie. Vvedenie v spetsial'nost' (World Comprehensive Regional Studies: Introduction into the Professional Field: a course book) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2015. 448 p.; Mirovoe kompleksnoe regionovedenie (World Comprehensive Regional Studies: a course book) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 416 p.; Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki (The Praxis of World Regional Studies and World Politics) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 560 p.]

Профессор РГГУ и главный научный сотрудник НИ ИМЭМО РАН А.Б. Каримова выступила с докладом «Трансрегиональное «сечение» международных отношений», раскрыв многогранность феномена, его связь с внутри- и внешнеполитическими вызовами современности. Теоретическое осмысление феномена, по ее мнению, пока сильно отстает от практики трансрегионализма, распространение которой в форме де-факто складывающегося механизма международной кооперации наблюдается во всех региональных кластерах. Трансрегиональный формат способен в значительной мере изменить интеграционную архитектуру мира за счет эффективного сочетания многостороннего, регионального и двустороннего видов сотрудничества. В этом смысле, трансрегионализм может выступать в качестве альтернативного пути экстралиберальной модели глобализации, что становится возможным ввиду нарастающей «трансрегиональной сложности», проявляющейся в переплетении формальных и неформальных («за закрытыми дверями») отношений, формировании новых центров влияния, возможности размывания границ между развитым и развивающимся миром, маргинализацией традиционных интеграционных объединений, варьировании инклюзивных и эксклюзивных практик взаимодействия, а также формализации альтернативных практик в формате выборочной глобализации – другими словами выражающейся в «переломе трендов» современного глобального развития.

Доцент МГИМО МИД России И.Ю. Окунев в своем выступлении сформулировал гипотезу о том, что трансрегионализм может представлять собой реализацию федеративного принципа политико-территориального устройства на новом уровне международных отношений. Дело в том, что федерализм –

есть не только форма государственного устройства, но и форма организации любой политической системы. Таким образом, за счет включения механизмов субсидиарности и пространственного распределения силы на межгосударственном уровне, трансрегионализм действительно может выступать как реализация федеративного принципа на уровне между глобальным и надгосударственным. Такое рассмотрение мировой системы позволяет одновременно включать в анализ политического развития различные уровни и обнаруживать в них наличие связей. Еще одной эвристичной концепцией является понятие «силового балансирования» (balancing of power), описывающее динамичный характер распределения силы в отличие от статичного понятия «баланса сил» (balance of power), которая может быть использована для понимания распределения мощи, интересов и ресурсов между формирующимися уровнями глобального политического пространства.

Профессор МГИМО М.Л. Энтин подчеркнул, что трансрегионализм уже стал объективным явлением международной жизни, корни которого можно обнаружить в традиционных механизмах межрегионального сотрудничества – ОБСЕ, НАТО, политике европейского соседства. При этом трансрегионализм – есть процесс создания нормативной среды на особом уровне международного взаимодействия, импульсы которого исходят из старых и новых центров силы. О необходимости обеспечения правового регулирования процессов трансрегионализма на международном уровне высказался и профессор А.И. Кондратов, убежденный в том, что без такого регулирования трансрегионализм может грозить миру новыми разделительными линиями и нарастанием напряженности и конфликтности. По мнению профессора МГИМО и заместителя директора Института востоковедения РАН В.Я. Белокреницкого, трансрегиональное сотрудничество представляет собой форму глобализации, в том числе основанной на ее незападных вариациях. Такое рассмотрение трансрегионализма и обнаружение его связи с концепциями глобализации подтверждает как актуальность исследований в данной области, так и высокую эвристичность само-

го понятия. О сложности концептуализации феномена трансрегионализма говорил и доцент МГИМО Е.В. Колдунова. Она отметила, что в настоящее время наблюдается распространение двух форматов взаимодействия: неинклюзивного – например, ТТП, ТТИП, проекты которых хорошо разработаны и активно продвигаются, и инклюзивного, который носит открытый характер, но сопряжен со сложностью качественной проектной проработки и реализации.

Вторая группа обсуждаемых вопросов касалась практики трансрегионализма в Евразии. Совместное выступление сотрудников Нижегородского государственного университета, заведующей кафедрой мировой экономики и региональных рынков ИЭП М.Л. Горбуновой и инженера-лаборанта Центра экспертизы и комплексного анализа ИМОМИ И.Д. Комарова было посвящено экономическим аспектам трансрегиональных проектов и, прежде всего, евразийского трансрегионализма. Исследователи представили результаты сравнительного анализа экономических потенциалов трансрегиональных проектов на евразийском пространстве, как то: ВРЭП, ТТП, ЕАЭС, «Один пояс – один путь» и ШОС, а также обосновали необходимость проведения секторального и отраслевого анализа состояния текущих экономик для правильного прогнозирования их развития в рамках трансрегиональных блоков. Социально-экономическая глобализация, наличие очагов военно-политической нестабильности, включенность сверхдержав в процесс обеспечения устойчивости внутренних регионов континента, осознание необходимости создания инфраструктурных сетей на больших пространствах, а также конкуренция

интеграционных блоков за привлечение новых участников представляют собой те факторы, которые способствуют развитию трансрегиональных проектов, важными характеристиками которых является не только динамичный характер развития, но и взаимоложение границ. Структурный экономический анализ существующих проектов позволяет сделать целый ряд выводов об их эффективности и потенциальных траекториях развития: ШОС обладает высоким потенциалом экономизации, все рассматриваемые проекты за исключением «Один пояс – один путь» имеют ярко выраженных экономических лидеров, в условиях продвижения проекта ТТИП в рамках ЕАЭС необходим политический диалог о формировании общих условий тарифных и нетарифных барьеров и защиту локального регионального рынка, и целый ряд других выводов, носящих практическое значение для России, активно вовлеченной в трансрегиональные проекты.

Руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН А.В. Виноградов подробнее остановился на китайском проекте евразийской интеграции, его целях с учетом внутривнутриполитического развития и внешнеполитической стратегии КНР, а также места в нем России, для которой участие в трансрегиональном проекте «Один пояс – один путь» представляет собой способ реализации экономических интересов в интенсивно развивающемся макрорегионе. Проект «Один пояс – один путь» представляется в настоящее время очередным проектом экономической интеграции, нацеленным на консолидацию евразийского пространства (без участия Западной Европы) и обеспечение стабильности экономического пространства, которое формируется уже существующими интеграционными блоками и трансрегиональными проектами – АСЕАН, АСЕАН+3, АСЕАН+6, ШОС, ЕАЭС и другими. При этом Китайская Народная Республика, которая стремится к признанию и закреплению в качестве евразийской державы, не спешит признавать геополитический характер проекта, фокусируя проект на развитии инфраструктуры, переносе производств, совершенствовании финансовой

архитектуры. С точки зрения мирополитического развития возникают дискуссии о возможности ввиду распространения таких трансрегиональных практик воспроизведения биполярности, но другого рода – по линии Север-Юг. Эксперт обратил внимание на то, российским политикам и лицам, принимающим решения, следует обратить пристальное внимание на продвижение проекта «Один пояс – один путь», а также возможность его сопряжения с ЕАЭС. Стратегическая роль России, по мнению А.В. Виноградова, состоит в том, что без ее участия реализация инициативы «Один пояс – один путь» становится невозможной.

О стратегическом характере китайского трансрегионального проекта рассказала старший преподаватель Кафедры востоковедения МГИМО А.А. Киреева, раскрывающая причины выдвижения данной инициативы, ее особенности, значение, перспективы, но также и возникающие в связи с этим опасения со стороны других евразийских держав. Реализация инициативы «Один пояс – один путь», возникшей в результате объединения двух проектов – «Экономического пояса шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI века», связывается в Китае с реализацией «китайской мечты» на «великое возрождение китайской нации». Руководство КНР делает ставку на концепции со-развития и взаимовыгоды (win-win situation) для всех участников. Важно то, что для самого Китая продвижение проекта носит стратегический характер и связан с обеспечением как экономического роста, так и геополитического влияния в регионе. Дело в том, что реализация инициативы «Один пояс – один путь» обеспечит новые стимулы экономического развития КНР и развития высокотехнологического производства, решение целого ряда экономических проблем, включая проблему подтягивания менее развитых внутренних регионов, интернационализацию юаня, усиление политического, экономического и научно-технического сотрудничества со странами Евразии, а также снятие напряженности в сфере безопасности в макрорегионе. С геополитической и геоэкономической точек зрения, воплощение в жизнь такого масштабного проекта обеспе-

чит Китаю позицию державы-доминанта в регионе, способной сформировать китаецентричный порядок на пространстве Азии и Евразии благодаря формированию асимметричной зависимости от КНР. В частности, такие опасения возникают у Индии – другого крупнейшего игрока Евразии.

Взгляд из Китая на трансрегиональное сотрудничество и на понятие трансевразийского регионализма представил профессор Пекинского педагогического университета Ли Син. Китайский профессор подчеркнул, что проект Экономического пояса Шелкового пути – есть скорее инициатива Китая, чем детально разработанная стратегия. Целью проекта является обеспечение со-развития на огромном пространстве Евразии, которая продолжает оставаться центром мирового развития и пространством диалога цивилизаций. Инициатива Китая, с этой точки зрения, представляет собой попытку предложить ответ на проблему потенциальных траекторий, по которым может двигаться евразийский порядок; ответ этот должен соответствовать общей для всех стран Евразии цели обеспечения безопасности, доверия и роста. Достичь этого представляется возможным через реализацию инфраструктурных, экономических и гуманитарных проектов, соответствующих интересам участников трансрегионального взаимодействия.

Ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН С.М. Труш заметил, что геополитический характер проекта «Один пояс – один путь» не вызывает сомнений. В России этот проект понимают «вполне институционально», поскольку речь идет о возможности его сопряжения с собственными интеграционными и трансрегиональными инициативами России. При этом сейчас в России разрастается интенсивная дискуссия о целесообразности такого шага, в которой хотя и преобладают голоса «шелко-скептиков» относительно потенциальных угроз проекта «Один пояс – один путь» остаются актуальными.

Проблематика евразийской идентичности, потенциала ее формирования, а также связи евразийской идентичности с проблемами безопасности и экономики была под-

нята профессором Санкт-Петербургского государственного университета Н.А. Васильевой. После распада СССР и последующих трансформаций на постсоветском пространстве вкупе с развивающимися трендами на всем пространстве Евразии вообще остро стояла и продолжает оставаться острой проблема поиска форматов сотрудничества на всем этом пространстве. В частности, возникла дискуссия о формировании Большой Евразии и ее институциональном наполнении, будь то ЕАЭС, ШОС, ЕС, Шелковый путь или их сопряжение. Безусловно самоидентификация в формулировке «я евразиец» неактуальна, однако это не означает, что ситуация не изменится в перспективе. Любой регион или макрорегион наряду с прочим и сознанием, восприятием, что и определяет социально-конструируемый характер «региона». Уже в настоящее время на пространстве Евразии формируются пространства, в том числе в области экономики и безопасности, а именно это влияет на формирование идентичности – и наоборот. Концепция «Большого дома Евразии» не является нереализуемой: формирование трансрегиональных блоков, сохранение остроты экологических, миграционных и гуманитарных вызовов подтверждают это.

Третий блок выступлений экспертов касался отдельных аспектов евразийского проекта и вопросам его конструктивной составляющей для России. Доклад доцента СПбГУ Н.М. Михеевой был посвящен российско-турецким отношениям, а также фактору Турции в развитии ЕАЭС и евразийской идеи. К настоящему времени не сложилось консенсуса по вопросу границ Евразии: если для России ядро Евразии – это она сама с опоясывающим ее постсоветским пространством, а также Китай, то для Тур-

ции – это Центральная Азия. Свои подходы к границам Евразии складываются в других крупных державах континента. В докладе были также затронуты проблемы функционирования ЕАЭС и возможности их преодоления. В частности, одной из наиболее острых проблем остается моноцентричность объединения с точки зрения экономики, а также проблемы многосторонней и двусторонней торговли, особо проявляющиеся в кризисные периоды. Угрозу представляют и продолжающиеся центробежные тенденции на постсоветском пространстве: снижается объединяющая роль русского языка, снижается взаимодополняемость экономик ЕАЭС, растет заинтересованность бизнеса Казахстана, ключевого игрока ЕАЭС, в партнерстве с КНР, остаются открытыми вопросы коллективной безопасности. От решения этих вопросов и от дальнейшего развития трансрегиональных проектов будет зависеть в основном роль России на пространстве Евразии.

Заместитель директора Института географии РАН профессор В.А. Колосов выступил с докладом о возможностях и ограничениях приграничного сотрудничества России и перспективах «малой» регионализации вдоль ее границ. «Малая» трансрегионализация представляет собой еще один актуальный проблемный узел в рамках региональных и трансрегиональных исследований. Границы остаются важным объектом исследования, их функция может меняться, приводя к изменениям на макрорегиональном уровне. Приграничные взаимодействия становятся важным фактором «малого» регионализма – взаимосвязанного развития соседних территорий, углубления комплементарности хозяйства и общественной жизни, формирования сообществ, деятельность которых зависит от трансграничных трансакций, углубления интеграции и созданию новых институтов сотрудничества. Профессор представил коллегам некоторые результаты исследования «Российское пограничье: вызовы соседства», которые легли в основу атласа приграничных регионов России. Для России проблемы приграничного сотрудничества остаются ключевыми в осуществлении своей внешней политики.

Приграничные взаимодействия между Россией со многими западными соседями, а в настоящее время также и с Китаем носят асимметричный характер. Однако как продемонстрировали исследования, взаимодействия между приграничными регионами наиболее интенсивны именно там, где наблюдается значительный перепад в уровне доходов на душу населения; там наблюдается наиболее высокий уровень институционализации приграничного сотрудничества, и в отдаленной перспективе могут сформироваться трансграничные районы.

В четвертом блоке вопросов была представлена точка зрения европейских экспертов на движущие силы европейского регионального проекта и его трансрегиональное измерение. Профессор Будапештского Национального университета государственной службы Тамаш Землер (Венгрия) представил свой взгляд на траектории европейской интеграции и место объединенной Европы в евразийских проектах, а также рассказал об интеграционном опыте Венгрии. В истории граница Европы и Азии, Запада и Востока не была постоянной, менялась мирополитическая конъюнктура, происходила смена систем международных отношений – все это определяло подвижность этой границы. Современная Европа, институционально оформленная в Европейский Союз, видит свои корни в общих культурных (Запад), религиозных (христианство) и историко-политических (принципы ЕС) ценностях. При этом Европейский Союз и отдельные страны (что, в частности, демонстрирует пример Венгрии) активно вовлечены в трансрегиональные проекты, включая

ТТИП, НАТО или Европейскую политику партнерства.

Выступление профессора Университета Л'Ориентале Фабио Беттанина (Неаполь, Италия) было посвящено восприятию Евразии и евразийских проектов в Европе и, в частности, в Италии. Параллельно профессор дал свою оценку протекающим в настоящее время процессам внутри Европейского Союза и их эффекту для его дальнейшего развития. В Европе нет общего понимания относительно того, что такое Евразия и где ее границы, но существует мнение, что сближение западной и восточной части Большой Евразии возможно на основе сотрудничества в сфере безопасности. При этом Европейский Союз выступает в качестве консолидированного участника трансрегиональных отношений в Евразии, и в будущем не откажется от такой позиции, поскольку в Европе уже сформировалась европейская идентичность, и несмотря на определенный рост евроскептицизма, реальной альтернативы ЕС как будущему региона не нашлось.

Старший научный сотрудник Нидерландского института международных отношений *Clingendael* Тони ван дер Тогт (Нидерланды) рассказал о проекте МИД Нидерландов с его участием, в рамках которого экспертное сообщество подготовило свои рекомендации об отношениях между Европейским Союзом и ЕАЭС. По мнению Тони ван дер Тогта и его коллег в ЕС назрела необходимость выстраивания партнерских отношений с ЕАЭС и разработки совместных норм и стандартов на равноправной основе. Несмотря на продолжающийся кризис в отношении между ЕС и Россией, необходимо осознание общих экономических интересов, реализация которых зависит от равноправного партнерства. В частности, в осуществлении европейской политики соседства и заключении межгосударственных соглашений необходимо ориентироваться на существование ЕАЭС, сотрудничество с которым в будущем может способствовать развитию рынков, а дальнейшая работа по сопряжению проектов с китайским проектом Шелкового пути будет способствовать обеспечению мира и стабильности на пространстве «от Лиссабона до Шанхая».

Последний блок дискуссии экспертов касался оценки перспектив трансрегионализма в других макрорегионах мира и проблемы сочетаемости трансрегионализма с региональными проектами. Доцент Кафедры востоковедения МГИМО Е.В. Колдунова проанализировала концепцию и перспективу экономического партнерства Евразийского экономического союза – Шанхайской организации сотрудничества – АСЕАН, инициативы, выдвинутой в 2015 г. В.В. Путиным. В фокусе доклада оказались также вероятные геополитические и геоэкономические последствия реализации ключевых трансрегиональных инициатив в Евразии. В то время как Транстихоокеанское партнерство сочетает в себе политические и экономические аспекты трансрегионального взаимодействия и способствует расколу Евразии, а вокруг проекта «Один пояс – один путь» возникают опасения относительно его негативных геополитических последствий ввиду усиления влияния Китая, актуальной остается дискуссия об альтернативных путях трансрегионального сотрудничества на пространстве Евразии. Россией была выдвинута инициатива «многоуровневой интеграции», где ШОС могла бы подключиться к АСЕАНцентричной региональной архитектуре и ЕАЭС, что способствовало бы формированию сбалансированных отношений с КНР и расширению повестки сотрудничества в Евразии. При этом, в настоящее время проект остается непроработанным и, несмотря на определенный интерес к подобным проектам со стороны ряда стран, перспектива этой инициативы еще должна стать предметом широкой научной и политической дискуссии.

Доцент Института стран Азии и Африки МГУ П.В. Шлыков в своем выступлении рассказал об особенностях нового трансрегионального объединения МИКТА в сравнительной перспективе с БРИКС, IBSA и G20, с учетом оценки его характеристик и потенциала. МИКТА, объединяющая Мексику, Индонезию, Южную Корею, Турцию и Австралию, возникла как новая модель трансрегиональной интеграции держав «среднего уровня», которые ранее не имели воз-

можности консолидировать свои усилия в рамках региональных или трансрегиональных объединений, но стремятся оказывать влияние на международную политику и преодолеть недостаток ресурсов для односторонних действий через блокирование с государствами, обладающими схожими интересами в области глобального управления. Вместе с тем, для каждой из стран МИКТА участие в такого рода объединении (по аналогии с БРИКС) открывает возможности по преследованию своих собственных национальных интересов, в том числе и на региональном уровне. Хотя МИКТА по совокупным ресурсам и уступает влиянию блоков, в состав которых входят ведущие мировые державы, тем не менее, потенциал ее «несилового влияния» является достаточно высоким.

В завершение участники дискуссии еще раз подняли основные вопросы, связанные с проблемами концептуализации феномена трансрегионализма, отметили важность прошедшего круглого стола и обменялись мнениями по будущему сотрудничеству. Профессор А.Д. Воскресенский подчеркнул, что активное участие в дискуссии и наличие различных точек зрения лишь подтверждают актуальность проблематики, связанной с трансрегиональной составляющей мирополитического взаимодействия, и обозначил контуры дальнейших исследований. Несмотря на то, что остается открытым целый массив проблемных вопросов, связанных с сущностью феномена трансрегионализма, его перспективами для дальнейшего развития Евразии и других частей мира, ролью ве-

ликих и региональных держав в данных процессах, а также местом России в них, состоявшийся международный круглый стол экспертов внес значительный вклад в развитие этих вопросов и предложил целый ряд гипотез по их решению. Несомненная актуальность исследований феномена трансрегионализма определяется как открытыми теоретическими проблемами, так и актуальной повесткой практической политики. Одним из первых успехов исследований и стал круглый стол «Трансрегионализм в Евразии», где собрались эксперты из нескольких стран, готовые обсудить наиболее острые вопросы и поставить новые задачи, от решения которых будет во многом зависеть дальнейшее развитие науки о международных отношениях, мировой политики и мирового комплексного регионоведения.

Литература:

Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы». Под ред. Ли Сина и А.Д. Воскресенского. – Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. – 495 с. (на китайском языке)

Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность. Учебник / Под ред. проф. А.Д.Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. – 448 с.

Мировое комплексное регионоведение: учебник / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. – 416 с.

Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / Под ред. А.Д.Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. – 560 с.

References:

Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Analysis and Prognostications / Ed. by Li Xing, Alexei D. Voskressenski. Beijing, Jiuzhou Press, 2016. 495 p. (in Chinese)

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie (World Comprehensive Regional Studies: a course book) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 416 p.

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie. Vvedenie v spetsial'nost' (World Comprehensive Regional Studies: Introduction into the Professional Field: a course book) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2015. 448 p.

Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki (The Praxis of World Regional Studies and World Politics) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 560 p.

EXPERT DISCUSSIONS ON PROSPECTS AND A ROLE OF TRANSREGIONAL PROJECTS IN EURASIA: FROM THEORY TO PRACTICAL IMPLEMENTATION

On Roundtable “Transregionalism in Eurasia”, Xth RISA Convention, MGIMO University, December 8, 2016

Denis A. Kuznetsov

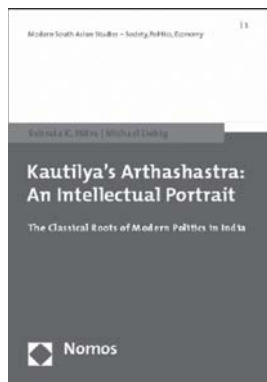
Assistant Lecturer,

*Department of World Politics,
MGIMO University*

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Subrata K. Mitra, Michael Liebig. Kautilya's Arthashastra: An Intellectual Portrait. The Classical Roots of Modern Politics in India. Nomos, 2016. 469 p.

India is a rising power in the multipolar world. This book showcases India's endogenous political ideas and strategic thinking, both

of which are the key resources that underpin and drive this rise. Kautilya's Arthashastra is a major source of these ideas. It is a premodern treatise on statecraft and a foundational text of political science. So far, political science and international relations theory have largely ignored

Kautilya, or, at best, labelled him merely as the 'Indian Machiavelli'. Such a characterisation vastly undervalues the riches and depth of the contributions of Kautilya – a contemporary of Aristotle – whose contributions can be compared more appropriately to those of Aristotle's politics. Kautilya's contributions are recognised by such masters of western political theory as Max Weber and Hans J. Morgenthau. But in South Asia, Kautilya has remained adrift of the academic mainstream and has been given little prominence in public life, both intellectually and politically. Despite such scholarly negligence, everyday life in India – in terms of the institutions and process that constitute it – has remained deeply grounded in the political heritage of premodern India, succinctly codified in Kautilya's Arthashastra. These themes are explored in this book through such bridge concepts as the 'modernity of tradition' and the 're-use of the past' in tackling contemporary political problems. These concepts are the key factors that explain the resilience and stability of India's hybrid political institutions and democratic

system. 'Kautilya's Arthashastra: an Intellectual portrait – Classical Roots of Modern Politics in India' is an indispensable key to understanding contemporary India and a major contribution to South Asian area studies, comparative politics and global political theory.

Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян – горизонты нового Шелкового пути. – М.: Изд-во МБА, 2016. – 276 с.

Уникальность книги, авторами которой стали заместитель директора Института Дальнего Востока РАН А.В. Островский и

ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН Е.С. Баженова, определяется как минимум двумя факторами. Первый связан с тем, что проблематика трансрегиональных проектов в Евразии, центральное место среди которых за-

нимает китайский проект «Один пояс – один путь», в настоящее время является одной из наиболее актуальных тем в науке о международных отношениях и зарубежного регионоведения, и в рамках данного проекта Синьцзяну предначертано стать сердцем нового Шелкового пути. Учитывая исторические, ресурсно-экономические и геополитические особенности Синьцзяна, а также его стратегическое значение для развития Китая, данное исследование позволяет по-новому взглянуть на этот регион и получить наиболее полное представление о его современном развитии. Второй фактор связан с тем, что материал книги представляет собой результат научной экспедиции, состоявшейся в 2010 году, что делает данное издание по-настоящему уникальным. Именно

поэтому текст изобилует яркими описаниями мест, достопримечательностей, а также снабжен множеством фотографий, что позволяет читателю буквально окунуться в атмосферу Синьцзяна. В работе отдельные главы посвящены особенностям географии региона, ресурсной обеспеченности, административной структуры, структуры населения, хозяйства, межрегиональным связям Синьцзяна, а также культурной и духовной жизни региона. Книга «Синьцзян – горизонты нового Шелкового пути» может быть интересна самому широкому кругу читателей: студентам-регионоведам, преподавателям, исследователям, путешественникам, культурологам и всем, кто интересуется политикой и культурой Китая.

Региональная политика – 2016 / под ред. Д.И. Орлова. – М.: Грифон, 2017. – 399 с.

«Региональная политика – 2016» представляет собой сборник в рамках серии «Региональная политика», изданная под общей редакцией политолога и генерального

директора Агентства политических и экономических коммуникаций Дмитрия Ивановича Орлова. В сборник включены экспертные исследования электорального цикла в Государственную Думу Российской Федерации, включая

лучшие работы Премии «Региональная политика».

Книга состоит из предисловия редактора («10 принципов региональной политики: образ желаемого завтра») и шести разделов, в каждом из которых представлены результаты политической экспертизы по конкретной проблематике: общим тенденциям думской избирательной кампании (итоги предварительного голосования, новые лица российской политики, рейтинги партий и особенности социального протеста), регио-

нальному аспекту выборов (роль губернаторов, место Крыма, а также анализ избирательных кампаний в конкретных регионах), проблеме элит (особенности элитогенеза и эффективности элит на национальном и региональном уровнях), национальной политики (межэтническая конфликтность, формирование региональной идентичности), использованию политических технологий (интернет-агитация, краудсорсинг, популизм). В книгу также включен рейтинг эффективности управления в регионах Российской Федерации с подробным обоснованием критериев и результатов составления рейтинга. Издание снабжено множеством таблиц, графиков и схем, которые отображают статистические данные и обобщают результаты исследования. Сборник будет интересен политикам, политологам, политическим консультантам и всем читателям, интересующимся политикой.

Alexei D. Voskressesnki. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Shpringer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017. 257 p.

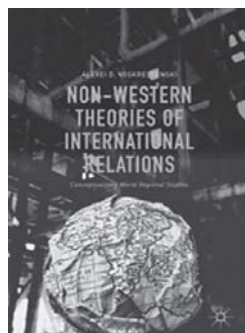
– Addresses the most current issues and transregional points of debate in the West, Russia, China, Korea and India;

– Presents non-Western IR theory/topics, including: regionalization/ regionalism; new actors in international relations; and alternative ways of globalization and regionalization;

– Offers an interdisciplinary analysis covering IR, Political Geography, Human Geography, Politics, Global Political

Economy, and Comparative Politics;

This book addresses the problem of World Regional Studies and its components: regional complexes, regional subsystems and global regions. With an increasingly complex international system

and the emergence of new actors, it is clear that the conceptual framing within the classical disciplines of IR, Political Theory, International Political Economy or Comparative Politics can no longer fully explain a number of processes originating from a tighter and intricate nexus between local, regional and global dimensions.

World Regional Studies explains the emergence of new phenomena in international relations and world politics on a regional and predominantly non-Western regional level. How do non-Western societies react to the transformations of the global order? Is a non-Western democracy possible? Should we discuss the possibilities for the appearance of a non-Western IR theory or a new framework for analyzing de-westernized global development?

This study, based on decade-long research and teaching post in World Regional Studies at MGIMO-University and Russian University of Humanitarian Studies (RGGU), seeks to answers these questions.

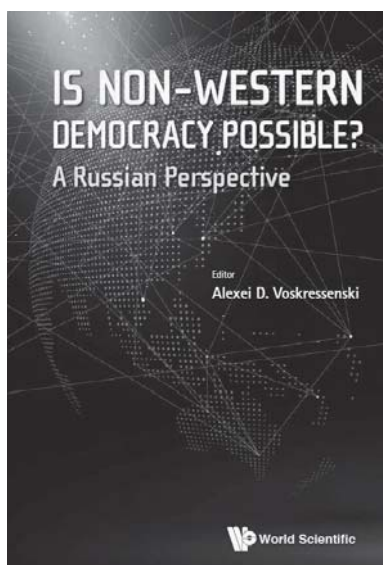
Alexei D. Voskressenski (ed.). Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Singapore: World Scientific, 2017. 787 p.

This book, with theoretical and practical analyses of comparative political systems of Eastern countries (Asia and Africa), their political process and political cultures,

describes and analyses the influence of political culture on political process in the Eastern world. It gives readers an opportunity to make a comparative appraisal of maturity of civil society in these countries as well as their specifics in political interactions and internal political competition seen through the eyes of a group of distinguished Russian researchers.

The book concentrates also on specifics of political-economic and political modernization in the East, and assesses the prospects of an emergence of a Western as well as a non-Western democracy in the framework of Eastern political transformations. It also explains why the one-dimensional spread of democracy – completely negating or neglecting regional political-cultural specifics – may lead to war among civilizations instead of the formation of a more just and fair system of democratic governance.

Readership: Students, researchers and readers who are interested in democratization process in Asia and Africa, and those interested in the possibility of non-Western democracy.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЖУРНАЛ «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА» НА X КОНВЕНТЕ РАМИ

8-9 декабря 2016 г. в Московском государственном институте международных отношений (Университете) МИД России прошел юбилейный X Конвент Российской ассоциации международных исследований. Известные исследователи-международники, а также преподаватели и аспиранты со многих стран мира приняли участие в нескольких десятках секций, две из которых прошли при информационной поддержке журнала «Сравнительная политика» (*Comparative Politics Russia*).

На круглом столе «Трансрегионализм Евразии» обсуждались актуальные вопросы теории и практики трансрегионализма. Председателем заседания выступил главный редактор журнала А.Д. Воскресенский. Статьи многих из участников круглого стола уже публиковались в журнале «Сравнительная политика». Более подробный материал о прошедшем круглом столе представлен в разделе «Обзоры и рецензии» настоящего номера.

Секция «Россия среди ведущих мировых держав XXI века. Старые и новые форматы взаимодействия», модераторами которой стали проф. А.Д. Воскресенский и проф. Т.А. Шаклеина, также прошла при информационной поддержке журнала. В рамках секции были представлены доклады российских и зарубежных ученых о пробле-

мам взаимодействия мировых держав, глобального и регионального развития.

Также в рамках X Конвента РАМИ состоялась презентация журнала «Сравнительная политика». Баннер журнала привлек внимание многих участников международной конференции. Сотрудники редакции ответили на вопросы читателей, традиционных и потенциальных авторов журнала, а также презентовали им последние выпуски издания. Гости Конвента выразили признательность главному редактору и редакции журнала за многолетний труд по развитию журнала и за его качественное содержательное наполнение, свидетельством чего стало вхождение журнала «Сравнительная политика» в международные базы цитирования.

11-Я МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННАЯ ЮЖНАЯ АЗИЯ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА», СИНГАПУР

4 марта 2017 г. в Сингапуре прошла 11-я Международная конференция «Современная Южная Азия: региональная динамика и изменяющаяся глобальная политика».

Конференция проходила под патронажем Министерства иностранных дел Сингапура на базе Института Южной Азии Сингапурского национального университета. Открыл конференцию министр иностранных дел Сингапура Вивиян Балакришнан. В своем выступлении он проанализировал глобальную ситуацию в мире, прокомментировал основные тенденции развития США, ЕС и подробно остановился на ситуации в Восточной и, особенно, Южной Азии, задав основные векторы работы конференции. По мнению д-ра Балакришнана, геополити-

тический центр мировой активности перемещается в Азию, и Азия готова ответить на новые глобальные вызовы совершенствованием государственности, развитием соответствующих институтов, многосторонних связей и региональных партнерств (TPP-1, Всеобъемлющего регионального партнерства, свободных зон торговли, китайских трансрегиональных проектов «Один пояс – один путь» и др.). В специально отведенной сессии ответов на вопросы министр Балакришнан подробно прокомментировал ситуацию с изоляционистскими тенденциями в США, а также ответил на вопрос о возможном месте России в азиатских геополитических конфигурациях и оценил перспективы и потенциал российского «поворота на восток» с точки зрения ее азиатских партнеров. В конференции принимали участие и выступали с докладами генеральные директора департаментов и послы по особым поручениям МИДа Сингапура, представители дипломатического корпуса восточноазиатских стран, заместитель генерального секретаря ООН, ректор Университета ООН Давид Малоун, директор Института оборонных исследований Индии, высокопоставленные исследователи и аналитики: бывший министр иностранных дел Бангладеш профессор Ифтикар Чаудхури, бывший генеральный аудитор Правительства Индии профессор Винод Рай, бывший министр финансов Пакистана профессор Шахид Бурки, бывший председатель Резервного банка Индии профессор Дувури Суббарао, профессора и представители исследовательских центров и университетов Китая, США, Шри-Ланки, Индии, Сингапура, Афганистана, Непала, Малайзии, исследователи Королевского института международных отношений, Университетского Колледжа Лондона

и др. исследовательских и образовательных организаций. От МГИМО МИД России в конференции принял участие декан Факультета политологии профессор А.Д. Воскресенский, который выступил с докладом «Non-Western IR Theories on Regionalization and its Consequences for Practical Geopolitics in South-East Asia» и познакомил участников с публикациями журнала «Сравнительная политика».

КОНФЕРЕНЦИЯ «РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРАНЗИТ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ», МОСКВА

29 марта 2017 года в РГГУ прошла международная конференция «Революционный транзит в международных отношениях: геополитические и социокультурные аспекты», организованная Факультетом международных отношений и зарубежного

регионоведения ИАИ РГГУ в сотрудничестве с Институтом Кеннана Центра Вудро Вильсона (США). Конференцию открыл ректор РГГУ Е.Н. Ивахненко, с приветствиями и докладами на пленарном заседании выступили первый проректор РГГУ А.Б. Безбородов, проректор по научной работе РГГУ О.В. Павленко, координатор научно-образовательных проектов в России Института Кеннана Н.К. Рожановская, декан факультета политологии МГИМО д.п.н. профессор А.Д. Воскресенский, профессор сравнительной политики Мэрилендского университета Б. Гродски, профессор Гарвардского университета М. Крамер, руководитель Центра североамериканских исследований ИВИ РАН, главный редактор журналов «Новая и новейшая история»

и «Американский ежегодник» В.В. Согрин, профессор РГГУ В.И. Журавлева, профессор современной истории Университета Цинциннати В. Сандерленд, профессор Института всеобщей истории РАН В.К. Шаццлло, профессор РГГУ Б.Л. Хавкин, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета И.В. Крючков. В дискуссии, посвященной вопросам революционно-го транзита на евразийском пространстве, состоявшейся после конференции, приняли участие как преподаватели РГГУ, МГУ имени М.В. Ломоносова, Института славяноведения РАН, так и аспиранты и студенты старших курсов РГГУ.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭКОНОМИКА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ-2017», МОСКВА

29 марта 2017 г. в Государственной Думе РФ прошла международная конференция «Экономика в человеческом измерении–2017». Конференцию вели: С.М. Мионов и член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики РАН профессор Р.С. Гринберг. В конференции приняли участие и выступили с докладами декан Факультета политологии МГИМО д.п.н. профессор А.Д. Воскресенский, руководитель Филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Германия) в РФ Мирко Хемпель, зав. кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова д.э.н. профессор А.Г. Худокормов, руководитель Центра институтов государственно-го регулирования и гражданского общества

Института экономики РАН д.э.н. профессор Ю.Г. Павленко, главный научный сотрудник Института философии РАН, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Шевченко, а также другие руководители центров, заведующие кафедрами – профессор В.К. Левашов (ИСПИ РАН), профессор Е.А. Канаев (Факультет мировой политики НИУ ВШЭ), профессор Н.В. Великая (РГГУ), а также руководители межрегиональных общественных организаций социальной адаптации, советники руководителя и сотрудники фракции партии «Справедливая Россия» в государственной Думе РФ. На конференции были глубоко проанализированы все аспекты социального государства в современном мире, его роль в локальных экономиках, в том числе в китайской и российской, а также проблемы совмещения социальных идеалов и экономического прагматизма.

11-Я ВСТРЕЧА ЭКСПЕРТОВ И ВИДНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО ФОРУМА АСЕАН ПО БЕЗОПАСНОСТИ (АРФ), КАНБЕРРА

С 27 февраля по 1 марта 2017 г. в Канберре (Австралия) прошла 11-я встреча экспертов и видных деятелей АРФ. От России в мероприятии приняли участие профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО Ю.А. Дубинин и доцент кафедры востоковедения, ведущий эксперт Центра АСЕАН МГИМО Е.В. Колдунова. Встречи экспертов и видных деятелей Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ) представляют собой мероприятия «второй дорожки» форума, они нацелены на обсуждение актуальных региональных проблем, формирование культуры многостороннего диалога и выработку мер доверия в регионе.

11-я встреча экспертов и видных деятелей состояла из 7 сессий, в ходе которых участники обсудили текущую региональную ситуацию, ход выполнения рабочего плана АРФ по превентивной дипломатии; рассмотрели и одобрили доклад рабочей группы по управлению инцидентами на море, заслушали и обсудили доклад президента *International Crisis Group* Жана-Мари Гуэньо,

а также приняли ряд рекомендаций, которые будут переданы на рассмотрение старшим должностным лицам и министрам иностранных дел стран, входящих в состав АРФ. Профессор Ю.А. Дубинин и доцент Е.В. Колдунова выступили в ходе первой и шестой сессий («Возможности и вызовы превентивной дипломатии в Азиатско-Тихоокеанском регионе»), «Дискуссия о перспективах и вызовах региональной безопасности»), а также приняли участие в обсуждении доклада об опыте *International Crisis Group* в области превентивной дипломатии.

На полях встречи ответственный секретарь журнала «Сравнительная политика» Е.В. Колдунова рассказала о журнале зарубежным коллегам и презентовала им последние номера журнала.

КОНФЕРЕНЦИЯ «МИРОВОЕ КОМПЛЕКСНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК»

20 и 21 апреля 2017 г. в МГИМО Университете прошла конференция «Мировое комплексное регионоведение в современной системе общественных наук» и краткосрочный курс повышения квалификации по направлению «Зарубежное регионоведение» «Мировое комплексное регионоведение в педагогическом процессе». Научным руководителем курса и модератором конференции выступил д.полит.н., профессор А.Д. Воскресенский. Мероприятие прошло под эгидой Школы бизнеса и международных компетенций МГИМО МИД России, учебно-методической секции по направлению подготовки «Зарубежное регионоведение» Федерального учебно-методического объединения укрупненной группы специальностей и направлений подготовки

(УГСН) 41.00.00 «Политические науки и регионоведения» и Факультета политологии МГИМО МИД России.

В конференции приняли участие более 30 представителей крупнейших вузов России, осуществляющих подготовку бакалавров и магистров по специальности и направлению подготовки «Зарубежное регионоведение» и «Международные отношения» – из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Новосибирска, Орла, Пскова, Ростова-на-Дону, Саратова, Тюмени, Якутска.

Курс повышения квалификации прошел в формате круглых столов, дискуссий, лекций. Открыли мероприятие председатель ФУМО укрупненной группы специальностей и направлений подготовки (УГСН) 41.00.00 «Политические науки и регионоведение» проф. О.В. Гаман-Голутвина и сопредседатель секции по направлению «Зарубежное регионоведение» ФУМО проф. А.Д. Воскресенский. В первый день участники обсудили процесс разработки проекта образовательного стандарта и примерной основной образовательной программы по направлению подготовки «Зарубежное регионоведение»; А.Д. Воскресенский рассказал о содержательной эволюции дисциплины «Мировое комплексное регионоведение» как подотрасли науки о международных отношениях, о структуре лекционных занятий по дисциплинам «Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность» и «Мировое комплексное регионоведение», а также о практических вопросах зарубежного регионоведения и мировой политики. Сотрудники МГИМО доц. Е.В. Колдунова и доц. А.А. Киреева рассказали о структуре и методике проведения семинарских занятий, а также познакомили своих коллег с методикой тестирования по остаточным

знаниям в области комплексного регионоведения. Участникам была предоставлена возможность самим пройти тестирование, обменяться мнениями и высказать свои предложения по представленной методике. Во второй день прошла презентация новейшей литературы по мировому комплексному регионоведению, включая работы на китайском и английском языках, опубликованных регионаледами-международниками МГИМО, СПбГУ и РГГУ в зарубежных издательствах. В ходе проведенного в рамках конференции и курса повышения квалификации социологического опроса, а также обсуждения проблем региональных вузов в ходе реализации образовательных программ выявилась настоятельная потребность в учебно-методическом комплексе для сопровождения и реализации в рамках ФУМО программ по направлению «Зарубежное регионоведение». В качестве ответа на такую необходимость было обсуждено содержание подготовленного в МГИМО учебно-методического комплекса: «Мировое комплексное регионоведение. Учебно-методический комплекс для обучения, проверки остаточных знаний, подготовки и проведения государственных испытаний. Специальность и направление «Зарубежное регионоведение» Федерального учебно-методического объединения по Укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 41.00.00 «Политические науки и регионоведение» в 2-х томах» (под ред. А.Д. Воскресенского). По просьбе представителей региональных вузов намечено проведение курса повышения квалификации по работе с комплексом, приуроченное к осенним заседаниям ФУМО.

В рамках заседаний были прослушаны доклады участников об опыте преподавания дисциплин по направлению «Зарубежное регионоведение» в своих вузах, достижениях

и проблемах, а также по ряду содержательных вопросов научной дисциплины. Коллеги подчеркнули важность распространения опыта МГИМО – вуза, который существенно продвинулся в деле концептуализации мирового комплексного регионоведения, в том числе, как варианта «незападного» теоретического осмысления международной проблематики. В конце мероприятия участникам были торжественно вручены удостоверения о повышении квалификации.

Участники конференции и курса повышения квалификации имели возможность обсудить профессиональные вопросы как в формальной, так и неформальной обстановке, а также обменялись контактами и выразили интерес к подобным мероприятиям в будущем.

Курс прошел при информационно-организационной поддержке журнала «Сравнительная политика» (*Comparative Politics Russia*).

ПАРТНЕРЫ

ISTANBUL POLICY CENTER

ABOUT US:

Istanbul Policy Center is an independent policy research institute with global outreach. Our mission is to foster academic research in social sciences and its application to policy making. We are firmly committed to providing decision makers, opinion leaders, academics, and the general public with innovative and objective analyses in key domestic and foreign policy issues.

IKV-IPC Roundtable on Turkey-EU Relations

In coordination with the Economic Development Foundation (IKV), IPC organized a “IKV-IPC Roundtable on Turkey-EU Relations” on March 17, 2017 at the Brussels Representative of IKV.

The expert panel brought together leading academics, policymakers, and decision-makers under a platform of dialogue, deliberation, and cohesion to exchange views on the current and possible future state of Turkey-EU relations. During the first session, invited experts discussed the current state of Turkey-EU relations, reviewing determinant factors of the present situation such as the refugee crisis, security and defense priorities, human rights conditions, trade agreements, and the Customs Union. At the second session, the future of Turkey-EU relations was evaluated in light of

current critical phenomena: namely, the rise of populism, recent elections in Turkey and EU member states, the Brexit debate, the global refugee crisis, the future of globalization, and the liberal trade system. In closing, participants discussed possible solutions to overcome the present crises and forecasted future scenarios to clear the fog of uncertainty concerning Turkey-EU relations.

Changing Geopolitics and the Emerging Order of the Middle East: Challenges Ahead, What the Future Holds

IPC Senior Scholar and Coordinator of the Conflict Resolution and Mediation Stream Bülent Aras and IPC Research Fellow of the Asian Studies Stream Altay Atlı's report “Changing Geopolitics and the Emerging Order of the Middle East: Challenges Ahead, What the Future Holds” was published.

Full report: http://ipc.sabanciuniv.edu/wp-content/uploads/2017/03/Changing-Geopolitics-and-the-Emerging-Order-of-the-Middle-East-Challenges-Ahead-What-the-Future-Holds_Bulent-Aras_Altay-Atli.pdf

Much more information about Istanbul Policy Center: <http://ipc.sabanciuniv.edu/en/>

*Istanbul Policy Center
Bankalar Caddesi No: 2 Minerva Han
34420 Karakoy / Istanbul - TURKEY
T 90 212 292 4939 / F 90 212 292 0295
ipc.sabanciuniv.edu*

КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ИМЕНИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ

Культурный центр имени Джавахарлала Неру при Посольстве Индии в Москве приглашает на концерт индийского классического танца Nritya Sandhya под живую музыку. Тема вечера «Катхак как повествование». Концерт состоялся 7 апреля 2017 г. в 19.00 в Посольстве Индии в Москве (зал им. Д.П. Дхара, ул. Воронцово Поле, 6-8).

После феноменального успеха Фестиваля индийской культуры в СССР/ России 1988 г. и празднования столетия со дня рождения первого Премьер-министра Индии Джавахарлала Неру в составе Посольства Индии в Москве в марте 1989 г. был открыт Культурный центр им. Джавахарлала Неру с целью дальнейшего укрепления традиционно богатых культурных связей и единства народов России и Индии.

В Культурном центре им. Джавахарлала Неру специалисты из Индии на регулярной основе преподают россиянам язык хинди, классический танец «Катхак», йогу и игру на tabla. Преподаватели Культурного цен-

тра также дают мастер-классы и проводят семинары в различных российских университетах, институтах и школах. Студенты Культурного центра постоянно принимают участие в различных мероприятиях, проводимых самим Культурным центром и местными культурными организациями. Преподаватели Культурного центра проводят занятия по танцу в стиле «бхаратанатъям», «кучипуди», «мохиниаттам», «одисси», индийским народным танцам, а также занятия по боевому искусству каларипаятту. 144 занятия проводится в Культурном центре в неделю (включая выходные дни), и около 500 студентов посещают их.

В рамках своей информационной кампании Культурный центр им. Джавахарлала Неру сотрудничает с ассоциациями индийского сообщества в Москве и более чем 50 местными частными культурными центрами Индии и школами танцев в России. Культурный центр им. Джавахарлала Неру регулярно организует выступления творческих коллективов, спонсируемых Индийским советом по культурным связям (ICCR), а также российских артистов, обучавшихся в Индии.

Культурный центр осуществляет сотрудничество в сфере науки с ведущими российскими университетами. Культурный центр также информирует российских граждан о возможностях изучения гуманитарных наук и языков в Индии по стипендиальным программам Индийского совета по культурным связям или на основе самофинансирования.

По вопросам о занятиях в Культурном центре им. Джавахарлала Неру можно обращаться:

- по электронной почте
jncwing@indianembassy.ru
- по телефону +74957837535 доб. 323

Дополнительная информация о Центре доступна на сайте Посольства Индии в России (<http://indianembassy.ru/index.php/ru/jncc/2014-03-04-13-38-05>) и в социальных сетях (https://vk.com/jncc_moscow).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают **авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа.** К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту sravnitpolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакторский цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; А4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
- фамилия, имя, отчество автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200–250 слов);
- ключевые слова (7–12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);

- abstract (резюме на английском языке, 200–250 слов);

- key words (7-12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Например: книга¹, статья², материал из Интернета³.

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

¹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945-1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945-1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p].

² Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30-58 [Voskressenski, A.D. Rol' Zapada v formirovanii mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58-82].

³ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI - Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naia politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal *Comparative Politics* in RSCI-Web of Science) / Journal *Comparative Politics* Site. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].

Статьи аспирантов принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений либо научного руководителя.

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider **original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals**. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy (sravnitpolit@mail.ru), or delivered to the Editorial office in hard and electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- .doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 cm, upper, lower and right – 2 cm;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
- About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Title in Russian in capital letters;
- Surname and author(s) initials (Russian transcription);
- Abstract (in Russian, 200-250 words);
- Key words (in Russian, 7-12 words);

- About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);

- Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. For example: a book⁴, an article⁵, Internet page⁶.

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Articles of PhD students are accepted with recommendation letter from their university, departments and, research institutions or academic advisor.

Submissions which violate these requirements will be rejected.

⁴ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945-1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945-1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p].

⁵ Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30-58 [Voskresenski, A.D. Rol' Zapada v formirovanii mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58-82].

⁶ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI – Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naia politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal Comparative Politics in RSCI - Web of Science) / Journal Comparative Politics Site. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].

ПОДПИСКА

Сравнительная политика

Индекс по каталогу:
 «Роспечать» – 37237
 Периодичность в год – 4, 150 стр.
 Стоимость одного номера при подписке
 через редакцию – 450 руб.

Журнал посвящен актуальным проблемам политической жизни России. Рассматриваются вопросы взаимодействия между законодательной, судебной и исполнительной властью, политическими элитами и другими субъектами российской политики, а также такие проблемы, как становление правового государства и гражданского общества, демократизация и демократический транзит, модернизация и политические режимы, структурные реформы политической, партийной и избирательной систем.

Извещение	<i>Форма № ПД-4</i>
	ООО "Юридическая периодика" <small>наименование получателя платежа</small>
	7705790921 40702810500000010326 <small>ИНН получателя платежа</small> <small>(номер счета получателя платежа)</small>
	в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> БИК <u>044525272</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small>
	Номер кор./сч. банка получателя платежа: <u>30101810000000000272</u>
	Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2017 <small>(наименование платежа)</small> <small>(номер лицевого счета (код) плательщика)</small>
	Ф.И.О. плательщика: _____ Адрес плательщика: _____ Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп. " " " 20 _____ г.
Кассир	С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____
Квитанция	<i>Форма № ПД-4</i>
	ООО "Юридическая периодика" <small>наименование получателя платежа</small>
	7705790921 40702810500000010326 <small>ИНН получателя платежа</small> <small>(номер счета получателя платежа)</small>
	в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> БИК <u>044525272</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small>
	Номер кор./сч. банка получателя платежа: <u>30101810000000000272</u>
	Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2017 <small>(наименование платежа)</small> <small>(номер лицевого счета (код) плательщика)</small>
	Ф.И.О. плательщика: _____ Адрес плательщика: _____ Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп. " " " 20 _____ г.
Кассир	С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____

Центр редакционной подписки:
 тел. (495) 617-18-88 (многоканальный)
 8-800-333-28-04 (по России бесплатно)